

Том 15, № 2. 2023
(апрель — июнь)
Сквозной номер выпуска 66
16+

ISSN 2077-3579 (Print)

Vol. 15, No. 2. 2023
(April — June)
Continuous issue 66

**ВЕСТНИК
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

**BULLETIN
OF THE RESEARCH INSTITUTE OF THE HUMANITIES
BY THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC
OF MORDOVIA**

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное казенное учреждение
Республики Мордовия «Научно-исследо-
вательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005 Российская Федерация
Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Л. Толстого, д. 3
Тел.: +7(834-2) 24-62-42

Издается с 2006 года
Периодичность издания — 4 раза в год

Подписной индекс П5572

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution
“The Research Institute
of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia”

EDITORIAL OFFICE:

3 L. Tolstogo Str., Saransk,
Republic of Mordovia 430005,
Russian Federation
Тел.: +7(834-2) 24-62-42

Published since 2006
Periodicity: Quarterly

Subscription index П5572

e-mail: periodika.niign@e-mordovia.ru
<http://www.niign.ru>

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»,
допускается только по согласованию с редакцией

© НИИГН, 2023

Научный журнал «**Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия**» является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале, и рубрики, согласно которым осуществляется прием статей: **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Committee on Publication Ethics (COPE).

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39951 от 21 мая 2010 г.

Распространение — Россия.

Журнал предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций.

«Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
 - 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
 - 5.6.3. Археология (исторические науки);
 - 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The scholarly journal “**Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia**” is a scientific periodical issued by NIIGN in order to inform the scientific community about the results of studies and to introduce materials of the regional humanitarian sciences into circulation. In this regard, the subjects covered in the journal and the sections to accept articles were determined: ECONOMIC SCIENCES, HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY, PHILOLOGICAL SCIENCES.

All materials submitted to the editorial office of the journal are peer reviewed.

The journal adheres to the standards of editorial ethics in accordance with the international practice of editing, peer reviewing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Press, Broadcasting and Mass Media. Certificate of registration is ПИ No. ФС77-39951 dated May 21, 2010.

Distribution — Russia.

The journal provides open access to the full texts of publications.

“Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia” is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences in the following scientific specialties and related branches of science should be published:

5.2.3. Regional and sectoral economics (economic sciences)

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.3. Archaeology (historical sciences)

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences)

5.9.1. Russian literature and literatures of the peoples of the Russian Federation (philological sciences)

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Куршева Галина Александровна — главный редактор, директор НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Чернов Алексей Викторович — заместитель главного редактора, заместитель директора по научной работе НИИГН, кандидат филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Зарубина Ольга Владимировна — ответственный секретарь, главный научный сотрудник — заведующий отделом информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2105-6105>, periodika.niign@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Акимова Татьяна Ивановна — профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru (Саранск, Россия)

Андреев Валерий Витальевич — профессор кафедры теории и истории государства и права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@ruc.su (Чебоксары, Россия)

Арискина Ольга Леонидовна — профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>, ariskina@list.ru (Саранск, Россия)

Байнев Валерий Федорович — заведующий научно-исследовательской лабораторией «Комплексные исследования проблем социально-экономического развития» Белорусского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-6752>, baynev@bsu.by (Минск, Республика Беларусь)

Белоусов Сергей Владиславович — заведующий кафедрой всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1891-8544>, sergbel_1812@mail.ru (Пенза, Россия)

Бельский Алесь Иванович — профессор кафедры истории белорусской литературы Белорусского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, a_belsky@tut.by (Минск, Республика Беларусь)

Бикейкин Евгений Николаевич — заместитель директора — ученый секретарь НИИГН, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Бирюкова Ольга Ивановна — профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>, olgbirukova@gambler.ru (Саранск, Россия)

Бурибаева Майнура Абильтяевна — Член Правления — Проректор по научной работе и международным связям Кызылординского университета имени Коркыт Ата, кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-0905>, mainura_b@mail.ru (Кызылорда, Республика Казахстан)

Бурланков Степан Петрович — профессор кафедры ресторанного бизнеса Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, spbur1@mail.ru (Москва, Россия)

Вихляев Виктор Иванович — ведущий научный сотрудник отдела археологии НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4340-6863>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Водясова Любовь Петровна — профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, lvodjasova@yandex.ru (Саранск, Россия)

Володин Виктор Михайлович — директор института экономики и управления Пензенского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru (Пенза, Россия)

Гераскина Инна Николаевна — профессор кафедры менеджмента в строительстве Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3540-8164>, geraskina82@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Гусева Татьяна Михайловна — главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Загребин Алексей Егорович — профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, профессор Российской академии наук, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, zagreb72@izh.com (Ижевск, Россия)

Зайцева Татьяна Ивановна — заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru (Ижевск, Россия)

Зеленев Юрий Анатольевич — заведующий кафедрой всеобщей истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-345X>, y_zeleneev@mail.ru (Йошкар-Ола, Россия)

Ильина Ирина Евгеньевна — директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru (Москва, Россия)

Каторова Александра Михайловна — ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, доктор педагогических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Кечемайкин Владимир Николаевич — директор Рузаевского института машиностроения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0656-9401>, vkech@yandex.ru (Саранск, Россия)

Куканова Виктория Васильевна — директор Калмыцкого научного центра Российской академии наук, кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7696-4151>, kukanovavv@kigigan.com (Элиста, Россия)

Липатова Людмила Николаевна — профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук,

профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Минеева Елена Константиновна — профессор кафедры отечественной истории им. А. В. Арсентьевой Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>, mineevaek21@mail.ru (Чебоксары, Россия)

Мосина Наталья Михайловна — профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru (Саранск, Россия)

Никонова Людмила Ивановна — ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Романов Валерий Васильевич — профессор кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7406-6430>, www@bk.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Ставицкий Владимир Вячеславович — профессор кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru (Пенза, Россия)

Сысоева Евгения Александровна — заведующий кафедрой статистики и информационных технологий в экономике и управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6792>, sysoewa@mail.ru (Саранск, Россия)

Таймасов Леонид Александрович — профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>, taumasov@mail.ru (Чебоксары, Россия)

Тарандо Елена Евгеньевна — профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>, elena.tarando@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна — профессор кафедры «История Казахстана и социальные науки» Казахской национальной академии искусств имени Т. К. Жургенова, кандидат исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3731-0622>, mena.mdsh@gmail.com (Алматы, Республика Казахстан)

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — исполнительный директор НИИ тюркологии и алтаистики, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, доктор филологических наук, профессор, 777nursulu@mail.ru (Алматы, Республика Казахстан)

Юрчёнкова Нина Георгиевна — профессор кафедры теории, истории государства и права и философии Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru (Саранск, Россия)

EDITORIAL BOARD

Galina A. Kursheva — Editor-in-Chief, Director, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Aleksey V. Chernov — Deputy Editor-in-Chief, Deputy Director for Scientific Work, NIIGN, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Olga V. Zarubina — Executive Editor, Principal Researcher — Head of Department of Information and Analytical Support of Researches, NIIGN, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2105-6105>, periodika.niign@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Tatyana I. Akimova — Professor of Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru (Saransk, Russia)

Valery V. Andreev — Professor of Department of Theory and History of State and Law, Cheboksary Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@ruc.ru (Cheboksary, Russia)

Olga L. Ariskina — Professor of Department of Russian as a Foreign Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>, ariskina@list.ru (Saransk, Russia)

Valery F. Baynev — Head of Research Laboratory “Complex Studies of Problems of Social and Economic Development”, Belarusian State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-6752>, baynev@bsu.by (Minsk, Republic of Belarus)

Sergey V. Belousov — Head of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1891-8544>, sergbel_1812@mail.ru (Penza, Russia)

Ales I. Belski — Professor of Department of History of Belarusian Literature, Belarusian State University, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, a_belsky@tut.by (Minsk, Republic of Belarus)

Evgeny N. Bikeykin — Deputy Director — Academic Secretary, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Olga I. Biryukova — Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>, olgbirukova@rambler.ru (Saransk, Russia)

Mainura A. Buribayeva — Member of the Board — Vice-Rector for Research and International Relations, Korkyt Ata Kyzylorda University, Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-0905>, mainura_b@mail.ru (Kyzylorda, Republic of Kazakhstan)

Stepan P. Burlankov — Professor of Department of Restaurant Business, Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, spburl@mail.ru (Moscow, Russia)

Viktor I. Vikhlyaev — Leading Researcher of Department of Archaeology, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4340-6863>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Lyubov P. Vodyasova — Professor of Department of Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, lvodjasova@yandex.ru (Saransk, Russia)

Viktor M. Volodin — Director of Institute of Economics and Management, Penza State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru (Penza, Russia)

Inna N. Geraskina — Professor of Department of Management in Construction, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3540-8164>, geraskina82@mail.ru (Saint-Petersburg, Russia)

Tatyana M. Guseva — Principal Researcher — Head of Department of History, NIIGN, Dr. Sci. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Aleksey E. Zagrebina — Professor of Department of History of Udmurtia, Archaeology and Ethnology, Udmurt State University, Professor of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, zagreb72@izh.com (Izhevsk, Russia)

Tatyana I. Zaytseva — Head of Department of Udmurt Literature and Literature of the Peoples of Russia, Udmurt State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru (Izhevsk, Russia)

Yury A. Zelenev — Head of Department of General History, Mari State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-345X>, y_zelenev@mail.ru (Yoshkar-Ola, Russia)

Irina E. Ilyina — Director, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru (Moscow, Russia)

Aleksandra M. Katorova — Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Dr. Sci. (Pedagogics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Vladimir N. Kechemaykin — Director of Ruzaevsky Machine Building Institute, National Research Ogarev Mordovia State University, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0656-9401>, vkech@yandex.ru (Saransk, Russia)

Viktoriya V. Kukanova — Director, Kalmyk Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7696-4151>, kukanovavv@kigiran.com (Elista, Russia)

Lyudmila N. Lipatova — Professor of Department of Economics, North-West Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru (Saint-Petersburg, Russia)

Elena K. Mineeva — Professor of Department of National History named after A. V. Arsentieva, I. N. Ulianov Chuvash State University, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>, mineevaek21@mail.ru (Cheboksary, Russia)

Natalya M. Mosina — Professor of Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru (Saransk, Russia)

Lyudmila I. Nikonova — Leading Researcher of Department of Regional Studies and Ethnology, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Valery V. Romanov — Professor of Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7406-6430>, wwr@bk.ru (Ulyanovsk, Russia)

Vladimir V. Stavitskiy — Professor of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru (Penza, Russia)

Evgeniya A. Sysoeva — Head of Department of Statistics and Information Technologies in Economics and Management, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6792>, sysoewa@mail.ru (Saransk, Russia)

Leonid A. Taymasov — Professor of Department of Archaeology, Ethnography and Regional History, I. N. Uliyanov Chuvash State University. Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>, taymasov@mail.ru (Cheboksary, Russia)

Elena E. Tarando — Professor of Department of Economic Sociology, Saint-Petersburg State University, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>, elena.tarando@mail.ru (Saint Petersburg, Russian Federation)

Mendyganym D. Shaimerdenova — Professor of Department of History of Kazakhstan and Social Sciences, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Cand. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3731-0622>, mena.mdsh@gmail.com (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nursulu Zh. Shaimerdenova — Executive Director of Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Professor of Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, 777nursulu@mail.ru (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nina G. Yurchenkova — Professor of Department of Theory, History of State and Law and Philosophy, Middle Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru (Saransk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бурланков С. П., Петренко М. Ю., Селиванов Д. Н., Селиванова А. Н. Пути повышения эффективности формирования финансовой устойчивости промышленных предприятий региона	12
Миничкина В. П. Импортозамещение: проблемы, результаты и направления развития	25
Новиков М. П., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Механизм обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Мордовия	41

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Реент Ю. А. Партийно-политическое воздействие на сельскохозяйственную кооперацию в 1921 — 1925 гг. (на примере регионов Центрального Нечерноземья)	57
Чигрин М. В. Деятельность прокуратуры Ульяновской губернии в 1924 — 1928 гг.	72
Учватов П. С. Республиканские органы управления сельским хозяйством Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в условиях сверхцентрализованной государственной системы (1937 — 1953 гг.)	88
Кубанцева И. А. Формирование кадрового потенциала Главлита Мордовской АССР в 1940 г.	101
Ивлиев С. А., Кадерова Т. Н. Идеологические кампании в региональной науке в 1945 — 1953 гг. (на примере МАССР)	114
Бузаев Д. Е. Становление крестьянских (фермерских) хозяйств в Радищевском районе Ульяновской области в 90-е годы XX века (по материалам газеты «Восход»)	125
Гаврилов А. П., Семёнов А. С. Генетические исследования материалов из раскопок рязано-окского могильника Ундрих 1983 г.	139
Аброськина Е. В. Женские практики покрывания головы в Тунисе в XX — XXI вв.	166

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Никифорова В. В. Нон-фикшн в современной чувашской прозе (на материале жанра повести)	178
Иванова Г. С., Николаева Е. А., Белкина О. В., Сайгутина К. И. Специфика объектных форм прошедшего времени в диалектах мокшанского языка	186
Мосина Н. М., Кадерова С. А. Семантика глагольных единиц в аспекте отражения посессивных отношений в мокшанском и английском языках	198

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Литературная энциклопедия Мордовии». Буквы И, К	209
--	-----

CONTENTS

ECONOMIC SCIENCES

Burlankov S. P., Petrenko M. Yu., Selivanov D. N., Selivanova A. N. Ways to Improve the Formation of the Efficiency of Financial Stability of Industrial Enterprises in the Region	12
Minichkina V. P. Import Substitution: Issues, Results and Trends Development	25
Novikov M. P., Lipatova L. N., Gradusova V. N. Mechanism for Ensuring Sustainable Social and Economic Development of the Republic of Mordovia	41

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Reent Yu. A. Party-Political Impact on Agricultural Cooperation in 1921 — 1925 (the Case Study of the Central Non-Black Earth Region)	57
Chigrin M. V. Activity of the Prosecutor's Office of the Ulyanovsk Governorate in 1924 — 1928	72
Uchvatov P. S. Republican Agricultural Authorities of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR in the Conditions of Super-Centralized State System (1937 — 1953)	88
Kubantseva I. A. Formation of the Personnel Potential of the Glavlit of the Mordovian ASSR in 1940	101
Ivliev S. A., Kaderova T. N. Ideological Campaigns in Regional Science in 1945 — 1953 (the Case Study of the MASSR)	114
Buzaev D. E. The Formation of Peasant (Farm) Households in the Radishchevsky District of the Ulyanovsk Oblast in the 90s of the XX Century (the Case Study of Newspaper Articles of the Voskhod)	125
Gavrilov A. P., Semenov A. S. Genetic Research of Materials from the Excavations of the Ryazan-Oka Undrich Burial Ground 1983	139
Abroskina E. V. Women's Head Covering Practices in Tunisia in the XX — XXI Centuries	166

PHILOLOGICAL SCIENCES

Nikiforova V. V. Non-fiction in Modern Chuvash Prose (A Study Case of the Novella Genre)	178
Ivanova G. S., Nikolaeva E. A., Belkina O. V., Saigutina K. I. Specificity of Object Forms of the Past Tense in the Dialects of the Moksha Language	186
Mosina N. M., Kaderova S. A. Semantics of Verb Units in the Aspect of Reflection Possessive Relations in the Moksha and English Language	198

OUR PROJECTS

Literary Encyclopedia of Mordovia. Parts II, K	209
--	-----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCES

УДК 336.6
EDN GIFWAN

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

С. П. Бурланков¹✉, М. Ю. Петренко², Д. Н. Селиванов³, А. Н. Селиванова³

¹ Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, Россия

² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

³ Московский финансово-юридический университет МФЮА,
г. Москва, Россия
✉ spbur1@mail.ru

Аннотация

Введение. В современных условиях сложной геополитической ситуации и экономической нестабильности наблюдается высокий уровень неопределенности функционирования российских предприятий различных форм собственности. Неспособность многих из них противостоять негативному влиянию внешних и внутренних факторов, банкротство или балансирование на грани банкротства ведут к необходимости формирования новой, более эффективной, системы управления на микроуровне, ориентированной на рост собственного капитала при обеспечении целевого уровня финансовой устойчивости. Это выдвигает значимую научную проблему поиска иных подходов к совершенствованию бизнеса.

Материалы и методы. Использовались системный, процессный подходы, логико-структурный анализ и синтез, методы детализации, обобщения, группировки, сопоставления, прогнозирования, аналогии, моделирования, статистические и эконометрические методы анализа зависимостей, графические методы визуализации результатов исследования и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Для выделения и обоснования путей повышения эффективности формирования финансовой устойчивости промышленного предприятия региона построена модель погашения им своих кредитных обязательств. Установлено аналитическое выражение для нахождения минимально допустимой величины поступлений, достаточной для своевременного и полного их выполнения. Предложен показатель финансовой устойчивости (гибкости) бизнес-структуры, определяемый сопоставлением фактической величины этих поступлений, которые можно направить на погашение ссуд, с их минимально допустимым значением.

© Бурланков С. П., Петренко М. Ю., Селиванов Д. Н., Селиванова А. Н., 2023

Заключение. В статье дается новая формулировка потенциала формирования эффективности финансовой устойчивости промышленного предприятия. Сделан вывод о возможности роста показателя финансовой устойчивости, характеризующего потенциал повышения уровня его денежной устойчивости. Построенная авторами модель максимизации этого уровня (путем формирования оптимума векторов с определенным организационно-экономическим или технико-технологическим решением) при выполнении условий неотъемлемого значения величины сверхприбыли по каждому мероприятию и ограничений на общие объемы собственных и ссудных средств обеспечивает устойчивость функционирования компании. Группировка общих направлений формирования потенциала повышает финансовую устойчивость, оптимизирует объемы ссудных источников образования ее хозяйственных средств.

Ключевые слова: промышленное предприятие, потенциал, устойчивость, управление устойчивостью, финансовая устойчивость, формирование потенциала, финансово-экономическая деятельность, кредитные обязательства

Для цитирования: Бурланков С. П., Петренко М. Ю., Селиванов Д. Н., Селиванова А. Н. Пути повышения эффективности формирования финансовой устойчивости промышленных предприятий региона // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2 (66). С. 12 — 24. EDN GIFWAN

Original article

WAYS TO IMPROVE THE FORMATION OF THE EFFICIENCY OF FINANCIAL STABILITY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN THE REGION

S. P. Burlankov¹✉, M. Yu. Petrenko², D. N. Selivanov³, A. N. Selivanova³

¹ Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

² Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

³ Moscow University of Finance and Law,
Moscow, Russia

✉spbur1@mail.ru

Abstract

Introduction. In modern conditions of a difficult geopolitical situation and economic instability, there is a high level of uncertainty in the functioning of Russian enterprises of various forms of ownership. The inability of many of them to withstand the negative impact of external and internal factors, bankruptcy or balancing on the verge of bankruptcy lead to the need to form a new, more efficient, micro-level management system focused on the growth of equity capital while ensuring the target level of financial stability. This raises a significant scientific problem of finding other approaches to business improvement.

Materials and methods. We used system, process approaches, logical-structural analysis and synthesis, methods of detailing, generalization, grouping, comparison, forecasting, analogy, modeling, statistical and econometric methods of dependency analysis, graphical methods for visualizing research results, etc.

Results and discussion. In order to identify and justify ways to increase the efficiency of the formation of financial stability of an industrial enterprise in the region, a model of repayment of its credit obligations has been developed. An analytical expression for finding the minimum acceptable amount of income sufficient for their timely and complete implementation has been established. We have proposed an indicator of financial stability (flexibility) of the business structure; it is determined by comparing the actual value of these receipts, which can be used to repay loans, with their minimum acceptable value.

Conclusion. The article gives a new understanding of the potential for the formation of the efficiency of the financial stability of an industrial enterprise. The conclusion is made about the possibility of increasing the indicator of financial stability, which characterizes the potential for increasing the level of its monetary stability. The model of maximization of this level built by the authors (by forming the optimum of vectors with a certain organizational, economic or technical and technological solution) under the conditions of the integral value of the excess profit for each event and restrictions on the total volume of own and loan funds ensures the stability of the company's functioning. The grouping of general areas of capacity building increases financial stability, optimizes the volume of loan sources for the formation of its economic assets.

Keywords: industrial enterprise, potential, stability, stability management, financial stability, capacity building, financial and economic activity, credit obligations

For citation: Burlankov SP, Petrenko MYu, Selivanov DN, Selivanova AN. Ways to Improve the Formation of the Efficiency of Financial Stability of Industrial Enterprises in the Region. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):12—24. EDN GIFWAN

Введение

В отношении реального сектора региональной экономики проблема формирования финансовой устойчивости промышленных предприятий актуализируется из-за сложности организационного устройства, наличия большого объема товарно-материальных запасов, длительности производственного цикла, высокой фондоемкости, дороговизны инвестиций в обновление основных фондов и, как следствие, высокого уровня привлечения заемных средств и др. Наличие легко применимых на практике инструментов управления финансовой устойчивостью промышленных предприятий, встроенной в общую систему их финансового менеджмента, способствует повышению эффективности деятельности каждой компании как открытой социально-экономической системы, взаимодействующей с внешней средой.

Финансовые проблемы, с которыми сталкиваются российские предприятия сегодня, по сути идентичны, и их преодоление возможно при использовании универсального инструментария и типовых решений, формирующих механизм управления финансовой устойчивостью. В основу оценки последней входит расчет абсолютных и относительных показателей, определяющих прибыль и убытки, изменения в структуре активов и пассивов, расчетах с дебиторами и кредиторами. Это позволяет установить способы ее обеспечения и степень эффективности осуществления процессов управления (в качестве основных показателей такой оценки используются, как правило, соотношение заемных и собственных средств, обеспеченность последними, оборачиваемость собственного капитала, т. е. коэффициенты, производные от коэффициента соотношения заемных и собственных средств, зависящие от стоимости внеоборотных и оборотных активов, величины капитала и резерва, размеров долгосрочной задолженности предприятия), не решенные в предыдущих экономических исследованиях, которые призвана решить данная статья.

Кроме того, проблема повышения эффективности формирования финансовой устойчивости промышленных предприятий региона, выделение и обоснование путей повышения ее эффективности существенно отличается от современных представлений; дополняет уже известные подходы к ней [2; 5; 7; 8], достаточно сложные в силу емкости и многоаспектности содержания терминологического аппарата, связанного с финансовой устойчивостью хозяйствующего субъекта микроэкономи-

ки и вопросами повышения эффективности ее формирования, обуславливая необходимость постановки, продолжения изучения и введения в научный оборот новой смысловой интерпретации, а также практической разработки нюансов оценки и управления проблемного поля.

Обзор литературы

Аспекты, связанные с такой важной характеристикой финансово-экономической деятельности промышленного предприятия, как финансовая устойчивость, современными проблемами ее формирования, функционирования системы и механизма управления, а также потенциалом повышения эффективности формирования, рассматриваются во многих работах зарубежных и отечественных ученых.

Из зарубежных авторов, изучающих вопросы экономического и финансового анализа, финансового менеджмента и финансовой устойчивости корпораций, можно выделить Э. Альтмана и П. Нараянана [13], У. Бивера [10], О. Боулина, Дж. Мартина и Д. Скотта [11], Э. Бригама [12], Дж. Мадурю [15], С. Росса [16], А. Шапиро [17], Дж. Шумпетера [18] и др.

Существенных результатов при формулировке понятия, структуры и теоретико-методологических основ формирования и оценки экономического потенциала предприятия достигли российские исследователи О. В. Арефьева и Т. В. Харчук [1], Е. В. Зеленченкова [3], Г. Г. Надворная, С. В. Климчук, М. С. Оборин и Т. Е. Гварлиани [4], при разработке методических подходов к структурированию затрат, экономической оценке потенциала и платформы его устойчивого развития — А. Ю. Емельянов, О. Ю. Емельянов, О. Б. Курило, А. Л. Высоцкий, Т. О. Петрушка [14; 19], А. А. Пешкова [6] и др. Экономической сущности, факторам и оценке финансовой устойчивости субъектов хозяйствования, проблемам управления данным процессом, а также выработке путей повышения эффективности формирования финансовой устойчивости, анализу закономерностей ее образования с позиций совокупного экономического потенциала и его отдельных видов посвящены труды В. П. Божко, С. Ю. Балычева, А. М. Батьковского, М. А. Батьковского [2], Е. П. Павленко, И. В. Семилит [5], Э. С. Прошуниной [7], М. Д. Путиловой [8], А. А. Чернова [9] и др.

Наряду с определенной проработанностью исследуемой области, имеют место дискуссионный характер, а в некоторых случаях и противоречивость подходов к формированию системы управления финансовой устойчивостью предприятий регионального уровня и недостаточная научная обоснованность ряда показателей, используемых при оценке их финансовой устойчивости. Требуется дальнейшей проработки и понятийный аппарат, поскольку многие научные исследования в анализируемой области основываются на изучении отдельных аспектов этого сложного экономического феномена, а именно выделение и обоснование путей повышения эффективности формирования финансовой устойчивости предприятий. При этом внутреннее содержание исследуемого понятия остается нераскрытым, что также предопределяет необходимость совершенствования соответствующего инструментария в пределах общей проблемы, рассматриваемой в статье.

Материалы и методы

Теоретической и методологической базой исследования послужили фундаментальные и прикладные работы зарубежных и отечественных авторов, опубликованные в научных изданиях, в следующих областях: системный анализ и самооргани-

зация, финансовый, инвестиционный, инновационный и стратегический менеджмент, финансовый анализ, финансовая устойчивость корпораций, теории систем и их устойчивости, экономико-математическое моделирование. Их обобщение позволило разработать и обосновать авторский подход к повышению эффективности системы формирования финансовой устойчивости промышленных предприятий региона.

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из главных условий обеспечения высокой эффективности функционирования промышленных предприятий в течение длительного периода является наличие у них должного уровня экономической устойчивости, которую характеризует способность поддерживать достаточный объем финансово-экономических результатов деятельности в том случае, если параметры внешней среды ухудшатся (особенно в кризисных условиях). При этом важной составляющей экономической устойчивости является финансовая устойчивость субъектов предпринимательской деятельности, отражающая их способность проводить финансовую деятельность в случае ухудшения внешних условий ее реализации.

Следует учитывать, что для большей части предприятий всегда имеется потенциал роста финансовой устойчивости, формирование которого представляется довольно сложной задачей по причине влияния на его величину не столько значительного количества факторов, сколько неосуществимости формализации самого механизма такого влияния. С другой стороны, определение и реализация основных направлений формирования потенциала повышения финансовой устойчивости снижает вероятность банкротства компаний и повышает их кредитоспособность и инвестиционную привлекательность. В связи с этим проблема выявления и обоснования путей формирования финансовой устойчивости предприятий и повышения эффективности функционирования этой сложной экономической системы встает фактически перед каждой бизнес-структурой, требуя создания соответствующих научных и методологических рычагов решения для последующего применения в практической деятельности.

Рассматривая специфику идентификации и развития путей повышения эффективности формирования финансовой устойчивости объекта исследования, необходимо выделить следующие наиболее характерные черты:

1) величина потенциала указанного процесса определяется совокупностью ресурсов предприятия и компетенций менеджеров по управлению ими с целью обеспечения роста уровня финансовой устойчивости субъекта хозяйствования;

2) ресурсы, необходимые для обеспечения повышения финансовой устойчивости предприятия, могут включать как имеющиеся в наличии, так и те, которые можно привлечь дополнительно;

3) потенциал повышения уровня финансовой устойчивости тесно связан с остальными компонентами совокупного экономического потенциала предприятия. С одной стороны, потенциал повышения финансовой устойчивости предприятия, в том числе промышленного, в значительной степени определяется его производственно-бытовым потенциалом, от величины которого зависят объемы финансовых ресурсов, направляемых бизнес-субъектом на погашение взятых им ссуд [14, с. 12 — 16]. С другой стороны, потенциал роста уровня финансовой устойчивости в первую

очередь определяет потенциал дальнейшего экономического развития предприятия, поскольку недостаточность развития данной системы снижает его кредитоспособность и инвестиционную привлекательность и соответственно уменьшает возможности привлекать внешние источники финансирования проектов собственного развития [19, с. 142 — 148];

4) величина потенциала зависит от факторов воздействия внутренней среды, предприятия текущих и будущих параметров внешней среды. Речь идет о таких показателях, как уровень цен на выпускаемую и реализуемую предприятием продукцию, величина спроса на нее, уровень кредитных ставок, сроки, на которые можно взять ссуду, и т. д.

С учетом изложенного под потенциалом повышения эффективности формирования финансовой устойчивости промышленного предприятия целесообразно понимать составляющую его экономического потенциала, позиционирующуюся с совокупностью имеющихся и возможных для привлечения ресурсов и компетенций, детерминирующих его способность наращивать уровень своей финансовой устойчивости (гибкости) при определенных условиях внешней среды, в которой рассматриваемый субъект предпринимательства находится или будет находиться в будущем.

Финансовая устойчивость предприятия при этом преобразуется в меру способности своевременно и всецело выполнять свои кредитные обязательства [7, с. 43]. Соответственно оценить уровень финансовой устойчивости объекта управления можно по величине финансовых поступлений, которые он может направить на погашение как банковских кредитов, так и других взятых ссуд.

Нужно подчеркнуть важность усредненных значений главных параметров кредитного портфеля промышленного предприятия при установлении указанной категории, а именно — величины кредитного процента и общей продолжительности погашения взятых ссуд. Кроме того, эти числовые значения усреднены по совокупности заемного капитала предприятия.

В отношении величины поступлений, которые предприятие может направить на возврат основной суммы долга и выплату процентов по нему, надлежит указать то, что она будет считаться усредненной по общему сроку полного погашения всех его долговых обязательств [6, с. 45].

Следовательно, уровень финансовой устойчивости промышленного предприятия зависит от следующих четырех ключевых («джокер») факторов [8]:

- средней величины поступлений, которые оно может направить на погашение взятых займов и уплату процентов за пользование ими;
- величины ссудного процента по взятым им займам;
- среднего срока погашения всех взятых им ссуд;
- совокупного объема взятых им ссуд.

Исходя из четко очерченного круга факторов, в нестандартном алгоритме действий промышленной политики руководства выделим четыре основных направления повышения эффективности формирования финансовой устойчивости предприятия, позволяющие управлять финансово-экономической системой организации для его функционирования по заранее заданным бизнес-стратегиям или сценариям будущей траектории развития среднестатистической промышленной компании.

1. *Рост величины поступлений, которые можно направить на погашение взятых займов и уплату процентов за пользование ими.* Это может быть обеспечено, в частности, за счет оптимизации цен и объемов сбыта выпускаемой промышленной продукции, снижения удельных затрат на ее производство, расширения ассортимента, выхода промышленного предприятия на новые рынки сбыта и т. п.

2. *Снижение величины ссудного процента по взятым займам.* Это может быть достигнуто благодаря изменению структуры как совокупного капитала, так и ссудного капитала, а также активизации внутренней политики компании по линии поиска кредиторов, предлагающих меньшую величину кредитного процента и т. п.

3. *Увеличение среднего срока погашения всех взятых ссуд.* Направления обеспечения подобного тренда в целом совпадают с курсом уменьшения величины ссудного процента.

4. *Снижение величины совокупного объема взятых ссуд.* Этого можно добиться, прежде всего, посредством сокращения объемов активов субъекта хозяйствования при помощи высвобождения тех из них, которые не необходимы ему для ведения непосредственной хозяйственной деятельности. В первую очередь это касается лишних элементов основных средств и чрезмерных остатков оборотных средств предприятия. Сократив лишние активы, оно сможет на ту же сумму уменьшить свой ссудный капитал. При этом финансовые результаты его экономической деятельности не уменьшатся, а наоборот, смогут возрасти за счет снижения расходов на содержание ненужных ему активов.

Примечательно, что в процессе формирования потенциала финансовой устойчивости промышленного предприятия отмечается возможность применения подхода нормативных (рекомендованных) значений коэффициентов покрытия и автономии, предусматривающего достижение им определенных нормативов платежеспособности и финансовой устойчивости [3, с. 62], что кажется нам вполне приемлемым. При выполнении данных условий предлагаем опираться на последовательность формирования потенциала роста финансовой устойчивости промышленного предприятия, состоящую из следующих пяти основных этапов.

1 этап — разделение активов и пассивов предприятия по степени управляемости ими. Отметим, что в случае, когда у субъекта предпринимательской деятельности коэффициенты покрытия и автономии низкие, ему необходимо сократить показатель ссудного капитала, что можно осуществить посредством повышения величины имеющегося собственного капитала с последующим замещением им части ссудного капитала. Однако, учитывая трудоемкость задачи форсированного наращивания имеющихся объемов собственного капитала (например, паевого), вначале следует оценить возможности предприятия по достижению им нормативов финансовой устойчивости при существующем объеме собственного капитала.

2 этап — оценка возможности сокращения объема имеющихся внеоборотных (например, путем продажи лишней их части) и оборотных (за счет снижения объема материальных запасов, объектов незавершенного производства и дебиторской задолженности) активов предприятия без ухудшения финансовых результатов его деятельности. Рекомендуемые (желательные) значения коэффициентов вращения разных видов оборотных активов предприятия предлагается устанавливать с учетом его отраслевой специфики двумя способами:

1) взяв за основу фактические значения коэффициентов вращения для наиболее финансово надежных и прибыльных компаний конкретной отрасли промышленности;

2) в качестве рекомендованных использовать фактические значения коэффициентов вращения, составляющих имеющиеся оборотные средства данной компании, усредненные за предыдущие годы ее хозяйственной деятельности или только за те годы, когда оборачиваемость оборотных активов была наилучшей.

3 этап — определение ожидаемого сокращения ссудного капитала предприятия, которое соответствует суммарному уменьшению величины его внеоборотных и оборотных активов, исчисленному на предыдущем этапе.

4 этап — расчет новейших значений нормативов финансовой устойчивости бизнес-объекта. Если они окажутся не меньше рекомендованных, то поставленная задача будет считаться выполненной. Если же хотя бы один из коэффициентов финансовой устойчивости попадет в уровень ниже его нормативного значения, то потребуются вычислить минимально необходимую величину замещения ссудного капитала собственным капиталом предприятия для того, чтобы все нормативы его финансовой устойчивости стали не меньше рекомендуемых величин.

5 этап — разработка мер по привлечению объектом управления дополнительной величины собственного капитала (в частности, при помощи увеличения долевого капитала).

Однако следует учитывать тот факт, что изменение в совокупности каждого из предложенных четырех финансово-экономических параметров, оказывающих влияние на уровень финансовой устойчивости промышленного предприятия региона, будет вызывать адекватную трансформацию других показателей.

Для достижения поставленных целей, в том числе, была построена модель погашения промышленным предприятием своих обязательств перед кредиторами. Так, рост величины поступлений, которые субъект предпринимательской деятельности направит на погашение взятых им ссуд, может существенно улучшить его кредитоспособность и, следовательно, уменьшить процентные ставки, по которым кредиторы согласятся предоставлять ссуды такому контрагенту в будущем.

Предложен показатель финансовой устойчивости предприятий, определяемый сопоставлением фактической величины финансовых поступлений, которые можно направить на погашение взятых ссуд, с их минимально допустимой величиной. Другими словами, было установлено аналитическое выражение для нахождения минимально допустимой величины финансовых поступлений, достаточной для своевременного и полного выполнения кредитных обязательств. Возможность роста предлагаемого показателя характеризует потенциал повышения уровня денежной устойчивости компаний. Выполнено группирование общих направлений формирования совокупного потенциала для повышения уровня их финансовой устойчивости.

Кроме того, показана важность оптимизации объемов ссудных источников образования хозяйственных средств: уменьшение ссудного капитала будет способствовать уменьшению размера их поступлений вследствие сокращения величины производственно-сбытового потенциала предприятия.

Таким образом, при определении потенциала повышения эффективности формирования финансовой устойчивости промышленных предприятий уместно применить оптимизационный подход, в соответствии с которым реализация совокуп-

ности всех технических, технологических, организационных и социально-экономических мер обеспечит максимальный уровень их финансовой устойчивости. При этом должны выполняться жесткие требования, чтобы все предпринятые действия организационно-управленческого и хозяйственно-экономического характера обеспечивали анализируемому объекту исследования получение неотъемлемого значения сверхприбыли по каждому мероприятию и ограничения на общие объемы собственных и ссудных средств, т. е. разницы между приростом прибыли при помощи внедрения мероприятия и объемом вложенных в него инвестиций на норму их доходности (рисунок).

Рисунок. Модель выработки потенциала формирования эффективности финансовой устойчивости промышленного предприятия региона

Figure. Model of development of the potential for the formation of the effectiveness of the financial stability of an industrial enterprise in the region

Построенная оптимизационная модель, модель максимизации уровня, предполагает нахождение и формирование оптимального множества векторов, каждый из которых будет характеризовать определенную организационно-экономическую или технико-технологическую меру, ориентированную на повышение уровня финансовой устойчивости или гибкости промышленного предприятия, поскольку рост данного параметра автоматически приумножает устойчивость его функционирования.

При дефиците финансовых ресурсов использование оптимизационной модели в стратегии и тактике бизнес-структуры, прогнозировании будущего тренда ее развития с целью установления путей выработки потенциала формирования эффективности финансовой устойчивости, создающей предпосылки ее перехода к новому качеству, отвечающему заданным требованиям и образу «будущего», целесообразнее подхода, базирующегося на достижении часто недостаточно обоснованных, нереалистичных и в целом нереализуемых нормативов финансово-экономической деятельности предприятия.

Заключение

Под потенциалом формирования эффективности финансовой устойчивости промышленного предприятия следует понимать составляющую его экономического потенциала как совокупности имеющихся (и возможных) для привлечения ресурсов и компетенций, обуславливающих способность бизнес-субъекта наращивать уровень собственной финансовой устойчивости при определенных условиях внешней среды, в которой рассматриваемый субъект предпринимательства находится или будет находиться в будущем.

Оценку финансовой устойчивости целесообразно проводить сопоставлением фактической величины поступлений предприятия, которые можно направить на погашение взятых им ссуд, с минимально допустимым их уровнем. Вероятность роста такого соотношения и будет характеризовать потенциал формирования эффективности финансовой устойчивости организации.

Наиболее перспективными с этой точки зрения представляются четыре основных курса реализации формируемого потенциала: 1) рост величины поступлений, которые бизнес-субъект сможет направить на погашение взятых займов и уплату процентов за пользование ими; 2) снижение показателя ссудного процента по взятым им займам; 3) увеличение среднего срока погашения всех полученных им ссуд; 4) снижение величины совокупного объема приобретенных им ссуд.

Применение в практике бизнес-субъектов региона предложенных подходов к разработке потенциала формирования эффективности системы их финансовой устойчивости позволит снизить вероятность воздействия финансового кризиса на них и соответственно избежать банкротства. Впоследствии потребуются установить возможности определения уровня финансовой устойчивости без предварительного усреднения значений показателей, обуславливающих его.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арефьева О. В., Харчук Т. В. Экономические основы формирования потенциала предприятия // Актуальные проблемы экономики. 2008. № 7 (85). С. 71 — 76.
2. Божко В. П., Балычев С. Ю., Батьковский А. М., Батьковский М. А. Управление финансовой устойчивостью предприятий // Экономика. Статистика и информатика. 2013. № 4. С. 33 — 37.

3. Зеленченкова Е. В. Понятие и структура потенциала предприятия // Символ науки. 2016. № 11—1. С. 60 — 63.
4. Надворная Г. Г., Климчук С. В., Оборин М. С., Гварлиани Т. Е. Теория и методология оценки экономического потенциала предприятий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 70 — 90.
5. Павленко Е. П., Семилит И. В. Экономическая сущность финансовой устойчивости предприятий: факторы воздействия, оценка и источники финансирования // Молодой ученый. 2016. № 7 (34). С. 113 — 116.
6. Пешкова А. А. Разработка методического инструментария экономической оценки потенциала цифровых решений на промышленном предприятии: дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2021. 191 с.
7. Прошунина Э. С. Финансовая устойчивость предприятия // Вестник Академии знаний. 2014. № 1 (8). С. 42 — 46.
8. Путилова М. Д. Факторы финансовой устойчивости предприятия // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. 2010. № 20 (196). С. 75 — 79.
9. Чернов А. А. Оценка финансовой устойчивости предприятия // Научный формат. 2019. № 1 (1). С. 108 — 116.
10. Beaver W. H. Financial Ratios and Predictors of Failure // Empirical Research in Accounting: Selected Studies, Supplement to Journal of Accounting Research. 1966. Vol. 4. P. 71 — 111.
11. Bowlin O. D., Martin J. D., Scott D. F. Guide to Financial Analysis. 2nd ed. N. Y.: McGraw Hill, 1991. 320 p.
12. Brigham E. F., Gapenski L. C. Intermediate Financial Management. 4th ed. N. Y.: The Dryden Press, 1993. 1018 p.
13. Caouette J., Altman E., Narayanan P., Nimmo R. Managing Credit Risk: The Great Challenge for Global Financial Markets, 2nd ed. Wiley, 2011. 656 p.
14. Emelyanov A., Kurylo O., Vysotskij A. Structuring expenses of industrial enterprises in the evaluation process of its production and sales potential. Ekontechmod // An international quarterly journal. 2013. № 4. P. 11 — 17.
15. Madura J. International Financial Management. 7th ed. N. Y.: Thomson, 2003. 431 p.
16. Ross S. A., Westerfield R. W., Jaffe J. F. Corporate Finance. 3rd ed. N. Y.: McGraw-Hill/Irwin, 1993. 948 p.
17. Shapiro A. Fundamentals of Multinational Financial Management. 2nd ed. Boston, MA : Allyn and Bacon, 1994. 939 p.
18. Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. N. Y.: Oxford University Press, 1954. 1260 p.
19. Yemelyanov O., Kurylo O., Petrushka T. Methodological principles of evaluating economic potential of industrial enterprise sustainable development // Scientific Bulletin of Polissia. 2018. № 2 (14). P. 141 — 149.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

Информация об авторах:

Степан Петрович Бурланков, профессор кафедры ресторанного бизнеса Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, Researcher ID: O-3676-2015, Scopus ID: 57203011236, spburl@mail.ru

Михаил Юрьевич Петренко, аспирант отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), petrenko12032@mail.ru

Дмитрий Николаевич Селиванов, аспирант Московского финансово-юридического университета МФЮА (115191, Россия, г. Москва, ул. Серпуховский Вал, 17/1), sdn@bk.ru

Анжелика Николаевна Селиванова, аспирант Московского финансово-юридического университета МФЮА (115191, Россия, г. Москва, ул. Серпуховский Вал, 17/1), lika-diplom@mail.ru

Вклад авторов: (Авторам: все ли верно указано во вкладе каждого из авторов)

Бурланков С. П. — разработка концепции; научное руководство; развитие методологии; распределение функций по подготовке статьи; научное редактирование текста; подготовка первоначального варианта статьи;

Петренко М. Ю. — сбор данных и анализ литературы; критический анализ и доработка текста;

Селиванов Д. Н. — сбор данных и анализ литературы;

Селиванова А. Н. — сбор данных и анализ литературы.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Arefieva OV, Kharchuk TV. Economic Bases for the Formation of the Potential of the Enterprise. *Actual Problems of Economics*. 2008;(7):71—76. (In Russ.)
2. Bozhko VP, Balychev SYu, Batkovsky AM, Batkovsky MA. Management of the Financial Stability of Enterprises. *Economics. Statistics and Informatics*. 2013;(4):33—37. (In Russ.)
3. Zelenchenkova EV. The Concept and Structure of the Potential of the Enterprise. *Symbol of Science*. 2016;(11—1):60—63. (In Russ.)
4. Nadvornaya GG, Klimchuk SV, Oborin MS, Gvarliani TE. Theory and Methodology for Assessing the Economic Potential of Enterprises. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016;(6):70—90. (In Russ.)
5. Pavlenko EP, Semilit IV. The Economic Essence of the Financial Sustainability of Enterprises: Factors of Influence, Assessment and Sources of Financing. *Young Scientist*. 2016;(7):113—116. (In Russ.)
6. Peshkova AA. Development of Methodological Tools for Economic Assessment of the Potential of Digital Solutions at an Industrial Enterprise. Cand. Sci. (Economics) Dissertation. Yekaterinburg; 2021. (In Russ.)
7. Proshunina ES. Financial Sustainability of the Enterprise. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2014;(1):42—46. (In Russ.)
8. Putilova MD. Factors of Financial Sustainability of the Enterprise. *Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management*. 2010;(20):75—79. (In Russ.)
9. Chernov AA. Assessment of the Financial Stability of the Enterprise. *Scientific Format*. 2019;(1): 108—116. (In Russ.)
10. Beaver WH. Financial Ratios and Predictors of Failure, Empirical Research in Accounting: Selected Studies. *Supplement to Journal of Accounting Research*. 1966;4:71 — 111.
11. Bowlin OD, Martin JD, Scott DF. Guide to Financial Analysis. New York;1991.
12. Brigham EF, Gapenski LC. Intermediate Financial Management. New York;1993.
13. Caouette J, Altman E, Narayanan P, Nimmo R. Managing Credit Risk: The Great Challenge for Global Financial Markets. Wiley;2011.
14. Emelyanov A, Kurylo O, Vysotskij A. Structuring Expenses of Industrial Enterprises in the Evaluation Process of Its Production and Sales Potential. *An International Quarterly Journal*. 2013;(4):11—17.
15. Madura J. International Financial Management. New York;2003.
16. Ross SA, Westerfield RW, Jaffe JF. Corporate Finance. New York;1993.
17. Shapiro A. Fundamentals of Multinational Financial Management. Boston;1994.

18. Schumpeter JA. History of Economic Analysis. New York;1954.
19. Yemelyanov O, Kurylo O, Petrushka T. Methodological Principles of Evaluating Economic Potential of Industrial Enterprise Sustainable Development. *Scientific Bulletin of Polissia*. 2018;(2): 141—149.

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Information about the authors:

Stepan P. Burlankov, Professor of Restaurant Business Department, the Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow 117997, Russia), Doctor of Sciences in Economics, Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, Researcher ID: O-3676-2015, Scopus ID: 57203011236, spburl@mail.ru

Mikhail Yu. Petrenko, Postgraduate Student of the Division of Regional Studies and Ethnology, the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), petrenko12032@mail.ru

Dmitry N. Selivanov, Postgraduate Student of the Moscow University of Finance and Law (17/1 Serpukhovskiy Val Str., Moscow 115191, Russia), sdn@bk.ru

Anzhelika N. Selivanova, Postgraduate Student of the Moscow University of Finance and Law (17/1 Serpukhovskiy Val Str., Moscow 115191, Russia), lika-diplom@mail.ru

Contribution of the authors:

Burlankov S. P. — concept development; scientific advising; development of methodology; task distribution for the preparation of the article; scientific text editing; preparation of the original version of the article;

Petrenko M. Yu. — data collection and literature analysis; critical analysis and text revision;

Selivanov D. N. — data collection and literature analysis;

Selivanova A. N. — data collection and literature analysis.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 338.1
EDN НКPGMB

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В. П. Миничкина

Научный центр социально-экономического мониторинга,
г. Саранск, Россия
minichkina@mail.ru

Аннотация

Введение. Проблемы импортозамещения наиболее актуальны в настоящее время для России. В связи с этим импортозамещение рассматривается нами через призму причинно-следственно-го фактора.

Материалы и методы. В работе использованы общенаучные методы — аналитический, эмпирический, сравнения, сопоставления и др. Источником информации выступили данные по 87 предприятиям и организациям Мордовии. Рассмотрены закупки каждого вида продукции, объемом более 1 млн руб. (2021), на отдельных предприятиях — от 5 млн, всего — более 2 000 позиций. В рамках каждого предприятия товарные позиции объединены по видам продукции.

Результаты и их обсуждение. Программа импортозамещения открыла новые возможности в российских регионах. В Мордовии выявлено 506 видов продукции, которую предприятия полностью приобретают за пределами республики или ее закупки у региональных предприятий и организаций составляют менее 80 % от общего объема. Это потенциальные направления для развития и создания собственных востребованных производств или поставок продукции предприятиями и организациями республики, имеющие региональное, межрегиональное и федеральное значение. Потенциальные ниши для создания востребованных производств и развития кооперационных связей в рамках программы импортозамещения включают производство бумажной упаковочной продукции, спецодежды, спецобуви и средств индивидуальной защиты, деревянных поддонов и кабельных барабанов, композитных материалов, этикеток, производство полиамидных, полиэфирных нитей. Заполнение многочисленных импортозамещающих и инвестиционных ниш позволит эффективно использовать внутрирегиональные и межрегиональные связи.

Заключение. Для улучшения работы в рамках программы импортозамещения необходимо дальнейшее совершенствование нормативной базы. Постановления Правительства России должны быть максимально конкретизированы и содержать возможность промежуточного контроля. Требуется дальнейшее развитие научной, производственной и рыночной инфраструктуры, совершенствование работы кластеров, бизнес-инкубаторов, логистических и экономических зон. В части совершенствования финансирования требуются специальные лизинговые программы и целевые субсидии для создания и организации импортозамещающих производств.

Ключевые слова: импортозамещение, регион, экономика, стратегия, субъект, производство

Для цитирования: Миничкина В. П. Импортозамещение: проблемы, результаты и направления развития // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 25 — 40. EDN НКPGMB

© Миничкина В. П., 2023

Original article

IMPORT SUBSTITUTION: ISSUES, RESULTS AND TRENDS DEVELOPMENT

V. P. Minichkina

Scientific Center for Social and Economic Monitoring,
Saransk, Russia
minichkina@mail.ru

Abstract

Introduction. The issues of import substitution are currently the most relevant in Russia. In this regard, we consider import substitution through the prism of a causal factor.

Materials and methods. In this work, we used general scientific methods, such as the analytical method, the empirical method, the comparative method, the matching method, etc. The source of information was data on 87 enterprises and organizations of Mordovia. Purchases of each type of product with a volume of more than 1 million rubles (2021) were considered, at individual enterprises — from 5 million, in total — more than 2,000 items. Within each enterprise, commodity items are grouped by type of product.

Results and discussion. The import substitution program has opened up new opportunities in the Russian regions. In Mordovia, 506 types of products have been identified. Enterprises purchase these products completely outside the Republic of Mordovia from regional enterprises and organizations, their purchases account for less than 80 % of the total volume. They represent potential trends for the development and creation of their own in-demand industries or the supply of products by enterprises and organizations of the Republic of Mordovia, which have regional, interregional and federal significance. Potential niches for creating high-demand industries and developing cooperation ties as part of the import substitution program include the production of paper packaging products, overalls, footwear and personal protective equipment, wooden pallets and cable drums, composite materials, labels, and the production of polyamide and polyester threads. Filling in numerous import-substituting and investment niches will make it possible to effectively use intraregional and interregional ties.

Conclusion. To improve the work under the import substitution program, further improvement of the regulatory framework is necessary. Resolutions of the Russian Government should be as specific as possible and contain the possibility of intermediate control. Further development of scientific, industrial and market infrastructure is required, improvement of the work of clusters, business incubators, logistics and economic zones. In terms of improving financing, special leasing programs and targeted subsidies are required for the creation and organization of import-substituting industries.

Keywords: import substitution, region, economy, strategy, subject, production

For citation: Minichkina VP. Import Substitution: Issues, Results and Trends Development. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2023;15(2):25—40. EDN HKPGMB

Введение

Импортозамещение называют краеугольным камнем в решении многочисленных масштабных, долгосрочных вопросов и проблем современной России. От успешного импортозамещения сегодня непосредственно зависят экономическая и политическая безопасность государства, благосостояние населения страны и перспективы отечественного развития. Вопросы, связанные с импортозамещением,

находятся под постоянным контролем правительства страны, которое курирует стратегию импортозамещения¹.

Исторически сложилось так, что основной период становления и развития народно-хозяйственного комплекса России приходится на время существования СССР. Во внешнеэкономической деятельности тех лет основным звеном, определяющим международные экономические взаимоотношения, был Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Развитие отраслей военной промышленности курировалось и осуществлялось в рамках Совета стран Варшавского договора.

На практике в те годы в управлении экономикой преобладали политика и администрирование. О демократизации в управлении не было и речи. В основу международного разделения труда, кооперации и кооперирования была заложена отраслевая и внутриотраслевая специализация. Относительно комплексного, сбалансированного развития отраслей данная концепция дальше уровня декларации не продвинулась и не получила своего воплощения.

Развал СЭВ, Варшавского договора, передел Восточной Европы, стремительный распад СССР обнажили действительные реалии по состоянию экономики Российской Федерации как основного звена экономики Советского Союза и СЭВ. Слишком медленное обновление основных производственных фондов привело к существенному отставанию в тяжелом и среднем машиностроении, к устареванию материально-технической и технологической базы промышленности в целом.

В начале 1990-х гг. фактически стал возрождаться институт частной собственности с провозглашением его панацеей от всех бед. Для его становления были определены кратчайшие сроки, а само восстановление частной собственности на практике осуществлялось, как и раньше, сверху, в основном административными методами. Зарождающееся движение «частников» захлебнулось и в основном было подчинено административно назначенными олигархами. В управлении экономикой и страной в целом «расцвела» небывалая коррупция, во главе предприятий нередко оказывались уголовные авторитеты, «процветал» риэлторский захват.

Таким образом, Россия превратилась в криминальную страну с теневой экономикой, включая экспорт и импорт. Вырученные средства от незаконных и законных производств чаще тратились на личные цели, вывоз капитала и открытие банковских счетов в иных государствах. На фоне этого основные производственные фонды во многих отраслях окончательно пришли в негодность. В критическом положении оказалась дееспособность естественных монополий. Тогда правительство лояльно относилось и даже по-разному способствовало масштабным закупкам оборудования, комплектующих, сырья и технологий из-за рубежа. В основном это были страны дальнего зарубежья. Отметим, что в те годы наблюдалась колоссальная зависимость производственных и потребительских рынков от импорта. Национальная валюта потеряла вес, рублевая зона резко сократилась. При этом даже

¹ Импортозамещение в России в 2022 году. URL: <https://kassa.mts.ru/blog/for-business/importozameshchenie-v-rossii-v-2022-godu/?ysclid=17rk1bmwax844841425> (дата обращения: 13.05.2022).

на идеологическом уровне провозглашался тезис о ненужности (и даже вреде) как самообеспечения, так и накопленного соответствующего опыта (в период существования СССР страна обладала всеми необходимыми ресурсами: от сырья и квалифицированной рабочей силы до заводов и готовой продукции) [6, с. 338]. В 1990-е гг. рыночными преобразованиями и хлынувшими дешевыми товарами из-за границы был нанесен урон не только производству, но и экономике страны в целом.

«Холодным душем» для российского правительства стал дефолт 1998 г. Именно на этот период и начало 2000-х гг. приходятся основные решения, согласно которым устойчивое развитие экономики было выдвинуто главной задачей государства. Кадровый вопрос и импортозамещение, создание собственных технологий, стимулирование инноваций, развитие современного малого и среднего бизнеса — все это далеко не полный перечень направлений, по которым ведется непрерывная работа по настоящее время.

Обзор литературы

На необходимость акцента на региональном аспекте проблемы указывают О. Н. Греченюк и А. В. Греченюк: «Одним из эффективных инструментов модернизации российской экономики, в том числе в области инновационного развития, является импортозамещение, приоритетами которого должны являться использование инновационных технологий и продуктов, а также гармонизация пространственного социально-экономического развития страны» [3, с. 16].

О необходимости и масштабах импортозамещения красноречиво свидетельствует тот факт, что в настоящее время в России наблюдается высокая зависимость материально-производственной базы от импорта. Так, доля импортных станков в пищевой промышленности составляет более 50 %, в нефтяной и тяжелой промышленности — более 60 %. В электронной промышленности доля импортного оборудования достигает 80 — 90 %, в легкой промышленности — 70 — 90, в медицинской промышленности — 70 — 80, в тяжелом машиностроении — 60 — 80, в фармацевтической отрасли — около 50, в машиностроении для пищевой промышленности — 60 — 80 %. Все это ставит перед отечественным станкостроением важнейшие текущие и перспективные цели и задачи, которые решаются посредством создания локальных производств в станкостроительном комплексе.

С присоединением Крыма, т. е. с 2014 г., Российская Федерация находится в условиях санкций. В 2022 г. в связи с их ужесточением актуальность импортозамещения как фактора роста, стабильности отечественного производства и экономической безопасности существенно возросла. Причинами являются геополитическая напряженность, украинский кризис, а также пандемия, нарушившие сложившиеся логистические связи. Минпромторг России 25 февраля 2022 г. в связи с ситуацией на Украине заявил о готовности России к новым экономическим санкциям, отказу от продукции Запада и развитию отечественного производства².

² Импортозамещение в России в 2022 году — последние новости. URL: <https://ria.ru/20220225/importozameschenie-1775055754.html> (дата обращения: 13.05.2022).

В целом импортозамещение представляет собой экономическую стратегию и промышленную политику государства, цель которого состоит в замене успешных на внутреннем рынке импортных товаров на отечественную продукцию. Сейчас в России идет импортозамещающий этап индустриализации.

Приоритетными стратегиями в рамках импортозамещения являются: для промышленности в целом — стратегия диверсификации производства; для производства массовой продукции — стратегия ценовой конкурентоспособности; для машиностроения — стратегия опережающего технологического развития.

На начало 2014 г. тяжелая промышленность и машиностроение на 90 % зависели от импорта и имели тенденцию к дальнейшему росту данной зависимости. Однако уже в 2015 г. доля предприятий, готовых работать на отечественном оборудовании, выросла до 30 %. Реализацию стратегии импортозамещения в настоящее время во многом тормозит недостаточное количество отечественных аналогов. Неслучайно в таких отраслях стимулируются инновационные направления по созданию качественных тяжелых станков, металлообрабатывающего инструмента, станков с многокоординатной обработкой.

Серьезные проблемы по импортозамещению стоят перед отраслями, связанными с добычей углеводородов. Так, в сфере добычи нефти и газа доля импортного оборудования составляет около 60 %, а по отдельным направлениям — 80 %. «Газпром» еще до введения санкций закупил оборудование у американских компаний FMC Technologies, Subsea, Cameron и норвежской компании Aker, необходимое для подводной добычи газа. Высока доля зарубежных поставщиков и в нефтесервисных услугах. В среднем в них она составляет 65 — 70 %, а по отдельным видам услуг достигает 100 %.

В отраслях сельского хозяйства основными факторами импортозамещения являются разрыв глобальных цепей поставок и изменение структуры потребления россиян. Уже в настоящее время на фоне опережающего удорожания импортных сельскохозяйственных товаров произошло увеличение потребления отечественных продуктов. Прогресс заметен в производстве сырого молока. Доля его импорта составляла около 20 %. В последние годы за счет импортозамещения удалось сократить долю ввоза молока на одну треть.

Расширяются возможности производителей мяса птицы как самого доступного и относительно дешевого белка. Сложнее ситуация с говядиной и свининой. Согласно исследованию, в среднем россиянин потребляет в год 76 кг мяса, из них 47 % мяса птицы, 32 % свинины и 18 % говядины.

Огромный потенциал по импортозамещению имеется в фармацевтической отрасли России. В настоящее время отечественные производители выпускают около 20 % продаваемых на рынке лекарств и около 80 % упаковки к ним. Из препаратов, в том числе жизненно необходимых, пока еще мало инновационных лекарств и БАДов. Основной причиной в данном случае является недостаточное финансирование, которое сдерживает импортозамещение и не дает стране стать мировым лидером в данной отрасли.

Отличия политики импортозамещения для предприятий швейной промышленности от аналога в других отраслях и секторах экономики определяются не только их высокой ролью в экономике страны, но и социальной значимостью и спецификой

самих производств. Поскольку политика импортозамещения препятствует прорывному научно-технологическому и социально-экономическому развитию страны и повышению уровня жизни граждан, группой исследователей обосновывается применение методов прогнозирования и оптимизации управления конкурентоспособностью предприятий швейной промышленности в условиях импортозамещения [2, с. 26].

Исследование импортозамещения ИТ и серверного оборудования показало, что их производство развито еще недостаточно. У некоторых импортных видов продукции до сих пор не существует аналогов. На 2022 г. Правительство России одобрило 8 проектов поддержки ИТ-сектора: проект Ростелекома по производству российского оборудования на отечественном чипе для оптических магистральных сетей DWDM; проект ВТБ по внедрению отечественных программно-аппаратных комплексов (ПАК) для организаций; проект Росатома по созданию и производству отечественного серверного оборудования для работы с БД; проекты Ростелекома по построению сквозного ИТ-ландшафта предприятия, IP/MPLS маршрутизаторов для построения транспортных сетей операторов мобильной и факсимильной связи; совместный проект Ростелекома и ЭР-Телеком Холдинга по созданию линейки российских оптических трансиверов; проект ЭР-Телеком Холдинга по созданию системы управления доступом и внедрения интеллектуального домофона на российском процессоре; проект Ростелекома по переводу его облачной платформы на российские ПАК, создание облачной инфраструктуры³.

Использование метода последовательных группировок позволило разработчикам определить состав субъектов федерации, реализующих различные модели и виды промышленной политики с точки зрения корреляции изменения объемов несырьевого неэнергетического экспорта и объемов отгруженных товаров обрабатывающих производств. Выявлено, что регионы Российской Федерации существенно диверсифицированы по моделям и видам региональной промышленной политики: для 41,6 % субъектов характерна обособленная промышленная политика (корреляция между указанными показателями слабая или отсутствует), причем для подавляющего большинства регионов данной группы — политика импортозамещения; 14,3 — последовательная промышленная политика (декларируемая в региональных программно-плановых документах), причем практически всегда имеется переход от политики импортозамещения к политике поддержки экспортной деятельности; 44,1 % регионов свойственна политика экспортоориентированного импортозамещения, при этом субъекты распределены довольно равномерно по видам такой политики. Вместе с тем экономические показатели демонстрируют результативность политики импортозамещения практически во всех субъектах, а политика поддержки экспорта — только в половине. Республика Мордовия отнесена к группе регионов (их 11) с «параллельной промышленной политикой, тяготеющей к импортозамещению» [5, с. 63].

³ Совет при Правительстве России одобрил проекты внедрения российской электроники в «Ростелекоме», ВТБ и «Росатоме» на 147 млрд рублей. URL: <https://aftershock.news/?q=node/1063855&full&ysclid=17rk012dx012563648> (дата обращения: 23.06.2022).

Выявление отношения и готовности предпринимателей к импортозамещению, а также учет мнения потребителей позволили группе исследователей обосновать рекомендацию по формированию устойчивого информационного сигнала для бизнеса и населения о долговременном характере политики импортозамещения. «Формируя на всех уровнях управления патриотизм и соответствующие качества, можно поддерживать доверие к политике импортозамещения, создавая необходимый запрос на отечественную продукцию со стороны потребителей и готовность развивать качество со стороны бизнеса» [1, с. 2055].

Материалы и методы

В работе использованы общенаучные методы, в том числе: аналитический, эмпирический, сравнения, сопоставления и др. Источником информации для составления свода закупок продукции выступили данные, предоставленные 87 предприятиями и организациями Республики Мордовия из списка предприятий, сформированного Министерством экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия. Рассмотрению подлежали закупки каждого вида продукции, объем которых по итогам 2021 г. составил более 1 млн руб. На отдельных предприятиях, приобретающих значительный объем товарно-материальных ценностей, анализировались закупки от 5 млн руб. по каждому виду продукции.

В результате сбора данных о закупках продукции от предприятий получено более 2 000 позиций. В рамках каждого предприятия товарные позиции объединены по видам продукции. По результатам анализа сводных данных о закупках продукции выявлено 506 видов продукции, которые предприятия полностью приобретают за пределами Республики Мордовия или их закупки у региональных предприятий и организаций составляют менее 80 % от общего объема. Это потенциальные направления для развития и создания собственных востребованных производств или поставок продукции предприятиями и организациями Республики Мордовия.

Результаты исследования и их обсуждение

«Широкомасштабный процесс импортозамещения позволит малому и среднему бизнесу получить от государства субсидии и налоговые льготы, а также увеличить свою долю на внутренних и внешних рынках. Банковский сектор получит возможность роста за счет числа заемщиков, само государство — увеличение роста ВВП и повышение уровня экономической безопасности путем снижения зависимости от импортных товаров» [6, с. 340]. В. А. Дубков и В. А. Носков считают, что политика импортозамещения позволит реализовать лидирующий статус России в таких областях, как сельское хозяйство, энергетика, промышленность и программирование, и укрепить национальную безопасность [4, с. 57]. Очевидно, что программа импортозамещения открыла новые возможности в российских регионах. Исследуя деятельность предприятий Мордовии, Научный центр социально-экономического мониторинга (на основании Распоряжения Правительства Республики Мордовия № 7-рп «Об утверждении Плана мероприятий („дорожной карты“) по развитию внутриреспубликанской кооперации в Республике Мордовия» от 22 января 2018 г.), выявил многочисленные импортозамещающие и инвестиционные ниши в сфере материального производства, имеющие региональное, межрегиональное и федеральное значение. Их заполнение позволит эффективно использовать внутрирегиональные и межрегиональные связи в производстве и реализации продукции.

Рынок деревянных поддонов в Российской Федерации демонстрирует стабильный рост: за последнее время объем реализации вырос практически на 40 %. В настоящее время 55 % потребности Мордовии в данной продукции удовлетворяется производителями из других регионов России. В связи с этим считаем целесообразным развитие в республике производства деревянных поддонов и кабельных барабанов (рис. 1, 2). Крупных производителей деревянных поддонов и другой тарной

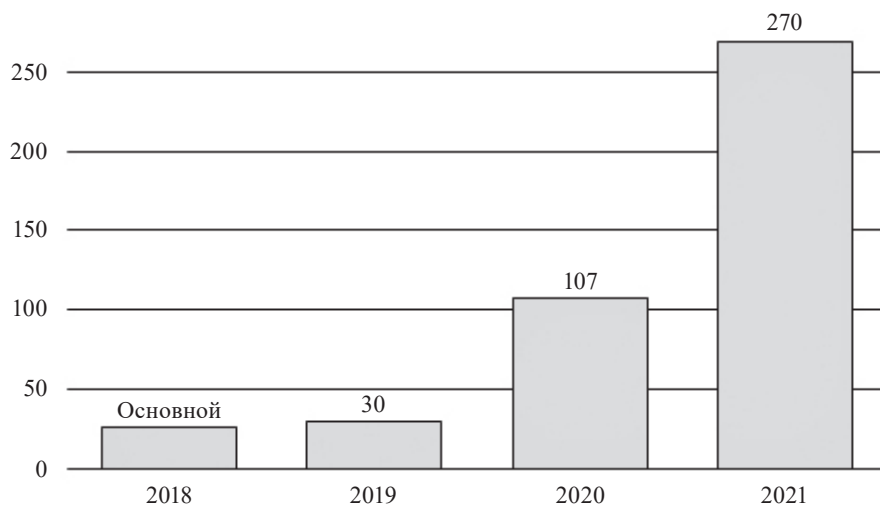

Рис. 1. Закупка деревянных поддонов предприятиями Республики Мордовия, млн руб.

Figure 1. Purchase of wooden pallets by enterprises of the Republic of Mordovia, million rubles

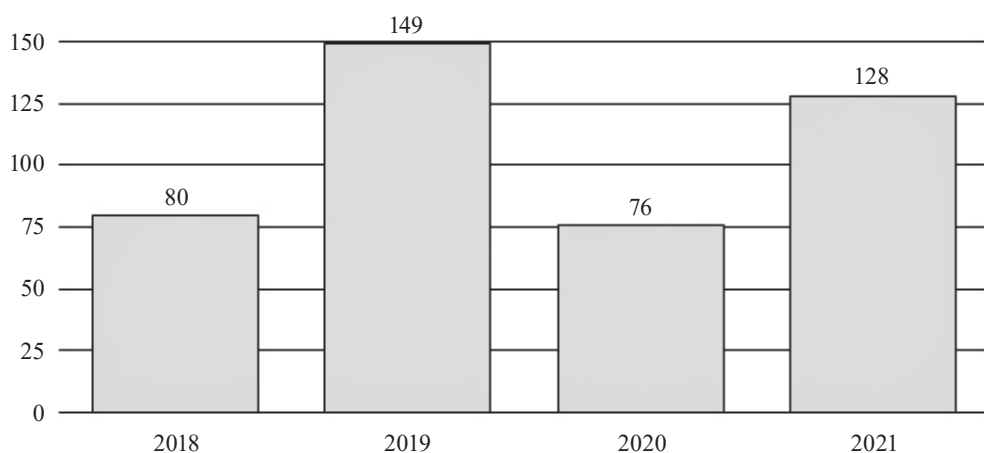

Рис. 2. Закупка кабельных барабанов предприятиями Республики Мордовия, млн руб.

Figure 2. Purchase of drums of cable enterprises of the Republic of Mordovia, million rubles

продукции из древесины в регионе нет. Развертывание предприятий по производству кабельных барабанов в Республике Мордовия подразумевает закупку современного технологического оборудования, использование качественного пиломатериала. Организация данного производства возможна на местном сырье, т. е. досок 2-го или 3-го сорта, брусков и шашек, клееных из опилок. Целесообразно и собственное производство всех комплектующих (шпилек, втулок), что в совокупности позволит обеспечить потребности предприятий — производителей кабельной продукции внутри региона. Собственное производство, открытое в непосредственной близости от деревообрабатывающих и деревозаготовительных предприятий, способное обеспечить внутренний рынок качественной продукцией, а также избежать расходов на доставку продукции из других регионов, может рассматриваться как приоритетное направление для инвестиций. Региональная потребность в деревянных поддонах и кабельных барабанах характеризуется как внесезонная, постоянная, растущая. В связи с этим не исключается возможность создания специализированных малых производств по данному направлению.

В республике есть все условия для расширения производства бумажной упаковочной продукции (рис. 3), спрос на которую составляет около 1 млрд руб. ежегодно (рис. 4)⁴. Организация ее производства будет иметь региональное, межрегиональное и международное значение, учитывая интерес потребителей. У предприятий региона существует большая потребность в упаковке из картона и бумаги (произво-

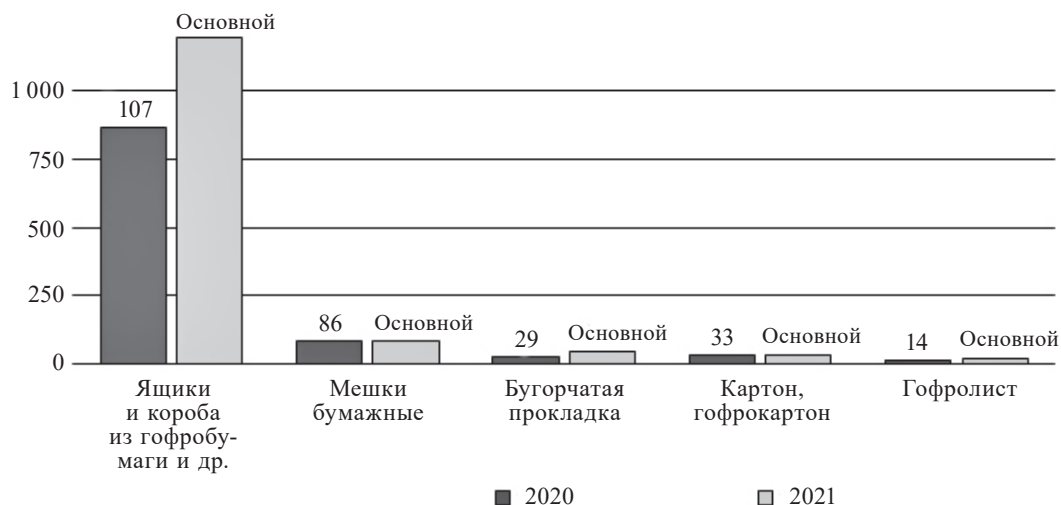

Рис. 3. Объемы закупки видов бумажной упаковки, млн руб.

Figure 3. Volumes of purchases of types of paper packaging, million rubles

⁴ Мордовия: стат. ежегод.: офиц. изд. [за 2021 год] / Федеральная служба гос. статистики, Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Респ. Мордовия (Мордовиястат); редкол.: И. В. Парамонова (пред.) [и др.]. Саранск, 2022. С. 217 — 218.

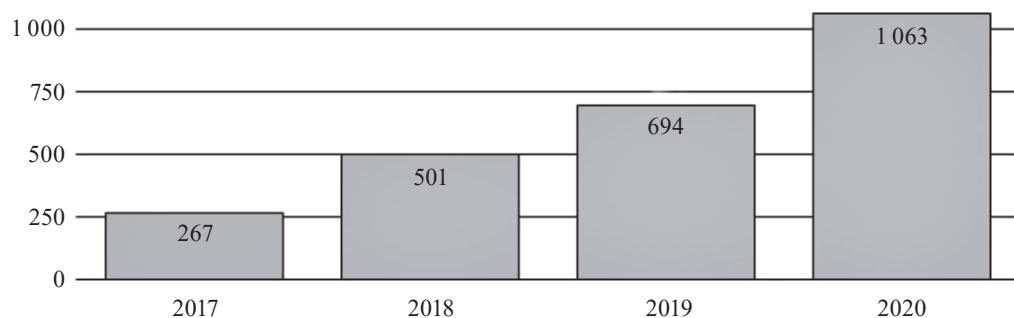

Рис. 4. Производство бумаги и бумажных изделий
(в том числе производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона), млн руб.

Figure 4. Manufacture of paper and paper products (including production of pulp, wood pulp, paper and board), million rubles

дители пищевых продуктов, производители цемента и сухих строительных смесей и т. д.). В числе основных заказчиков бумажной упаковочной продукции — ООО «Сыродельный комбинат „Ичалковский“», АО «Птицефабрика „Чамзинская“», ООО «Новомилк», ООО МПК «Норовский», ООО «Ликероводочный завод „Саранский“», АО «Саранский комбинат макаронных изделий», ООО «Саранскабель-Оптика», АО «Оптическое волоконные системы» и др. Статус потенциальных производителей, их перспективность являются объективным и позитивным фактором для развития производства бумажной упаковочной продукции в Мордовии. Возможность расширения данной ниши видится в переработке вторичного сырья, особенно с учетом строительства предприятия по переработке отходов.

В Республике Мордовия назрел вопрос о расширении производства этикеточной продукции (рис. 5), т. е. производства этикеток, в том числе самоклеящихся. Проект имеет межрегиональный характер с общим объемом производства и потребления (только для Мордовии) более 300 млн руб. ежегодно. Сырье для изготовления этикеток обычная и глянцевая бумага, металлизированная термостабилизированная полиэстровая пленка с матовым покрытием, искусственный шелк. В настоящее время наиболее крупными региональными производителями этикеток являются Издательство Мордовского университета, ООО «Рузаевский печатник», ООО «ЭМ-ПРИНТ», ООО «Бьюти». Объем закупок указанной продукции имеет тенденцию к увеличению. Регион располагает достаточными ресурсами для организации собственного полиграфического производства, способного изготавливать широкий спектр этикеточной продукции для удовлетворения спроса на региональном уровне. Главная задача в данном контексте — развертывание производства, обеспечивающего требуемый уровень качества продукции при низкой себестоимости. Это позволит конкурировать с предприятиями — производителями этикеток из близлежащих регионов. Важность значения этикеточной продукции для потребителей и торговли объективно обуславливает актуальность создания отдельных производств по ее изготовлению, и этот вид производства можно считать производственной нишей.

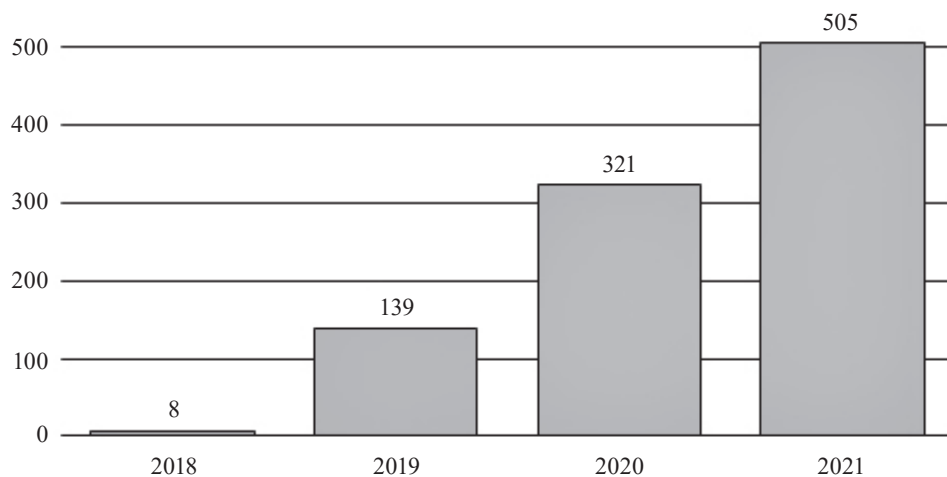

Рис. 5. Закупка этикеток предприятиями Республики Мордовия, млн руб.

Figure 5. Purchase of labels of enterprises of the Republic of Mordovia, million rubles

В республике требуют проработки расширение и организация дополнительных производств по изготовлению спецодежды, спецобуви и средств индивидуальной защиты для внутрирегиональных потребностей в рамках программы импортозамещения (рис. 6). В настоящее время товары этой позиции приобретаются у дистрибьютеров, имеющих представительство в Мордовии. Закупки данного вида продукции составляют более 130 млн руб. в год.

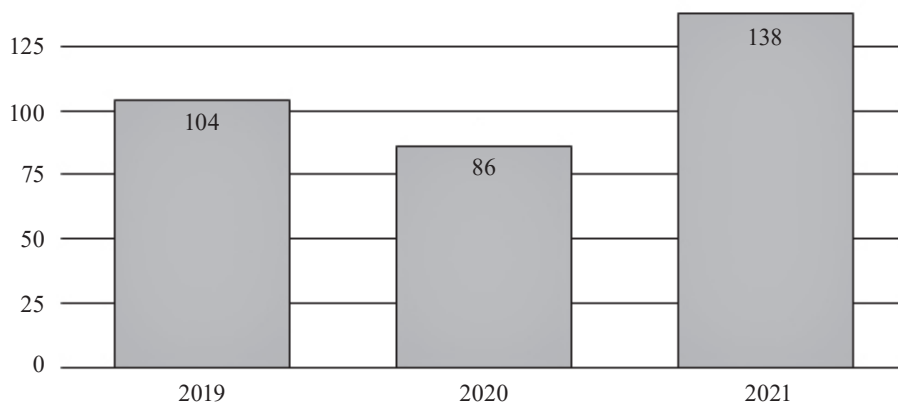

Рис. 6. Закупки спецодежды, спецобуви и средств индивидуальной защиты предприятиями Республики Мордовия, млн руб.

Figure 6. Procurement of overalls, footwear and personal protective equipment enterprises of the Republic of Mordovia, million rubles

В регионе более 160 млн руб. ежегодно составляет потребность в пластиковой упаковке для пищевой продукции, пакетов *Vagin Vox*, биоразлагаемой упаковке. Сырьем для их производства являются полистирол, полипропилен, ламинированный картон, полисахариды, синтетические полимеры. К основным потребителям данного вида продукции относятся предприятия пищевой промышленности, торговли и общепита. Сегодня изготовлением пластиковой упаковки в Мордовии занимаются ООО «Сигма-плюс», ООО «ЭМ-Пласт», ООО «Вторпластмасс». Однако их мощности удовлетворяют внутрирегиональные потребности только наполовину. Развитие данного производственного направления позволит удовлетворять не только региональные, но и межрегиональные потребности. Не исключено, что в таком случае целесообразно создание сети специализированных малых производств.

Значимым не только для Республики Мордовия может стать проект развития производства различных видов композитных материалов, в том числе волокнистых, дисперсно-упроченных, упроченных частицами, нанокompозитов, биокompозитов (рис. 7, 8). Потребители продукции — предприятия различных сфер промышленного производства⁵. Ключевые сферы применения композитных материалов — ветроэнергетика, спорт, производство сосудов под давлением, строительство. В композитных материалах нуждаются транспортная инфраструктура, строительная индустрия, энергетика и радиотехника, машиностроение, ЖКХ, нефте- и газодобыча, цветная металлургия, химия и нефтехимия, гражданское авиа- и судостроение, космическая отрасль. Проект имеет выраженный федеральный уровень и является исключительно перспективным крупным направлением национальной

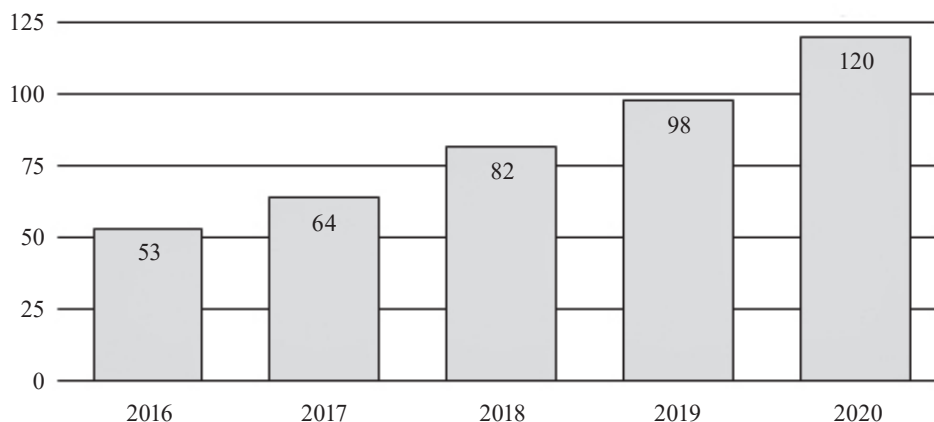

Рис. 7. Объем российского рынка композитных материалов, млрд руб.

Figure 7. The volume of the Russian market of composite materials, billion rubles

⁵ Драйверы роста российского рынка композитов. URL: <https://vpk.name/images/i205241.html> (дата обращения: 15.05.2022).

Рис. 8. Структура российского рынка композитных материалов в 2020 г.

Figure 8. Structure of the Russian market of composite materials in 2020

промышленности⁶. Наличие собственных предприятий, выпускающих широкий спектр композитных материалов, а также ведущих научно-технологические разработки, свидетельствует о перспективности формирования в Республике Мордовия отдельного кластера в данном направлении производства. Успешный опыт уже функционирующих здесь предприятий в перспективе может быть адаптирован для открытия новых производств, ориентированных на удовлетворение спроса на рынке композитных материалов.

В республике имеются крупные потребители технических волокон (ОАО «Саранский завод „Резинотехника“» и предприятия ОАО «РЖД») и их производитель (ООО «Ткацкая фабрика „Лента“ имени 8 Марта»). В настоящее время кооперация между ними снижается, так как резинотехники начали использовать ткани, производство которых невозможно без использования видов нитей, не производящихся в России. Кроме того, российские производители 70 % всего производства отправляют на экспорт. Около 40 % поставляется в Китай, 20 — в Индию, 14 — в Турцию, 9 % — в Германию. Поскольку многие виды полиамидов в России еще не производятся, их закупают, так как продукция из данных полимеров востребована и пользуется спросом. Сегодня ООО «Ткацкая фабрика „Лента“ имени 8 Марта» ведет работу по поиску соответствующего поставщика. В Республике Мордовия спрос на этот вид продукции устойчив.

⁶ См.: Рынок композиционных материалов: состояние, потребности, перспективы. URL: https://edunano.ru/upload/iblock/294/1_Улиткин_семинар_03122020.pdf?ysclid=la6k582lwk615375754 (дата обращения: 15.05.2022).

Таким образом, потенциальные ниши Республики Мордовия для создания востребованных производств и развития кооперационных связей в рамках программы импортозамещения включают производство бумажной упаковочной продукции, спецодежды, спецобуви и средств индивидуальной защиты, деревянных поддонов и кабельных барабанов, композитных материалов, этикеток, полиамидных, полиэфирных нитей. Перечень потенциальных инвестиционных ниш для создания востребованных производств и развития кооперационных связей в регионе (производство листового стекла, керамических материалов повышенной пустотности, запасных частей и комплектующих для вагоностроения, комплектующих для светотехнической продукции, оптического волокна, тепло- и звукоизоляционных материалов) требует дополнительного изучения и выступает потенциальным вектором для создания новых востребованных и развития действующих производств на территории Республики Мордовия.

Заключение

В целом в стране в настоящее время уже заметно снижение зависимости от импорта, несмотря на сложную геополитическую ситуацию. Стимулирование спроса на отечественную продукцию привело к росту секторов экономики, которые успешно наращивают производственные мощности. В ряде отраслей уже до минимума сократились импортные поставки в результате замены отечественными аналогами.

В то же время рост объемов производства российских товаров еще не достиг нужного количества. Встречаются претензии к их качеству, ценовой политике предприятий-изготовителей и торговли.

Для улучшения работы в рамках программы импортозамещения необходимо дальнейшее совершенствование нормативной базы. Постановления Правительства России должны быть максимально конкретизированы и содержать возможность промежуточного контроля. Требуются дальнейшее развитие научной, производственной и рыночной инфраструктуры, совершенствование работы кластеров, бизнес-инкубаторов, логистических и экономических зон, поскольку формирование кластерной конфигурации импортозамещения позволяет нивелировать последствия разрозненных хозяйственных связей через концептуальное взаимодействие качественно иных взаимоотношений в кластерной геометрии, основанной на концентрации производителей, поставщиков, потребителей, учреждений науки и образования при системообразующей функции государства, даже в условиях ограниченности ресурсов, в том числе территориальных [7, с. 87].

В части совершенствования финансирования требуются специальные лизинговые программы и целевые субсидии для создания и организации импортозамещающих производств. Особенно это касается аддитивных лазерных и плазменных технологий. Существенно возрастает значение маркетинга относительно создания позитивного образа отечественных товаров. Маркировка «Сделано в России» должна вызывать доверие и повышенный интерес к продукции российских производителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Е. Л., Глухих П. Л., Ратнер А. В. Оценка влияния ценностных установок предпринимателей на решение задач импортозамещения в регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, вып. 11 (356). С. 2049 — 2064.

2. Бурланков С. П., Петренко М. Ю., Бурланков П. С. Применение методов прогнозирования и оптимизации управления конкурентоспособностью предприятий швейной промышленности в условиях импортозамещения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 25 — 36. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-03.pdf>

3. Греченюк О. Н., Греченюк А. В. Оценка инновационного развития регионов Центрального Черноземья с целью выявления перспектив процессов импортозамещения // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика, социология, менеджмент. 2015. № 1 (14). С. 16 — 20.

4. Дубков В. А., Носков В. А. Импортозамещение и его роль в развитии отечественного производства // Общество. 2022. № 1 (24). С. 57 — 61.

5. Мальшев Д. П., Бакуменко О. А., Троян В. В. Промышленная политика импортозамещения и поддержки экспорта в субъектах Российской Федерации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2020. № 6. С. 55 — 70.

6. Саликов Ю. А., Исаенко М. И. Концептуальный подход к развитию процесса активного импортозамещения // Вестник ВГУИТ. 2018. Т. 80, № 1. С. 335 — 340.

7. Шумилини М. А., Нефедова К. А., Чистяков М. С., Золкин А. Л. Территориально-отраслевой центр экспортоориентированного импортозамещения: институционализация на основе кластерного подхода // Экономические механизмы стратегического управления развитием промышленности: сб. науч. тр. III Междунар. Косыгин. форума «Современные задачи инженерных наук». М., 2021. С. 84 — 88.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 13.02.2023.

Информация об авторе:

Валентина Павловна Миничкина, заместитель директора по научной работе Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Россия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а), кандидат экономических наук, доцент, minichkina@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Andreeva EL, Glukhikh PL, Ratner AV. Assessing an impact of values and attitudes of entrel. Andreeva EL, Glukhikh PL, Ratner AV. Assessing an Impact of Values and Attitudes of Entrepreneurs on Import Substitution Issues in the Region. *National Interests: Priorities and Security*. 2017;13(11):2049—2064. (In Russ.)

2. Burlankov SP, Petrenko MYu, Burlankov PS. Application of Forecasting and Optimization Methods for Management of Competitiveness of Sewing Industry Enterprises in the Conditions of Import Substitution. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;14(3):25—36. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-03.pdf> (In Russ.)

3. Grechenyuk ON, Grechenyuk AV. The Assessment of the Innovative Development of the Central Chernozem Regions to Indicate the Prospects Import Substitution Process. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2015;(1):16—20. (In Russ.)

4. Dubkov VA. Import Substitution and Its Role in the Development of Domestic Production. *Society*. 2022;(1):57—61. (In Russ.)

5. Malyshev DP, Bakumenko OA, Troyan VV. Regional Industrial Policy of the Russian Federation: Import Substitution and Export Support. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2020;(6):55—70. (In Russ.)

6. Salikov YuA, Isaenko MI. Conceptual Approach to the Development of an Active Process of Import Substitution. *Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2018;80(1): 335—340. (In Russ.)

7. Shumilina MA, Nefedova KA, Chistyakov MS, Zolkin AL. Territorial and Industry Cen-ter for Export-Oriented Import Substitution: Institutionalization Based on a Cluster Approach. *Economic Mechanisms of Strategic Management of Industrial Development. Proceedings of the III International Kosygin'sky Forum "Modern Issues of Engineering Sciences"*. Moscow;2021:84—88. (In Russ.)

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publica-tion 13.02.2023.

Information about the author:

Valentina P. Minichkina, Deputy Director for Science, the Scientific Center for Social and Eco-nomic Monitoring (39A Chmel'nistskogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Sciences in Eco-nomics, Associate Professor, minichkina@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 332.025
EDN IQSIBO

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

М. П. Новиков¹, Л. Н. Липатова^{1, 2}✉, В. Н. Градусова²

¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

² Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия
✉ Ln.lipatova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Регионы являются первоначальным звеном формирования достижений в области устойчивого развития страны. Нашему государству сложно сформировать основы для устойчивого развития, когда существует более 80 территориальных образований с отличающимися экономическими и социальными возможностями. В связи с этим изучение проблемы поиска индивидуальных для каждого региона механизмов, которые смогут гарантировать их устойчивое социально-экономическое развитие в ближайшем будущем, приобретает большое значение и является актуальным. Цель исследования — поиск возможных механизмов для обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона на длительный период.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования рассматривается социально-экономическое развитие региона на примере Республики Мордовия. Материалом исследования послужили данные статистики, официальные публикации и анализ литературных источников по проблеме. Применяются абстрактно-логические методы, методы статистико-экономического анализа, графический метод, системный подход.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенный анализ социально-экономического развития Республики Мордовия позволил получить оценку состояния экономической, социальной и экологической подсистем региона — текущее положение региона не отвечает требованиям устойчивого развития. Были выделены ключевые проблемы, которые необходимо решить, чтобы республика вышла из кризисного положения и начала развиваться. Формирование и реализация новой стратегии развития определены как возможный механизм достижения устойчивого социально-экономического развития Республики Мордовия на длительный период. В качестве рекомендаций предложены мероприятия в рамках каждого направления развития.

Заключение. Концепция устойчивого развития является общемировой, и за более чем 30 лет она была преобразована в глобальный документ для решения текущих и будущих глобальных проблем. На данный момент в России нет утвержденного механизма, обеспечивающего реализацию целей концепции устойчивого развития, соответственно на региональном уровне сформировать такой механизм является трудной задачей. В связи с этим необходимо продолжать исследования возможных механизмов для обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов.

© Новиков М. П., Липатова Л. Н., 2023

Ключевые слова: устойчивое развитие, регион, оценка, возможности, механизм, стратегия социально-экономического развития

Для цитирования: Новиков М. П., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Механизм обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 41 — 56. EDN IQSIBO

Original article

MECHANISM FOR ENSURING SUSTAINABLE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

M. P. Novikov¹, L. N. Lipatova^{1, 2}✉, V. N. Gradusova²

¹ Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

² North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg, Russia

✉Ln.lipatova@yandex.ru

Abstract

Introduction. Regions are the initial link in the formation of achievements in the field of sustainable development of the country. It is difficult for our state to form the basis for sustainable development when there are over 80 territorial entities with different economic and social opportunities. In this regard, the study of the problem of finding individual mechanisms for each region that can guarantee their sustainable social and economic development in the near future is of great importance and is relevant. The purpose of the study is to find possible mechanisms to ensure sustainable social and economic development of the region for a long period.

Materials and methods. As an object of study, the social and economic development of the region is considered on the example of the Republic of Mordovia. The research material was statistics data, official publications and analysis of literary sources on the issue. Abstract-logical methods, methods of statistical and economic analysis, graphic method, and systematic approach are used.

Results and discussion. The analysis of the social and economic development of the Republic of Mordovia made it possible to obtain an assessment of the state of the economic, social and environmental subsystems of the region — the current situation of the region does not meet the requirements of sustainable development. The key problems that need to be addressed in order for the republic to get out of the crisis and begin to develop were highlighted. The formation and implementation of a new development strategy are identified as a possible mechanism for achieving sustainable social and economic development of the Republic of Mordovia for a long period. Activities within each development area were proposed as recommendations.

Conclusion. The concept of sustainable development is a global concept, which in more than 30 years has transformed into a global instrument to solve current and future global issues. At the moment, there is no approved mechanism in Russia to ensure the implementation of the goals of the concept of sustainable development; accordingly, it is a difficult task to form such a mechanism at the regional level. Therefore, it is necessary to continue research on possible mechanisms for ensuring sustainable social and economic development of the regions.

Keywords: sustainable development, region, assessment, opportunities, mechanism, strategy of social and economic development

For citation: Novikov MP, Lipatova LN, Gradusova VN. Mechanism for Ensuring Sustainable Social and Economic Development of the Republic of Mordovia. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):41—56. EDN IQSIBO

Введение

Понятие устойчивого развития на современном этапе стало всеобщей идеологией дальнейшей деятельности и лозунгом для формирования рациональной модели взаимодействия человека и природы. После официального принятия странами мира данного понятия оно превратилось в общемировую концепцию, привлекающую большое внимание всех заинтересованных сторон и долго будет оставаться самой распространенной моделью развития.

Термин *sustainable development* появился в 1987 г. в докладе «Наше общее будущее», подготовленном Международной комиссией ООН по окружающей среде, известном также как «Доклад Брундтланд», посвященный совместному поиску оптимального пути развития общества и природы. Основная идея устойчивого развития заключается в формировании такой модели поведения, при которой будет осуществляться рациональное развитие всех сфер жизнедеятельности без создания чрезвычайных угроз для будущих поколений общества (голод, пандемии, конфликты стран и др.).

В 2015 г. Россия приняла Декларацию ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и вступила в мировое сообщество в качестве участника, вносящего свой вклад в достижение установленных Целей устойчивого развития (ЦУР). Но на данный момент существуют проблемы по выполнению обязательств, которые прежде всего связаны с отсутствием корректировок стратегических планов развития страны в целом.

Тема устойчивого развития выражается сегодня во многих направлениях деятельности. Внесены изменения, касающиеся устойчивого развития, в социальное, экономическое и экологическое законодательство. Однако достижения отечественной науки в изучении данной проблемы не позволили до сих пор сформировать Государственную стратегию устойчивого развития Российской Федерации. В комплексном виде тема устойчивого развития не изложена в основных документах стратегического планирования [13, с. 99].

В государственной политике России находят отражение некоторые ЦУР, они частично охватывают определенные стратегические и программные документы. Необходимо закрепить социально-ответственный подход к устойчивому развитию страны в комплексном документе, на основании которого по иерархии будут формироваться стратегии, программы, законы, в том числе на региональном уровне. Регион — это территория, являющаяся составным элементом национального государства. Происходящие в нем процессы направлены на выполнение общегосударственных целей. Именно регионы выступают первоначальным звеном формирования достижений в области устойчивого развития, их деятельность, с учетом внутреннего потенциала и имеющихся ресурсов, должна быть ориентирована на обеспечение устойчивого социально-экономического развития.

Анализируя территориальное развитие нашей страны, можно сделать вывод, что регионы России имеют множество внутренних различий, влияющих на их социально-экономическое положение, — размер территории и ее расположенность, климатические условия для жизни, наличие сырьевых ресурсов, социальная и производственная инфраструктура, национальные и культурные особенности и др. Все это установилось исторически и не претерпевает изменений. Государству

сложно сформировать основы для устойчивого развития, когда существует более 80 территориальных образований с отличающимися, в некоторых случаях в десятки раз, экономическими и социальными возможностями. Кроме того, текущий уровень деятельности отдельных регионов по некоторым показателям не соответствует условиям устойчивого развития, например неудовлетворительное состояние экономики, сложная экологическая обстановка или низкое качество жизни населения. В связи с этим естественным образом формируется задача создания таких индивидуальных для каждого региона механизмов, которые смогут гарантировать их устойчивое социально-экономическое развитие в ближайшем будущем.

Цель проводимого исследования заключается в изучении текущей деятельности Республики Мордовия, выявлении ее ключевых проблем и определении возможного механизма для обеспечения устойчивого социально-экономического развития на длительный период.

Обзор литературы

Анализ других исследований показал, что в большинстве из них авторы считают актуальной проблему изучения устойчивого развития регионов и, в связи с ужесточающимися условиями современной экономики, указывают на необходимость продолжения поиска и разработки механизмов обеспечения развития и устойчивости экономических систем регионов.

Л. Н. Орлова, С. П. Голованова, Ю. А. Дмитриев, М. Н. Исянбаев отмечают, что разработка и реализация стратегии долгосрочного социально-экономического развития региона являются одним из наиболее эффективных механизмов обеспечения его устойчивого социально-экономического развития.

При этом Л. Н. Орлова указывает на необходимость опираться на типологию регионов, особенности их развития, а также направленность стратегического развития экономики Российской Федерации. Автор предлагает разделять регионы на типы — локомотивы роста, опорные регионы и депрессивные районы. Затем на основе прогноза Минэкономразвития долгосрочного развития Российской Федерации до 2030 г. использовать три основных сценария разработки стратегий развития: консервативный, инновационный и целевой. Комплекс мер, представленный в выработанных индивидуальных стратегиях, должен быть направлен на создание наиболее благоприятного социально-экономического режима на региональном уровне, повышение инвестиционной привлекательности и уровня доверия [12, с. 162 — 165].

Ю. А. Дмитриев, С. Н. Мамедов, Б. А. Конюх и Л. И. Шустров считают, что стратегия долгосрочного социально-экономического развития позволяет достигать целей, связанных с разработкой новых моделей экономического развития для всех отраслей экономики, их переводом на современные научно-технические рельсы. При этом главной задачей стратегии является обновление существующих и создание новых хозяйственных сфер в экономике, которые будут обеспечивать устойчивое развитие региона [7, с. 105].

По мнению С. П. Голованова и Ф. А. Гаврикова, механизм обеспечения социально-экономического развития региона должен быть ориентирован на процесс максимального удовлетворения нужд общества за счет рационального распределения ограниченных ресурсов между отраслями экономики, в соответствии с имеющи-

мися объемами и потребностями. Авторы указывают, что в современных социально-экономических условиях существует необходимость корректировки территориального механизма управления по таким направлениям, как создание взаимосвязи и взаимозависимости между интересами государства и региона, обеспечение развития в соответствии с особенностями региона, создание дополнительного уровня управления отраслями с целью оказания помощи и поддержки, расширение степени использования резервов региона для повышения ресурсной самообеспеченности [6, с. 13 — 14].

М. Н. Исянбаев делает акцент на решение проблемы развития депрессивных регионов. Автору представляется, что развитие экономики депрессивных регионов должно реализоваться во взаимосвязи с Стратегией социально-экономического развития страны. По его мнению, в современных условиях важнейшими стратегическими механизмами обеспечения развития депрессивных регионов являются: увеличение экономической самостоятельности регионов в рамках налогов и собственности; разработка индивидуальной социально-экономической стратегии с учетом задач страны; осуществление политики протекционизма для увеличения уровня социально-экономического развития депрессивного региона [8, с. 3 — 4].

В качестве одного из инструментов обеспечения устойчивого развития региона Т. С. Ледович, Н. Ф. Криворотова, Т. Ф. Абросимова выделяют экономические кластеры. Создание территориально-отраслевых кластеров на основе ключевых отраслей региона может быть хорошей ответной реакцией на макроэкономические изменения [9, с. 69].

Таким образом, исследователи в качестве базового механизма обеспечения устойчивого развития региона предлагают долгосрочную стратегию социально-экономического развития, которая должна соответствовать интересам государства и учитывать внутренние возможности региона, т. е. быть индивидуальной. При этом одним из элементов реализации стратегии, показавшим практическую эффективность по многим странам, может являться создание кластеров.

Материалы и методы

Объект исследования — Республика Мордовия. В качестве материалов исследования использовались данные государственной и региональной статистики*, официальные публикации и анализ литературных источников по проблеме в открытом доступе. В работе применялись графический метод, абстрактно-логические методы (выдвижение гипотезы, приемы анализа и синтеза, сравнения) и методы статистико-экономического анализа, системный подход. Метод анализа в исследовании связан с выполнением поставленной задачи по изучению текущей деятельности региона, разделением ее на несколько составных частей (экономическая, социальная и экологическая) для их лучшего изучения, определения взаимосвязи и взаимозависимости между ними, а также формирования общего вывода. Применение графических и сравнительных методов анализа позволяет наглядно представить количественные результаты работы.

* Далее в статье предлагаются рисунки и таблица, составленные нами на базе данных Росстата 2016 — 2021 гг.

Результаты исследования и их обсуждение

Республика Мордовия является индустриально-аграрным регионом, в котором промышленность составляет 30 % экономики, а сельское хозяйство — 15 %. Из ключевых конкурентных возможностей региона следует выделить высокий уровень развития машиностроения и металлообработки (вагоностроение), большие объемы кабельного производства (оптоволокно, оптоэлектроника), в том числе на экспорт, ежегодный рост производства в аграрной отрасли (зерновое производство и животноводство). Некоторые предприятия региона уникальны не только в рамках всей страны, но и в масштабах СНГ. Сельское хозяйство — одна из ключевых производственных сфер республики, которая формирует крупные кластерные образования в агропромышленном комплексе региона. Республика показывает качественный рост и занимает лидирующую позицию в Приволжском федеральном округе в пищевой промышленности [3, с. 24].

Одним из показателей оценки регионального развития является качество жизни населения. Ежегодно рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» проводит исследование уровня качества жизни всех регионов России. Оценивая общий показатель качества жизни в России, можно сказать, что среднее значение рейтингового балла всех регионов в 2021 г. составило 48,3 балла, повысившись на 1,8 пункта по сравнению с 2020 г. Важно отметить, что относительно прошлых лет коренного изменения позиций регионов в рейтинге не произошло. Первая и последняя десятки остались без изменений, ежегодно происходят небольшие изменения только в середине списка, без резких скачков.

Первые позиции в рейтинге регионов по качеству жизни, как и ранее, занимают г. Москва, Санкт-Петербург и Московская область. Эта тройка лидеров находится на вершине рейтинга длительное время и значительно опережает ближайшие к ним регионы. Обширная инфраструктура и высокий уровень социально-экономического развития с большими перспективами дальнейшего роста формируют ключевые факторы, позволяющие иметь высокий показатель качества жизни в течение длительного времени. Замыкают рейтинг экономически бедные регионы, находящиеся на границах России, — Еврейская автономная область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва. Республика Мордовия в данном рейтинге занимает 52-е место с показателем 45,6 балла (рис. 1). За прошедший год позиция региона не изменилась (в 2020 г. показатель составлял 43,2 балла). Регион находится во второй половине рейтинга, но отставание до первой тридцатки небольшое и при обеспечении постоянного экономического роста в течение 10 лет позиция Республики Мордовия может коренным образом измениться.

Важным индикативным показателем экономической деятельности региона, его результативности, характеристикой стоимости товаров и услуг, произведенных на его территории, является валовой региональный продукт (ВРП). В 2020 г. самый высокий уровень ВРП имели такие субъекты РФ, как Москва, Тюменская область, Московская область. Важно отметить существенную разницу между Москвой и другими ближайшими регионами (практически в 3 раза). Анализируя ВРП регионов России, можно сделать вывод, что высокий показатель экономической жизни не может служить прямой оценкой величины качества жизни населения, о чем говорят различия в позициях регионов по ВРП и рейтингу качества жизни. Субъекты, которые имеют

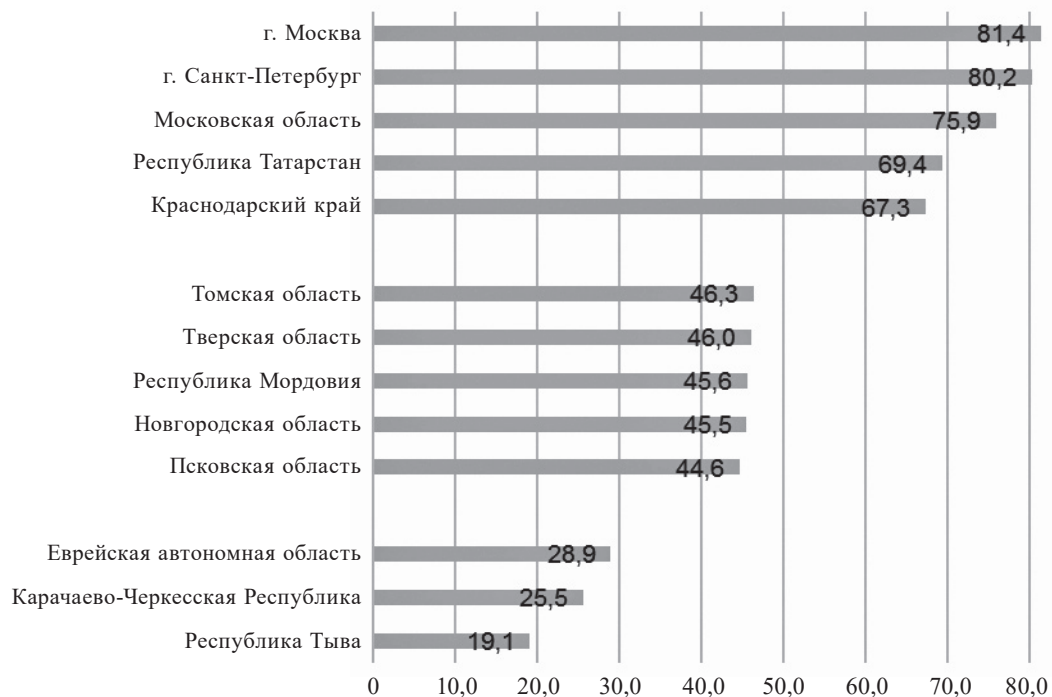

Рис. 1. Рейтинг российских регионов по качеству жизни в 2021 г.

Figure 1. Rating of Russian regions by quality of life in 2021

высокий показатель ВРП, не всегда характеризуются благоприятными условиями для жизни, качественной инфраструктурой, транспортной доступностью, хорошей экологией. В основном это касается северных регионов России с большим количеством полезных ископаемых, но где жизнь осложнена природными условиями.

По величине ВРП Республика Мордовия занимает 64-е место, что соответствует 0,3 % ВВП страны (2020 г.) (таблица). Ежегодно республика не утрачивает экономического положения, но и не осуществляет большого движения вперед — динамика прироста сохраняется, но этого недостаточно, чтобы догнать ближайших конкурентов (Ивановская область показывает большие темпы), и «наступают на пятки» регионы, располагающиеся ниже.

Не обладая какими-либо природно-ресурсными возможностями, высоким экономическим потенциалом для обеспечения достойных условий жизнедеятельности населения и имея относительно небольшой показатель ВПР, республика находится намного выше других регионов по качеству жизни. Учитывая данные объективные ограничения, это можно считать достижением.

По величине среднедушевых денежных доходов Мордовия находится на 81-м месте из 85 субъектов (рис. 2). По величине средней заработной платы регион занимает 77-е место в России, что является ключевым фактором оттока высококвалифицированных специалистов и трудоспособного населения в другие регионы.

Таблица. Валовой региональный продукт в текущих ценах в 2020 г., млрд руб.

Table. Gross regional product at current prices in 2020, billion rubles

№ п/п	Субъект РФ	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1	г. Москва	15 121,53	16 538,19	18 777,73	19 797,06	19 856,67
2	Тюменская область	6 125,96	7 097,07	8 875,00	8 952,46	7 287,70
3	Московская область	4 206,51	4 290,26	4 644,64	5 196,14	5 265,39
4	г. Санкт-Петербург	4 099,94	4 283,04	4 785,22	5 186,13	5 235,71
5	Красноярский край	1 821,90	1 977,02	2 374,75	2 696,16	2 722,64
6	Республика Татарстан	2 058,14	2 264,66	2 622,77	2 808,75	2 633,91

62	Новгородская область	253,06	256,17	259,26	273,81	280,19
63	Ивановская область	205,82	212,46	232,49	254,97	271,65
64	Республика Мордовия	223,30	236,09	245,68	262,76	268,96
65	Республика Хакасия	207,74	218,15	242,34	256,32	266,80
66	Чеченская Республика	201,63	215,98	223,85	241,64	254,55

78	Республика Тыва	58,00	65,04	73,68	79,32	82,81
79	Республика Ингушетия	58,14	60,86	67,47	73,79	72,71
80	Еврейская автономная область	48,56	55,27	54,58	56,85	63,01
81	Республика Алтай	47,43	48,42	54,07	57,06	62,52

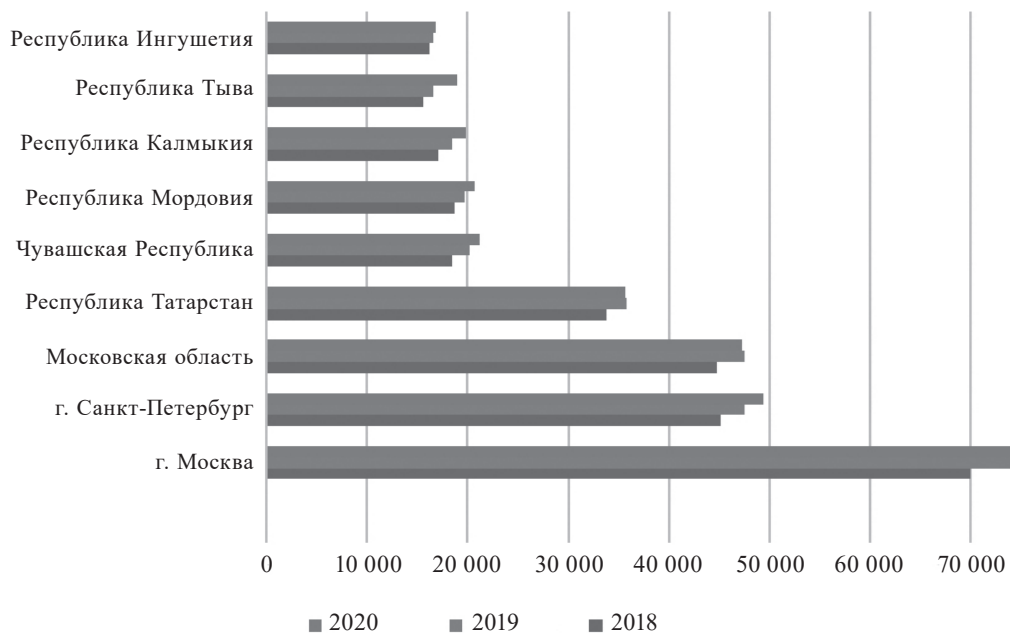

Рис. 2. Среднедушевые денежные доходы населения в России, руб.
Figure 2. Average per capita cash income of the population in Russia, rub.

Заработная плата — это основной источник доходов населения и один из важнейших индикаторов оценки потенциала региона. В структуре денежных доходов жителей республики удельный вес заработной платы составляет около 42 %, что существенно выше, чем в среднем по России и ПФО. Учитывая, что преобладающую часть населения региона составляют люди пенсионного возраста и студенты, около 30 % доходов формируют социальные выплаты. На другие источники доходов отводится 28 %. При этом в целом по России суммарно прочие доходы, включающие в себя прибыль от предпринимательства, собственности и др., формируют 39 % доходов, а в ПФО — чуть более 40 %. Потребительские расходы населения в Мордовии почти в 2 раза меньше среднего уровня в стране, и по этому показателю регион занимает 80-е место, сохраняется достаточно высоким уровень бедности.

В 2021 г. республику возглавил А. А. Здунов, который получил «в наследство» значительный государственный долг — минус 211,5 % налоговых и неналоговых доходов. Они накапливались в течение длительного времени и должны были вызвать коренной «толчок» к экономическому росту, но ожидаемого эффекта не получилось достичь. С 2012 г. уровень долга увеличился почти в 3 раза — с 19,1 млрд до 49,0 млрд руб. За этот период сумма доходов бюджета региона увеличилась в 1,6 раза, а объемы федерального финансирования, наоборот, уменьшились в 1,3 раза, в результате недостающая часть доходов стала покрываться заимствованиями. Существенное воздействие оказывает и сейчас решение провести несколько матчей чемпионата мира в 2018 г. Безусловно, это позволило улучшить инфраструктуру города, повысить его узнаваемость, создать множество рабочих мест, но наследие данного мероприятия не приносит пользы. Безвозвратные затраты на содержание объектов легли на бюджет республики. Это результат отсутствия четкого представления об экономических возможностях региона и потенциале его развития. Неэффективная государственная политика регионального развития привела к сложной ситуации [14, с. 15 — 16].

Наличие указанного факта потенциально отпугивает возможных инвесторов, готовых открывать большие производства и вкладывать средства в основной капитал, создавать новые рабочие места с высоким уровнем заработной платы. Сложившаяся ситуация не дает возможности для осуществления конкретных действий по налаживанию социально-экономического состояния в регионе. Тем не менее новое правительство республики сформировало ряд мер по решению ключевой проблемы региона. Основное достижение — это проведение рациональной реструктуризации долга, увеличение сроков его выплаты, чтобы доходы бюджета республики позволяли постепенно погашать задолженность без ущерба для обеспечения экономического развития и реализации установленных программ.

Сейчас в сельском хозяйстве как одной из ключевых производственных отраслей республики имеется ряд острых проблем, которые ограничивают его дальнейшее развитие. С 2016 г. заметно сократилась численность постоянного сельского населения. В современных условиях качество жизни сельских жителей непривлекательно и заметно отличается от уровня жизни городского населения. Это относится не только к уровню возможных доходов, а связано и с инфраструктурой — жилищно-коммунальные условия, наличие больниц, учебных заведений и др. Из-за этого сельское население, особенно молодое, старается переезжать ближе к городам

либо покидает регион. С 1990-х гг. численность сельского населения уменьшилось более чем на 30 %. Данная демографическая ситуация привела к тому, что в регионе пропало более 70 сел, а количество заброшенных деревень возросло до 94 единиц, и некогда работающие территории региона продолжают пустеть. При этом на них находится множество активных сельскохозяйственных угодий. Сегодня крупные предприятия для восполнения дефицита рабочих кадров в агропромышленных центрах стараются формировать систему связей для привлечения людей, предлагая им хорошие условия труда и удобные возможности для перевозки до места работы.

В. М. Володин, И. Г. Кильдюшкина и Е. Г. Воробьева дополнительно выделяют следующие проблемы, которые замедляют развитие сельского хозяйства в регионе: недостаточный объем инвестиций в основной капитал отрасли, сокращение численности работников и рабочих мест, уменьшение числа сельскохозяйственных производителей за счет их поглощения крупными предприятиями, наличие барьеров для свободного доступа к ресурсам, способствующим развитию аграриев, неустойчивость объемов производства продуктов животноводства и др. [4; 5, с. 179].

Другой важной проблемой является количество плодородных сельскохозяйственных угодий. В значительной части сельской местности республики сложилась опасная экологическая ситуация из-за эрозии почв как одного из неблагоприятных факторов, оказывающих влияние на их качество. Кроме того, имеющиеся площади с каждым годом истощаются и требуют проведения комплекса восстановительных мероприятий. Существует актуальная проблема «брошенных» сельскохозяйственных угодий, которые за 5 — 10 лет зарастают травой, мелколесьем и кустарником. Для их восстановления необходимо проведение комплекса мелиоративных мероприятий, требующих вложения больших инвестиций. Одной из основных причин аграрных проблем можно считать серьезное уменьшение социальных расходов бюджета на сельских территориях. Удельная стоимость услуг в сельской местности намного выше, чем в городах, поэтому социальные программы сокращаются [10, с. 104].

По мнению В. Ф. Байнева, пристальное внимание следует обратить на развитие такого перспективного направления, как аграрный (сельский) туризм. Формирование новой сферы деятельности в аграрных районах региона способствует развитию малого предпринимательства и созданию новых рабочих позиций. Реализация данного направления развития может сильно повлиять на рост социально-экономической обстановки в сельской местности. Доходы сельских жителей увеличатся, вырастут объемы налоговых поступлений, дополнительные денежные средства, сформировавшиеся в местных бюджетах, позволят улучшать социальную инфраструктуру [1, с. 19].

В Мордовии низкие природно-ресурсные возможности, обусловленные ее территориальным расположением. Цементное сырье, известняк и незначительное количество железных руд — очень небольшое количество полезных ископаемых. Сегодня в добывающих отраслях создано около 200 рабочих мест, и эта сфера деятельности не формирует больших возможностей для развития региона.

Стоит отметить проблему общей демографической ситуации — в Мордовии ежегодно снижается численность населения. За 1990 — 2021 гг. она уменьшилась более чем на 20 %. Данное явление обусловлено как естественной убылью (особенно повлияла пандемия коронавирусной инфекции), так и существенным миграци-

онным движением [2, с. 18]. Из региона уезжают в основном молодые квалифицированные кадры, окончившие обучение, что снижает возможности развития важного в современном мире инновационного направления, требующего новых кадров, идей и свершений, активности молодежи в области нахождения новых достижений науки и их применения во всех сферах жизни общества. Переезд высококвалифицированных кадров из Мордовии обусловлен недостаточным уровнем социально-экономического развития региона, что в свою очередь образует реальную угрозу устойчивости региональной социально-экономической системы, которую трудно решить собственными усилиями без поддержки федерального центра в социально-экономических вопросах.

В экологическом аспекте Республика Мордовия не имеет критических проблем, поэтому не входит в число «проблемных» регионов Приволжского федерального округа. Основных факторов загрязнения окружающей среды немного — в регионе относительно небольшое количество промышленных предприятий и транспортных средств, а тяжелые добывающие производства вообще отсутствуют. В то же время на экологическую ситуацию в регионе отрицательно влияют другие опасные явления. С 2007 г. высокий ущерб лесам наносит распространение лесных пожаров. Самые крупные повреждения были получены в 2010 г. Ежегодно во время сильных засух летом на территории Мордовии возникают очаги возникновения пожаров, которые добираются до населенных пунктов. Важно отметить пожары в августе 2021 г. в Мордовском заповеднике, где за неделю стихия уничтожила около 6 тыс. га лесных массивов, а причиной послужил вспыхнувший сухой валежник, оставшийся после пожаров 2010 г.

Можно сделать вывод, что Республике Мордовия еще довольно далеко до устойчивого развития. В первую очередь это связано с современным состоянием экономической, социальной и экологической подсистем. Существует множество проблем различного характера, которые необходимо решать, чтобы республика вышла из кризисного положения и начала развиваться. С другой стороны, на данный момент в России нет утвержденного механизма, обеспечивающего реализацию целей концепции устойчивого развития. Стратегия не утверждена, конкретно не выделяется в ключевых документах, не существует установленных индикаторов оценки. Естественно, на региональном уровне такого механизма тоже нет. В связи с этим на данный момент в Мордовии реализуется Стратегия социально-экономического развития до 2025 года, цели и направления которой не соответствуют реальной ситуации.

В. П. Миничкина считает, что без активной поддержки государства нет возможности собственными силами решить ключевые социально-экономические проблемы Мордовии, так как республика работает в условиях наложенных на нее ограничений, и региональные власти имеют большие трудности в решении различных экономических вопросов [11, с. 118].

Текущих внутренних ресурсов Республики Мордовия недостаточно для улучшения социально-экономического положения в ближайшей перспективе, и от Правительства РФ ожидается усиление мер поддержки. В частности, необходимо сформировать комплекс новых механизмов финансовой поддержки, которые позволят снизить миграционное движение квалифицированных кадров, удержать и дать

импульс существующим ключевым направлениям развития экономики. Данная финансовая поддержка должна быть осознанной, адресной и опираться на определенную базу, которая уже есть. Надо разработать и реализовать долгосрочную программу или стратегию социально-экономического развития Республики Мордовия на 10 лет с учетом существующих проблем и внутренних возможностей. Важно, чтобы эта стратегия отражала ЦУР.

В конце 2020 г. Глава Республики Мордовия А. А. Здунов поручил Правительству РМ начать работу по формированию новой Стратегии социально-экономического развития республики до 2035 года. Уже в конце 2021 г. была утверждена концепция стратегии развития республики до 2030 г., содержащая основные стратегические направления развития. Выделенные направления ориентированы на обеспечение лидерства Мордовии в Поволжье по уровню социально-экономического развития и достижению ЦУР. Работы по формированию проекта концепции проводились при участии консалтинговой компании «Стратэджи Партнерс». Для определения общей картины действий специалисты компании проводили анализ текущего социально-экономического положения и осуществляли опросы жителей по поводу качества жизни в республике. Оптимистичный сценарий реализации концепции предполагает, что в течение 10 лет Мордовия сможет войти в число успешных регионов Поволжья по устойчивому развитию, при этом вопрос высокой задолженности перед государством перестанет оказывать сильное воздействие на экономику региона. На ближайшее будущее были выделены пять ключевых направлений развития Мордовии. Это современное производство, агропромышленный комплекс, сектор «цифровые решения», сектор «чистые технологии», медицинские инновации.

В сфере современного производства необходимо развивать потенциал уже существующих крупных направлений, которые связаны с металлообработкой, машиностроением, светотехникой и оптоэлектроникой, а именно — вагоностроение, нефтехимическое оборудование, светотехника и электротехника. Также следует обратить внимание на создание перспективных производств, связанных с разработкой новых материалов и альтернативных источников энергии.

В агропромышленном комплексе основной ориентир должен быть направлен на поддержку существующих и создание новых сельхозпроизводителей. Как источник дополнительного развития следует рассмотреть создание агропромышленного кластера на конкретной территории, которая долгое время получает высокие результаты в сельском хозяйстве. Необходимо развивать инфраструктуру сельских территорий. Актуальным направлением развития, пользующимся большой популярностью в зарубежных странах, является создание производств органической и «зеленой» продукции. Важно продолжать подготовку новых кадров для АПК, снижать истощение и повышать эффективность использования земель сельскохозяйственного назначения.

Сектор «цифровые решения» должен опираться на развитие создания программного обеспечения и компонентов современного оборудования. Разработка программного обеспечения направлена на цифровизацию и автоматизацию процессов в сфере государственных услуг. В текущих макроэкономических условиях важно создать благоприятную среду для привлечения в республику крупных про-

ектов в сфере цифровых решений за счет льгот для ИТ, строительства бизнес-центров, обеспечения инфраструктуры для расположения оборудования, и соответственно создать привлекательный имидж для размещения крупных ИТ-компаний. Достаточно многообещающе озвучивалось желание строительства в республике площадок для тестирования федеральных цифровых проектов.

В секторе «чистые технологии» сегодня нет необходимой инфраструктуры для получения моментальных результатов, в связи с чем в длительной перспективе (более 10 лет) необходимы разработка и внедрение в деятельность возобновляемых источников энергии, активное использование технологий по эффективной утилизации и переработке отходов, создание предпосылок для предотвращения опасных экологических событий, особенно лесных пожаров.

Медицинские инновации являются потенциально перспективным направлением развития региона. Однако пока имеются некоторые ограничения, связанные с недостаточным финансированием исследований и нехваткой квалифицированных специалистов, особенно из-за переезда молодых кадров в другие регионы с лучшей медицинской инфраструктурой. Основная цель должна заключаться в формировании устойчивой системы здравоохранения региона. Имеющихся производственных возможностей достаточно для продолжения создания и производства новых лекарств. Республика имеет хороший потенциал для развития медицинского и лечебно-оздоровительного туризма. Люди из других регионов могут приезжать сюда для проведения частных операций или прохождения диагностики. В регионе несколько крупных санаториев находятся в экологически чистых местах и предоставляют широкий спектр оздоровительных услуг.

Основным ограничивающим барьером для реализации данных направлений развития является высокий уровень государственной задолженности, который ограничивает финансовые возможности региона. Однако, по мнению экспертов, если республика будет поддерживать необходимый ежегодный рост экономики, примерно на 5 — 6 %, то через 10 лет вопрос высокой задолженности перед государством перестанет быть «бременем» для экономики Мордовии.

Заключение

Концепция устойчивого развития является общемировой концепцией, которая привлекает большое внимание всех заинтересованных сторон. За более чем 30 лет она преобразовалась в глобальный документ, который объединил множество мировых стран в вопросах решения текущих и будущих глобальных проблем.

Регионы, являясь составными элементами государств, вносят первоначальный вклад в формирование достижений в области устойчивого развития. Проведенный комплексный анализ позволил получить оценку состояния экономической, социальной и экологической подсистем региона. Существует множество проблем различного характера, которые необходимо решать, чтобы республика вышла из кризисного положения и начала устойчиво развиваться. Республике Мордовия необходимо пройти длительный путь для достижения определенных успехов в устойчивом социально-экономическом развитии. Кроме того, сложно ожидать успехов на региональном уровне, когда не проработан механизм реализации концепции устойчивого развития на уровне государства. По нашему мнению, для улучшения результатов деятельности республики необходимы проведение комплекса организационных из-

менений, а также формирование и реализация новой стратегии развития до 2030 г., которая послужит действенным механизмом достижения устойчивого социально-экономического развития Республики Мордовия на длительный период.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что тема исследования устойчивого развития Республики Мордовия относительно новая и мало изученная. Выражаем надежду, что данная работа будет полезна для дальнейших исследований устойчивого развития Республики Мордовия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Байнев В. Ф., Тарандо Е. Е. Агротуризм как фактор укрепления экономического потенциала региона и смягчения межрегиональных различий // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 1 (61). С. 18 — 24. URL: <http://vestnikniign.ru/V-1-2022-st03>
2. Балувев Д. В., Липатова Л. Н. Статистическая оценка социально-экономической дифференциации регионов Приволжского Федерального округа // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 2 (62). С. 17 — 27. URL: <http://vestnikniign.ru/V-2-2022-st02>
3. Вдовин С. М. Предпосылки формирования стратегии устойчивого развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 16. С. 22 — 27.
4. Володин В. М., Кильдюшкина И. Г. Матрица современной региональной агропродовольственной политики // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 161 — 171. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-4-2015.pdf>
5. Воробьева Е. Г. Развитие сельского хозяйства в Республике Мордовия: экономическая ретроспектива и современность // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 177 — 184. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-1,2020.pdf>
6. Голованова С. П., Гавриков Ф. А. Механизмы совершенствования социально-экономического развития региона // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2019. № 1. С. 13 — 15.
7. Дмитриев Ю. А., Мамедов С. Н., Конюх Б. А., Шустров Л. И. Формирование механизма экономической устойчивости социально-экономического развития региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 1, № 10. С. 101 — 106.
8. Исянбаев М. Н. Проблемы стабилизации социально-экономического развития депрессивных регионов // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12, № 3. С. 1 — 9.
9. Ледович Т. С., Криворотова Н. Ф., Абросимова Т. Ф. Механизм управления устойчивым развитием экономики региона // Вестник Института Дружбы народов Кавказа. 2018. № 1. С. 68 — 74.
10. Мартынов К. П. Проблемы устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия // Казанская наука. 2013. № 7. С. 102 — 104.
11. Миничкина В. П. Роль инвестиций в сокращении межрегионального социально-экономического неравенства // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4 (60). С. 115 — 120. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf>
12. Орлова Л. Н. Механизмы обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2018. № 2. С. 161 — 170.
13. Стрижов С. А., Коданева С. И. Реализация концепции устойчивого развития в России: региональный аспект // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 9—1. С. 97 — 111.
14. Тарандо Е. Е., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Жить по средствам: все ли регионы в России могут себе это позволить // Управление городом: теория и практика. 2021. № 2. С. 13 — 18.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

Информация об авторах:

Максим Павлович Новиков, аспирант отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6454-3803>, novikoff.stlab@gmail.com

Людмила Николаевна Липатова, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3); профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Валентина Николаевна Градусова, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, gradusovavn@ranepa.ru

Вклад авторов:

Новиков М. П. — сбор данных и анализ литературы, критический анализ материалов, формулирование выводов и рекомендаций, подготовка текста статьи;

Липатова Л. Н. — научное руководство, критический анализ и научное редактирование текста;

Градусова В. Н. — анализ статистической информации, интерпретация полученных результатов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Baynev VF, Tarando EE. Agro-Ecotourism as a Factor in Strengthening the Economic Potential of the Region and Mitigating Interregional Differences. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(1):18—24. URL: <http://vestnikniign.ru/V-1-2022-st03>. (In Russ.)
2. Baluev DV, Lipatova LN. Statistical Assessment of the Social and Economic Differentiation of the Regions of the Volga Federal District. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(2):17—27. URL: <http://vestnikniign.ru/V-2-2022-st02>. (In Russ.)
3. Vdovin SM. Prerequisites for the Formation of a Strategy for Sustainable Development of the Region. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2012;(16):22—27. (In Russ.)
4. Volodin VM, Kildyushkina IG. The Matrix of Modern Regional Agri-Food Policy. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2015;(4):161—171. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-4-2015.pdf> (In Russ.)
5. Vorobieva EG. Development of Agriculture in the Republic of Mordovia: Economic Retrospective and Modernity. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2020;(1):177—184. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-1,2020.pdf> (In Russ.)

6. Golovanova SP, Gavrikov FA. Mechanisms for Improving the Social and Economic Development of the Region. *Russian Science and Education Today: Problems and Prospects*. 2019;(1):13—15. (In Russ.)
7. Dmitriev YuA, Mamedov SN, Konyukh BA, Shustrov LI. Formation of the Mechanism of Economic Sustainability of the Social and Economic Development of the Region. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2020;1(10):101—106. (In Russ.)
8. Isyanbaev MN. Problems of Stabilizing the Social and Economic Development of Depressed Regions. *Bulletin of the Eurasian Science*. 2020;12(3):1—9. (In Russ.)
9. Ledovich TS, Krivorotova NF, Abrosimova TF. The Mechanism of Managing the Sustainable Development of the Regional Economy. *Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus*. 2018;(1):68—74. (In Russ.)
10. Martynov KP. Problems of Sustainable Development of Rural Areas of the Republic of Mordovia. *Kazan Science*. 2013;(7):102—104. (In Russ.)
11. Minichkina VP. The Role of Investments in Reducing Interregional Social and Economic Inequality. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2021;(4):115—120. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf> (In Russ.)
12. Orlova LN. Mechanisms for Ensuring Sustainable Social and Economic Development of Regions. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2018;(2):161—170. (In Russ.)
13. Strizhov SA, Kodaneva SI. Implementation of the Concept of Sustainable Development in Russia: Regional Aspect. *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019;9(9—1):97—111. (In Russ.)
14. Tarando EE, Lipatova LN, Gradusova VN. Living Within One's Means: Can All Regions in Russia Afford It? *City Management: Theory and Practice*. 2021;(2):13—18. (In Russ.)

The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Information about the authors:

Maksim P. Novikov, Postgraduate Student of the Division of Regional Studies and Ethnology, the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6454-3803>, novikoff.stlab@gmail.com

Lyudmila N. Lipatova, Senior Researcher of the Division of Regional Studies and Ethnology, the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Professor of the Department of Economics, the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospect VO, Saint Petersburg 199178, Russia), Doctor of Sciences in Sociology, Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Valentina N. Gradusova, Associate Professor of the Department of Management, the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospect VO, Saint Petersburg 199178, Russia), Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, gradusova-vn@ranepa.ru

Contribution of the authors:

Novikov M. P. — data collection and literature analysis, critical analysis of materials, formulation of conclusions and recommendations, preparation of the article;

Lipatova L. N. — scientific advising, critical analysis and scientific text editing;

Gradusova V. N. — analysis of statistical information, interpretation of findings.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ISSN 2077-3579 (Print)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

УДК 947.084.3
EDN JOWOIL

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ КООПЕРАЦИЮ В 1921 — 1925 гг. (на примере регионов Центрального Нечерноземья)

Ю. А. Реент

Академия Федеральной службы исполнения наказаний России,
г. Рязань, Россия
reent2@yandex.ru

Аннотация

Введение. Основная цель статьи состоит в выявлении направлений работы и анализе эффективности воздействия советских и большевистских учреждений на сельскохозяйственные производственные товарищества, артели и их объединения в обозначенный хронологический период. Развитие производственной деятельности сельскохозяйственной кооперации не входит в предмет исследования.

Материалы и методы. В основу статьи положены архивные материалы и публикации региональных партийных конференций РКП(б), исполкомов местных Советов. Определяющим для исследования избран принцип историзма, который позволяет установить характер политических и экономических отношений, сложившихся в Центральной России после завершения Гражданской войны. При этом использованы разнообразные общенаучные методы исследования. В их числе следует отметить логические методы анализа, синтеза и обобщения. В частности, использование метода структурно-функционального анализа позволило выявить специфику происходивших кооперативных процессов в каждом из рассматриваемых регионов.

Результаты исследования и их обсуждение. Удалось ознакомиться и оценить основные положения существовавшей нормативной базы, выявить как сильные стороны проводимой организационной работы, так и неудачные примеры воздействия органов власти на деятельность сельскохозяйственных союзов и первичных кооперативов. В итоге сделаны выводы, согласно которым, несмотря на положительный эффект от ряда проведенных коммунистами кампаний и мероприятий, общая оценка партийного воздействия на кооперативное движение имеет негативный оттенок. «Накачка» кооперативных правлений рабочими «от станка» далеко не всегда укрепляла объединения сельских тружеников. Потребности последних также не всегда коррелировались с требованиями партийных органов. Однако на этом этапе развития позитивных моментов все же было больше.

Заключение. В связи с формирующейся социально-политической ситуацией в стране можно предположить активизацию интереса к опыту и истории развития сельскохозяйственной ко-

операции в целом, и в условиях новой экономической политики в частности. Предлагаемый материал призван способствовать оживлению такого интереса среди современных исследователей.

Ключевые слова: сельскохозяйственные кооперативы, идеология «кооперативного социализма», кадровая политика в деревне, методы партийно-политического воздействия, новая экономическая политика.

Для цитирования: Реент Ю. А. Партийно-политическое воздействие на сельскохозяйственную кооперацию в 1921 — 1925 гг. (на примере регионов Центрального Нечерноземья) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № (2). С. 57 — 71. EDN JOWOIL

Original article

PARTY-POLITICAL IMPACT ON AGRICULTURAL COOPERATION IN 1921 — 1925

(the case study of the regions of the Central Non-Black Earth Region)

Yu. A. Reent

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
reent2@yandex.ru

Abstract

Introduction. The main purpose of the article is to identify areas of work and analyze the effectiveness of the impact of Soviet and Bolshevik institutions on agricultural production partnerships, artels and their associations in the designated chronological period. The development of production activities of agricultural cooperation is not included in the subject of the study.

The materials and methods. The article is based on archival proceedings and publications of regional party conferences of the RCP(b), executive committees of local councils. The principle of historicism, which allows us to establish the nature of political and economic relations that have developed in Central Russia after the end of the Civil War, has been chosen as the defining one for the study. At the same time, various general scientific research methods were used. Among them, logical methods of analysis, synthesis and generalization should be noted. In particular, the use of the method of structural and functional analysis made it possible to identify the specifics of the cooperative processes that took place in each of the regions under consideration.

Results and discussion. It was possible to get acquainted and evaluate the main provisions of the existing regulatory framework, to identify both the strengths of the organizational work carried out and unsuccessful examples of the impact of authorities on the activities of agricultural unions and primary cooperatives. As a result, conclusions were drawn, according to which, despite the positive effect of a number of campaigns and events conducted by the Communists, the overall assessment of the party's impact on the cooperative movement has a negative connotation. The «pumping up» of cooperative boards by workers «from the machine» did not always strengthen the associations of rural workers. The needs of the latter were also not always correlated with the requirements of the party bodies, but at that stage of development, there were still more positive moments.

Conclusion. In connection with the emerging socio-political situation in the country, we can assume an increased interest in the experience and history of the development of agricultural cooperation in general, and in the context of the new economic policy, in particular. The proposed material is intended to promote the revival of such interest among modern researchers.

Keywords: agricultural cooperatives, ideology of cooperative socialism, personnel policy in the countryside, methods of party-political influence, new economic policy.

For citation: Reent YuA. Party-Political Impact on Agricultural Cooperation in 1921 — 1925 (the Case Study of the Central Non-Black Earth Region). *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):57—71. EDN JOWOIL

Введение

Предложенная для обсуждения проблема представляется актуальной как с точки зрения научно-исторической, так и с позиций практической применимости. Основной целью данной работы ставится изучение влияния и характера воздействия партийно-государственных структур на развитие сельскохозяйственной кооперации. Ряд обозревателей справедливо отмечают, что современная отечественная кооперативная система настоятельно требует нового импульса для своего развития. При этом ее структура далека от совершенства, а состояние управленческих структур базируется на запутанном конгломерате форм регулирования, присущих и периоду НЭПа, и годам «перестройки», и нововведениям XXI в. Исходя из этого, «совершенствование нормативно-правовой и учетно-статистической базы сельскохозяйственной кооперации представляется крайне важным» комплексом государственных мер [8, с. 13]. Тем не менее общей готовности к их разработке еще нет. Вероятно, этим можно объяснить и факт отзыва проекта Федерального закона «О кооперации в Российской Федерации» № 4221-5 от 15.01.2008 г. уже через три месяца после внесения на рассмотрение в Государственную думу.

Не секрет, что в настоящее время село постепенно вымирает во многом по причине отсутствия работы для его обитателей. Крупные колхозы и совхозы распались, новые агротехнические комплексы появились далеко не повсеместно. В таких условиях попытки занять население сельскохозяйственным производством на основе кооперации совместного труда, укрепить их торгово-логистические связи с промышленностью и коммерческими объединениями представляются вполне реалистичным и перспективным направлением экономического развития современной России.

Оставив прикладную составляющую проблемы, следует отметить, что история развития отечественной сельскохозяйственной кооперации исследована еще не полно, а отдельные ее аспекты не затронуты вообще. В связи с этим изучение деятельности властных структур по развитию кооперативного движения на селе приобретает особую теоретическую значимость. В целом же период, охватывающий 1921 — 1925 гг., по праву можно назвать наиболее демократичным в этом отношении по сравнению со всей предыдущей и последующей историей Советской России. Представляется, что многое, почерпнутое из этого опыта, могло бы позволить успешно решать комплекс социально-экономических задач, стоящих перед современными сельскохозяйственными производителями.

Обзор литературы

Наиболее активный всплеск внимания ученых к обозначенной проблеме отмечался с середины 1980-х по начало 2000-х гг. В определяющей мере это было связано с переходом к многоукладной экономической модели и возрождению кооперативного движения в целом, что составляло одну из основ курса на «перестройку». Оставив многочисленные статьи, назовем только некоторые из соответствующих диссертационных исследований, авторы которых удостоены научной степени кандидатов исторических наук. Среди них В. Н. Карман с работой «Деятельность ВКП(б) по усилению роли рабочего класса в создании предпосылок массового производственного кооперирования крестьянства на Северном Кавказе (1921 — 1929 гг.)» (Краснодар); В. П. Петрова, работавшая над проблемой «Развитие сельскохозяйст-

венной кооперации Урала в восстановительный период (1921 — 1925 гг.)» (Тюмень); В. Г. Афанасьев с темой «Деятельность Коммунистической партии по идейно-политическому воспитанию трудового крестьянства в 1921 — 1927 гг. (на материалах Брянской, Калужской и Смоленской губерний)» (Смоленск). Все эти диссертации были защищены в 1984 г.

Богатым на подобные исследования стал период с 1991 по 1993 г. Научной общественности были представлены диссертации Т. А. Ждановой «Социально-экономические и политические аспекты развития сельскохозяйственной кооперации в 20-е годы (на материале РСФСР)» (Москва, 1991), Ю. А. Реента «Развитие сельскохозяйственной кооперации в общественно-политических условиях НЭПа 1921 — 1927 гг. (на материалах Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний)» (Москва, 1993), Е. А. Шушкановой «Опыт и проблемы деятельности партийных организаций Восточной Сибири по строительству и развитию сельской кооперации в 1921 — 1925 годах» (Красноярск, 1991) и др. В 1998 г. А. Ю. Кабанов защитил кандидатскую диссертацию «Кооперация по переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции в 1921 — 1926 годах» (Иваново), А. О. Бунин — докторскую диссертацию «Сельскохозяйственная кредитная кооперация в системе советского хозяйства: октябрь 1917 — 1930 гг.» (Иваново). В первое десятилетие этого века научное сообщество обогатилось диссертациями М. А. Аликберова «Сельскохозяйственная кооперация Дагестана в 20-е годы XX века: история, особенности» (Махачкала, 2006), Е. Л. Фурмана «Кооперативное движение в немецких колониях Поволжья: 1906 — начало 1930-х гг.» (Волгоград, 2008), В. П. Петрова развила тему «История сельскохозяйственной кооперации Урала: 1917 — 1930 гг.» (Тюмень, 2004) до докторской диссертации.

Позже активность исторических исследований на данную тему стала заметно снижаться. Тем не менее появился ряд интересных публикаций юридического профиля [7], [1], [4], а также изысканий ученых-экономистов [5], [6] и др. Что же касается исследовательской базы настоящей публикации, то ее основу составили малоизученные и впервые введенные в оборот материалы 3 центральных государственных и 5 региональных архивов. Помимо того, видное место заняли публикации с материалами региональных партийных конференций РКП(б) и исполкомов местных Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Результаты исследования и их обсуждение

Отмечая весьма существенную работу по регулированию кооперативных процессов со стороны губернских и уездных партийных аппаратов региона Центрального Нечерноземья, следует одновременно признать, что на низовом уровне каких-либо инициатив со стороны коммунистов почти не наблюдалось. Более того, многие решения вышестоящих партийных органов на местах чаще исполняли беспартийные работники. Почему же они этим занимались? В первую очередь потому, что решения РКБ(б) приравнивались к государственно-правовым, их невыполнение предусматривало вполне реальные административные и даже уголовные меры ответственности. Многие материалы из Собрания узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР являлись лишь фактическим повторением уже принятых партийных документов.

Почему же этим не занимались сами коммунисты? Плохо ли, но все же занимались. Однако, если учесть, что одна партийная ячейка в среднем состояла из 6 человек, а на одного коммуниста в деревне приходилось до 3 000 беспартийных крестьян¹, то становится понятно: усилиями одних только членов РКП(б) быстро активизировать работу кооперации не представлялось возможным. Например, на рубеже 1922 — 1923 гг. в Тульской губернии на 1 385 сельских коммунистов в сельхозкооперации работало 155 чел., 40 чел. входило в состав коммун². В Рязанской губернии из 2 280 сельских коммунистов в колхозах и товариществах работали только 82 чел.³, а в Калужской губернии из-за малочисленности коммунистов подобный учет даже не велся.

Прямо говоря, на состоянии кооперации в худшую сторону это не отражалось. Тем не менее недостаточное партийное влияние на сельское население расценивалось как слабое звено всей организационно-партийной работы. В связи с этим стали насаждаться административные требования по вовлечению в большевистскую партию крестьян. Одновременно расширялось партийное представительство на селе за счет направления туда рабочих, выходцев из тех мест. Оценивая практику направления в деревни пролетариев-коммунистов, делегаты XIV Калужской губернской партийной конференции особое внимание заострили на том, что в условиях острой потребности экономических преобразований и недостатка ресурсов у государства именно кооперация должна была стать важнейшим средством подъема производительных сил в крестьянском хозяйстве, важной формой смычки между рабочим классом и крестьянством⁴.

Представляется характерным, что организационная помощь города, действительно, во многих случаях была полезной, воспринималась сельскими жителями с пониманием и одобрением. Это подтверждалось в многочисленных корреспонденциях с мест. Например, высокая оценка деятельности 105 рабочих-коммунистов была дана в мае 1925 г. в открытом письме Тульского губернского комитета РКП(б)⁵. На XVI Рязанской уездной партконференции (12 мая 1924 г.) отмечалось, что присланных в деревню 300 рабочих явно недостаточно. В обосновании необходимости продолжить начатую работу говорилось, что особенно в кооперации ощущается недостаток подготовленных и дисциплинированных работников, «вследствие чего приходится посылать туда нежелательные элементы»⁶. При этом под нежелательными работниками подразумевались не столько слабые в профессиональном плане, сколько оцениваемые недостаточно надежными в политическом отношении.

Очевидно, что прямых высказываний собственно крестьян об «организационной помощи города» помимо советских и партийных источников мы уже найти не смо-

¹ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 года: стенограф. отчет. М., 1961. С. 49.

² Материалы к XII губернской партийной конференции. Тула, 1924. С. 15.

³ Известия ЦК РКП(б). 1923. № 1. С. 22.

⁴ ГАДНИКО (Государственный архив документов новейшей истории Калужской области). Ф. П-1. Оп. 7. Д. 3. Л. 49, 50.

⁵ На борьбу с разрухой: (Тульская губерния в период восстановления народного хозяйства, 1921 — 1925 гг.): сб. док. и материалов. Тула, 1980. С. 93 — 94.

⁶ ГА РО (Государственный архив Рязанской области). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1369. Л. 3 об.

жем. Понятно и то, что такие мнения чаще всего были отфильтрованы и отредактированы кроме случаев, когда партийные функционеры сами выступали с критикой. Однако для современных исследователей давно уже не новость, что кампания, связанная с направлением в деревню рабочих-«двадцатипятипятитысячников», носила организационно-административный характер, но реально мало связана с повышением агрокультуры на селе.

Исходя из этого, представляется очевидным, что направление коммунистов в кооперацию не было вызвано особой необходимостью усиления рядов сельских тружеников, а являлось актом исполнения очередного партийного циркуляра. Нередко на заводах и фабриках отрывались от работы хорошие специалисты в своем деле, которые о сельскохозяйственном труде имели только самые общие представления. Так, на партийном совещании при Тульском губкоме РКП(б) от 6 февраля 1923 г. в ходе обсуждения вопроса о постановке работы в деревне было отмечено, что разосланное письмами требование о выделении коммунистов для работы в кооперации уже практически выполнено, но иногда приходилось наталкиваться «на сопротивление хозяйственных органов, не желающих принимать коммуниста»⁷.

Характеризуя имевшую место порочную практику формального подхода к организации помощи города селу, В. И. Ленин признавал: «Нет ничего глупее, когда люди, не знающие сельского хозяйства и его особенностей, люди, которые бросились в деревню только потому, что они услышали о пользе общественного хозяйства, устали от городской жизни и желают в деревне работать, — когда такие люди считают себя во всем учителями крестьян» [3, с. 201]. Подобная «кадровая помощь» партийных организаций, разумеется, не имела ничего общего с реальными потребностями кооперирования села.

В выступлениях на XVII Владимирской губпартконференции (май 1924 г.) с тревогой говорилось, что направляемые в деревню коммунисты нередко «не имеют представления о крестьянстве», и что «само положение этих работников весьма тяжело»⁸. Курс на кадровую «накачку» деревни, и в первую очередь — кооперации, в ряде мест понимался поверхностно, поэтому исполнялся формально. Так, согласно отчетам Владимирским горкомом РКП(б) за 4 месяца 1924 г. в деревню был направлен 21 специалист, Вязниковским уездным комитетом — 37, Суздальским — 21, но в сельскохозяйственную кооперацию из них попал только один. В то же время в Александровском уезде, исходя из требований очередной административной кампании, переведен в другую, незнакомую для него сферу деятельности опытный председатель правления колхоза М. И. Павлов. В Муромском уезде из 24 направленных в деревню коммунистов, 2 были сняты с сельхозкооперации, но ни один не назначен вновь⁹. Неслучайно в ходе проверки в 1925 г. руководство Сельскосоюза выявило и осудило практику необоснованно частой смены членов правления кооперативов и аппаратов их союзов. Было настоятельно рекомендовано выдвигать на

⁷ ЦНИ ТО (Центр новейшей истории Тульской области). Ф. 1. Оп. 2. Д. 718. Л. 14.

⁸ ГА ВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1380. Л. 9.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 505. Л. 4, 6, 9, 17, 19.

такие должности только наиболее подготовленных крестьян вне зависимости от их партийности¹⁰.

Сами условия работы диктовали необходимость перестановки акцентов. Руководители Тульской губернии отмечали, что были вынуждены до минимума сократить переброску и мобилизацию кадров в селе, на которые ранее сосредоточили много внимания. Если в 1922 г. только за 9 месяцев было перемещено по работе 52,9 % коммунистов, в 1923 г. за 8 месяцев — 25,5 %, то за аналогичный период 1924 г. на должности с иным характером работы было выдвинуто лишь 43 чел., из них на кооперативную работу — 11 чел.¹¹

При анализе эффективности выносимых решений напрашивается вывод, что они в значительной мере являют собой пример бюрократической псевдоактивности. Недаром в связи с неурожаем, постигшим в 1923 — 1924 гг. ряд губерний Центральной России, неустраненной дефицитностью сельскохозяйственного производства, вызванной «ножницами цен» между промышленной и аграрной продукцией и рядом иных причин, встал вопрос о роспуске или реорганизации многих союзов сельскохозяйственной кооперации. В 1924 г. был распущен с убытком в 50 000 рублей Рязанский губернский союз сельскохозяйственной и кредитной кооперации. В 1925 г. рассматривался вопрос о роспуске Раненбургского уездного союза сельхозкооперативов Рязанской губернии, Приокского союза и Артсоюза во Владимирской губернии, Тульского Кредсельпромсоюза и ряда других¹².

Более продуманный подход к распределению кадров и повышение ответственности за этот участок работы позволили стабилизировать политическое влияние большевиков на селе. В основном этому способствовало некоторое повышение экономических показателей жизни крестьянства. Все же бюрократические издержки, непреодолимое влечение к показным эффектам наряду с реальной помощью селу неизбежно порождали новые проблемы, особенно в деле реализации интересов крестьян. Так, в 1925 г. широкое распространение получила практика направления в деревню ответственных партработников в командировку на 1 — 3 месяца, формальное закрепление коммунистов-руководителей за кооперативами. На Рязанщине в губернском масштабе кооперацию курировали 2 чел., в уездах — 29, в волостях — 41 чел.¹³ Их работа была сравнима с деятельностью депутатов от данной местности. Например, в результате менее чем месячного пребывания одного партинструктора в Дечинской волости Малоярославецкого уезда Калужской губернии весной 1925 г. удалось возбудить перед губернскими, уездными органами более 20 крестьянских наказов, в том числе и по линии кооперации. В результате авторитет как инструктора, так и представляемого им органа у местного населения значительно возрос¹⁴.

¹⁰ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 78. Оп. 1. Л. 156.

¹¹ Материалы к XII губернской партийной конференции. Тула, 1924. С. 28.

¹² Наше хозяйство: Ежемесячный журнал Рязанского губисполкома. 1924. № 12. С. 36; ГА ВО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 331. Л. 21, 41; ГА ТО (Государственный архив Тульской области). Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 1388. Л. 9.

¹³ Коммунист: Ежемесячник Рязанского губкома РКП(б). 1925. № 1. С. 41.

¹⁴ ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 212. Л. 29.

Однако неизбежно встает вопрос, кто избрал или уполномочил этих кураторов? Явно не простой народ. Значит, они в основном защищали интересы не рядовых крестьян или кооператоров, а тех парторганов, которые направляли или переводили по службе этих работников. Надо заметить, что их интересы и чаянья не всегда совпадали. Зато очевидно, что комитеты РКП(б) постепенно становились реальными хозяевами волостей, уездов, но главное — они бесосновательно подменяли полномочия соответствующих местных Советов.

Этому способствовала и целая система мер по «отсеву» неугодных сельских предпринимателей. С этой целью, например, Владимирский губком РКП(б) создал комиссию по просмотру и выдвижению кооперативных работников. Многие из кандидатов отклонялись: из 291 кооператора-руководителя после работы комиссии в сентябре 1924 г. было оставлено только 227¹⁵. Следует учитывать тот факт, что не всегда увольнялись самые худшие специалисты, а партийная принадлежность нередко становилась своеобразным спасательным кругом для лодырей и профессионально малопригодных работников.

Рассмотрев участие парторганов в развитии сельскохозяйственной кооперации непосредственно на местах, хотелось бы определить, что конкретно намечали сделать в этой сфере представители высших эшелонов партийной власти. Важно отметить, что для выработки генеральной линии был создан специальный орган. 2 июня 1924 г. по решению XIII съезда РКП(б) была учреждена Комиссия по работе в деревне, которую в сентябре того же года преобразовали в постоянно действующее Совещание. Оно объединяло 27 специализированных подразделений. Для нас особый интерес представляет работа комиссии по сельскохозяйственной кооперации, возглавляемая А. А. Андреевым. В ее компетенцию входил широчайший круг вопросов, связанных с политическим и хозяйственным обеспечением кооперативного движения в стране.

В свою очередь, местные партийные организации ориентировались на решение широкого спектра практических задач, важнейшими из которых следует назвать:

— в области практической — укрепление смычки между городом и деревней, усиление органов Советской власти, развитие общественной самодеятельности населения, выражавшееся, в том числе, и в процессах его кооперирования;

— в области партийной — укрепление рядов сельских коммунистов, перестройка деятельности первичных ячеек, волостных и уездных комитетов, повышение эффективности работы на основе широкой опоры на беспартийные массы;

— в области экономической — повышение производительности сельскохозяйственного труда на базе его обобществления, совместного использования сложной техники, совершенствования форм земледелия и животноводства;

— в области культуры — повышение общеобразовательного и профессионального уровня, воспитание крестьянства на идеалах социализма.

По своей сути Кооперативная комиссия (позже — Коопсовещание) являлась органом, непосредственно вырабатывающим основные направления деятельности правящей партии и государства в области сельхозкооперации. Ее рекомендации

¹⁵ ГА ВО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 17, 22.

принимались к исполнению соответствующими кооперативными комиссиями при губкомах и укомх РКП(б) как беспорное руководство к действию. Правда, работа последних, наряду с соблюдением общепартийной линии, имела массу местных особенностей.

В частности, при реализации программных установок по сельскохозяйственной кооперации учитывались климатические условия, степень подготовленности населения, развитие кооперативной сети и так далее. Нередко эти особенности были характерны только для определенной местности, что во многом определяло ее развитие. Вместе с тем общим для всех уровней комиссий направлением деятельности была организация постоянного наблюдения и оказание практической помощи различным видам кооперации, включая и разрешение на местах возникающих конфликтов, выработку и апробацию рекомендаций местным партийным и советским организациям. Например, за короткий период зимы 1923 — 1924 годов кооперативная комиссия при Тульском губкоме РКП(б) провела в жизнь серию важнейших директив об усилении кадрового состава кооперации, об использовании льгот по налогам и др. Проведенный кооперативный месячник не только позволил достичь агитационно-пропагандистских целей, но и укрепил ряды кооператоров, в первую очередь, за счет деревенского актива, помог расширить сбыто-снабженческие операции и увеличить доход¹⁶.

Благодаря усилиям кооперативной комиссии при Рязанском УК РКП(б), в уезде повысилась товарность сельскохозяйственного производства, были снижены местные налоги, усилен госкредит. В 1924 — 1925 гг. количество сельскохозяйственных обществ, товариществ и артелей возросло с 221 до 245, кооперированное население выросло с 15 880 до 22 485 чел., отмечался рост оборотного капитала с 2 161 404 руб. в начале 1924/25 финансового года до 2 766 455 в его завершении¹⁷. С большим энтузиазмом работала кооперативная комиссия при Калужском губкоме РКП(б). С апреля 1924 по январь 1925 г. она провела 15 заседаний, на которых было рассмотрено 80 вопросов (табл.). Систематизировав их, можно сделать вывод о наиболее приоритетных направлениях деятельности по развитию сельскохозяйственной кооперации на том хронологическом этапе.

В результате проверок кооперативными комиссиями были вскрыты основные причины неудовлетворительной работы союзов и первичных кооперативов. Наиболее общими из них являлись:

- стихийность, бесплановость работы;
- несоразмерность взятых кредитов с объемами производства;
- несоответствие качества и стоимости предлагаемой продукции;
- чрезмерно широкая сеть отделений;
- малопродуктивный, раздутый штат аппарата союзов;
- излишнее увлечение торговлей потребительскими товарами;
- слабый учет, растраты и подлоги.

¹⁶ Материалы к XII губернской партийной конференции. С. 7.

¹⁷ ГА РО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1757. Л. 5 об.

Таблица. Основные вопросы, вынесенные на рассмотрение кооперативной комиссией при Калужском губкоме РКП(б) за 9 месяцев 1924 г.

Table. The main issues submitted for consideration by the Cooperative Commission of the Kaluga Governorate Committee of the RCP (B) for 9 months of 1924

Характер вопросов	Число вопросов	% к их общему числу
Вопросы организационного и руководящего характера	38	47,5
О финансовом положении, кооперации и кредите	7	8,75
Связь с кооперативными организациями	7	8,75
О сельхозкооперации	13	16,25
О кредитной кооперации	2	2,5
О молочной кооперации	1	1,25
Прочее	12	15,0

Составлена по: ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 212. Л. 6 — 8.

Compiled by: State Archive of Documents of Contemporary History of Kaluga Oblast. Ф. П-1. Record 8. Case. 212. Pages. 6 — 8.

В процессе поиска путей устранения этих недостатков комиссиями вырабатывались рекомендации для сельского актива, работавшего с кооперацией. В наиболее общем виде их внимание сосредоточилось на следующих направлениях:

- подбор состава правлений и ревизионных комиссий как низового, так и высшего звена из числа наиболее опытных и честных работников;
- поднятие квалификации работников через курсы, съезды и совещания;
- организация планирования и учета хозяйственной деятельности;
- усиление инструкторского звена, повышение эффективности его работы;
- укрепление балансов за счет повышения собственных средств и паевых взносов;
- совершенствование общественного контроля над руководящим аппаратом кооперации, регулярная отчетность последних перед рядовыми членами, повышение ответственности за выполнение принятых обязательств;
- изжитие чрезмерных торговых уклонов в деятельности сельхозкооперации;
- регистрация кооперативов только при наличии экономических условий и целесообразности;
- обеспечение снабжения низовой сети сельхозинвентарем, семенами, товарами первой необходимости и т. д.¹⁸

К сожалению, многие рекомендации и указания комиссий носили чисто бюрократический характер и, соответственно, часто выполнялись не совсем верно, исходя из чего, допускались перегибы, излишняя заорганизованность. Так, кооперативная комиссия при Рязанском губкоме РКП(б) в целях ознакомления с работой союзов вместо живого изучения кооперативной сети обязывала товарищества,

¹⁸ ГА ВО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 331. Л. 21; ГА РО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1757. Л. 5 об.-6 об., 89, 90; Д. 1370. Л. 2; ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 4. Л. 87; ЦНИТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 711. Л. 102.

артели и их союзы «аккуратно предоставлять отчетный материал и необходимые сведения» по более чем многочисленным вопросам, согласовывать планы работ «со всеми заинтересованными сторонами», число которых было искусственно расширено¹⁹.

Вместе с тем отдельные руководители кооперативных комиссий уже осознали пагубность исключительно «нажимных» методов управления. Ими предпринимались попытки улучшить работу комиссий, сделать их более действенными, отказаться от приоритета командных методов руководства. В докладе на расширенном совещании по работе в деревне при Владимирском губкоме РКП(б) от 26 марта 1925 года справедливо указывалось: «Нужно решительно отказаться от командования и в этих случаях следует помнить, что без осознания самим крестьянством очевидной пользы вводимого новшества, без проявления инициативы и самостоятельности самих крестьян самые лучшие мероприятия обречены на неудачу»²⁰. Продолжая эту мысль, калужские аграрники на XVI губпартконференции (29 ноября — 3 декабря 1925 г.) сделали аналогичный вывод, признав продуктивным привлечение всего крестьянства к активному строительству новой жизни «лишь при отсутствии зажима, командования»²¹.

Осуществляя принципы реальной коллегиальности, особенно в решении наиболее важных вопросов кооперативного движения, ЦК РКП(б) и местное руководство в губерниях были вынуждены пойти на создание специальных партийных органов, которые могли бы способствовать организационному строительству и координации хозяйственной деятельности всех видов кооперации. Одним из первых в стране в июле 1924 г. был создан Губернский кооперативный совет в Калуге. Правда, в первый год существования его деятельность не стала заметной и реально влияющей на работу кооперации. Значительную роль в этом сыграло отсутствие Положения о Кооперативных советах, что сказывалось на выделении средств. В какой-то мере на эти процессы повлияло и укоренившееся нежелание партактива ломать или дублировать уже налаженную работу так называемых кооптроек²².

Во Владимирской губернии впервые идея о создании независимого Межкооперативного совета обсуждалась в августе 1924 г. на губернском съезде кооператоров-коммунистов. Однако окончательные сроки создания названного совета были определены специально созданным бюро лишь в июле 1925 г., а учредительный съезд состоялся в сентябре²³. Оперативно этот вопрос был разрешен в Тульской губернии. Летом 1925 г. там не только был сформирован Межкооперативный совет, но и начал регулярно выходить его печатный орган²⁴.

¹⁹ ГА РО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1293. Л. 1, 1 об.

²⁰ ГА ВО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 319. Л. 24.

²¹ ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 8. Л. 34.

²² Деятельность Губернского кооперативного совета // Калужский кооператор. Спецвыпуск к Международному дню кооперации. Калуга, 1927. С. 14.

²³ ГА ВО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 66. Л. 6; Д. 331. Л. 37.

²⁴ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 3986. Оп. 1. Д. 30. Л. 41.

В Рязанской губернии создать Межкооперативный совет было принято решением кооперативной комиссии при губкоме РКП(б) 27 июля 1925 г. Особое внимание при подготовке мероприятий по обеспечению этого решения отводилось подготовке специалистов разных форм кооперации. В принятых Положении и Уставе Межкооперативного совета подчеркивалось, что его членами на добровольной основе могут быть все союзы кооперации, действующие на территории губернии. Важно, что рязанские кооператоры ставили принципиальный вопрос о нецелесообразности предоставления решающего голоса приглашенным представителям государственных, партийных и хозяйственных органов. Было решено ограничиться предоставлением им права совещательного голоса, что подчеркивало относительную независимость совета от постороннего вмешательства²⁵.

В определенных пределах линия на развитие инициативы и хозяйственной самостоятельности в кооперации поддерживалась органами Советской власти. В губернском масштабе это подтверждалось фактом предоставления Межкооперативным советам значительных полномочий. Большой интерес вызывает, например, разработанный Тульским губернским межкооперативным советом комплекс мер по пересмотру практики нагрузки сельхозкооперации госзаданиями на основе безубыточности как для промышленности, так и для самой кооперации²⁶. Аналогичные задачи перед собой ставили и многочисленные совещания и съезды представителей кооперации, которые иногда для согласований и оперативного управления создавали постоянно действующие структуры. Примером такого рода может стать деятельность Калужского губернского Совета съездов кооперации²⁷. Однако, как правило, подобные образования были недолговечны.

Развитие в кооперации органов самоуправления вынуждало во многом переосмыслить подходы к практическому осуществлению организационной работы советских и партийных организаций на местах. Для этого периода пока еще характерной по духу была резолюция XV Вязниковской уездной партконференции Владимирской губернии (ноябрь 1925 г.), где подчеркивалось, что усиление влияния на жителей села должно проводиться методами, исключающими прямое вмешательство ячеек в работу тех или иных кооперативных органов. Ленинский лозунг «Не смей командовать!» предполагалось проводить в жизнь с особой настойчивостью²⁸.

Разъясняя сельскому активу, как такой подход можно осуществить на практике, в докладе на губернском совещании работников кооперации, прошедшем 25 октября 1925 г., секретарь Тульского губкома РКП(б) И. Д. Кабаков отмечал: «Мы здесь только советуем кооперативным организациям сделать то-то или то-то, и когда это предложение переносится в кооперативные организации, мы должны будем путем убеждения доказать беспартийным массам, что наше предложение самое целесообразное и самое правильное»²⁹. Постепенно стало укрепляться понимание о силе

²⁵ ГА РО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1994. Л. 237.

²⁶ Бюллетень Тульского губернского Межкоопсовета. 1925. № 1 — 2. С. 10.

²⁷ РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 63. Л. 52.

²⁸ ГА ВО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 470. Л. 33, 33 об.

²⁹ Бюллетень Тульского губернского Межкооперативного совета. 1925. № 6. С. 7 — 8.

убеждения как об одном из наиболее действенных методов работы. Если представители власти сумеют убедить колеблющихся кооператоров, то за их решения будут голосовать, если не сумеют, то и здесь надо уметь подчиняться большинству и делать выводы из своих промахов. Имеющаяся практика келейного обсуждения таких важных вопросов как, например, распределение кредитов исключительно членами правления или фракции, резко осуждалась и сравнивалась с «военным советом без армии».

Заключение

Таким образом, можно подтвердить, что, активно воспринятая крестьянством линия на развитие сельскохозяйственной кооперации в условиях осуществления новых принципов экономического хозяйствования способствовала созданию решающих условий для формирования основ восстановления деревни. Важной особенностью, с которой нельзя не считаться при анализе организационной деятельности в этом направлении со стороны властных структур, являлось то, что процесс этот порожден был в известной степени инициативой «сверху». Реальное возрождение кооперации «снизу» шло гораздо медленнее. В значительной мере это объясняется экономической слабостью, технической отсталостью села наряду с сохранившимся недоверием крестьянства, порожденным конфискациям времен «военного коммунизма» и последующей политической нестабильностью.

Поиск более современных форм управления сельхозкооперацией продолжался в течение всего восстановительного периода. Важные элементы новой системы организационно-хозяйственного руководства в условиях новой экономической политики в регионах сложились уже к концу 1923 г. Основная их часть функционировала при комитетах РКП(б) различного уровня. Вместе с тем самому этому факту следует дать неоднозначную оценку. Патронаж со стороны правящей партии в определенной степени способствовал формированию целого комплекса административных и финансовых мер, направленных на поддержку еще только набирающего силу движения. В то же время внесение политической окраски в осуществляемую помощь, ярко выраженная дискриминация по отношению к наиболее деятельной части сельского населения не только затормаживали развитие кооперации, но и порождали со стороны беднейшего крестьянства иждивенческие настроения. Непосредственно избранные органы кооперативного самоуправления и их представительские учреждения попадали во все большую зависимость от партийного аппарата.

Мнение о том, что в восстановительный период после Гражданской войны партийные учреждения большевиков, оказывая помощь в развитии сельскохозяйственной кооперации, осуществляли воздействие лишь на решение наиболее общих вопросов и не вмешивались во внутривладельческие дела, во многом ошибочно. Достаточно отметить хотя бы такой факт, что возрожденная в 1921 г. сельская кооперация уже не имела многих прежних прав и свобод. Принятый в 1924 г. запрет на реализацию по рыночным ценам выращенной и переработанной продукции заставил большинство товариществ и сельхозартелей мириться с перспективой постоянных убытков [3, с. 136]. Главный упор в деятельности партийных структур РКП(б) в области регулирования сельскохозяйственной кооперации делался не столько на повышение эффективности работы последней, сколько на увеличение

партийной прослойки в ней, на завоевание влияния и безусловного проведения политики партии в жизнь.

К концу 1925 г. факт улучшения жизни крестьянства был очевиден. Однако первичным в этом процессе стало успешное выполнение планов новой экономической политики в комплексе. Было бы ошибочно выделять лишь какую-то отдельную причину, все было взаимосвязано. Курс на укрепление партийного влияния в деревне никто не отменял. Он касался не только кооперации, но и практически всех аспектов функционирования государства и общества. В то же время очевидно, что реализация принятых в 1924 — 1925 гг. решений правящей партии и правительства, ущемляющих участие зажиточной части крестьянства в управлении кооперацией, способствующих отстранению от работы опытных старых кооперативных работников, практика грубого административного воздействия местных властей часто наносили кооперативному движению больше ущерба, чем реальной пользы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быстров Г. Е., Тычинин С. В. Реформа кооперативного законодательства и концепция проекта федерального закона «О кооперации в Российской Федерации» // Евразийский юридический журнал. 2016. № 12. С. 99 — 105.

2. Кабанов А. Ю. Новые подходы к изучению кооперации в области переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции в СССР // История Советской России: новые идеи и суждения : тез. докл. респ. науч. конф. Тюмень, 1991. Ч. 1. С. 135 — 140.

3. Ленин В. И. Доклад о работе в деревне. 23 марта: XIII съезд РКП(б) // Полн. собр. соч. / изд. 5. М.: Политиздат, 1969. Т. 38. С. 187 — 205.

4. Минина Е. Л. Сельскохозяйственные кооперативы в системе российского законодательства о кооперации // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 49 — 60.

5. Поличкина Е. Н. Теория кооперации и практика ее реализации в аграрной сфере экономики России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 35. С. 76 — 81. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56735.htm>

6. Прохорова В. В., Кобозева Е. М. Сельскохозяйственная кооперация: проблемы и перспективы развития // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 6А. С. 17 — 24.

7. Чедурова Е. М. Западносибирская кооперация в период реформ и революций начала XX в.: идеология, законотворчество, агротехнологии. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 272 с.

8. Янбых Р. Г., Сарайкин В. А. Классификация кооперативов и развитие сельскохозяйственной кооперации // АПК: Экономика, управление. 2018. № 7. С. 13 — 22.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

Информация об авторе:

Юрий Арсенович Реент, профессор, профессор кафедры философии и истории Академии ФСИН России (390000, Рязань, г. Рязань, ул. Сенная, 1), доктор исторических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8378-6106>, reent2@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bystrov GE, Tychinin SV. Reform of Cooperative Legislation and the Concept of the Draft Federal law «On Cooperation in the Russian Federation». *Eurasian Law Journal*. 2016;(12):99—105. (In Russ.)
2. Kabanov AYu. New Approaches to the Study of Cooperation in the Field of Processing and Marketing of Agricultural Products in the USSR. *History of Soviet Russia: New Ideas and Judgments*. 1991;135—140. (In Russ.)
3. Lenin VI. Report on Work in the Village. *Proceedings from the XIII Congress of the RCP(b): March 23*. 1969;38:187—205. (In Russ.)
4. Minina EL. Agricultural Cooperatives in the System of Russian Legislation on Cooperation. *Journal of Russian Law*. 2019;(4):49—60. (In Russ.)
5. Polichkina EN. Theory of Cooperation and Practice of Its Implementation in the Agricultural Sector of the Russian Economy. *Concept*. 2016;35:76—81. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56735.htm> (In Russ.)
6. Prokhorova VV, Kobozeva EM. Agricultural Cooperation: Problems and Prospects of Development. *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020;10(6A):17—24. (In Russ.)
7. Chedurova EM. West Siberian Cooperation in the Period of Reforms and Revolutions of the Early Twentieth Century: Ideology, Lawmaking, Agricultural Technologies. Gorno-Altaysk;2014. (In Russ.)
8. Yanbykh RG, Saraykin VA. Classification of Cooperatives and Development of Agricultural Cooperation. *Agro-Industrial Complex: Economics, Management*. 2018;(7):13—22. (In Russ.).

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Information about the author:

Yurij A. Reent, Professor of the Department of Philosophy and History, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (1 Sennaya Str., Ryazan 390000, Russia), Doctor of Sciences in History, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8378-6106>, reent2@yandex.ru.

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94: 347.963 (470.42)
EDN JRXPKN<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1924 — 1928 гг.

М. В. ЧигринУльяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия
maksim-chigrin@mail.ru*Аннотация*

Введение. В реалиях настоящего времени проблема деятельности советской прокуратуры одна из актуальных и важных в отечественной и зарубежной историографии. В годы новой экономической политики органы прокуратуры, действовавшие в сложных социально-экономических и политических условиях, сыграли ведущую роль в обеспечении правопорядка и бесперебойной работы всей правоохранительной системы как эффективного механизма. На сегодняшний день в научных трудах совершенно не отражена деятельность прокуратуры Ульяновской губернии, что в свою очередь усиливает уникальность исследования и придает ему широкий общественный резонанс.

Материалы и методы. Материалами исследования стали опубликованные и неопубликованные исторические источники. Значительную долю материалов составили архивные документы, впервые введенные в научный оборот и изъятые из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Ульяновской области и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области. В ходе работы был применен комплекс общенаучных, специально-исторических принципов и методов научного исследования, среди которых основными стали: описательно-повествовательный, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-системный и метод статистического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Благодаря привлечению широкого круга источников автором были рассмотрены основные направления деятельности прокуратуры Ульяновской губернии в 1924 — 1928 гг., особое внимание уделено анализу функций общего надзора за соблюдением законности и поддержания государственного обвинения, а также роли советской прокуратуры в правоохранительной системе.

Заключение. В ходе работы было установлено, что большевикам удалось сформировать эффективную правоохранительную структуру и взять правовые отношения под всеобъемлющий государственный и партийный контроль. Автор выявил, что в рамках общего надзора прокуратура широко использовала институт рабселькоров и прессу, жалобы и заявления частных лиц, сообщения учреждений, осуществляла обследования деятельности советских учреждений и предприятий, применяя при этом методы гласного и негласного наблюдения.

Ключевые слова: Ульяновская губерния, общий надзор, революционная законность, правоохранительная система, новая экономическая политика

Для цитирования: Чигрин М. В. Деятельность прокуратуры Ульяновской губернии в 1924 — 1928 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 72 — 87. EDN JRXPKN

Original article

ACTIVITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE ULYANOVSK GOVERNORATE IN 1924 — 1928

M. V. Chigrin

Ilya Ulyanov State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia
maksim-chigrin@mail.ru

Abstract

Introduction. At present, the issue of the activities of the Soviet prosecutor's office is one of the most relevant and important in domestic and foreign historiography. During the years of the new economic policy, the prosecution authorities, operating in difficult socio-economic and political conditions, played a leading role in ensuring law and order and the smooth operation of the entire law enforcement system as an effective mechanism. To date, the activities of the prosecutor's office of the Ulyanovsk governorate are not reflected in scientific works at all, which in turn enhances the uniqueness of the study and gives it a great public attention.

Materials and methods. Materials and methods. The research materials were published and unpublished historical sources. A significant proportion of materials were archival documents that were first introduced into scientific circulation and withdrawn from the funds of the State Archives of the Russian Federation, the State Archives of the Ulyanovsk Region and the State Archives of Recent History of the Ulyanovsk Region. In the course of the work, a set of general scientific, special-historical principles and methods of scientific research was applied, among which the main ones were: descriptive-narrative, problem-chronological, comparative-historical, historical-systemic and statistical analysis methods.

Results and discussion. Through the involvement of a wide range of sources, the author examined the main activities of the prosecutor's office of the Ulyanovsk governorate in 1924 — 1928, special attention was paid to the analysis of the functions of general supervision over the observance of the rule of law and the maintenance of state prosecution, as well as the role of the Soviet prosecutor's office in the law enforcement system.

Conclusion. In the course of research, it was found that the Bolsheviks managed to form an effective law enforcement structure and take legal relations under full state and party control. The author revealed that, within the framework of general supervision, the prosecutor's office widely used the institute of workers' correspondents and the press, complaints and statements from individuals, reports from institutions, carried out surveys of the activities of Soviet institutions and enterprises, while using methods of overt and covert surveillance.

Keywords: Ulyanovsk governorate, general supervision, revolutionary legality, law enforcement system, new economic policy

For citation: Chigrin MV. Activity of the Prosecutor's Office of the Ulyanovsk Governorate in 1924 — 1928. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2023;15(2):72—87. EDN JRXPKN

Введение

В научной среде практически не подлежит сомнению тот факт, что задачей первостепенной важности в жизни социума и любого государства является обеспечение законности и правопорядка. В Российской Федерации правительством в реальных разработках и дальнейшего внедрения на практике программного курса реформ, основной целью которых является построение правового государства, одному из важнейших элементов правоохранительной системы, прокуратуре, было уделено недостаточное внимание. Вместе с тем в советский период именно прокуратура,

выполнявшая функции общего надзора за соблюдением законности и поддержания государственного порядка, сыграла ведущую роль в обеспечении правопорядка и бесперебойной работы всей правоохранительной системы как эффективного механизма.

Материалы и методы

Реализация исследовательских задач была достигнута благодаря анализу опубликованных и неопубликованных исторических источников. Значительная часть материалов в статье представлена архивными документами, впервые введенными в научный оборот и изъятыми из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Ульяновской области и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области. Анализ нормативно-правовых актов позволил получить общее представление о принципах организации и правовом статусе органов прокуратуры. При написании настоящей статьи был применен комплекс общенаучных, специально-исторических принципов и методов научного исследования. Главные методы — описательно-повествовательный, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и историко-системный. Кроме того, при работе с количественными данными был использован метод статистического анализа.

Обзор литературы

Проблема деятельности органов прокуратуры в настоящее время в научной среде вызывает активный интерес у отечественных и зарубежных исследователей. В. Б. Алексеевым и Е. А. Мироновой была выявлена специфика деятельности прокуратуры и ее сотрудников в ходе осуществления надзора за делопроизводством в судебных органах [1]. Этапы становления и деятельности советской прокуратуры обстоятельно были рассмотрены В. И. Басковым. В ходе исследования ученый пришел к выводу, что двойственное положение, в котором находились прокуроры, не позволяло быстро выполнять надзорные функции [3, с. 114].

Следует отметить, что ряд исследователей современной России считали советскую прокуратуру не правоохранительным, а карательным органом. В частности, О. И. Чердаков отмечал, что прокуратура была сформирована в условиях классового противостояния, реализуемого правительством репрессивно-карательного курса как многофункциональный орган «революционной законности», роль которого в правоохранительной системе была значительной [14, с. 90]. Сходной оценки придерживалась и Н. А. Какоурова [8].

Исследователи В. В. Клочков [10] и В. Р. Аликов [2] сосредоточились на изучении нормативно-правой базы, регулирующей деятельность прокуратуры. В. В. Клочков подметил идентичность ряда функций советской и дореволюционной прокуратуры. В. Р. Аликов осветил роль прокуратуры в гражданских процессах. Отдельные вопросы деятельности прокуратуры различных регионов рассматривали Д. А. Вазеров [5], И. А. Гридунова [7], И. А. Перфильева [12], В. Г. Бессарабов [4] и Г. Т. Камалова [9].

Среди зарубежных исследователей-советологов, занимающихся разработкой данной проблематики, отметим Ю. Хаски. Ученый пришел к выводу, что прокуратура в советском государстве благодаря кадровой политике, проводимой в соответствии с партийными и социальными критериями, являлась лояльным инструментом, которому была отведена важная роль в судебных процессах [13, с. 172]. Н. Верт [6] и Р. Пайпс [15] проанализировали деятельность прокуратуры с позиции трансформации идеологической платформы КПСС.

Результаты исследования и их обсуждение

Деятельность прокуратуры советского государства была направлена на укрепление законности и правопорядка. В основу организации прокуратуры большевиками была положена идея «...защиты интересов государства, трудящихся и революции с помощью неуклонного надзора за соблюдением нормативно-правовых актов и организации постановки противодействия правонарушениям»¹. В нормативно-правовом акте «О прокурорском надзоре» были детально определены функции прокуратуры: «...осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций, частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования»².

Согласно постановлению ВЦИК от 28 мая 1922 г. в Симбирской³ губернии была сформирована прокуратура. По состоянию на январь 1925 г. кадровый состав прокуратуры Ульяновской губернии выглядел следующим образом: прокурор — Д. Ф. Татаркин, заместитель прокурора — И. Ф. Никитин, помощник прокурора по общему надзору — А. Л. Арискин, помощник прокурора при уголовно-кассационном отделении губернского суда и по надзору за местами заключения губернии — И. И. Велицкий, помощник прокурора при уголовном отделении губернского суда — К. М. Гринберг, помощник прокурора по наблюдению за органами дознания и следствия губернии — П. М. Еремеев, помощник прокурора по трудовым делам и при судебном и кассационных отделениях гражданского отдела губернского суда — А. С. Веретенников, помощник прокурора по первому участку Ульяновска — Н. М. Иевлев и помощник прокурора по работе в деревне — И. М. Горбунов⁴.

В рамках общего надзора органы прокуратуры обследовали советские административные учреждения. Особое внимание работники прокуратуры уделяли наблюдению за деятельностью сельских советов. Обследование осуществлялось по линии их финансового положения⁵. В то же время не оставалась без внимания канцелярская постановка дела. Так, по результатам обследования в июле 1925 г. складывалось следующее «...общее впечатление: советского пульса жизни не чувствуется в сельсоветах, за некоторыми исключениями, все делается во исполнение распоряжений свыше и притом плохо»⁶.

Прокуратура Ульяновской губернии на систематической основе принимала деятельное участие в заседаниях низовых органов советской власти — волостных исполнительных комитетов и сельских советов. В частности, в 1924 — 1925 гг. помощник прокурора по Ульяновскому уезду принял участие в 6, по Алатырско-

¹ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

² Там же. № 44. Ст. 539.

³ В 1924 г. в соответствии с ЦИК СССР после смерти В. И. Ленина Симбирская губерния была переименована в Ульяновскую (ГА УО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. Р-1101. Оп. 1. Д. 1. Л. 8).

⁴ ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 906. Л. 7 — 10.

⁵ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-8131. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

⁶ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 906. Л. 35.

му уезду — в 5, по Сызранскому уезду — в 13 заседаниях сельского совета. В свою очередь, в 1926 — 1928 гг. помощник прокурора по Ульяновскому уезду принял участие в 19, по Ардатовскому уезду — в 10, по Карсунскому уезду — в 14 заседаниях сельского совета⁷.

Прокуратура не только участвовала в заседаниях губернских исполнительных комитетов, но и производила проработку материалов по важным вопросам. Например, вопросы хозяйственного и экономического значения подверглись рассмотрению прокуратурой Ульяновской губернии на заседаниях губернской плановой комиссии и в организационно-инструкторском отделе губисполкома⁸. Тем самым можно утверждать, что прокуратура была своего рода юрисконсултом исполкома.

Кроме того, прокуратура особое внимание уделяла своевременному обследованию отдела землеустройства и волостных земельных комиссий, наблюдению за работой налоговых комиссий и т. д. В Ульяновской губернии прокуратура выявила массовые случаи бездействия волостных земельных комиссий, например, Усинская земельная комиссия Сызранского уезда в 1924 г. бездействовала на протяжении полугода. После приезда прокурора ее деятельность была восстановлена. В Порецкой земельной комиссии Алатырского уезда были выявлены случаи систематического откладывания дел по причине неявки председателя. В результате председатель был заменен. Акты обследования направлялись помощниками прокурора в волисполкомы, а также в прокуратуру Ульяновской губернии, которая принимала надлежащие меры через губисполком и губземкомиссию. Так, на основании данных актов в первом квартале 1925 г. в Ардатовском уезде волземкомиссия в полном составе была предана суду⁹.

Прокуратуре благодаря грамотной работе в деревне удалось добиться существенного улучшения положения дел с соблюдением низовыми органами законности. Тем не менее полностью искоренить проявления бюрократизма и недобросовестное затягивание дел в работе волисполкомов так и не удалось. Согласно отчету прокуратуры Ульяновской губернии от июня 1927 г.: «Астрадамовский волисполком не выплатил 7 рублей заработной платы призванному в армию. Сколько последний не писал об этом в волисполком — деньги не высылались, накопилась переписка в 53 листа. И когда против работников волисполкома было возбуждено дисциплинарное преследование, последний эти 7 рублей красноармейцу выплатил. Не менее вопиющий случай произошел и в Майнском волостном исполнительном комитете, куда комиссар полка послал жалобу красноармейца на непредоставление льготы по сельхозналогу, просил эту жалобу рассмотреть и льготу предоставить. После рассмотрения дела комиссия отказала красноармейцу в льготе в связи с непредставлением в прошении удостоверения о службе в Красной Армии. Видите ли, для них оказалось недостаточно официального обращения комиссара полка, как доказательства нахождения красноармейца в армии. А сколько же еще подобных случаев нам предстоит выявить?»¹⁰.

⁷ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 838. Л. 75.

⁸ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 906. Л. 51.

⁹ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 902. Л. 19.

¹⁰ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 431. Л. 4.

В заседаниях налоговых комиссий, где решались важные вопросы, в обязательном порядке принимал участие представитель прокуратуры. В случае обнаружения правовых нарушений в работе комиссий принимались соответствующие законодательству меры. Так, в Ульяновской губернии за 1924 — 1928 гг. прокуратурой было выявлено более 50 случаев нарушений, по результатам расследования которых подозреваемые были привлечены к ответственности¹¹.

Одним из важных методов в рамках реализации функции надзора в период новой экономической политики безусловно являлось реагирование прокуратуры на жалобы, которые были своего рода индикатором настроений жителей. Прежде всего жаловались на действия административных органов, неправильное обложение налогом, незаконные выселения, неуплату заработной платы, злоупотребления должностных лиц и т. д. Полученные жалобы прокуратура практически сразу начинала рассматривать. Однако их дальнейшее продвижение существенно замедлялось из-за низкого уровня производства дел в советских учреждениях¹².

С целью решения данной проблемы прокуратура Ульяновской губернии неоднократно проводила кампании по созданию условий для срочного разрешения жалоб. Такие кампании были проведены работниками прокуратуры в 1925, 1926, 1927 и 1928 гг. Вследствие их реализации удалось существенно ускорить делопроизводство, однако окончательно искоренить на местах недобросовестное затягивание дел так и не удалось¹³.

Жалобы, которые направлялись жителями в структуры прокурорского надзора, служили подтверждением тому, что у граждан значительно возросло доверие к советской правоохранительной системе, а также желание отстаивать свои права. Так, если в 1924 г. органами прокуратуры РСФСР было получено 244 800 жалоб, то уже в 1925 г. — 334 100¹⁴. В Ульяновской губернии в органы прокуратуры поступило 4 409 жалоб в 1924 г., 3 761 — в 1925 г., 4 460 — в 1926 г., 6 440 — в 1927 г., 7 100 — в 1928 г.¹⁵ Жалобы, поступившие в органы прокуратуры в 1926 г., распределились следующим образом: от учреждений и организаций — 374, от рабочих — 469, от крестьян — 2 394, от нетрудового элемента — 180, от прочих граждан — 1 043. 314 жалоб было передано от заключенных, в том числе на решения и действия (бездействие) ГИКа и его отделов (57), УИКов и их отделов (609) и прочих органов власти (3 794). По содержанию жалобы можно разделить так: на незаконные обложения — 301, землеустройство — 251, затягивание дела или решения какого-нибудь вопроса в административных органах — 693, медлительность дознания, следствия и суда — 1 622, жилищно-коммунальное хозяйство и муниципализацию — 162, незаконное наложение штрафа и конфискации — 180, незаконное лишение избирательных прав — 6 и на прочее — 1 245¹⁶. Если акцентировать внимание на характере жалоб в структуре прокурорского надзора, то в основном стоит отметить, что

¹¹ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 62.

¹² ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 906. Л. 40.

¹³ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 10.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.

¹⁵ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 25.

¹⁶ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 7.

все они были направлены в сторону повышения темпов производства следствия, дознания и суда, изменения меры пресечения и т. д.

Прокуратура Ульяновской губернии непосредственно контролировала периодическую печать. В ходе анализа заметок рабселькоров и материалов периодической прессы прокуратура выявляла нарушения законности. При этом работники прокуратуры систематически принимали меры для того, чтобы усилить связь с печатью, считая, что без этого их дальнейшая работа утратит эффективность. Так, в докладе о деятельности Ульяновской губернской прокуратуры за 1925 г., отмечалось: «...никакие официальные органы не могут дать такого богатого материала, как печать и рабселькоры. И нет такого уголка в губернии, куда бы не заглянул рабселькор и не осветил его своей маленькой, подчас коряво написанной заметкой»¹⁷.

При этом тематика статей, опубликованных в средствах периодической печати, была крайне разноплановой: спекуляция, рост цен на продукцию, взяточничество, бюрократизм, растраты, хищения и т. д. Основная масса заметок, ставших предметом внимания прокуратуры, размещалась в местных газетах, а также в центральных, таких как «Правда» и «Беднота»¹⁸. В 1924 г. ульяновской прокуратурой были приняты меры по 3 234 статьям, в 1925 г. — 3 553, в 1926 г. — 3 200, в 1927 г. — 3 600, в 1928 г. — по 3 900 статьям¹⁹.

В Ульяновской губернии преимущественно в крупных городах, таких как Симбирск, Сенгилей и Буинск, работниками прокуратуры была хорошо налажена связь с редакциями местных периодических изданий. В то же время в уездах в отношениях прокуратуры и редакций преобладала некая несогласованность. Например, в марте 1924 г. помощник прокурора в докладе по Сызранскому уезду отмечал: «... редакции редко присылают в прокуратуру заметки, которые могут быть немедленно опубликованными и практически не печатают статей прокуратуры»²⁰.

В первой половине 1924 г. структура корреспондентского аппарата подверглась существенным изменениям. Так, губернское бюро рабселькоров было расформировано, а рабселькоры объединены в кружки. Всего в Ульяновской губернии было сформировано 56 кружков²¹.

Селькоры были вынуждены работать в условиях возрастающего на них давления. В связи с этим большая их часть любое замечание считала посягательством на их убеждения и деятельность. Так, в 1924 г. в Сызранском уезде селькор Лоскутов действия местной милиции по выявлению неклеимых гирь и весов в кооперации, где он был членом правления, объявил «массовым гонением на него»²². В том же уезде инциденты избиения селькоров Парфенова и Вдовина после расследования трактовались в одном случае как симуляция избиения, в другом — драка²³.

¹⁷ ГАИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 906. Л. 63.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 2. Д. 13. Л. 54.

¹⁹ ГАИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 12.

²⁰ Там же. Д. 906. Л. 62.

²¹ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 1022. Л. 59.

²² ГАИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 906. Л. 63.

²³ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 8.

Прокуратура Ульяновской губернии за развитием дела, возбужденного после получения газетной заметки, осуществляла такой же надзор, как и за следственными делами. В частности, если было возбуждено уголовное преследование, то работники прокуратуры наблюдали за прохождением дела в органах дознания, у следователя, в суде и считали производство законченным лишь в том случае, когда было получено сообщение о приведении решения суда в исполнение. Если это было земельное дело, то прокуратура контролировала его во всех инстанциях, до Особой коллегии высшего контроля по земельным делам включительно. Подобным образом наблюдение осуществлялось и по административным делам. В частности, после появления в 1925 г. в газете Сызранского уезда заметки о недочетах на лесозаводе прокуратура просила ревизионную комиссию провести проверку. До тех пор, пока прокуратура не получила акта ревизии, производство по заметке не прекратилось²⁴.

Основным методом наблюдения за прохождением дел у прокуратуры были запросы. Так, в 1925 г. прокуратурой было сделано свыше 3 000 запросов об ускорении дел. Длительное время производство по заметкам затягивалось главным образом из-за перегруженности работой органов дознания, следствия и суда. Например, в первом полугодии 1925 г. из 626 законченных дел по заметкам производство 218 длилось месяц, 203 — два месяца, 74 — три месяца, 42 — четыре месяца, 51 — пять месяцев и 38 — шесть месяцев²⁵. При этом были случаи, когда правонарушение, указанное в заметке, не подтверждалось. Так, в первом полугодии 1925 г. из 1 213 заметок, по которым было заведено производство, не подтвердилось 347 случаев²⁶. Среди них: по губернской прокуратуре — 178, по Ульяновскому уезду — 19, Ардатовскому — 21, Карсунскому — 11, Сызранскому — 16 и по Алатырскому уезду — 102. Значительное количество заметок было не подтверждено в связи с недостаточностью собранных доказательств. Запросы об ускорении дел принимались прокуратурой и в последующие годы. В частности, за 1926 — 1928 гг. Ульяновской прокуратурой было сделано свыше 10 000 запросов²⁷.

Работники прокуратуры Ульяновской губернии с целью повышения популярности советской правоохранительной системы и доверия к ней активно использовали средства периодической печати. Для газет ими подготавливались специальные заметки, где гражданам подробно разъяснялись основные функции прокуратуры, а также рассказывалось о том, в какой форме и каким образом составлять обращения и обжаловать неправомерные действия должностных лиц и властных структур.

В апреле 1924 г. в агитпропе губкома по инициативе прокуратуры Ульяновской губернии был поставлен на обсуждение вопрос об организации при местных губернских газетах юридической консультации и создании в периодических изданиях справочника по запросам крестьян. На совещание были приглашены и представители газет. По его итогам было принято решение при местных губернских газетах «Пролетарский путь» и «Красная жатва» создать консультацию в составе члена кол-

²⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 22.

²⁵ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 14.

²⁶ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 906. Л. 64.

²⁷ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 15.

легии защитников, сотрудника редакции и организовать справочник по правовым вопросам крестьян. Справочники были организованы в газете «Красный Октябрь» Сызранского уезда, Ардатовского — «Трудовая коммуна» и Алатырского — «Трудовая газета»²⁸.

Ульяновской губернской прокуратурой систематически проводились переговоры с редакторами по поводу организации при газетах отдельных участков правовой пропаганды. Однако в связи с небольшим объемом большей части газет в результате переговоров обычно принималось компромиссное решение — увеличить количество статей правового характера за счет сокращения иных незначительных рубрик²⁹. К работе правовой пропаганды прокуратура привлекала как штатных сотрудников, так и сотрудников губернского суда и иных профессиональных, партийных и советских работников. Так, в 1924 г. прокуратурой в местных периодических изданиях было размещено 42 статьи. Для получения полной ретроспективной картины представляется целесообразным привести ряд заголовков статей: «Милиция по данным прокуратуры», «Почему растет преступность», «Прокуратура и следапарат», «Ленин и суд», «Учет, ответственность и контроль»³⁰.

В 1926 г. в СССР редакции центральных газет стали уделять активное внимание проблеме создания общественного мнения и привлечения масс к борьбе с хулиганством. Так, в газетах «Правда», «Известия» освещались наиболее вопиющие случаи хулиганства, что должно было по замыслу редакторов сформировать отрицательное отношение к данному виду правонарушений³¹. Например, в статье «Развенчайте хулиганство» Сосновский подверг осуждению мнение о том, что хулиганы в основном являются «храбрецами и удалцами». В Ульяновской губернии по просьбе прокуратуры редакции местных периодических изданий взяли на заметку опыт коллег из Москвы. В местных периодических изданиях за 1926 — 1928 гг. было размещено более 10 статей прокуратуры, посвященных борьбе с хулиганством³².

Среди проводимой прокуратурой деятельности одно из ведущих мест отводилось политической работе, осуществлявшейся, главным образом, по линии углубления связи с крестьянством. Партийная деятельность прокуратуры заключалась в чтении докладов на партийных собраниях, выездах в подшефные села, проведении перевыборной кампании и т. д.³³

Например, в 1924 г. работники прокуратуры выступили в районной партшколе, в промышленно-экономическом техникуме и на краткосрочных курсах политработников Теренгульской волости с лекциями различной тематики: «Конституция, советское строительство и ревзаконность», «Конституция, кодекс законов об актах гражданского состояния и ревзаконность», «Основы советского строительства», «Ревзаконность», «Конституция» и т. д.³⁴ Производительность работы прокуратуры

²⁸ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 906. Л. 25.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 3. Л. 14.

³⁰ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 11.

³¹ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 21.

³² ГА УО. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

³³ ГА УО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

³⁴ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 29.

в данном направлении систематически повышалась. Так, если в 1923 г. прокуратурой Ульяновской губернии было прочитано 122 доклада, в 1925 г. — 174, то в 1926 г. — 228, в 1927 г. — 240, то в 1928 г. — 256 докладов³⁵.

В советском государстве характерной особенностью работы органов прокуратуры являлось их прочное и многогранное взаимодействие с представителями общественности. В 1923 г. был сформирован институт общественных обвинителей, который в период новой экономической политики стал формой приобщения общественности к деятельности судебных структур³⁶. При этом основную долю общественных обвинителей составляли представители социальных категорий, лояльных к советской власти, а именно рабочие и крестьяне. Роль общественных обвинителей и результативность их деятельности систематически возрастала. Согласно данным журнала «Власть Советов», в 1923 г. общественные обвинители выступили в судебных органах 2 420 раз, в 1924 г. — 8 660, в 1925 г. — уже 15 612³⁷.

В Ульяновской губернии в 1924 г. было 404 общественных обвинителя: в Ульяновске — 54 чел., в Ульяновском уезде — 25, в Сызранском — 59, в Сенгилеевском — 90, в Ардатовском — 38, в Карсунском — 74 и в Алатырском уезде — 64 чел.³⁸ В 1925 г. в уездах Ульяновской губернии по распоряжению партийных органов были произведены изменения в составе общественных обвинителей, в связи с выбытием некоторых из них вследствие перегрузки, а также в целях вовлечения в работу лучшей части беспартийного крестьянства. В уездах общественные обвинители были сгруппированы при народных судах, однако они по-прежнему оставались почти на 50 % непосредственно связанными с производством и сельским хозяйством³⁹.

При этом общественные обвинители Ульяновска, сотрудничавшие с губернским судом, были выделены в особую группу, которая пополнялась исключительно из квалифицированных граждан, знакомых с юридическими тонкостями, в основном обслуживавших младшие народные суды. В Ульяновске, как и в преобладающей части уездов, отмечалось повышение эффективности работы общественных обвинителей. В частности, только за первую половину 1925 г. общественный обвинитель Громилов выступил 14 раз, Харитонов и Ануфриев по 7 раз⁴⁰. Следует отметить, что прокуратура Ульяновской губернии возлагала на общественных обвинителей обязанность ознакомления населения с реализуемыми мероприятиями советской власти, его вовлечения в деятельность юридических кружков при избах-читальнях⁴¹.

Начиная с 1925 г. в Ульяновской губернии отмечается систематический рост количества общественных обвинителей: в 1925 г. — 409, в 1926 г. — 508, в 1927 — 538, а в 1928 г. — 791⁴². По социальному составу среди них существенную долю составляли крестьяне. Так, по состоянию на 1927 г. их состав по социальным ка-

³⁵ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 11.

³⁶ ГАУО. Ф. Р-1101. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

³⁷ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 11.

³⁸ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 37.

³⁹ ГА УО. Ф. Р-1101. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

⁴⁰ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 906. Л. 22.

⁴¹ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 35.

⁴² ГА УО. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

тегориям выглядел следующим образом: рабочие — 93 чел., крестьяне — 296, прочие — 149 чел.⁴³

Кроме того, росло число выступлений обвинителей в судебных заседаниях. Так, согласно имеющимся архивным данным, общественные обвинители в 1924 г. в народных судах выступили 208 раз, в 1925 г. — 348, в 1926 г. — 504, в 1927 г. — 544, в 1928 — 570 раз; в губернском суде и выездных сессиях в 1924 г. — 63 раза, в 1925 г. — 213, в 1926 г. — 260, в 1927 г. — 276 раз⁴⁴. С целью инструктирования общественных обвинителей в Ульяновской губернии в 1924 г. было проведено 36 совещаний, в 1925 г. — 32, в 1926 г. — 28, в 1927 г. — 30, в 1928 г. — 31⁴⁵. В рамках совещаний прорабатывались отдельные дела, проводились примерные процессы и изучались элементарные сведения УК и УПК.

Однако в Ульяновской губернии в 1924 — 1928 гг. прокуратуре так и не удалось добиться того, чтобы планы по организации совещаний с общественными обвинителями в уездах реализовывались в полном объеме. Основной причиной данного явления являлась «высокая разбросанность общественных обвинителей в разных местах уездов»⁴⁶. При этом с целью нивелирования данного пробела прокуратура систематически проводила беседы и инструктирования с общественными обвинителями, проживавшими в малочисленных и удаленных населенных пунктах, во время выезда помощника прокурора в села. В городах и крупных селах общественные обвинители инструктировались по отдельным делам заблаговременно до их выступления в судах.

Кроме того, прокуратура Ульяновской губернии оказывала советским органам консультационные услуги, которые отнимали у работников значительное количество времени. В связи с этим прокуратура старалась приложить все усилия, чтобы сократить количество выполняемой в данном направлении работы за счет передачи задач юрисконсультам и предприятиям⁴⁷. Расширение сети юрисконсультов, переход к постоянному использованию их услуг со стороны предприятий позволили разгрузить консультационную работу прокуратуры⁴⁸.

В реализации надзорной функции прокуратура значительную роль отводила наблюдению за функционированием органов следствия и дознания, а именно ОГПУ, милиции, угрозыска и правовой инспекции. Кроме того, внимание уделялось проверке мест лишения свободы.

Прокуратура Ульяновской губернии при проведении проверок работы органов милиции в первую очередь обращала внимание на выполнение ими свода основных правил, периодически рассылаемых помощниками прокурора⁴⁹. Прокуратура ликвидировала бесплатное пользование крестьянскими подводами, ограничила возможности милиции создавать обвинительные акты по ст. 88 уголовного кодекса против

⁴³ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 46.

⁴⁴ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 11.

⁴⁵ Там же. Д. 906. Л. 145.

⁴⁶ ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 51.

⁴⁷ Там же. Л. 36.

⁴⁸ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 39.

⁴⁹ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 41.

крестьян, не желавших подчиняться требованиям милиции. Например, в 1924 г. по результатам проверки прокуратурой было установлено, что сотрудники Порецкой волостной милиции в нарушении установленных норм неоднократно составляли протокол и привлекали по ст. 88 крестьян, которые отказывались оплачивать штраф, ссылаясь на неправильность административного взыскания⁵⁰. В Ульяновском уезде было выявлено, что мера пресечения, а именно содержание под стражей, была избрана без достаточных к тому оснований. В связи с этим прокуратура предложила заменить меру пресечения на более мягкую⁵¹.

Приоритетной по степени важности задачей прокуратуры Ульяновской губернии являлось предотвращение понижения показателя работоспособности сотрудников аппарата дознания и принятие мер, направленных на повышение эффективности их деятельности. Так, в 1924 — 1928 гг. проводились краткосрочные, продолжительностью до 3 месяцев, курсовые занятия с командным составом. На занятиях изучались такие предметы, как служба милиции, финансовое право, строевой и гарнизонный устав, жилищное право, Конституция РСФСР и т. д.⁵² Лекции читали сотрудники судебно-следственных органов, партийные деятели и работники Ульяновской прокуратуры.

Ульяновская губернская прокуратура в работе активно использовала метод совещаний с народными следователями. Совещания проводились совместно с работниками юстиции уездов, органами дознания и отдельно со следователями. В процессе совещаний поднимались вопросы следственного порядка, изучались циркуляры НКЮ и пленума губернского суда, а также обсуждался ряд проблемных ситуаций, возникавших в ходе взаимодействия данных структур [11, с. 24]. В 1924 — 1928 гг. в Ульяновской губернии было проведено более 320 совещаний с органами следствия и свыше 230 с органами дознания⁵³.

Контроль за состоянием мест лишения свободы осуществлялся посредством обследования, посещения их лицами прокурорского надзора и ознакомления с указаниями губинспекции и Главного управления местами заключения. Так, в Ульяновской губернии с 1924 по 1928 г. было осуществлено более 380 обследований и 4 200 посещений мест лишения свободы. По результатам обследования работниками прокуратуры составлялись акты, которые затем отправлялись в исполком и инспекцию. Кроме того, вопросы, касающиеся мест заключения, систематически обсуждались на совещаниях по борьбе с преступностью. Реализацию решений, принятых в ходе совещаний, Ульяновская прокуратура контролировала путем отправки копий в исполком и милицию⁵⁴.

В Ульяновской губернии по инициативе губпрокуратуры в 1924 г. было принято следующее решение: «В местах заключения... непролетарский элемент отделить от рабочих и крестьян, малолетних от взрослых, политических от уголовных»⁵⁵. Наряду с этим подследственные граждане были разбиты на категории и прекраще-

⁵⁰ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 906. Л. 167.

⁵¹ Там же. Л. 171.

⁵² ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 57.

⁵³ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 40.

⁵⁴ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 64.

⁵⁵ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 43.

на практика отправки на выездные работы осужденных со строгой изоляцией. В ходе обследования мест лишения свободы работниками Ульяновской губпрокуратуры в 1925 г. было выявлено, что труд заключенных не носил организованного характера по причине отсутствия необходимых средств. Однако во всех местах заключения имелись мастерские: плотничная, столярная, сапожная. Осужденные прежде всего трудились для нужд самих мест лишения свободы⁵⁶.

По решению Ульяновской губпрокуратуры была организована юридическая помощь заключенным, для чего к местам лишения свободы прикреплялись члены Коллегии защитников, которые периодически читали лекции по вопросам права. В связи с безвыходным положением лиц, освободившихся из мест заключения и не имеющих возможности выехать на постоянное место жительства, найти работу, прокуратурой было организовано Общество помощи освобожденным заключенным.

Работники прокуратуры в ходе проверок мест заключения особое внимание обращали на состояние помещений. Так, в 1924 г. Ульяновской прокуратурой было выявлено их неудовлетворительное состояние, в связи с чем прокуратура поставила вопрос перед губисполкомом и губинспекцией о необходимости ассигнования средств на производство ремонта мест заключения. Однако по причине нежелания администраций мест лишения свободы самостоятельно проводить работы сроки ремонта затягивались, а его качество оставляло желать лучшего. Например, в Сызранском доме заключения был проведен лишь частичный ремонт, а именно: побелка, остекление и постройка топчанов⁵⁷.

Помимо того, прокуратурой осуществлялся надзор за уполномоченными ГО ОГПУ в уездах, старшими агентами транспортного отдела ОГПУ и уполномоченными особых отделов при воинских частях. Наблюдение за производством следствия и дознания в органах велось посредством наблюдательных производств, посещений и обследований. В частности, в ходе ряда осуществленных прокуратурой Ульяновской области в 1925 г. проверок работы органов ГПУ, было выявлено, что сотрудниками органов безопасности была произведена разработка архива, результатом которой явилось выявление ряда филеров и провокаторов, работавших в жандармском управлении (всего 26 дел по ст. 67 УК). При этом было выявлено, что у сотрудников органов госбезопасности существенные затруднения вызывали дела о преступлениях, предусмотренных ст. 98 УК. Они заключались в том, что перешедшие границу лица заключались под стражу и подвергались допросу, в ходе которого выявлялось: «...имелся ли здесь простой переход госграницы, или переход с целью шпионажа»⁵⁸. В связи с этим по близлежащим губерниям отправлялись запросы. Если ответа не следовало, то запросы отправлялись вновь. Дело так и оставалось на начальной стадии уголовного процесса, а подозреваемый находился под стражей. Процесс выяснения личности проходил крайне медленно с нарушением установленных сроков.

Во второй половине 1920-х гг. сотрудниками прокуратуры отмечалось улучшение дел в производстве следствия и дознания в органах ГПУ. По состоянию на

⁵⁶ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 44.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Д. 906. Л. 85.

1926 г. в производстве ГПУ на момент проверки органами прокуратуры имелось 105 дел, в 1927 — 96 и в 1928 г. — 90 дел. Среди них дел, по которым следствие длилось больше двух месяцев, было соответственно 18, 12 и 6⁵⁹.

На протяжении всего рассматриваемого периода роль прокуратуры и содержание ее деятельности претерпевали изменения, вызванные социально-экономическими и политическими реалиями советского государства. Прокуратура, будучи изначально сформированной в качестве структуры, занимающейся охраной законности, постепенно превращалась в еще одну карательную структуру в механизме советской правоохранительной системы. Если в период новой экономической политики прокуратура при следовании режиму законности неукоснительно придерживалась формальной объективности, то уже к концу 1928 г., когда произошло существенное укрепление монополии коммунистической партии и был свернут курс НЭПа, значительно повысился уровень вмешательства партийных структур, стремившихся выстроить работу прокуратуры в соответствии с классовыми представлениями, в ее деятельность.

Заключение

Таким образом, в Ульяновской губернии в 1924 — 1928 гг. происходит оформление основных направлений в деятельности советской прокуратуры: надзор за соблюдением законности советскими и административными учреждениями, рассмотрение жалоб и контролирование периодической печати. В результате проведенной прокуратурой работы в области общего надзора произошло сокращение количества нарушений, совершенных советскими и административными учреждениями. Данный факт служит подтверждением тому, что местные руководители старались не отклоняться в ходе выполнения своих непосредственных обязанностей от соблюдения принципов законности, опасаясь в противном случае получить прокурорский протест. В свою очередь, надзор прокуратуры за деятельностью правоохранительных структур позволил вывести качество работы обозначенных поднадзорных единиц власти на более высокий уровень, что усилило эффективность противодействия преступности. Для обеспечения защиты интересов государства и слабозащищенных слоев населения прокуроры принимали активное участие и в судебных процессах. Контроль прокуратурой мест лишения свободы посредством их обследования и соблюдения указаний Губинспекции и Главного управления местами заключения позволил добиться улучшения общего состояния мест лишения свободы и условий содержания заключенных. Выполненный анализ функций прокуратуры и методов их реализации в целом позволяет сделать вывод, что на территории Ульяновской губернии в рассматриваемые годы было сформировано единое правовое поле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев В. Б., Миронова Е. А. Прошлое и настоящее прокурорского надзора за производством дел в судах // Советская прокуратура: очерки истории. М.: Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1993. С. 95 — 111.

⁵⁹ ГА УО. Ф. Р-200. Оп. 6. Д. 33. Л. 11.

2. Аликов В. Р. Развитие законодательства об участии прокурора в гражданском процессе России XVII — XX веков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 164 с.
3. Басков В. И. Отечественная прокуратура в 1922 — 1996 гг. // Вестник Московского государственного университета. Сер. 11: Право. 1998. № 1. С. 101 — 114.
4. Бессарабов В. Г. Советская прокуратура 1922 — 1991 гг. // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 120 — 138.
5. Вазеров Д. А. Создание и становление Пензенской прокуратуры: 1922 — 1928: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 259 с.
6. Верт Н. История советского государства: 1900 — 1991 / пер. с франц. 2-е изд., испр. М.: Прогресс-Академия, 1995. 544 с.
7. Гридунова И. А. Алтайская прокуратура в годы новой экономической политики: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 239 с.
8. Какоурова Н. А. История органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1920 — 1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 238 с.
9. Камалова Г. Т. Правоохранительные органы Урала в годы новой экономической политики: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2009. 491 с.
10. Клочков В. В. Становление и развитие российской прокуратуры // Советская прокуратура: очерки истории. М.: Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1993. С. 7 — 26.
11. Мухамедов Р. А., Веретенников А. В. Репрессивные органы и советская власть в 1920-е гг. // Всероссийская научно-практическая (On-line) конференция, посвященная 80-летию Сталинградской битвы: сб. науч. ст. Ульяновск, 2022. С. 23 — 26.
12. Перфильева И. А. Становление и эволюция государственного аппарата власти и управления Забайкалья в 1922 — 1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 334 с.
13. Хаски Ю. Российские адвокаты и Советское государство: происхождение и развитие советской адвокатуры, 1917—1939 / пер. с англ. Т. Моршаковой. М.: Ин-т государства и права РАН, 1993. 183 с.
14. Чердаков О. И. Место и роль прокуратуры в правоохранительной системе советского государства в период его становления и развития (1917 — 1936 гг.) // Государство и право. 2003. № 12. С. 86 — 91.
15. Pipes R. Legalised Lawlessness: Soviet Revolutionary Justice. L.: Institute for European Defence and Strategic Studies, 1986. 252 p.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 13.02.2023.

Информация об авторах:

Чигрин Максим Валерьевич, докторант кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета (432071, Россия, г. Ульяновск, пл. Ленина, 4/5), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1006-5524>, maksim-chigrin@mail.ru.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Alekseev VB, Mironova EA. The Past and Present of Prosecutorial Supervision over the Proceedings in Courts. *Soviet Prosecutor's Office: Essays on History*. Moscow;1993. (In Russ.)
2. Alikov VR. Development of Legislation on the Participation of the Prosecutor in the Civil Process of Russia in the XVII — XX Centuries. *Cand. Sci. (Jurisprudence) Dissertation*. Moscow;2001. (In Russ.)

3. Baskov VI. Domestic Prosecutor's Office in 1922 — 1996. *Bulletin of Moscow University. Series 11: Right.* 1998;(1):101—114. (In Russ.)
4. Bessarabov VG. Soviet Prosecutor's Office 1922 — 1991. *Journal of Russian law.* 2002;(12):120—138. (In Russ.)
5. Vazero DA. Creation and formation of the Penza prosecutor's office: 1922 — 1928. *Cand. Sci. (History) Dissertation.* Penza;2005. (In Russ.)
6. Werth N. History of the Soviet State: 1900 — 1991. Moscow;1995. (In Russ.)
7. Gridunova IA. Altai Prosecutor's Office During the Years of the New Economic Policy. *Cand. Sci. (History) Dissertation.* Barnaul;2010. (In Russ.)
8. Kakourova NA. History of the Court and Prosecutor's Office of the Irkutsk Oblast in the 1920s — 1930s. *Cand. Sci. (History) Dissertation.* Irkutsk;2006. (In Russ.)
9. Kamalova GT. Law Enforcement Agencies of the Urals during the Years of the New Economic Policy. *Dr. Sci. (History) Dissertation.* Chelyabinsk;2009. (In Russ.)
10. Klochkov VV. Formation and Development of the Russian Prosecutor's Office. *Soviet Prosecutor's Office: Essays on History.* 1993;7—26. (In Russ.)
11. Mukhamedov RA, Veretennikov AV. Repressive Organs and Soviet Power in the 1920s. *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical (On-line) Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Battle of Stalingrad.* 2022;23—26. (In Russ.)
12. Perfilova IA. Formation and Evolution of the State Apparatus of Power and Administration of Transbaikalia in 1922 — 1936. *Cand. Sci. (History) Dissertation.* Irkutsk;2007. (In Russ.)
13. Husky Yu. Russian Advocacy and the Soviet State: Origin and Development of the Soviet Advocacy 1917 — 1939. Moscow;1994. (In Russ.)
14. Cherdakov OI. The Place and Role of the Prosecutor's Office in the Law Enforcement System of the Soviet State during Its Formation and Development (1917 — 1936). *State and Law.* 2003;(12):86—91. (In Russ.)
15. Pipes R. *Legalised Lawlessness: Soviet Revolutionary Justice.* London;1986. (In Eng.)

The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 13.02.2023.

Information about the author:

Maxim V. Chigrin, Doctoral Candidate of the Department of History, Ilya Ulyanov State Pedagogical University (4/5 Lenin Square, Ulyanovsk 432071, Russia), Candidate of Sciences in History, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1006-5524>, maksim-chigrin@mail.ru

Conflict of interests: the author declare no conflict of interests.

The authors has read and approved the final manuscript.

УДК 94(47).084:353«1937/1953»
EDN JVXUAJ<http://vestnikniig.ru>*Научная статья*

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ МАРИЙСКОЙ, МОРДОВСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ АССР В УСЛОВИЯХ СВЕРХЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ (1937 — 1953 гг.)

П. С. Учватов

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
uchvatov.pavel@yandex.ru

Аннотация

Введение. Целью статьи является характеристика основных центральных органов государственного управления сельским хозяйством автономных республик в 1937 — 1953 гг. В качестве примера в исследовании выбраны сходные по социально-экономическим показателям республики Поволжья — Марийская, Мордовская и Чувашская АССР, в экономике которых в указанный период преобладала сельскохозяйственная отрасль.

Материалы и методы. При подготовке статьи использовались материалы из фондов региональных архивов — Государственного архива Республики Марий Эл, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Центрального государственного архива Республики Мордовия, а также ряд опубликованных сборников документов и справочных изданий. Их обработка осуществлялась с помощью общенаучных и специальных методов исследования, включая историко-сравнительный, историко-системный методы, метод контент-анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье обращается внимание на отдельные органы государственного управления республик — Советы народных комиссаров (с 1946 г. — Советы министров) АССР, находившиеся в их подчинении профильные наркоматы (министерства), отвечавшие за развитие сельского хозяйства. Затрагиваются их функции и положение в системе власти, а также некоторые проблемы, имевшиеся в их деятельности. Приводятся фамилии государственных руководителей аграрной сферы республик данного периода и время их нахождения на должностях. Указывается на отсутствие самостоятельности региональных органов власти, вынужденных быть исполнителями вышестоящих решений.

Заключение. Проведенный анализ позволил рассмотреть республиканские органы управления сельским хозяйством и выявить некоторые особенности организации их работы. Материалы статьи могут быть использованы при изучении региональной системы государственного управления советского периода.

Ключевые слова: автономная республика в составе РСФСР, управление сельским хозяйством, региональные исполнительные и распорядительные органы власти, Совет министров, Совет народных комиссаров, наркомат земледелия, министерство сельского хозяйства, Марийская АССР, Мордовская АССР, Чувашская АССР

Для цитирования: Учватов П. С. Республиканские органы управления сельским хозяйством Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в условиях сверхцентрализованной государственной системы (1937 — 1953 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 88 — 100. EDN JVXUAJ

© Учватов П. С., 2023

Original article

REPUBLICAN AGRICULTURAL AUTHORITIES OF THE MARI, MORDOVIAN AND CHUVASH ASSR IN THE CONDITIONS OF SUPER-CENTRALIZED STATE SYSTEM (1937 — 1953)

P. S. Uchvatov

Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
uchvatov.pavel@yandex.ru

Abstract

Introduction. The purpose of the article is to characterize the main central bodies of state administration of agriculture of the autonomous republics in 1937 — 1953. As an example, we selected the republics of the Volga region, similar in terms of socio-economic indicators, such as the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics, whose economy was dominated by the agricultural sector during this period.

Materials and methods. In preparing the article, we used materials from the funds of regional archives, such as the State Archive of the Republic of Mari El, the State Historical Archive of the Chuvash Republic, the Central State Archive of the Republic of Mordovia, as well as a number of published collections of documents and reference publications. The processing of the material was carried out using general scientific and special research methods, including historical-comparative, historical-systematic methods, content analysis method.

Results and discussion. The article draws attention to individual government bodies of the republics, namely the Councils of People's Commissars (since 1946 — the Councils of Ministers) of the ASSR, the profile people's commissariats (ministries) that were subordinate to them and were responsible for the development of agriculture. Their functions and position in the system of power, as well as some problems in their activities are touched upon. The names of the state leaders of the agrarian sector of the republics of the given period of time when they were in office are given. The lack of independence of regional authorities, forced to be executors of higher decisions, is indicated.

Conclusion. This analysis made it possible to consider the republican agricultural management bodies and identify some features of the organization of their work. The materials of the article can be used in the study of the regional system of public administration of the Soviet period.

Keywords: Autonomous republic within the RSFSR, agricultural management, regional executive and administrative authorities, Council of Ministers, Council of People's Commissars, People's Commissariat of Agriculture, Ministry of Agriculture, Mari ASSR, Mordovian ASSR, Chuvash ASSR

For citation: Uchvatov PS. Republican Agricultural Authorities of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR in the Conditions of Super-Centralized State System (1937 — 1953). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):88—100. EDN JVXUAJ

Введение

Система управления сельским хозяйством в советскую эпоху неоднократно подвергалась различным изменениям и трансформациям. Попытки проведения как масштабной модернизации управления, так и менее значительных реформ в данной области осуществлялись неоднократно и в различные хронологические периоды. При этом особый интерес представляет исследование состояния и развития органов управления на региональном уровне.

Обзор литературы

Отметим, что за последние годы историками были опубликованы работы, в которых рассматриваются состояние, отдельные направления деятельности госу-

дарственных и партийных органов управления Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в предвоенное время и в годы Великой Отечественной войны [2; 4; 11; 12; 17; 22], а также в период восстановления народного хозяйства во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. [1; 5; 13]. Однако содержащиеся в большинстве подобных работ сведения, как правило, касаются состояния общественно-политической системы региона в целом, в то время как непосредственно деятельность органов управления аграрной сферой часто затрагивается вскользь. Так, в статьях чувашских историков С. В. Охотниковой (Гончаровой) и Е. В. Касимова, посвященных организации органов управления сельским хозяйством и колхозным строительством Чувашской АССР, охватывается лишь период 1920-х — начала 1930-х гг. [3; 6; 15]. В работах марийских исследователей О. А. Кошкиной и В. И. Рыбалки анализируется деятельность органов управления аграрной сферой Марийской АССР в послевоенные годы [8; 16]. В Мордовии данная тематика затрагивается в исследованиях Т. Д. Надькина и В. А. Ломшина [9; 10; 14]. Вопросы развития сельскохозяйственной отрасли в СССР, в том числе управление ею на примере Марийской, Мордовской и Чувашской республик, комплексно рассматриваются в коллективной монографии «СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922 — 1991)» [20]. В то же время на уровне трех республик проблемы органов государственного управления аграрной сферой все еще остаются недостаточно изученными и требуют проведения дальнейших исследований.

Кроме того, следует отметить ряд работ ученых-историков из соседних регионов Поволжья. Так, некоторых аспектов государственного управления в условиях мобилизационной экономики касаются историки Пензенской области [7; 18; 19]. Интерес представляет справочник «Центральные органы власти и управления Татарстана», который в сжатом, систематизированном виде содержит сведения о Правительстве, Наркомате земледелия, Министерстве сельского хозяйства Татарской АССР¹.

Необходимо также сделать оговорку, что в настоящей статье приводится характеристика центральных органов государственного управления АССР — Совнаркомов (Советов министров) и непосредственно подчиненных им наркоматов (министерств), руководители которых входили в состав региональных правительств. Действовавшие в данный период земельные отделы и отделы сельского хозяйства райисполкомов, а также колхозы, специализированные предприятия, организации и конторы в статье не затрагиваются.

Материалы и методы

Для достижения цели и исследовательских задач в научный оборот вводятся материалы из фондов региональных архивов — Государственного архива Республики Марий Эл, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Центрального государственного архива Республики Мордовия, а также ряд опубликованных сборников документов и справочных изданий. В ходе работы использовались как общенаучные, так и специальные методы исследования, включая историко-сравнительный, историко-системный методы, метод контент-анализа.

¹ Центральные органы власти и управления Татарстана (1920 — 2020 гг.): науч.-справ. изд. Казань, 2017. 400 с.

Результаты исследования и их обсуждение

В конце 1930-х гг. в стране утвердилась система управления, ставшая итогом «формирования государства тоталитарного типа» [4, с. 174]. Государственные органы, отвечавшие за развитие народного хозяйства как на союзном и федеральном уровнях, так и в регионах действовали в условиях быстрого роста партийного аппарата, бюрократизации и сверхцентрализации власти. В автономных республиках их структура, функции и полномочия были официально закреплены в конституциях, принятых в 1937 г. Поскольку регионы не обладали возможностями осуществлять существенные реформы без инициативы сверху, устройство органов власти и управления в республиках фактически не имело существенных различий.

Центральное положение среди исполнительных и распорядительных органов власти занимал Совет народных комиссаров (СНК) — Правительство АССР. Согласно конституциям автономных республик, СНК объединял и направлял работу народных комиссариатов, других подведомственных ему государственных органов, хозяйственных и культурных учреждений, уполномоченных общесоюзных и союзно-республиканских народных комиссариатов. Ключевыми полномочиями, определявшими очень широкий спектр вопросов, которыми занимался СНК, являлось принятие мер по осуществлению народнохозяйственного плана, а также по осуществлению республиканского и местного бюджетов. Кроме того, Правительство отвечало за обеспечение общественного порядка, защиту интересов государства и охрану прав граждан; оно также руководило и проверяло работу исполкомов районных (городских) Советов депутатов². Таким образом, функции СНК были закреплены в конституциях кратко и довольно схематично, но на практике этот орган государственной власти имел широкие полномочия и занимался всеми отраслями народного хозяйства. В 1946 г. он был преобразован в Совет министров, хотя в реальности речь шла скорее о простом переименовании, так как его роль и полномочия остались прежними [21, с. 56].

Сельскохозяйственной отраслью ведал один из заместителей Председателя СНК, который в некоторых документах назывался первым заместителем. Помимо собственно наркомата земледелия (министерства сельского хозяйства) этот руководитель курировал работу других ведомств и государственных структур: например, в июне 1944 г. после распределения обязанностей между Председателем СНК Мордовской АССР и его заместителями к ведению первого заместителя были также отнесены вопросы уполномоченного Наркомата СССР по заготовкам (в части заготовок сельскохозяйственной продукции), республиканских контор «Сельхозснабжение», «Заготзерно», «Заготсено», «Сортсемеовощ» и некоторых других учреждений. При этом развитием животноводства в годы войны занимался отдельный заместитель Председателя СНК³.

² Конституция (Основной Закон) Марийской АССР // Марийская правда. 1937. 22 июня; Конституция (Основной Закон) Мордовской АССР. Саранск, 1937. С. 15 — 16; Конституция (Основной Закон) Чувашской АССР. Чебоксары, 1937. С. 19 — 21.

³ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 989. Л. 456 — 458.

В 1938 г., когда в республиках были сформированы составы правительств, в Мордовской АССР на должность первого заместителя Председателя был назначен И. Н. Куприянов⁴, ранее работавший первым секретарем Торбеевского райкома ВКП(б). На рубеже 1930 — 1940-х гг., а также в первые годы войны заместители Председателя СНК республики, курировавшие сельское хозяйство, неоднократно менялись. В 1945 г. эту должность занял приехавший из Молотовской области хозяйственный руководитель И. И. Белобородов, который проработал на ней до 1952 г.⁵ С 1952 г. за развитие сельского хозяйства в Совете министров Мордовской АССР отвечал С. М. Шорохов, прежде занимавший должности наркома земледелия Мордовской АССР и заведующего сельскохозяйственным отделом Мордовского обкома ВКП(б)⁶.

В Марийской АССР при формировании СНК в 1938 г. этот пост занял А. И. Федоров⁷. Он имел опыт работы в конторе «Заготзерно», председателем колхоза, заместителем председателя Марийского облисполкома⁸. Впоследствии, как и в соседней Мордовской АССР, в СНК республики производились частые кадровые изменения. Ситуация относительно стабилизировалась в послевоенный период, когда с 1946 по 1954 г. на должности первого заместителя Председателя Совета министров Марийской АССР находился В. П. Андреев, ранее работавший на различных хозяйственных и партийных должностях⁹.

В Чувашии в 1938 г. заместителем СНК, отвечавшим за сельскохозяйственную отрасль, был назначен А. В. Сомов¹⁰, до этого занимавший должность первого секретаря Кувакинского райкома партии. После его перевода на должность руководителя СНК Чувашской АССР с 1942 по 1951 г. первым заместителем Председателя Правительства был Ф. Т. Семёнов, опытный советский и финансовый управленец, ранее работавший наркомом финансов Чувашской АССР¹¹. В 1952 г. его сменил на этом посту советско-партийный руководитель И. В. Заикин, работавший на ответственных постах в различных областях страны¹².

В силу своего особого положения в системе исполнительных и распорядительных органов власти, СНК (Совет министров) рассматривал практически любые вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства, а также с организацией и деятельностью подведомственных государственных органов. В протоколах заседа-

⁴ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР четвертого созыва, первая сессия (25 — 27 июня 1938 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1938. С. 11.

⁵ Мордовия: энциклопедия: в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 155.

⁶ Мордовия: энциклопедия: в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 533.

⁷ ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. Р-471. Оп. 2. Д. 4а. Л. 5.

⁸ Исполнительная власть Республики Марий Эл. 1921 — 2008. Йошкар-Ола, 2009. Т. 2. С. 12 — 13.

⁹ Там же. С. 189.

¹⁰ ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹¹ Федоров Ф. Ф. // Семёнов Федор Тимофеевич / Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=4195> (дата обращения: 15.02.2023).

¹² Федоров Ф. Ф. // Заикин Иван Васильевич / Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=1443> (дата обращения: 15.02.2023).

ний высших органов государственного управления отразились самые разнообразные проблемы развития этой отрасли, по которым принимались решения — колхозное строительство, посевные и уборочные кампании, рассмотрение жалоб колхозников, утверждение нормативов обязательных поставок продуктов государству и контроль над проведением заготовок сельскохозяйственной продукции, борьба с инфекционными заболеваниями в животноводстве, подготовка кадров для работы в аграрной сфере и т. д. На заседаниях Правительства регулярно заслушивались отчеты ответственных работников Наркомата земледелия (Министерства сельского хозяйства), руководителей иных ведомств и сельскохозяйственных организаций, председателей исполкомов районных Советов.

Для обеспечения слаженной работы подведомственных органов и учреждений, а также осуществления контроля над принятыми решениями в аппаратах правительств АССР существовали отдельные должности референтов (консультантов) по сельскому хозяйству и животноводству¹³. Контрольные мероприятия часто предполагали выезд референтов и других сотрудников аппарата в районы, где проверки организовывались непосредственно на местах с последующим вызовом ответственных лиц в СНК (Совет министров).

Повседневную деятельность по управлению сельским хозяйством осуществляли республиканские наркоматы земледелия (с 1946 г. — министерства земледелия, с 1947 г. — министерства сельского хозяйства). Они разрабатывали и осуществляли основные направления государственной политики в аграрной сфере, несли ответственность за обеспечение роста урожайности, организацию посевных работ, развитие отдельных сельскохозяйственных отраслей, механизацию сельского хозяйства и т. д. Особенностью наркоматов (министерств) было их двойное подчинение: с одной стороны, они подчинялись СНК (Совету министров) автономной республики, с другой — соответствующим вышестоящим органам государственного управления РСФСР¹⁴.

В силу большого объема и разносторонности работы по управлению столь сложной отраслью народного хозяйства, наркоматы земледелия (министерства сельского хозяйства) являлись одними из самых крупных ведомств в автономных республиках. Например, в Наркомземе Мордовской АССР накануне войны насчитывалось 17 различных производственных управлений, отделов и секторов. Наиболее значимыми из них, отвечавшими непосредственно за развитие отдельных отраслей сельского хозяйства, были Управление северо-восточного территориального производства, Управление западного территориального производства, Управление животноводства, Управление коневодства, Ветеринарное управление, Управление агротехники и механизации сельского хозяйства, Сортовое управление, Управление плодоовощеводства¹⁵. Структура ведомства не была устойчивой, часто подвергалась реорганизациям. Так, в августе 1941 г. производственно-территориальные управ-

¹³ ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 405. Л. 2 — 3; ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 13. Д. 12. Л. 30.

¹⁴ Конституция (Основной Закон) Марийской АССР; Конституция (Основной Закон) Мордовской АССР. С. 17; Конституция (Основной Закон) Чувашской АССР. С. 23 — 24.

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 13. Д. 12. Л. 40об.

ления и ряд отделов Наркомата земледелия Мордовской АССР были объединены с одновременным созданием двух новых самостоятельных подразделений — Управления агротехники и Управления механизации¹⁶.

Народными комиссарами земледелия Марийской АССР работали В. Г. Седов (1938 — 1940), Л. Я. Флорентьев (1940 — 1943), К. Т. Антонов (1943 — 1944), Б. М. Степнов (1944 — 1945), А. Д. Кольцов (с 1945)¹⁷. В Мордовской АССР эту должность занимали М. И. Кулаков (1938), С. Д. Карпов (1938 — 1943), С. М. Шорохов (1944 — 1946)¹⁸. В Чувашской АССР наркомат земледелия возглавляли С. К. Коротков (1937 — 1939), А. С. Степанов (1939 — 1940), В. Г. Григорьев (1940 — 1941), Н. Г. Малов (1941 — 1945)¹⁹. Нарком земледелия в конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. играл особую роль как руководитель одного из ведущих органов государственного управления АССР. Безусловно, его работа, связанная с одной из наиболее проблемных отраслей, требовала высоких управленческих навыков и знаний своей отрасли, при этом последние в основном нарабатывались через практику. Должность советского руководителя, а тем более наркома земледелия, не была кабинетной, требовала постоянных командировок, выездов в колхозы, умения жестко добиваться от подчиненных организаций выполнения директив. Как отмечает зарубежный советолог Ш. Фицпатрик, «идеальный руководитель 1930-х гг., смоделированный по образцу реальных директоров промышленности, героев первой пятилетки... не боялся месить грязь на стройке, был суров к себе и другим, если надо — безжалостен, неутомим и практичен» [23, с. 43.]. Это высказывание можно применить и в отношении региональных наркомов земледелия и их заместителей. В условиях, когда получить профильное высшее (а часто и среднее специальное образование) было очень сложно, многие руководители, становление которых пришлось на 1920-е — 1930-е гг., компенсировали пробелы в образовательном уровне своей энергией, работоспособностью и жизненным опытом. Образование наркома земледелия Мордовской АССР С. Д. Карпова ограничивалось несколькими классами земской сельской школы, что не помешало ему выдвинуться во второй половине 1920-х гг. на ответственную работу, где он сменил более 10 различных должностей, прежде чем возглавил в 1938 г. республиканский Наркомат земледелия²⁰. Практиком был и нарком земледелия Чувашской АССР С. К. Коротков: получивший лишь начальное образование, после работы председателя колхоза в родном селе он стал сначала заместителем Председателя ЦИК, а затем — народным комиссаром земледелия²¹.

¹⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 826. Л. 22.

¹⁷ ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 2. Д. 4а. Л. 5; Марийская Правда. 1940. 17 июня; 1943. 12 марта; 1944. 26 мая; 1945. 30 мая.

¹⁸ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 32. Д. 524. Л. 2; Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 239. Л. 278; Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 279. Л. 183об.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 124. Л. 466; Д. 273. Л. 238; Д. 406. Л. 16; Федоров Ф. Ф. Коротков Сергей Ксенофонович // Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=493> (дата обращения 15.02.2023).

²⁰ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 32. Д. 524. Л. 4 — 8об.

²¹ Федоров Ф. Ф. Коротков Сергей Ксенофонович.

О большом значении, которое имел руководитель Наркомата земледелия автономной республики в конце 1930-х гг., свидетельствует и то, что именно этот чиновник избирался депутатом Верховного Совета СССР. Например, от Мордовии в 1937 г. депутатом Верховного Совета СССР I созыва стал М. И. Кулаков, на тот момент занимавший пост наркома земледелия. Руководитель чувашского наркомата земледелия С. К. Коротков также был избран депутатом высшего союзного органа государственной власти от Чувашской АССР²².

В 1946 г., одновременно с преобразованием Советов народных комиссаров в Советы министров, наркоматы были преобразованы в министерства. В этом же году в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1946 г. в стране была осуществлена реорганизация системы управления сельским хозяйством, в результате которой из структуры министерств земледелия выделились самостоятельные ведомства — министерства животноводства²³. Тогда же были созданы новые органы государственного управления — министерства технических культур. Например, в Мордовской АССР эта реформа была проведена в течение мая — июля 1946 г. и получила оформление на 8-й сессии Верховного Совета Мордовской АССР первого созыва (25 — 26 июля 1946 г.). Министром технических культур был назначен М. М. Кузнецов, министром животноводства — А. С. Исеев²⁴. Аналогичные трансформации, «спущенные» сверху, происходили и в других автономных республиках.

Однако новая структура с несколькими самостоятельными государственными органами не оправдала себя, и уже в следующем году было принято решение о возвращении к традиционной схеме управления. В марте 1947 г. в результате объединения нескольких ведомств были образованы единые министерства сельского хозяйства, просуществовавшие до конца рассматриваемого периода. В Марийской АССР во главе аграрного ведомства находились А. Д. Кольцов (1947 — 1950) и Д. И. Никеев (1950 — 1961)²⁵. В Мордовской АССР министром сельского хозяйства стал М. Ф. Чернов (1947 — 1952), затем С. И. Митякин (1952 — 1956)²⁶. В Чувашской республике эту должность занимали И. Н. Широков (1947 — 1950) и Г. А. Мартынов (1950 — 1956)²⁷.

Касаясь исполнительных и распорядительных органов власти АССР, занимавшихся сельскохозяйственной отраслью, следует отметить также уполномоченного

²² Депутаты Верховного Совета СССР I созыва, избранные 12.12.1937 // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза. 1898 — 1991. URL: http://www.knowbysight.info/1_SSSR/07705.asp (дата обращения: 15.02.2023).

²³ О разделении Министерства земледелия СССР на два Министерства — Министерство земледелия СССР и Министерство животноводства СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1946 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 12 (421). 23 апр.

²⁴ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР первого созыва, восьмая сессия (25 — 26 июля 1946 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1946. С. 120 — 121, 135 — 140.

²⁵ Марийская правда. 1947. 4 апр.; 1950. 23 июля; 1961. 26 дек.

²⁶ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР второго созыва, первая сессия (7 марта 1947 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1947. С. 41; Заседания Верховного Совета Мордовской АССР третьего созыва, третья сессия (10 — 11 дек. 1952 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1953. С. 129, 145.

²⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 878. Л. 81; Д. 1020. Л. 200; Оп. 6. Д. 293. Л. 217.

Народного комиссариата заготовок СССР, который входил в состав СНК (Советов министров). Помимо самого уполномоченного, на республиканском уровне действовал его аппарат (например, в Мордовской АССР в 1941 г. он включал в себя 12 ответственных работников)²⁸. Уполномоченными Народного комиссариата заготовок СССР по Марийской АССР работали Г. Д. Бахматов (1938 — 1939), Г. Ф. Сидоров (1939 — 1942), В. А. Щеглов (1942 — 1956)²⁹; по Мордовской АССР — В. Ф. Силаев (1938 — 1939), А. И. Фадеев (1939 — 1943), Никулин (1943), Т. В. Владимиров (1944 — 1948)³⁰; по Чувашской АССР — Д. Я. Митьков (1938 — 1942), Т. Г. Герасимов (1942 — 1944), Г. С. Федотов (с 1944)³¹. Значение заготовок сельскохозяйственных продуктов особенно возросло в годы Великой Отечественной войны, что выразилось, в том числе, в участвовавших проверках деятельности заготовительного аппарата со стороны СНК³².

Осуществляя краткий обзор центральных органов управления сельским хозяйством АССР, необходимо коснуться также некоторых проблем, с которыми данные органы власти сталкивались в своей повседневной деятельности. Многие «узкие места» были связаны не только с объективными сложностями, но и с плохой организованностью аппарата, формализмом, отсутствием квалифицированных управленцев и другими изъянами системы. Выступая на первой сессии II созыва Верховного Совета Чувашской АССР в 1947 г., один из депутатов так оценивал государственные органы управления сельским хозяйством республики: «В работе Министерства земледелия, Министерства технических культур, Министерства животноводства проявлялись факты бюрократизма и канцелярщины, отрыва от жизни, неоперативности в руководстве... Многие специалисты сельского хозяйства — агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи оседают в аппаратах, канцеляриях, в то время как колхозное производство испытывает в них острую нужду³³. Подобные этому критические мнения не были редкостью. О бюрократизме и чрезмерно раздутым делопроизводственным оборотом свидетельствует, например, такой факт: по словам первого секретаря Торбеевского райкома ВКП(б) Мордовской АССР П. И. Куколина, только за 1948 г. Совет министров республики направил в Торбеевский райисполком 1 047 различных бумаг, и это не считая тех постановлений, «которые райисполкомы не получали»³⁴. На каждую из них исполком районного Совета депутатов должен был соответствующим образом отреагировать.

Однако и самим органам государственного управления республиканского уровня мешала излишняя «опека», исходившая со стороны партийных структур. Иног-

²⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 13. Д. 12. Л. 40.

²⁹ ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 2. Д. 4а. Л. 5; Марийская Правда. 1940. 17 июня; 1942. 28 авг.

³⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 72. Л. 15 — 15об.; Заседания Верховного Совета Мордовской АССР первого созыва, первая сессия (25 — 27 июня 1938 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1938. С. 11; Заседания Верховного Совета Мордовской АССР первого созыва, шестая сессия (23 — 25 марта 1944 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1944. С. 141.

³¹ ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 580. Л. 21, 27; Д. 690. Л. 18.

³² ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 883. Л. 315—316 об.; Д. 935. Л. 136 — 137об.

³³ ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 878. Л. 27об. — 28.

³⁴ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР второго созыва, пятая сессия (3 — 4 июня 1949 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1949. С. 55.

да это приводило к тому, что в реальности все значимые управленческие функции выполнялись партийными органами, фактически подменявшими собой советские. Например, выступая на XXI Марийской областной партконференции в декабре 1949 г., секретарь Хлебниковского райкома ВКП(б) Марийской АССР Д. И. Иванов прямо указывал на то, что «Совет Министров, Министерство сельского хозяйства, Уполминзаг плохо руководят районами, все указания исходят только из обкома в райкомы партии»³⁵. Когда молодой руководитель С. М. Шорохов приехал в 1944 г. в Мордовию на должность наркома земледелия, то быстро столкнулся с давлением со стороны обкома ВКП(б), которое оказало на него неприятное впечатление. «Я был удивлен, — говорил Шорохов. — Когда поступил на работу, получал по 10 звонков в день из Обкома: дайте столько-то горючего, столько-то запасных частей... Имеем Наркома, 4 его заместителей, а все вопросы разрешаются в Обкоме ВКП(б)? Я считаю, что надо сделать так, что может разрешить Наркомзем сам, Обкому вмешиваться не следует»³⁶. Одновременно в условиях кадрового дефицита обком забирал себе наиболее подготовленных и опытных специалистов из системы СНК республики³⁷.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что такое состояние установившейся системы управления продолжало сохраняться вплоть до смерти И. В. Сталина и лишь после этого подверглось достаточно масштабным изменениям. Республиканские Советы народных комиссаров (Советы министров), а также подведомственные им наркоматы земледелия (министерства сельского хозяйства) в своей повседневной деятельности рассматривали самые разнообразные вопросы, касавшиеся сельскохозяйственной отрасли, и в целом играли значимую роль в ее развитии. Однако, не умаляя значения региональных органов власти в их повседневной деятельности по управлению аграрной сферой, необходимо подчеркнуть, что они не обладали самостоятельностью в принятии решений. Об этом свидетельствует и структура исполнительно-распорядительных органов государственной власти, которая почти не различалась в соседних республиках либо различалась очень незначительно и не могла быть изменена без получения санкции вышестоящих органов. Таким образом, с одной стороны, правительства АССР и подведомственные им наркоматы (министерства) служили проводниками политики союзного центра и были призваны реализовывать на местах исходящие из него директивные указания. С другой стороны, на региональном уровне они испытывали давление со стороны обкомов ВКП(б), стремившихся контролировать не только политико-идеологические вопросы, но и решение текущих хозяйственных проблем. Оценивая деятельность республиканских органов управления аграрной сферой, нужно констатировать, что в рассматриваемый период они являлись исполнителями, не обладавшими возможностями по проведению самостоятельной линии.

³⁵ ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 502. Л. 69.

³⁶ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 859. Л. 144.

³⁷ Там же. Л. 133.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бикейкин Е. Н., Куршева Г. А., Першин С. В. К вопросу об эффективности машинно-тракторных станций в 1945 — 1958 гг. (по материалам Темниковского района Мордовской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4 (60). С. 70 — 79. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf>
2. Васенин Д. В., Кошкина О. А. Трудовые отношения в промышленности и сельском хозяйстве Марийской АССР накануне Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.) // SocioTime / Социальное время. 2019. № 1 (17). С. 119 — 124.
3. Гончарова С. В. Структура, функции и деятельность Народного комиссариата земледелия Чувашской АССР в 1925 — 1929 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6 — 2 (12). С. 30 — 32.
4. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. Кн. 1: 1917 — 1945 / А. В. Изоркин [и др.]. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. 261 с.
5. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. Кн. 2: 1945 — 2005 / И. И. Бойко [и др.]. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 398 с.
6. Касимов Е. В. Система управления колхозным строительством в Чувашии в 1928 — 1932 гг. // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. Году земледельца в Чувашской Республике (г. Чебоксары, 8 — 9 окт. 2009). Чебоксары, 2010. С. 146 — 151.
7. Кондрашин В. В., Сухова О. А. Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х — 1950-х гг. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 979 — 992.
8. Кошкина О. А. Колхозы Марийской АССР в послевоенный период (1946 — 1953 гг.) // Региональное измерение аграрной модернизации в России: материалы VIII Всерос. (XVI региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 16 — 17 сент. 2020 г.) Саранск: НИИГН, 2020. С. 420 — 427.
9. Ломшин В. А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х гг.). Саранск: НИИГН, 2008. 376 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/krestyanstvo-i-vlast-1.pdf>
10. Ломшин В. А., Надькин Т. Д. Средневолжская деревня в 1946 — 1948 гг. (на примере Мордовской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. № 2 (12). С. 76 — 87. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/2-2009.pdf>
11. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: в 2 т. / В. А. Юрчёнков [и др.]. Саранск: НИИГН, 2005. Т. 1. 384 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/mordoviya-v-period-vov.-t-1.pdf>
12. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: в 2 т. / В. А. Юрчёнков [и др.]. Саранск: НИИГН, 2005. Т. 2. 424 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/mordoviya-v-period-vov.-t2-4.pdf>
13. Мордовия в послевоенный период. 1945 — 1953 гг.: в 2 т. / В. А. Юрчёнков [и др.]. Саранск: НИИГН, 2012. Т. 1. 468 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/mordoviya-v-poslevoennyij-period-t-1.pdf>
14. Надькин Т. Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.
15. Охотникова С. В. Кадровая структура органов управления сельским хозяйством Чувашии (1921 — 1929 гг.) // Отечественная история XX — XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории: сб. науч. ст. Чебоксары, 2012. С. 208 — 212.
16. Рыбалка В. И. Деятельность руководящих органов Марийской АССР по улучшению работы сельских культурно-просветительских учреждений в послевоенные годы // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2017. Т. 3, № 1 (9). С. 22 — 26.
17. Сануков К. Н. Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов / 2-е изд., доп. Йошкар-Ола: МарГУ, 2005. 212 с.
18. Сухова О. А. Колхозы в практике государственно-политического управления в СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 810 — 823.

19. Сухова О. А. Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е — начале 1950-х гг. // *Экономическая история: ежегодник*. 2020. С. 345 — 353.

20. СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922 — 1991) / отв. ред. О. А. Сухова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. 764 с.

21. Учватов П. С. Совет министров — Правительство Мордовской АССР (к 75-летию со времени образования) // *Центр и периферия*. 2022. № 2. С. 56 — 64. URL: <http://centrniign.ru/C-2-2022-st09>

22. Федорова К. И. Социальная политика органов власти Марийской АССР в годы войны (1941 — 1945 гг.) // *Вестник Марийского государственного университета*. 2020. Т. 6, № 2. С. 163 — 168.

23. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Совет. России в 30-е годы: город / 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 06.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

Информация об авторе:

Павел Сергеевич Учватов, главный научный сотрудник — заведующий отделом региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bikeykin EN, Kursheva GA, Pershin SV. To the Question of the Efficiency of Machine and Tractor Stations in 1945 — 1958 (Based on Materials of the Temnikov District of the Mordovian ASSR). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2021;60(4):70—79. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf> (In Russ.)

2. Vasenin DV, Koshkina OA. Labour Relations in Industry and Agriculture of the Mari ASSR on the Eve of the Great Patriotic War (1941 — 1945). *SocioTime*. 2019;17(1):119—124. (In Russ.)

3. Goncharova SV. The Structure, Functions and Activity of People's Commissariat for Agriculture of Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1925 — 1929. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2011;12(6-2):30—32. (In Russ.)

4. Izorkin AV. History of Chuvashia in Modern Times: in Two Books. Cheboksary; 2001. (In Russ.)

5. Boyko II. History of Chuvashia in Modern Times: in Two Books. Cheboksary; 2009. (In Russ.)

6. Kasimov EV. The Management System of the Collective Farm Development in Chuvashia in 1928 — 1932. *Regional Features of Agrarian Relations in Russia: Past and Present. Proceeding of the All-Russian Scientific Conference Devoted to Year of Farmer in the Chuvash Republic*. 2010;146—151. (In Russ.)

7. Kondrashin VV, Sukhova OA. The Collective Farm System as the Main Resource of the Mobilization of the Soviet Economy in the 1930s — 1950s. *Modern History of Russia*. 2019;9(4):979—992. (In Russ.)

8. Koshkina OA. Collective Farms of the Mari ASSR in the Post-War Period (1946 — 1953). *Regional Dimension of Agrarian Modernization in Russia. Proceeding of the VIII All-Russian XVI Regional Conference with International Participation of Agricultural Historians of the Middle Volga Region*. 2020;420—427. (In Russ.)

9. Lomshin VA. Peasantry and Authority of Mordovia during the Post-War Period (1946 — the Middle of 1950s). Saransk; 2008. URL: <http://www.niign.ru/knigi/krestyanstvo-i-vlast-1.pdf> (In Russ.)

10. Lomshin VA, Nadkin TD. The Middle Volga Countryside in 1946 — 1948 (by the Example of the Mordovian ASSR). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2009;12(2):76—87. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/2-2009.pdf> (In Russ.)
11. Yurchenkov VYu. Mordovia in the Period of the 1941 — 1945 Great Patriotic War. Sa-ransk;2005;1. URL: <http://www.niign.ru/knigi/mordoviya-v-period-vov.-t.-1.pdf> (In Russ.)
12. Yurchenkov VYu. Mordovia in the Period of the 1941 — 1945 Great Patriotic War. Sa-ransk;2005;2. URL: <http://www.niign.ru/knigi/mordoviya-v-period-vov.-t2-4.pdf> (In Russ.)
13. Yurchenkov VYu. Mordovia in the Post-War Period. 1945 — 1953. Saransk;2012;1. URL: <http://www.niign.ru/knigi/mordoviya-v-poslevoennyij-period-t-1.pdf> (In Russ.)
14. Nadkin TD. Stalin's Agrarian Policy and the Peasantry of Mordovia. Moscow;2010. (In Russ.)
15. Okhotnikova SV. Staffing Structure of Agricultural Authorities of Chuvashia (1921 — 1929). *National History of the XX — XXI Centuries: Social, Economic and Political Aspects, Questions of Theory*. 2012:208—212. (In Russ.)
16. Rybalka VI. Activities of the Governing Bodies of the Mari ASSR for Improving the Work of Rural Cultural and Educational Institutions after the War. *Vestnik of the Mari State University. Ser. Historical Sciences. Legal Sciences*. 2017;3(1):22—26. (In Russ.)
17. Sanukov KN. From the History of Mari El: the Tragedy of the 1930s. Yoshkar-Ola;2005. (In Russ.)
18. Sukhova OA. Kolkhozes in the Practice of State and Political Administration of the USSR at the Initial Stage of the Great Patriotic War of 1941 — 1945. *Herald of an Archivist*. 2020;3:810—823. (In Russ.)
19. Sukhova OA. Economy and Practices of Social Interaction in the Soviet Countryside in the Context of the USSR Mobilization Economy in the 1930s — Early 1950s. *Economic History: Yearbook*. 2020:345—353. (In Russ.)
20. Sukhova OA. The USSR: Agrarian Policy and Regional Features of Its Implementation (1922 — 1991). Penza;2022. (In Russ.)
21. Uchvatov PS. The Council of Ministers — The Government of the Mordovian ASSR (to the 75th Anniversary of Its Formation). *Center and Periphery*. 2022;2:56—64. URL: <http://centrniign.ru/C-2-2022-st09>. (In Russ.)
22. Fedorova KI. Social Policy of the Authorities of the Mari ASSR during the War Years (1941 — 1945). *Vestnik of the Mari State University*. 2020;2(6):163—168. (In Russ.)
23. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. *Social History of Soviet Russia in the 1930s: City*. Moscow;2008. (In Russ.)

The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 06.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

About the author:

Pavel S. Uchvatov, Principal Researcher — Head of Department of Regional Studies and Ethnology, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Sciences in History, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

УДК 351.751(054)(470.345)
EDN KEPPDR

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЛАВЛИТА МОРДОВСКОЙ АССР В 1940 г.

И. А. Кубанцева

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия
kubancevair@rambler.ru

Аннотация

Введение. Вопросы формирования кадрового потенциала для осуществления политической цензуры в Мордовской АССР являются актуальными. Они требуют рассмотрения, так как остаются малоизученными на региональном уровне. Особую важность приобретает исследование кадрового состава уполномоченных предварительного и последующего контроля Главлита Мордовской АССР в 1940 г. Сформированные к началу Великой Отечественной войны установки политической цензуры обязывали сотрудников строго придерживаться их.

Материалы и методы. Основными источниками для изучения данной проблемы послужили архивные материалы, извлеченные из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия. В ходе исследования были использованы проблемно-хронологический, историко-сравнительный и количественный методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В работе проводится анализ кадрового состава уполномоченных предварительного и последующего контроля Главлита Мордовской АССР, системы повышения квалификации цензоров в 1940 г., а также проблем, с которыми сталкивались служащие республиканского Главлита при выполнении поставленных задач.

Заключение. Формированием кадрового потенциала Главлита Мордовской АССР занимались партийные органы, руководствуясь при этом решениями ЦК ВКП(б). Уполномоченные предварительного контроля и политредакторы стремились следовать производственному заданию, работать над повышением самообразования.

Ключевые слова: уполномоченные предварительного контроля, политредакторы, полиграфические заведения, редакции газет, система повышения квалификации цензоров, технология цензурного дела

Для цитирования: Кубанцева И. А. Формирование кадрового потенциала Главлита Мордовской АССР в 1940 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 101 — 113. EDN KEPPDR

© Кубанцева И. А., 2023

Original article

FORMATION OF THE PERSONNEL POTENTIAL OF THE GLAVLIT OF THE MORDOVAN ASSR IN 1940

I. A. Kubantseva

Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia
kubancevair@rambler.ru

Abstract

Introduction. The questions of the formation of personnel potential for the implementation of political censorship in the Mordovian ASSR are relevant. They require consideration, as they remain poorly studied at the regional level. Of particular importance is the study of the personnel composition of the authorized preliminary and subsequent control of the Glavlit of the Mordovian ASSR in 1940. Formed by the beginning of the Great Patriotic War, the imposition of political censorship obliged employees to strictly adhere to them.

Materials and methods. The main source for the study of the topic was archival documents stored in the Central State Archive of the Republic of Mordovia. Problematic-chronological, historical-comparative, quantitative methods were used to present the problems of forming personnel of the Glavlit MASSR. They made it possible to identify the features of the progressive development of the personnel potential of one of the key socio-cultural institutions of the republic.

Results and discussion. This article analyzes the personnel composition of the authorized preliminary and subsequent control of the Glavlit MASSR, the system of advanced training of censors in 1940, as well as the problems that the employees of the republican Glavlit faced when performing their tasks.

Conclusion. Party bodies were engaged in the formation of the personnel potential of the Glavlit of the Mordovian ASSR, guided by the decisions of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks. Commissioners of preliminary control and political editors strove to follow the production task, to work on improving self-education.

Keywords: authorized preliminary control, political editor, printing establishments, newspaper editorial office, advanced training system for censors, censorship techniques

For citation: Kubantseva IA. Formation of the Personnel Potential of the Glavlit of the Mordovian ASSR in 1940. *Bulletin of the Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2023;15(2):101—113. EDN KEPPDR

Введение

Роль Главлита как одного из ведущих социокультурных институтов советского общества неоднозначна. Оперативность решения задач, стоявших перед политической цензурой, во многом зависела от уровня профессиональной подготовки уполномоченных предварительного и последующего контроля. Анализ формирования кадров Главлита Мордовской АССР позволяет выявить особенности существовавшей в 1940 г. системы повышения квалификации цензоров, рассмотреть проблемы, с которыми они сталкивались при выполнении поставленных задач. Изучение в историческом аспекте кадрового потенциала цензурного ведомства республики в предвоенный период актуально для лучшего понимания механизма функционирования политической цензуры и ее воздействия на общественно-политическую и культурную сферы Мордовской АССР.

Обзор литературы

Исследования, раскрывающие механизмы подбора и обучения сотрудников Главлита МАССР, современными авторами не осуществлялись. Объективный анализ структуры Главлита в целом, механизмов надзора за различными сферами культуры представлен в монографии А. В. Блюма [1]. Многообразие форм и методов идеологического и политического контроля, осуществляемого партийно-государственными институтами цензуры с 1917 по 1991 г., рассмотрено в исследовании Т. М. Горяевой [3]. На современном этапе появились работы по истории местных отделений цензуры, характеризующиеся разнообразными исследовательскими подходами (И. Л. Гаврилюк [2], В. С. Кан [11], С. Ю. Нуйкин, Н. Н. Зоркова [12], Л. Н. Резяпкина [13, 14] и др.). Е. Н. Ефремова [9] и С. А. Дианов [4 — 8], акцентировавшие внимание на особенностях развития и функционирования местных отделений Главлита на Урале в 1920 — 1940-е гг., коснулись процессов формирования кадрового потенциала цензоров в регионе. Сложности подбора кадров уполномоченных Главлита Карельской АССР, Ленинградского и Мурманского обллитов и их культурно-образовательный уровень проанализировал Ф. К. Ярмолич [15]. Большая часть опубликованных работ по истории цензуры основана на рассекреченных архивных документах.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе архивных документов, хранящихся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия, большая их часть впервые введена в научный оборот. Изучение проблемы осложняется отсутствием систематизации фактического материала в фондах республиканского аппарата цензуры. Номенклатура дел Мордовского отделения Главлита формировалась из приказов, распоряжений, циркуляров, содержание которых отчасти отражает деятельность цензурного ведомства по подбору сотрудников на должности уполномоченных первичного и последующего контроля. Фонд Главлита Мордовской АССР (ф. Р-586) обладает уникальной информацией. Особый интерес для раскрытия темы представляют материалы отчетов по итогам работы цензурного ведомства республики. Социальный состав, профессиональный уровень уполномоченных предварительного контроля, политредакторов раскрывают анкеты сотрудников, сохранившиеся в описях к фонду по личному составу за период 1937 — 1944 гг. Анализ протоколов собраний первичной партийной организации Мордовского отделения Главлита (ф. 354-П) дает возможность реконструировать управленческие решения республиканского ведомства, а также проследить профессиональную и общественную активность его сотрудников.

Автором были продуктивно применены проблемно-хронологический, историко-сравнительный и количественный методы. Они позволили выявить особенности поступательного развития кадрового потенциала одного из ключевых социокультурных институтов в республике.

Результаты исследования и их обсуждение

В конце 1930-х — начале 1940-х гг., несмотря на внешне мирный характер жизни, в советском обществе присутствовало ощущение близости войны. Культурная среда СССР наполнялась военной атрибутикой и символами. Деятельность учреждений и организаций, ответственных за политико-идеологическое направление,

поступательно переводилась с мирного времени на военное. С учетом внешнеполитической обстановки менялись и установки политической цензуры, суть которых сформулирована в проекте Положения о главном военном цензоре при СНК СССР (1940 г.) [3, с. 285]. Документ обязывал главкрайобллиты строго выполнять две функции: охрана государственной (военной, экономической и политической) тайны и политико-идеологический контроль средств массовой информации. После его официального утверждения 2 июля 1941 г. [10, с. 85] цензурное ведомство было наделено широким кругом полномочий по надзору не только за литературным процессом, но и за печатью и радиовещанием. Отбор сотрудников для такого важного участка идеологического фронта по уровню требований был сопоставим с формированием органов государственной безопасности. Выдвиженцы обязаны были хранить государственную тайну, работая с секретными служебными материалами Главлита. Руководителями и сотрудниками цензурного ведомства назначались лица, не имевшие никакого отношения к литературному творчеству. Решающими требованиями при выборе кандидата на пост начальника главкрайобллита являлись членство в рядах ВКП(б) и партийный стаж.

Вполне соответствовал таким критериям один из начальников Главлита Мордовской АССР М. Т. Горланов, возглавлявший ведомство в непростой для страны период. У него было безупречное классовое происхождение (из крестьян). М. Т. Горланов, уроженец д. Кельгенино Zubово-Полянского района МАССР, руководил цензурой в республике с 1938 по 1941 г. На момент назначения на должность ему было 32 года, партийный стаж с 1928 г. Продвижению по служебной лестнице способствовали местные органы власти. Первую путевку в жизнь ему предоставил Ачадовский волостной комитет партии, направивший на учебу в совпартшколу г. Саранска. Проучившегося два года Горланова зачисляли слушателем обществоведческих курсов, организованных Мордовским обкомом ВКП(б). Отучившись один год, он был переведен в Мордовский педагогический институт. После окончания исторического факультета вуза в 1935 г.¹ ему доверили возглавить Рыбкинское районо Мордовской АССР. В 1937 г. по решению обкома ВКП(б) М. Т. Горланова направили на работу в Главлит МАССР в качестве уполномоченного по мокшанской литературе, а в 1938 г. его утвердили на должность начальника Главлита Мордовской АССР².

Кадровую политику по укреплению среднего и низового звена в системе Главлита последовательно проводили партийные органы власти, руководствуясь решением ЦК ВКП(б) «О низовых органах цензуры» от 5 февраля 1940 г. [3, с. 288]. Все соискатели проходили утверждение в партийных структурах на местах (обкомах, крайкомах, ЦК союзных республик). Цензоры, работавшие в областных центрах, считались номенклатурой обкома партии. Кандидаты проходили процедуру проверки, предоставляли необходимые данные о себе. Тот же порядок распространялся и на уполномоченных по райлитам. Они соответственно входили в номенклату-

¹ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-586. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.

² Там же. Л. 104.

ру райкомов партии. Мордовский обком ВКП(б) требовал от начальника Главлита МАССР своевременного предоставления сведений о соискателях на утверждение.

Пройдя жесткий отбор, в 1940 г. в Главлите МАССР сложился коллектив, характеризовавшийся как работоспособный. За 1940 г. в центральном аппарате цензорами проработали 11 человек, 9 из которых имели высшее образование. Так, 2 сотрудника трудились после окончания исторического факультета Мордовского пединститута (Г. Р. Мальбин, М. Т. Горланов), 2 — после Коммунистического вуза им. К. Маркса в Саранске (А. А. Верендякин, И. И. Егоров), 4 завершили учебу в Мордовской высшей коммунистической сельскохозяйственной школе (П. Г. Белова, Ф. В. Чуликов, Н. Н. Видманова, А. И. Матюшкина). Цензор А. С. Туршатов³ получил профессию газетного работника в Коммунистическом институте журналистики г. Ленинграда. И. С. Шилин⁴ и Т. В. Журлов⁵ не имели высшего образования. Первый выполнял обязанности уполномоченного предварительной цензуры по книжно-журнальной литературе на мордовском-мокша языке, второй занимал должность политредактора. Все цензоры были представителями титульного этноса Мордовии (мордва-мокша, мордва-эрзя), 9 человек состояли в рядах или находились в статусе кандидатов в члены ВКП(б).

Объектами контроля республиканского аппарата Главлита в 1940 г. являлись 6 республиканских и 31 районная газета, 549 названий книжно-журнальной продукции объемом 563,7 п. л. К прочим объектам цензуры относились 1 республиканский и 52 районных радиоузла, 32 типографии, 1 643 библиотеки с книжным фондом 1 196 245 экземпляров⁶. Многие уполномоченные, помимо функций предварительного контроля, занимались деятельностью политредакторов по районной печати. Данные обязанности были прописаны в приказах ведомства о приеме на работу, например, один из документов свидетельствует: «С 1 января 1940 г. назначить Егорова И. И. цензором предварительного контроля по эрзянской литературе с совмещением работы политредактора по республиканским и районным газетам»⁷. Функции политредактора осуществляли только те цензоры, которых руководство считало целесообразным назначить.

На полиграфических предприятиях концентрировался основной поток печатной продукции. Работа цензоров Главлита МАССР в республиканской типографии «Красный Октябрь» начиналась ежедневно с 21:00⁸. Дежурство длилось 11 — 12 ч⁹ в условиях, далеких от тех, что предписывали инструкции Главлита СССР. Нередко уполномоченные работали в одной комнате с редакторами¹⁰. Отсутствие отдельного помещения для цензоров нарушало регламент при использовании «Военно-экономического перечня запрещенных сведений» и других секретных материалов

³ ЦГА РМ. Ф. Р-586. Оп. 1 «л». Д. 1. Л. 191.

⁴ Там же. Л. 166.

⁵ Там же. Д. 33. Л. 21; Д. 1. Л. 199.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 4. Л. 14, 15.

⁷ Там же. Оп. 1 «л». Д. 33. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 49.

⁹ ЦГА РМ. Ф. 354-П. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

¹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-586. Оп. 3. Д. 11. Л. 3.

Главлита, тем самым создавало прецедент риска разглашения военной и государственной тайны¹¹. Отдельного рабочего места для просмотра и визирования предэфирного текста не было и в республиканском радиокомитете¹². В типографии «Красный Октябрь» отдельное помещение для цензоров предоставили к декабрю 1940 г.

Эффективность деятельности уполномоченных предварительного контроля во многом зависела от ответственного отношения к своим обязанностям редакторов газет, издательств, радиокомитетов и работников республиканской типографии. Однако к функционированию этих служб у Главлита Мордовской АССР было много вопросов. В первую очередь вызывали озабоченность регулярные задержки предоставления материалов на проверку, из-за чего большая часть дежурства проходила в ожидании сверстанных газетных или книжных полос. Несанкционированные простои отрицательно сказывались на выполнении плановых показателей¹³. Беспокоили уполномоченных низкое качество редакторских правок текстов в периодике, а также случаи пререканий редакторов газет с цензорами относительно принятых решений. Подобные дискуссии мешали выполнению поставленных задач и способствовали разглашению методов работы Главлита. Обсуждение правомерности действий уполномоченных было недопустимо, что подтверждало принятое в июне 1940 г. решение бюро Мордовского обкома ВКП(б)¹⁴. Много нареканий было и в адрес редакций газет «Эрзянь коммуна» и «Молодой ленинец», редакторы которых подписывали полосы с большим количеством ошибок¹⁵. Серьезные нарушения были зафиксированы в редакции газеты «Комсомолонь вайгель» («Голос комсомола»). Сигнальные экземпляры номеров визировали сотрудники, не имевшие на то полномочий¹⁶. Плохо подготовленный материал поступал на проверку и из Мордовского государственного издательства. Брак в работе редакторов и корректоров издательства приобретал систематический характер, о чем неоднократно заявляли уполномоченные. Сталкиваясь с безответственным их подходом к обязанностям, цензоры первичного контроля вынуждены были начинать работу с исправления ошибок и опечаток¹⁷. Лица, нарушившие требования цензуры, привлекались к ответственности. Степень взыскания зависела от тяжести допущенных просчетов. Так, А. С. Туршатов был снят с должности «за беспечность и неумение предотвращать грубые политические ошибки», допущенные в одном из номеров газеты «Красная Мордовия» за 1940 г.¹⁸ Строгим выговором с занесением в личное дело уволили цензора И. С. Шилина¹⁹. В сентябре 1940 г. уполномоченно-

¹¹ ЦГА РМ Ф. 354-П. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

¹² Там же. Л. 60.

¹³ Там же. Л. 45.

¹⁴ Там же. Л. 37.

¹⁵ Там же. Л. 68.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 68.

¹⁸ Там же. Л. 79.

¹⁹ Там же. Л. 80.

му предварительного контроля Ф. В. Чуликову за невнимательность было поставлено «на вид»²⁰, а 14 января 1941 г. решением бюро Мордовского обкома ВКП(б) он был освобожден от должности «как не справившийся с работой»²¹. В рамках обсуждения вопроса «О политических ошибках радиокомитета» 2 октября 1940 г. цензору П. Г. Беловой было также поставлено «на вид» за необеспечение надлежащего контроля за материалами, идущими в эфир. Она была предупреждена о недопущении в будущем ошибок, так как за ними последует строгое партийное взыскание²².

Большое количество замечаний поступало от цензоров в отношении продукции типографии «Красный Октябрь». Серьезные ошибки допускали наборщики и верстальщики. Готовые клише не отвечали требованиям качества²³. Сталкиваясь с непрофессионализмом сотрудников полиграфических заведений и работая при этом по ночам и без выходных, цензоры несли двойную нагрузку. Об этом они неоднократно докладывали начальнику Главлита МАССР. Руководство с пониманием отнеслось к проблеме: режим работы был заменен на сменный график по неделям²⁴. Требовательность цензоров Главлита МАССР к материалам позволила добиться улучшения производственной дисциплины. Повысилась оперативность и в радиокомитете. Ожидание радиотекстов на проверку сократилось с 5 до 2 ч²⁵, что соответствовало нормативу.

Во второй половине 1940 г. изменился режим труда всех сотрудников. После выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г. рабочий день увеличился с шести до восьми часов²⁶. За нарушение трудовой дисциплины и несоблюдение предписаний указа предусматривались определенные наказания. В Главлите Мордовской АССР они были единичными. Например, за нарушение трудовой дисциплины, выражавшееся в уходе с работы на 4 часа раньше положенного времени, один из цензоров, курировавший радиовещание, был уволен²⁷.

В июле 1940 г. произошли изменения в визировании цензорами печатной продукции. Прежний регламент разрешал заверять просмотренные материалы записью: «Уполномоченный Мордовской АССР (Ф. И. О.)» или «Уполномоченный ...райлита (Ф. И. О.)»²⁸. В приказе № 623 уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита СССР Н. Садчикова²⁹ прежний порядок был отме-

²⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-586. Оп. 1 «Л». Д. 33. Л. 57.

²¹ Там же. Д. 1. Л. 158.

²² ЦГА РМ. Ф. 354-П. Оп. 1. Д. 3. Л. 80.

²³ Там же. Л. 59.

²⁴ Там же. Л. 45, 46.

²⁵ Там же. Л. 28.

²⁶ Там же. Л. 48.

²⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-586. Оп. 1 «Л». Д. 4. Л. 42.

²⁸ Там же. Д. 33. Л. 50.

²⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-586. Оп. 1. Д. 7. Л. 37.

нен и введен новый. Начальники главкрайобллитов получили право устанавливать для каждого цензора персональный номер. Уполномоченные аппарата Главлита Мордовской АССР получали его на год по регистрационно-учетной книге, а для ответственных по райлитам их отправляли по почте. Номер выдавался под роспись. На время отпуска или командировок цензоры райлитов сдавали персональные номера по акту в республиканский Главлит. Уполномоченным запрещалось проставлять произвольные номера на проверенных материалах. Во избежание эксцессов все цензоры ежемесячно отчитывались перед Главлитом МАССР по установленной форме о проставленных разрешительных персональных номерах на сигнальных экземплярах газет, журналов, книг, материалов радиоэфиров. Анонимность соблюдалась и в названиях региональных отделений. Каждый главкрайобллит имел условную литеру, состоявшую из заглавной буквы русского алфавита. Главлит Мордовской АССР значился в документах центрального аппарата под буквой «Ю»³⁰. Следуя новым правилам, цензоры проставляли условную литеру региона перед персональным номером при визировании печатной продукции. Выглядело это так: Ю 110 или Ю 115³¹.

Освоению базовых знаний цензурного дела, недопущению политико-идеологических ошибок помогала существовавшая система повышения квалификации: оперативные совещания, проработка директивных материалов, краткосрочные курсы. Подъему идейно-политического уровня сотрудников способствовали также проводимые занятия в рамках Коммунистического университета выходного дня. Одним из важных видов образования для цензоров оставалось самообразование, в рамках которого индивидуально изучались программные труды классиков марксизма-ленинизма, работы ведущих политических деятелей Советского Союза. Обязательной для всех являлась проработка текста книги И. Сталина «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс» (Москва, 1938). Каждый сотрудник отчитывался о том, какой объем материала им освоен и законспектирован. Этот процесс контролировался руководством. На одном из заседаний первичной партийной организации Главлита МАССР за 1940 г. члены ВКП(б) объявили о завершении изучения всех 12 глав работы И. Сталина³².

В системе повышения квалификации уполномоченных главкрайобллитов важным являлось освоение техники цензурного дела. Процесс контролировался на всех уровнях, так как от компетентности цензора зависела готовность противостоять проникновению в социокультурное пространство советского общества сведений, признанных правительством нежелательными. Мониторинг знаний сотрудников предварительного и последующего контроля осуществлялся в рамках практико-ориентированных материалов, объединенных в 12 тематических серий. Задания готовили специалисты Главлита РСФСР. Нацелены они были на то, чтобы помочь уполномоченным овладеть технологией работы с «Военно-экономическим переч-

³⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-586. Оп. 1. Д. 7. Л. 37.

³¹ Там же. Оп. 3. Д. 27. Л. 28.

³² ЦГА РМ. Ф. 354-П. Оп. 1. Д. 3. Л. 76.

нем запрещенных сведений» и различными дополнениями и изменениями к нему. Каждая серия включала упражнения, которые состояли из фрагментов текстов, взятых из периодических и непериодических изданий, материалов радиозаписей. Цензорам предлагалось проанализировать их суть и отыскать эпизоды, подпадавшие под информацию, не подлежащую разглашению. Каждое решение следовало обосновать в виде отсылки к конкретной главе, параграфу или пункту перечня. Требования, установленные при работе с материалами серий, позволяли специалистам Главлита СССР оценивать профессиональный уровень цензоров в регионах. Так, в 1940 г. каждый уполномоченный предварительного контроля республиканского аппарата Главлита в рамках повышения квалификации выполнил упражнения десяти серий. Такие же требования распространялись на уполномоченных райлитов. Вновь назначенные сотрудники обязаны были осваивать технику цензурного дела с первых выпусков тематических серий. Результаты по Главлиту МАССР оказались низкими, что потребовало повторного изучения всех вопросов с последующим выполнением заданий³³. Сходные итоги были зафиксированы во многих регионах, что вызвало беспокойство. Многочисленные циркуляры Главлита СССР требовали от начальников главкрайобллитов обратить внимание на эту проблему и держать данный вопрос на постоянном контроле.

Каким проблемам были посвящены материалы серий? В фонде Центрального государственного архива Республики Мордовии сохранились экземпляры 9 — 12 серий, которые озаглавлены: «Военная промышленность» (№ 9); «Гидрология и гидрография» (№ 10); «Метеорология» (№ 11); «Геология» (№ 12). Относительно первых выпусков тематических серий можно предположить, что они были отправлены в Москву в центральный аппарат для анализа. Это обязательное условие для таких материалов, выполнение которого отслеживал Главлит СССР³⁴.

В систему повышения квалификации в 1940 г. входили совещания, созываемые республиканским Главлитом. На них поднимались вопросы, требовавшие оперативного решения. Так, в 1940 г. 29 уполномоченных райлитов приняли участие в работе двух совещаний, на которых обсуждали проблемы, связанные с состоянием цензуры в районах Мордовской АССР, заслушали отчеты местных отделений и обсудили итоги выполнения цензорами практических заданий тематических серий³⁵.

Обязательным являлось изучение сотрудниками основ военного дела. Планированием мероприятий по данному направлению занимался руководитель первичной организации Общества самообороны (ОСО) цензор Г. Р. Мальбин. Занятия по изучению стрелкового оружия и ПВХО проходили в кружках. В 1940 г. для членов первичной организации ОСО при Главлите Мордовской АССР было проведено 10 занятий, из них 4 — по освоению ручного пулемета, 4 — изучению винтовки, 2 — проработке устава внутренней службы. Деятельность общества контро-

³³ ЦГА РМ Ф. Р-586. Оп. 3. Д. 10. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 15 — 23.

³⁵ Там же. Л. 5.

лировалась первичной партийной организацией Главлита. Она отражалась в ее отчетах в разделе «Оборонная работа». Занятия в кружках в рамках ОСО решали основную задачу — освоение членами и кандидатами в члены ВКП(б) одной из военных специальностей³⁶. В апреле 1941 г. первичная организация ОСО при Главлите МАССР насчитывала 9 человек³⁷.

Стимулирующим действием обладало социалистическое соревнование, которое приобрело массовый характер. Традиции трудового соперничества поддерживались и цензурным ведомством. Региональные отделения соревновались друг с другом. Так, в 1940 г. коллектив Главлита Мордовской АССР откликнулся на обращение Главлита Татарской АССР подключиться к социалистическому соревнованию имени третьей Сталинской пятилетки. Приглашение было направлено и цензорам Главлита Башкирской АССР. Обязательства декларируются в «Договоре по социалистическому соревнованию на лучшую работу органов Главлита между Главлитом Татарской АССР, Башкирской АССР, Мордовской АССР»³⁸. Включенность в соревновательный процесс способствовала улучшению плановых показателей. Цензоры и технический персонал республиканского Главлита стремились выполнить и перевыполнить взятые обязательства³⁹. С нарастанием в стране соревновательного процесса менялись и условия, на которых заключались договоры. Ранее взятые обязательства объявлялись неактуальными и требовали пересмотра. Инициаторами перемен выступили горняки одной из шахт. Коллектив Главлита Мордовской АССР не остался в стороне и поддержал данный призыв. Обновленные показатели предполагали просматривать в месяц 5,1 п. л. газет, 3,8 п. л. переводной литературы, 6,3 п. л. материалов для радиоэфиров⁴⁰. Однако эти изменения не были внесены в договор и остались на уровне заявления.

Заключение

С учетом ротации кадров на 1 января 1941 г. республиканский аппарат цензурного ведомства состоял из 7 человек: начальник Главлита (М. Т. Горланов), его заместитель (А. А. Верендянкин) и 5 цензоров (И. И. Егоров, Г. Р. Мальбин, П. Г. Белова, А. А. Безукладнова, Ф. В. Чуликов). В подчинении Главлита Мордовской АССР находились 30 уполномоченных райлитов, 29 из которых работали по совместительству. Это были заведующие отделами пропаганды и агитации райкомов партии (10 чел.), заведующие парткабинетами райкомов партии (9), заведующие районо (4), пропагандисты райкомов партии (2), помощник секретаря райкома партии (1), заведующие учетом кадров райкома партии (2), заведующий отделом кадров райкома партии (1 чел.)⁴¹.

На протяжении 1940 г. Мордовским обкомом ВКП(б) был пересмотрен кадровый состав Главлита Мордовской АССР. Причинами увольнения сотрудников были

³⁶ ЦГА РМ. Ф. 354-П. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

³⁷ Там же. Л. 83.

³⁸ ЦГА РМ Ф. Р-586. Оп. 1. Д. 9 а. Л. 8 — 10.

³⁹ ЦГА РМ. Ф. 354-П. Оп. 1. Д. 3. Л. 82.

⁴⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-586. Оп. 3. Д. 10. Л. 7.

⁴¹ Там же. Л. 1.

сокращение кадров, перевод на другую работу и плохое выполнение должностных обязанностей. Руководство республики тревожила частая сменяемость кадров среди уполномоченных райлитов. За один 1940 г. в районах Мордовской АССР сменилось 9 цензоров. На службе в органах Главлита МАССР состояли сотрудники со стажем с 1937 г. 3 человека, с 1938 г. — 1, с 1939 г. — 13, с 1940 г. — 9⁴². Беспокоили и случаи безответственного отношения, когда вновь назначенный по совместительству цензор не успевал принять дела от предшественника, так как последний, не дожидаясь утверждения смены, переходил на другое место работы. Усилиями Мордовского обкома ВКП(б) удалось сократить текучесть кадров в отделениях. Замедлил этот процесс запрет на снятие или перевод цензоров по районной печати на другую работу без санкции обкома.

Сформированные к 1940 г. параметры политической цензуры обязывали уполномоченных строго следовать намеченному курсу, суть которого заключалась в препятствовании опубликованию сведений, заключавших в себе сообщения или взгляды, направленные против социалистического строя, решений ЦК ВКП(б), Конституции (Основного закона) СССР и основ марксизма-ленинизма. В связи с этим все виды печатной продукции в республике находились на контроле Главлита Мордовской АССР. Формированием кадрового потенциала республиканского Главлита занимались партийные органы, руководствуясь при этом решениями ЦК ВКП(б). Все уполномоченные предварительного контроля и политредакторы стремились строго следовать производственному заданию, работать над повышением самообразования и соблюдать трудовую дисциплину.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929 — 1953. Санкт-Петербург: Акад. проект, 2000. 312 с.
2. Гаврилюк И. Л. Цензура периодической печати в конце 1920-х — второй половине 1930-х гг. (на примере Нижнего Поволжья) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (99). С. 179 — 183.
3. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917 — 1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с.
4. Дианов С. А. Кадровый вопрос и становление системы повышения квалификации цензоров на Урале в 1920 — 1941 гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 2. С. 239 — 244.
5. Дианов С. А. «Крепкая узда пролетарской диктатуры»: органы Главлита на Урале в 1922 — 1941 гг. = «A tight curb of proletarian dictatorship»: censorship bodies in the Urals in 1922 — 1941. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2010. 163 с.
6. Дианов С. А. Не политическая цензура: региональные органы Главлита в Пермском крае: (1922 — 1992 гг.). Пермь: ПНИПУ, 2017. 192 с.
7. Дианов С. А. Органы Главлита на Урале в межвоенный период (1920 — 1941 гг.). Пермь: [б. и.], 2011. 334 с.
8. Дианов С. А. Пермский обллит накануне и во время Великой отечественной войны // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 21 — 33.

⁴² ЦГА РМ. Ф. Р-586. Оп. 3. Д. 10. Л. 1.

9. Ефремова Е. Н. Статус советского цензора в отчетах Свердловлита // Жизнь провинции как феномен духовности: сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. Нижний Новгород, 2010. С. 345 — 353.

10. История советской политической цензуры: док. и комментарии / отв. сост. Т. М. Горяева. М.: РОССПЭН, 1997. 672 с.

11. Кан В. С. Деятельность первичной партийной организации при Главлите Татарской АССР в конце 1930-х — середине 1940-х гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 4 (64). С. 112 — 122. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-4-2022-st-12.pdf>

12. Нуйкин С. Ю., Зоркова Н. Н. Главлит в эпоху «перестройки» (1985 — 1991 гг.) // Центр и периферия. 2018. № 2. С. 80 — 85. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2018-2.pdf>

13. Резяпкина Л. Н. Деятельность института цензуры периодической печати Мордовии в 1950 — 1960-е гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4 (60). С. 79 — 86. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf>

14. Резяпкина Л. Н. Общество, власть и периодическая печать Мордовии в условиях реформ 1953 — 1964 гг. Саранск: НИИГН. 2023. 200 с.

15. Ярмолич Ф. К. Культурно-образовательный уровень и подготовка цензоров в 1920 — 1930-е гг. в СССР (на материалах Ленинграда, Петрозаводска, Мурманска) // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Санкт-Петербург: РНБ, 2015. Вып. 7. С. 272 — 283.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

Информация об авторе:

Кубанцева Ирина Алексеевна, доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Полежаева, 44/3), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-9708>, kubancevair@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Blum AV. Soviet Censorship in the Era of Total Terror. 1929 — 1953. Saint Petersburg;2000. (In Russ.)
2. Gavrilyuk IL. Censorship of the Periodical Press in the Late 1920s — the Second Half of the 1930s (on the Example of the Lower Volga Region). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2015;99(4):179—183. (In Russ.)
3. Goryaeva TM. Political Censorship in the USSR. 1917 — 1991. Moscow;2009. (In Russ.)
4. Dianov SA. The Personnel Issue and the Formation of the System for Advanced Training of Censors in the Urals in 1920 — 1941. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University Named after V. P. Astafiev*. 2011;(2):239—244. (In Russ.)
5. Dianov SA. A Tight Curb of Proletarian Dictatorship: Censorship Bodies in the Urals in 1922 — 1941. Perm;2010. (In Russ.)
6. Dianov SA. Non-Political Censorship: Regional Bodies of Glavlit in the Perm Region, (1922 — 1992). Perm;2017. (In Russ.)
7. Dianov SA. The Bodies of the Glavlit in the Urals in the Interwar Period (1920 — 1941). Perm;2011. (In Russ.)

8. Dianov SA. Perm Oblit on the Eve and during the Great Patriotic War. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Right.* 2014;(1):21—33. (In Russ.)

9. Efremova EN. The Status of the Soviet Censor in the Reports of Sverdoblit. *Life of the Province as a Phenomenon of Spirituality.* Proceedings of the All — Russian Scientific Conference. 2010;345—353. (In Russ.)

10. Goryaeva TM. The History of Soviet Political Censorship: Documents and Comments. Moscow;1997. (In Russ.)

11. Kan VS. Activity of the Primary Party Organization under the Head of the Tatar ASSR in the Late 1930s — Mid 1940s. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2022;14(4):112—122. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-4-2022-st-12.pdf> (In Russ.)

12. Nuikin SYu, Zorkova NN. Glavlit in the Era of Perestroika (1985 — 1991). *Center and Periphery.* 2018;13(2):80 — 85. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2018-2.pdf> (In Russ.)

13. Rezyapkina LN. Activity of the Institute of Censorship of the Periodical Press of Mordovia in the 1950s — 1960s. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 202;13(4):79—86. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf> (In Russ.)

14. Rezyapkina LN. Society, Power and Periodical Press of Mordovia in the Conditions of Reforms of 1953 — 1964. Saransk;2023. (In Russ.)

15. Yarmolich FK. Cultural and Educational Level and Training of Censors in the 1920s — 1930s in the USSR (Based on the Materials of Leningrad, Petrozavodsk, Murmansk). *Censorship in Russia: History and Modernity.* 2015;7:272—283. (In Russ.)

The article was submitted 24.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Information about the author:

Irina A. Kubantseva, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Library Information Resources, Ogarev Mordovia State University (44/3 Polezhaeva Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Sciences in History, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-9708>, kubancevair@rambler.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 930.1(470.345):323.23 «1945 — 1953»
EDN KIZPZQ<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКЕ В 1945 — 1953 гг. (на примере МАССР)

С. А. Ивлиев✉, Т. Н. Кадерова

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия
✉otdel_istorii@mail.ru*Аннотация*

Введение. Проблема научных дискуссий и их роли в общественной жизни СССР в послевоенный период является одной из противоречивых и неоднозначных в истории науки. В связи с этим особую значимость приобретают работы, раскрывающие региональную специфику данного процесса. В статье на примере Мордовской АССР анализируется влияние идеологических кампаний на развитие советской гуманитарной науки в послевоенный период.

Материалы и методы. Реализация данной цели стала возможной благодаря использованию ранее не опубликованных документов из Научного архива Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, а также принципов историзма и объективности, сравнительно-исторического, проблемного-хронологического методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Идеологические кампании в области гуманитарного знания, в частности в исторической науке и языкознании, призваны были всемерно способствовать универсализации социокультурных ценностей регионального полиэтничного социума Мордовии в духе советского патриотизма, укрепить внутреннее единство Советской державы перед лицом внешнего врага — капиталистического блока.

Заключение. В результате исследования выявлено, что в послевоенный период происходит ужесточение внутривластного курса, начинается новый виток идеологической борьбы на идейно-политическом фронте, резко обострившейся с началом «холодной войны». Все эти изменения коснулись и общественных наук, которые продолжали играть роль одного из проводников официальной идеологии в массы. Идеологические кампании подменяли собой подлинную научную дискуссию, что являлось несомненным перегибом. В то же время они служили делу утверждения в советской гуманитарной науке единых норм советской патриотической идеологии, приходивших на смену прежним представлениям революционной эпохи 1920-х гг., давно устаревших и нуждавшихся в пересмотре.

Ключевые слова: идеологические кампании, Мордовская АССР, послевоенный период, историческая наука, языкознание

Для цитирования: Ивлиев С. А., Кадерова Т. Н. Идеологические кампании в региональной науке в 1945 — 1953 гг. (на примере МАССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 114 — 124. EDN KIZPZQ

Original article

IDEOLOGICAL CAMPAIGNS IN REGIONAL SCIENCE IN 1945 — 1953 (the case study of MASSR)

S. A. Ivliev✉, T. N. Kaderova

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
✉otdel_istorii@mail.ru

Abstract

Introduction. The problem of scientific discussions and their role in the social life of the USSR in the post-war period is one of the most controversial and ambiguous in the history of science. In this regard, works that reveal the regional specifics of this process are of particular importance. Using the example of the Mordovian ASSR, the article analyzes the influence of ideological campaigns on the development of the Soviet humanities in the post-war period.

Materials and methods. The implementation of this goal became possible due to the use of previously unpublished documents from the Scientific Archive of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, as well as the principles of historicism and objectivity, comparative historical, problematic chronological methods.

Results and discussion. Ideological campaigns in the field of humanitarian knowledge, in particular in historical science and linguistics, were called upon to contribute in every possible way to the universalization of the socio-cultural values of the regional multi-ethnic society of Mordovia in the spirit of Soviet patriotism, to strengthen the internal unity of the Soviet state in the face of an external enemy, that is, the capitalist bloc.

Conclusion. As a result of this study, it was revealed that in the post-war period there is a tightening of the internal political course, a new round of ideological struggle begins on the ideological and political front, which sharply escalated with the beginning of the Cold War. All these changes also affected the social sciences, which continued to play the role of one of the conductors of the official ideology to the masses. Ideological campaigns substituted for a genuine scientific discussion, which was an undeniable excess. At the same time, in the Soviet humanities, they served the cause of establishing the uniform norms of the Soviet patriotic ideology, which replaced the old outdated and in need of revision ideas of the revolutionary era of 1920.

Keywords: ideological campaigns, Mordovian ASSR, post-war period, historical studies, linguistics

For citation: Ivliev SA, Kaderova TN. Ideological Campaigns in Regional Science in 1945 — 1953 (the Case Study of the MASSR). *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2023;15(2):114—124. EDN KIZPZQ

Введение

Значительное изменение официальной идеологической линии, связанное с внедрением в жизнь новой концепции советского патриотизма, осуществленное И. В. Сталиным в послевоенное время, оказало глубокое влияние на развитие гуманитарных наук в СССР. Им предназначалась одна из ведущих ролей в утверждении новых идеологических стандартов, что не могло не вызвать жесткого давления на общественные науки для корректировки их фундаментальных основ в соответствии с потребностями власти.

Материалы и методы

Реализация цели и исследовательских задач была достигнута благодаря анализу документов Научного архива НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН), научных трудов историков Ю. Ф. Кожурина, А. В. Пыжикова, А. А. Данилова, Е. Ю. Спицына, О. В. Гришаева и др. При написании статьи были использованы принципы историзма и объективности, а также сравнительно-исторический, проблемно-хронологический методы.

Обзор литературы

В современной отечественной историографии проблема идеологических кампаний в науке в послевоенный период является достаточно разработанной. Интерес представляют работы А. В. Пыжикова и А. А. Данилова [15], Т. А. Булыгиной [2], в которых показаны негативные последствия вторжения идеологии в научный процесс. Е. Ю. Спицын [16] также рассматривает дискуссии в советской науке, подчеркивая, что, несмотря на вторжение идеологии в дискуссии, чисто идеологическими их назвать нельзя. Признается использование учеными данной ситуации в своих внутрикорпоративных конфликтах. Значительное внимание в историографии уделялось влиянию идеологических кампаний и дискуссий на различные научные дисциплины [1; 5; 6]. В работах А. М. Дубровского [4], О. В. Гришаева [3], В. В. Тихонова [17] анализируются основные события идеологических кампаний и их влияние на историческую науку. В региональной исторической науке идеологические дискуссии рассматривались в работах Ю. Ф. Кожурина [8; 9; 10], С. А. Ивлиева и Т. Н. Кадеровой [7]. Однако в них не полностью исследована проблема идеологических кампаний в исторической науке и языкознании. В связи с этим данная статья призвана восполнить имеющийся пробел.

Результаты исследования и их обсуждение

В послевоенный период были достигнуты значительные успехи практически во всех отраслях научных знаний. Однако поступательное развитие наук часто сопровождалось громкими разгромными кампаниями, которые, конечно, нанесли им относительный вред.

В частности, существенной критике были подвергнуты многие ученые-философы, не смогшие вовремя сориентироваться и уловить смену «идеологического ветра». Большое давление оказывалось и на историческую науку, перед которой ставились задачи по реализации концепции советского официального патриотизма в историческом разрезе с акцентом на возвеличивание прошлого русского народа. Ученый-историк А. В. Пыжиков отмечал: «Во второй половине 40-х годов практически все историческое полотно русской истории служило своеобразным подкреплением концепции советского патриотизма. По мнению властей, его корни должны подпитываться ярким российским прошлым, что выстраивало и обеспечивало своего рода преемственность великих дел и свершений русского народа как тогда, так и сегодня. Причем научно-историческая мысль была обязана реализовывать эту задачу безотносительно того или иного периода отечественной истории» [15, с. 86].

Летом 1944 г. ЦК партии под председательством секретаря А. С. Щербакова организовало совещание по вопросам отечественной истории, в котором участвовали известные ученые-историки, ряд секретарей ЦК ВКП(б) и ответственных работников партийного аппарата.

По мнению исследователя О. В. Гришаева, «значение сошествия в том, что оно окончательно определило границы усвоения наследия дореволюционной исторической науки советскими историками. В предвоенные годы и в военные появилось большое число монографических исследований, написанных с державно-патриотических позиций, что было немыслимо в годы господства линии М. Н. Покровского и его последователей. Однако, русскому патриотизму, „руссоцентризму“, востребованному в годы войны с точки зрения политического режима необходимо было поставить определенные ограничения. Были четко определены своего рода методологические „демаркационные линии“, за которые категорически нельзя было заходить и те основополагающие постулаты советской исторической науки, которые в принципе не могли подлежать какому-либо пересмотру» [3, с. 136].

Рассуждая о научных дискуссиях и их роли в общественной жизни страны, историк Е. Ю. Спицын высказал интересную мысль о том, что «...многие из этих научных дискуссий стали результатом банальной вражды, бесконечных клановых разборок и вполне традиционной борьбы различных научных группировок, а вовсе не были инспирированы лично И. В. Сталиным» [16, с. 149].

В Мордовии санкционированная кампания по уточнению новой исторической парадигмы началась в 1946 г., когда местные ученые Г. Я. Меркушкин и В. И. Самаркин со ссылкой на «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» (сделанные в августе 1934 г. Сталиным, Кировым, Ждановым) и «Краткий курс истории ВКП(б)» «...подвергли критике работы исследователей истории мордовского края, не уловивших перемену направления политического ветра» [10, с. 239 — 240]. Исследователь Ю. Ф. Кожурин отмечал, что «данные авторы в статье „Состояние и задачи изучения истории Мордовской АССР“ требовали отказаться от примитивно понимаемой роли христианизации как политики русификации и колонизации мордовского края. Г. Я. Меркушкин и В. И. Самаркин настаивали на уяснении историками Мордовии того обстоятельства, что мордву не завоевывали, а просто шел естественный процесс вхождения мордвы в состав Московского государства» [10, с. 239 — 240]. По мнению Г. Я. Меркушкина и В. И. Самаркина русское население оказывало положительное влияние как на развитие земледелия мордвы, так и на рост всей материальной и духовной культуры [13]. Ими признавались неправильными утверждения о наличии какой-либо политики насильственной русификации. Авторы отмечали, что цель обучения «инородцев» в российском государстве всегда сводилась к тому, чтобы «пробудить и укрепить в учениках патриотические чувства любви к русскому государству как к своему отечеству и русскому народу» [13, с. 8]. Настаивая на изменении отношения исследователей к проблеме понимания значения христианизации мордвы, авторы считали, что к процессу принятия православия мордовским народом хотя и следует относиться с классовых позиций, но классовый подход не должен стать основанием для отрицания того обстоятельства, что Русская православная церковь «способствовала скорейшему изжитию отмиравших пережитков родового строя у мордвы» [13, с. 8]. Иная интерпретация характеризовалась в качестве грубого извращения действительной истории мордовского народа [9; 13].

В сущности, Г. Я. Меркушкин и В. И. Самаркин, действовавший и бывший руководители МНИИЯЛИ, по мнению Ю. Ф. Кожурина, «подвергали сомнению куль-

тивировавшуюся ранее парадигму „Царизм — тюрьма народов“, последовательно стремясь к проведению новой линии официального советского патриотизма. Авторы считали целесообразным предметом исследований для работ местных историков сделать историю Мордовии, на территории которой проживал полиэтнический, поликонфессиональный народ. Мордву предлагалось рассматривать как часть целостного народа Мордовии. Фактически было положено начало отношению к культуре мордвы и иных этносов, проживавших на территории региона, как проявлению всеобщности свойств, имманентно присущих человеку. Региональное начинало восприниматься как специфическое проявление интернационального (общечеловеческого)» [8, с. 16]. По справедливому мнению данного исследователя, предложенный инвариант полностью соответствовал официальной позиции власти, согласно которой признавалось единство многонационального и многоконфессионального российского (советского) народа. Законным преемником царской России стал СССР, а подлинным восприемником славных боевых и трудовых свершений российского народа — советский народ — победитель гитлеровского рейха [8]. К середине 1940-х гг., добавляет Ю. Ф. Кожурин, русский язык стал языком межнационального общения, во всех национальных регионах появилась однотипная социокультурная система, возникновение которой было обусловлено целенаправленно проводимыми миграционными процессами, необходимыми для обеспечения трудовыми ресурсами индустриальных строек. В итоге значительно увеличивались межнациональные контакты, способствовавшие возникновению социального основания для образования гражданского общества, в том числе на региональном уровне [9].

Таким образом, идеологическая кампания в области гуманитарного знания, в частности исторической науки, являясь реакцией на процесс зарождения предпосылок генезиса гражданского общества, одновременно представляла собой и тщательно разработанную попытку власти возглавить этот процесс, повернуть его выгодным для себя образом (когда первые робкие ростки гражданского общества встраивались бы в систему государственной машины, выступая в роли услуги последней). Помимо того, данная кампания призвана была всемерно способствовать универсализации социокультурных ценностей регионального полиэтнического социума Мордовии в духе советского патриотизма.

Другой наукой, на которую в исследуемый период было оказано серьезное идеологическое воздействие, стало языкознание. Еще в 1946 г. Г. Я. Меркушкин подверг критике ученых, стоявших на старых идеологических позициях 1930-х гг. и считавших, что развитие мордовских литературных языков относительно обогащения их лексическим материалом должно идти по пути заимствования этого материала исключительно из мордовских диалектов. Вполне в духе новой официальной идеологии русского советского великодержавия он призывал: «Они (данные ученые — С. И., Т. К.) должны понять, что мы стоим за культурное влияние богатейшего русского языка на мордовские языки. Но мы также не должны забывать указания т. Сталина, что надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком» [12, с. 4]. Этим, по сути дела, утверждалось, что языковеды, как и историки, должны были способствовать универсализации социокультурных ценностей советского общества.

Однако по-настоящему идеологическая кампания в области языкознания развернулась в 1950 г., когда при непосредственном участии И. В. Сталина была подввергнута разгрому ведущая в СССР научная школа языкознания, базировавшаяся на учении академика Н. Я. Марра (1864 — 1934 гг.).

Основные положения «нового учения о языке» академика Н. Я. Марра выглядят следующим образом: 1) язык имеет классовую природу, являясь «надстройкой» над социально-экономическим базисом; 2) стадиальность языка непосредственно связана со стадиальностью человеческого общества, а значит, рано или поздно должен возникнуть новый язык коммунистического общества; 3) человеческий язык произошел от «трудовых выкриков» в результате «звуковой революции» и связан с началом трудовой деятельности человека; 4) слова всех языков имеют общее происхождение (моногогенез) от «четырех элементов» — изначальных трудовых выкриков — «сал», «бер», «йон» и «рош»; 5) язык может изменяться до неузнаваемости посредством «социального взрыва», как, например, немецкий язык, выросший из сванского языка [1; 11; 16]. Тезис ученого о том, что «...языки проходят одни и те же стадии, определяемые уровнем социально-экономического развития. При изменении экономического базиса язык как часть надстройки подвергается революционному взрыву и становится качественно иным как структурно, так и материально», служил основой конъюнктурно-идеологических спекуляций Марра и его последователей относительно «материалистического» и «классового» характера его учения [1, с. 271].

В момент возникновения теория Н. Я. Марра была созвучна существовавшим в то время представлениям о близкой мировой пролетарской революции и идее создания единого мирового языка. Подобно тому «как человечество от кустарных разобщенных хозяйств и форм собственности идет к одному общему мировому хозяйству, так и язык от первоначального многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку», — так сформулировал Н. Я. Марр основной тезис своей теории языкознания [11].

По мнению исследователя В. М. Алпатова, «не подтвержденная фактами концепция Н. Я. Марра, объявленная с конца 1920-х годов „единственно правильной“ и „марксистской“ (несмотря на явные расхождения с идеями К. Маркса и Ф. Энгельса), трансформировалась в идеологически оформленную административную практику, принесшую много вреда развитию языкознания и других наук. Многие видные ученые лишились возможности работать, а сравнительно-историческое языкознание было официально запрещено. Реабилитация последнего произошла в 1950 г. после публикации работы И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ в газете „Правда“ (данная работа затем была издана отдельной брошюрой) против марристской школы языкознания, за которым стояла сложная и (даже после ряда публикаций документов и воспоминаний участников событий, прежде всего А. С. Чикобава) все еще остающаяся во многом дискуссионной борьба политических, административных, идеологических, научных и личных интересов. Конец „новому учению о языке“ был положен все теми же вненаучными методами» [1, с. 286].

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин отвергал главные утверждения Н. Я. Марра и его учеников о том, что «язык есть надстройка над базисом», «классовый характер языка», «стадиальность развития языка» и призвал «скорее вывести советское языкознание из кризиса». С этого времени Марр стал восприниматься как ученый, который «действительно хотел быть и старался быть

марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упрощителем и вульгаризатором марксизма, вроде „пролеткультовцев“ или „рапповцов“. Н. Я. Марр внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка как надстройки и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание»¹.

Показательно, что авторитет учения Н. Я. Марра вплоть до его разгрома не вызывал никаких сомнений у мордовских языковедов. Так, на заседании ученого совета мордовского НИИ от 18 марта 1950 г. при обсуждении докторской диссертации М. Н. Коляденкова на тему «Члены предложения в мордовских языках» секретарь Совета Н. Ф. Цыганов счел нужным упрекнуть диссертанта в том, что им «не приводится определение предложения, данное Н. Я. Марром»². Мордовскими филологами также безропотно признавалось утверждение марристской школы о фактической анахроничности финно-угорских языков, которые (наряду с целым рядом других языков, например, китайским) якобы отпали от общего мирового движения и прекратили свое развитие, утратив способность к таковому³.

Однако к середине 1950 г., после выхода в свет работ И. В. Сталина по языкознанию, у научного мира положительное отношение к учению Н. Я. Марра резко меняется на противоположное. В Мордовии это особенно хорошо видно на примере научно-исследовательского института — главного центра науки республики исследуемого периода. Так, в ходе заседания ученого совета института от 19 июля 1950 г., посвященного итогам всесоюзной дискуссии по вопросам языкознания, отмечалось, что «вооруженные величайшими трудами тов. Сталина по языку, мы должны как можно скорее избавиться от имеющихся ошибок (марризма. — С. И., Т. К.) и направить все свои усилия на разработку материалистической науки о языке»⁴.

Так, в один момент оказалась разгромлена ведущая научная школа в области языкознания, имевшая до того прочные позиции, в том числе и в Мордовии. Наука в республике, как и в стране в целом, оказалась заложницей политики, всецело от нее зависимой.

В то же время нельзя не сказать об определенных положительных результатах данной идеологической кампании, отразившихся на развитии, в частности, мордовского языкознания. Как указывалось на заседании ученого совета (протокол № 4), «вопреки учению Н. Я. Марра, мордовский народ... успешно развивает свой язык, свою литературу. ...На мордовский язык переводятся произведения классиков русской и мировой художественной литературы... Таким образом, мордовские языки в своем непрерывном развитии достигли довольно высокого совершенства и способны выражать самые сложные мысли, самые сложные понятия...»⁵. В связи с этим критику учения Н. Я. Марра мордовскими языковедами стоит признать, на наш взгляд, во многом справедливой. В то же время надо отметить, что идеологические

¹ Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания // Правда. 1950. 20 июня.

² НА НИИГН (Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия). Оп. 1. О-66. Л. 8.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 34 — 35.

кампании (подменявшие собой подлинную научную дискуссию) в целом все же не могли быть средством движения науки вперед.

Показательно, что данная кампания имела границы, обозначенные вождем, признававшим определенные заслуги Н. Я. Марра⁶. Вследствие этого в Мордовии наблюдается даже некоторая робкая апологетика марристской школы. Так, выступивший в ходе того же ученого совета языковед Н. Ф. Цыганов отмечал, что нужно «брать все, что положительное у Марра». При этом он показательно каялся, признавая, что «бесспорно я стоял на позициях Марра, особенно на его теории, но теперь мне ясны мои ошибки»⁷.

В дальнейших заседаниях ученого совета института отмечалось, что «влияние марризма было и в других секторах института. Например, сектор истории ряд выводов по древнему периоду истории мордвы делал на основе исключительно смыслового (марровского. — С. И., Т. К.) анализа терминов»⁸. В результате институтом было принято решение о перестройке всей научно-исследовательской работы в «свете гениальных открытий товарища Сталина по вопросам языкознания»⁹, что в целом положительно сказалось на развитии науки в регионе.

Своеобразным итогом данной идеологической кампании в Мордовии стало проведение 16 — 20 ноября 1952 г. в Саранске Институтом языкознания АН СССР и НИИЯЛИ при Совете министров Мордовской АССР совместной научной сессии по вопросам мордовского языкознания, которая привлекла внимание широких кругов общественности как в республике, так и за ее пределами¹⁰. Основными докладами, которые сессия рассмотрела и обсудила стали следующие: «Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ и задачи изучения мордовских (мокша и эрзя) языков» (автор Б. А. Серебрянников), «Образование и пути развития мокшанского и эрзянского литературных языков» (М. Н. Коляденков), «Пути развития словарного состава эрзя и мокша языков в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания» (Н. Ф. Цыганов), «Система частей речи в мордовских языках» (Р. А. Заводова), «Проблемы политической и экономической терминологии в мордовских языках» (Н. Ф. Цыганов), «О принципах перевода с русского на мордовские (эрзя и мокша) языки» (А. И. Маскаев), «Вопросы преподавания родных языков в мордовских школах в свете учения И. В. Сталина о языке» (Ф. Ф. Советкин) [14]. В обсуждении поставленных вопросов и в выработке решений по ним приняли участие учителя мордовских школ, писатели, журналисты, переводчики.

Широкая дискуссия развернулась вокруг вопросов о формировании мордовской социалистической нации, о дальнейших путях развития мокшанского и эрзянского литературных языков¹¹. Некоторые исследователи (например, А. И. Маскаев) высказывали мнение, что единой мордовской нации еще нет, так как отсутствует единый

⁶ НА НИИГН. О-71. Л. 88 — 89.

⁷ НА НИИГН. О-66. Л. 45.

⁸ НА НИИГН. О-71. Л. 31.

⁹ Там же. Л. 32.

¹⁰ НА НИИГН. О-82. Л. 200 — 224.

¹¹ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. 269-П. Оп. 6. Д. 26. Л. 14 — 18.

литературный язык, что необходимо сперва его создать¹². По данному вопросу перед участниками сессии была высказана официальная точка зрения бюро Мордовского обкома КПСС, положившая, по сути, конец дискуссии: «Несмотря на то, что мокшанский и эрзянский литературные языки имеют некоторые различия, тем не менее, они являются родственными языками и имеют одну общемордовскую основу, родство этих языков обнаруживается и в общности большинства слов или корней слов основного словарного фонда и в историческом сложении их грамматического строя». В связи с этим мордву следует считать сложившейся единой нацией с двумя близкородственными языками. При этом «в настоящее время нельзя ставить вопрос о сломе существующих литературных норм и создании какого-то нового единого мордовского литературного языка»¹³.

В целом содержание прозвучавших на конференции докладов обрисовывало методологическую «привязку» мордовского языкознания к новым сталинским концепциям патриотизма, государственного строительства и коммунизма. Официально отмечалось, что принятые сессией решения и установки знаменуют собой не только новый крупный шаг в разрешении важнейших проблем развития мордовских (мокша и эрзя) литературных языков, но и служат дальнейшему успешному росту социалистической культуры мордовского народа¹⁴. Фактически данные решения означали курс на дальнейшую универсализацию социокультурных ценностей советского общества.

Данная универсализация, без сомнения, виделась руководству страны в качестве необходимого элемента укрепления внутреннего единства Советской державы перед лицом внешнего врага — капиталистического блока.

Заключение

Таким образом, в 1945 — 1953 гг. происходит ужесточение внутривнутриполитического курса. На идейно-политическом фронте по-новому развивается идеологическая борьба, обострившаяся с началом «холодной войны». Все эти изменения не могли не отразиться на общественных науках, которые в непростых условиях «позднего сталинизма» продолжали играть роль одного из проводников официальной идеологии в массы. Проводимые идеологические кампании становились в этом случае своего рода «указателем направления» в развитии гуманитарного знания, подменяя собой подлинную научную дискуссию, что являлось несомненным перегибом. В то же время они служили делу утверждения в советской общественной науке единых норм советской патриотической идеологии, приходивших на смену прежним представлениям революционной эпохи 1920-х гг., уже давно устаревших и нуждавшихся в пересмотре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Едиториал УРСС, 2004. 282 с.
2. Булыгина Т. А. Общественные науки в СССР: 1945 — 1955 гг. М.: Изд-во МАДИ, 2000. 240 с.

¹² НА НИИГН. Оп. 1. О-82. Л. 150.

¹³ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 6. Д. 26. Л. 14 — 18.

¹⁴ НА НИИГН. Оп. 1. О-82. Л. 200 — 224.

3. Гришаев О. В. Роль совещания историков 1944 года в ЦК ВКП(б) в развитии советской историографии русской истории // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2013. № 1 (144), вып. 25. С. 132 — 136.
4. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР: (1930 — 1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 621 с.
5. Есаков В. Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 83 — 106.
6. Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «Суды чести»: дело «КР». М.: Наука, 2005. 422 с.
7. Ивлиев С. А., Кадерова Т. Н. Идеологические кампании в Мордовской АССР в 1945 — 1953 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1 (57). С. 74 — 86. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-1,2021-g...pdf>
8. Кожурин Ю. Ф. Сталинизм — это социализированный вариант модернизационного прорыва // Центр и периферия. 2009. № 3. С. 12 — 21. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/3-2009.pdf>
9. Кожурин Ю. Ф. Цивилизационная идентификация социокультурной системы региона: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2004. 34 с.
10. Кожурин Ю. Ф. Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона. Саранск: НИИГН, 2003. 356 с.
11. Марр Н. Я. Избранные работы: в 5 т. М.; Л., 1936. Т. 2. 522 с.
12. Меркушкин Г. Я. Дальнейшие задачи по разработке мордовских литературных языков // Записки / НИИ при СМ МАССР. Саранск, 1946. Вып. № 5. С. 3 — 5.
13. Меркушкин Г. Я., Самаркин В. Состояние и задачи изучения истории Мордовской АССР // Записки / НИИ при СМ МАССР. Саранск, 1946. Вып. 6. С. 3 — 10.
14. Научная сессия по вопросам мордовского языкознания: тез. докл. Саранск, 1952. 47 с.
15. Пыжиков А. В., Данилов А. А. Рождение «сверхдержавы»: СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2002. 302 с.
16. Спицын Е. Ю. Осень Патриарха. Советская держава в 1945 — 1953 годах. М.: Концептуал, 2020. 528 с.
17. Тихонов В. В. Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х — начала 1950-х годов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. 50 с.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

Информация об авторах:

Сергей Александрович Ивлиев, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1488-3620>, ser.ivliev@yandex.ru

Татьяна Николаевна Кадерова, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, доцент, cad.tatiana@yandex.ru

Вклад авторов:

Ивлиев С. А. — идея, разработка концепции, сбор, обработка и анализ материала, написание статьи;

Кадерова Т. Н. — сбор, обработка и анализ материала, научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Alpatov VM. The History of One Myth: Marr and Marrism. Moscow;2004. (In Russ.)
2. Bulygina TA. Social Sciences in the USSR: 1945 — 1955. Moscow;2000. (In Russ.)
3. Grishaev OV. The Role of the Meeting of Historians in 1944 in the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in the Development of Soviet Historiography of Russian history. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Ser.: History. Political Science.* 2013; (25):132—136. (In Russ.)
4. Dubrovsky AM. Power and Historical Thought in the USSR: (1930 — 1950s). Moscow;2017. (In Russ.)
5. Esakov VD. On the History of the Philosophical Discussion of 1947. *Questions of Philosophy.* 1993;(3):83—106. (In Russ.)
6. Esakov VD, Levina ES. Stalin's Courts of honor: KR Case. Moscow;2005. (In Russ.)
7. Ivliev SA, Kaderova TN. Ideological Campaigns in the Mordovian ASSR in 1945 — 1953. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2021;57(1):74—86. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-1,2021-g...pdf> (In Russ.)
8. Kozhurin YuF. Stalinism is a Socialized Version of the Modernization Breakthrough. *Center and Periphery.* 2009;(3):12—21. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/3-2009.pdf>. (In Russ.)
9. Kozhurin YuF. Civilizational Identification of the Socio-Cultural System of the Region. *Extended Abstract of Dr. Sci. (Philosophy) Dissertation.* Saransk;2004. (In Russ.)
10. Kozhurin YuF. Civilization: Identification of the Socio-Cultural System of the Region. Saransk;2003. (In Russ.)
11. Marr NYa. Selected Works. Moscow;1936;2. (In Russ.)
12. Merkushkin GYa. Further Tasks for the Development of Mordovian Literary Languages. *Proceedings of the Research Institute at SM MASSR.* 1946;5:3—5. (In Russ.)
13. Merkushkin GYa, Samarkin V. Status and Tasks of Studying the History of the Mordovian ASSR. *Proceedings of the Research Institute at SM MASSR.* 1946;6:3—10. (In Russ.)
14. Scientific Session on Mordovian Linguistics: Abstract Report. Saransk;1952. (In Russ.)
15. Pyzhikov AV, Danilov AA. The Birth of a Superpower: The USSR in the First Post-War Years. Moscow;2002. (In Russ.)
16. Spitsyn EYu. Autumn of the Patriarch. Soviet Power in 1945 — 1953. Moscow;2020. (In Russ.)
17. Tikhonov VV. Soviet Historical Science in the Context of Ideological Campaigns in the Mid-1940s and Early 1950s. *Extended Abstract of Dr. Sci. (History) Dissertation.* Moscow;2018. (In Russ.)

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Information about authors:

Sergey A. Ivliev, Senior Researcher of the Division of History, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Sciences in History, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1488-3620>, ser.ivliev@yandex.ru

Tatyana N. Kaderova, Senior Researcher of the Division of History, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Sciences in History, Associate Professor, cad.tatiana@yandex.ru

Contribution of the authors:

Ivliev S. A. — idea, concept development, data collection, processing and analysis of the materials, writing the original version of the article;

Kaderova T. N. — data collection, processing and analysis of materials, scientific editing of the text.

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 338.012 (470.42)
EDN KTCANW

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

СТАНОВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ В РАДИЩЕВСКОМ РАЙОНЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 90-е гг. XX в. (по материалам газеты «Восход»)

Д. Е. Бузаев

Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия
buzaev_76@mail.ru

Аннотация

Введение. В условиях развития сельского хозяйства важной проблемой для отрасли становится эффективное развитие крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ). Ее решение будет способствовать дальнейшему совершенствованию этого направления, формированию кадрового потенциала и устранению отъезда трудоспособного населения из сельской местности. Цель настоящей статьи — исследование становления КФХ в Радищевском районе Ульяновской области.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили законодательные документы Российской Федерации и выпуски газеты «Восход» Радищевского района Ульяновской области (1991 — 1994 гг.). В работе применялись хронологический и историко-системный методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В основе всех исследовательских работ по КФХ лежат общие сведения как в рамках всего государства, так и отдельных областей. Часть работ затрагивает КФХ в контексте общей аграрной экономики, аграрных реформ либо отдельно взятого направления. Изучение материалов по развитию КФХ в отдельно взятом районе показало отсутствие научных работ в этом направлении. В ходе исследовательской работы были рассмотрены общие тенденции и особенности развития КФХ в районе, их положительные и отрицательные стороны. Работа показала зависимость деятельности фермеров и ее эффективности от множества факторов — от личностных до социально-экономических и политических.

Заключение. Исследование подтверждает перспективность развития КФХ. Изучение отдельно взятого района позволяет расширить возможности изучения КФХ не только в других районах конкретной области, но и в других регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: сельское хозяйство, крестьянское (фермерское) хозяйство, земля, площадь, фермер, ассоциация, земельный налог, кредит

Финансирование: статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы «Сельское хозяйство Ульяновской области 1990 — 2000 гг.: социально-экономический аспект».

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю профессору кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова доктору исторических наук Р. А. Мухамедову.

Для цитирования: Бузаев Д. Е. Становление крестьянских (фермерских) хозяйств в Радищевском районе Ульяновской области в 90-е годы XX века (по материалам газеты «Восход») // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 125 — 138. EDN KTCANW

© Бузаев Д. Е., 2023

Original article

THE FORMATION OF PEASANT (FARM) HOUSEHOLDS IN THE RADISHCHEVSKY DISTRICT OF THE ULYANOVSK OBLAST IN THE 90S OF THE XX CENTURY (the case study of newspaper articles of the Voskhod)

D. E. Buzaev

Ilya Ulyanov State Pedagogical University,
Ulyanovsk, Russia
buzaev_76@mail.ru

Annotation

Introduction. In the context of the development of agriculture, the effective development of peasant (farm) households (PFH) is an important issue for the industry. Its solution will contribute to the further improvement of the area, the formation of human resources and the elimination of the departure of the able-bodied population from rural areas. The purpose of this article is to study the formation of the PFH in the Radishevsky district of the Ulyanovsk oblast.

Materials and methods. The research material was the legislative documents of the Russian Federation and the newspaper articles of the Voskhod issued in the Radishevsky district of the Ulyanovsk oblast (1991 — 1994). In this article, chronological and historical-systematic methods were used.

Results and discussion. All research work on the issue of peasant farm households is based on general information both within the framework of the entire state and individual oblast. Part of the work affects the PFH in the context of the general agrarian economy, agrarian reforms or a single trend. The study of materials on the development of peasant farm households in a single area showed the lack of scientific work in this line of research. In this article, general trends and features of the development of peasant farm households in the region, their positive and negative sides were considered. The work showed the dependence of farmers' activities and their effectiveness on many factors, that is, from personal to socio-economic and political factors.

Conclusion. This research confirms the prospects for the development of the PFH. The examination of a single region allows you to expand the possibilities of studying peasant farm households not only in other areas of a particular oblast, but also in other regions of the Russian Federation.

Keywords: agriculture, peasant farming, land, area, farmer, association, land tax, credit

Funding: this article was prepared within the framework of the research "Agriculture of the Ulyanovsk oblast in 1990 — 2000: socio-economic aspect".

Acknowledgements: The author expresses gratitude to the academic advisor, Professor of the Department of History of Ilya Ulyanov State Pedagogical University, Doctor of Sciences in History, R. A. Mukhamedov.

For citation: Buzaev DE. The Formation of Peasant (Farm) Households in the Radishchevsky District of the Ulyanovsk Oblast in the 90s of the XX Century (the Case Study of Newspaper Articles of the Voskhod). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):125—138. EDN KTCANW

Введение

Становление и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) в Российской Федерации имело свои особенности. Это было новое явление в аграрной экономике, и как все новое, зарождающееся, оно имело склонность к ошибкам и недочетам. К тому же появление КФХ связано с внутренней политикой, проводимой и насаждаемой «сверху». Правильный научный подход позволит не только проследить становление КФХ, но и спрогнозировать их дальнейшее развитие. Значительную

роль в данном направлении играет изучение крестьянских хозяйств «на местах». Получение информации о деятельности КФХ от первых лиц, участников событий позволяет глубже проникнуть в суть изучаемой проблемы и, следовательно, дать более правильную оценку происходящему. В связи с этим исследование осуществлялось на примере одного отдельно взятого района.

Обзор литературы

Исследовательских работ в сфере КФХ довольно много. В структурном плане их можно разделить на две группы. В первую группу входят работы, в которых КФХ представляются как часть общей многоукладной аграрной экономики. Среди исследователей этого направления можно выделить таких авторов, как В. И. Кудряшов, С. С. Кузьминский, М. В. Ивлев [3], В. Ф. Башмачников, Ю. М. Бородай, И. И. Ершова, С. А. Никольский [8], А. С. Никольский [6], С. В. Киселев¹, Н. А. Попов², А. А. Ефимова, М. А. Силакова [3], коллективы авторов под руководством Л. В. Никифорова [1] и Е. С. Строева [5]. В основе указанных работ лежит критическое осмысление КФХ, дается оценка их деятельности, приводятся статистические данные, характеризуются этапы фермерского движения.

Во вторую группу входят работы авторов, где непосредственно затрагиваются КФХ как отдельно взятая форма исследования. К ним можно отнести труды И. Я. Петренко, П. И. Чужинова, С. Б. Исмуратова [7], С. И. Грядова³, М. А. Конакова, А. П. Конакова⁴, С. Н. Сазонова [9], Ю. С. Баландина [2], В. Ф. Стукача, Е. В. Коваленко [10].

Источниковая база исследования незначительная. Это связано с пространственной и хронологической узостью изучаемого объекта. Кроме того, анализ источников указывает на отсутствие исследовательской работы по КФХ не только в Радищевском, но и в других районах Ульяновской области. Соответственно заявленная тема к настоящему времени не изучена, а значит, актуальна и имеет перспективу в изучении и разработке.

Материалы и методы

Материалом исследования выступили нормативно-правовые акты Российской Федерации и публикации в газете «Восход» Радищевского района Ульяновской области (1991 — 1994 гг.; 14 экземпляров). Причем отметим, что периодическая печать дает обильный информационный материал, но отличается субъективностью: оценка деятельности КФХ зависит от убеждений, взглядов и личного отношения авторов.

Исследовательская работа состояла из двух частей: первая — изложение нормативно-правовой базы, регулирующей правовые отношения КФХ; вторая — отображение фактического материала.

¹ Сельская экономика: учеб. / под ред. С. В. Киселева. М., 2009. 572 с.

² Попов Н. А. Экономика сельского хозяйства. С основами сельского предпринимательства: учеб. М., 1992. 352 с.

³ Грядов С. И. Организационно-экономические основы создания и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств: лекция. М., 1992. 52 с.

⁴ Конаков М. А., Конаков А. П. Организация и экономические основы фермерских хозяйств: учеб. пособие для нач. проф. образования. М., 2004. 256 с.

В ходе работы использовались хронологический и историко-системный методы, в целом исследование основывается на принципах объективности, детерминизма и историзма.

Результаты исследования и их обсуждение

Успешное развитие сельского хозяйства на современном этапе было бы немислимо без внутренних реформ, которые проходили в 1990-е гг. Итогом развития аграрных преобразований явилась многофункциональная сельскохозяйственная экономика, одним из ведущих звеньев которой выступили КФХ. Своим появлением и развитием они были обязаны кропотливой и поэтапной работе реформаторов.

Первая половина 1990-х гг. характеризовалась принятием значительного количества нормативно-правовых актов, регулирующих земельные отношения. К началу 1990-х гг. вопрос о передаче земли крестьянским хозяйствам в частную собственность еще не являлся основным. В Указе Президиума Верховного Совета РСФСР № 14240-ХІ от 25 апреля 1990 г.⁵ и Постановлении Совета Министров РСФСР № 146 от 10 мая 1990 г.⁶ предоставление земли для ведения крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов осуществлялось в форме владения, пользования и аренды. При этом нормативные акты через рекомендации Госагропрому и Министерству финансов РСФСР наделяли крестьянские хозяйства рядом льгот. Обеспечение техникой, оборудованием, минеральными удобрениями, организация пунктов проката тракторов и комбайнов, льготное налогообложение — все это должно было создать условия для нормального функционирования крестьянских хозяйств. Установление предельных размеров земельных участков для предоставления их крестьянским хозяйствам, а равно изъятие земельных участков у колхозов, совхозов и других организаций и включение их в состав земель сельских населенных пунктов с последующей передачей крестьянским хозяйствам — такие функции возлагались на районные и городские Советы народных депутатов, а также Советы народных депутатов автономных областей.

Итогом проводимой политики стало принятие 22 ноября 1990 г. в РСФСР закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»⁷. Крестьянское хозяйство признавалось равноправным субъектом и ставилось в один ряд с государственными, коллективными и другими предприятиями и организациями. Отныне любой гражданин, достигший возраста 18 лет, имел право создать крестьянское хозяйство и получить для этих целей земельный участок. По всей стране развернулась активная агитация по воплощению в жизнь нового вида хозяйствования. Проводились опросы, устраивались дискуссии о степени полезности и результативности КФХ. Надо отметить, что мнения граждан различались, иногда полярно: одни высказывались за поддерж-

⁵ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 апреля 1990 г. № 14240-ХІ «О некоторых вопросах предоставления и изъятия земель». URL: <https://www.lawmix.ru/sssr/3469> (дата обращения: 20.12.2022).

⁶ Постановление Совета Министров РСФСР от 10 мая 1990 г. № 146 «О развитии крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов». URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_37980.html (дата обращения: 20.12.2022).

⁷ Закон РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=36853> (дата обращения: 20.12.2022).

ку фермерства, другие с осторожностью пытались понять, насколько эффективным будет это хозяйство.

Мнение общественности передавали на своих страницах местные газеты. «Меня привлекает фермерство, — говорил в 1991 г. водитель машины «скорой помощи» Октябрьской участковой больницы В. Тиханов, — а публикаций на эту тему мало. Надо бы о правах фермеров рассказать, какие и где он может брать кредиты... Хотелось бы прочитать и о законах, инструкциях по вопросам крестьянских хозяйств»⁸. Главный экономист совхоза «Ореховский» Н. А. Шитикова предостерегала: «Если сейчас (в 1991 г. — Д. Б.) идти на массовое создание крестьянских (фермерских) хозяйств, загубим сельское хозяйство. А сколько нужно земли, чем ее обрабатывать? Без полной механизации прогоришь. Далее нужны службы обслуживания: химические и другие лаборатории, ветеринарная, химической и бактериологической защиты... Еще опаснее, если взят кредит, а он малым не может быть. Чтобы создать фермерское хозяйство, денег нужно много...»⁹. В одном из интервью в 1994 г. один из старейших агрономов Радищевского района Н. А. Оржеткин откровенно сказал: «Чтобы стать действительно фермером, могущим давать товарную продукцию, надо изначально иметь миллиард рублей. Таких денег ни у одного сельчанина нет. О реформировании колхозов, совхозов говорят те, кто не знает существа дела. Дилетанты»¹⁰.

Уже на этапе становления фермерского движения ученые пытались осмыслить происходившие процессы. Их высказывания неоднозначны, и в разные годы фермеризация оценивалась от идеи повсеместного возрождения фермерства до критического осмысления этого явления. В частности, «было бы неправильно считать, что возрождение фермерских индивидуальных хозяйств само по себе даст большой эффект. Только налаженная система связей этих хозяйств, опять-таки и по горизонтали с другими формами хозяйств, и по вертикали с точки зрения реализации и переработки продукции и т. д., может обеспечить эффективность развития таких форм» [5, с. 30]. Спустя годы, через призму реформ 1990-х гг. прослеживаются пессимистические высказывания о фермерском движении. Изучая земельную реформу, А. А. Ефимова и М. А. Силакова пришли к выводу, что «идея фермеризации не оправдала себя» [2, с. 180].

Тем не менее государственный механизм по становлению фермерства был запущен в полную силу. В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР «О поддержке развития крестьянских (фермерских) хозяйств, их ассоциаций, союзов и кооперативов»¹¹ и Указом Президента СССР «О первоочередных задачах по реализации земельной реформы»¹² был разработан комплекс мер для активизации земельной реформы и создания условий для развития КФХ. Предусматривалось

⁸ Тиханов В. Побольше пишите о фермерстве // *Восход*. 1991. 30 апр.

⁹ Фермерство пока нереально... // *Восход*. 1991. 26 янв.

¹⁰ Земля заботу любит // *Восход*. 1994. 24 нояб.

¹¹ Постановление Совета Министров РСФСР от 4 января 1991 г. № 9 «О поддержке развития крестьянских (фермерских) хозяйств, их ассоциаций, союзов и кооперативов». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9019509> (дата обращения: 20.12.2022).

¹² Указ Президента СССР от 5 января 1991 г. № УП-1285 «О первоочередных задачах по реализации земельной реформы». URL: <https://base.garant.ru/2107012/> (дата обращения: 20.12.2022).

провести инвентаризацию нерационально используемых земель колхозов и совхозов, сформировать специальный земельный фонд с последующей передачей земель крестьянским хозяйствам, арендаторам, сельскохозяйственным кооперативам, а также гражданам для ведения личного подсобного хозяйства. При этом исходили из того, чтобы крестьянским хозяйствам беспрепятственно выделялись земельные участки в пожизненное наследуемое владение и аренду.

Кроме названных мероприятий система государственной поддержки выражалась в материально-техническом обеспечении, в том числе за счет отремонтированной подержанной и списанной техники колхозов и совхозов. Предусматривалось обеспечить развитие системы заготовок, переработки и реализации продукции, произведенной в КФХ. Для защиты прав и законных интересов была организована юридическая помощь КФХ. Согласно Постановлению Совета Министров РСФСР «О республиканской программе проведения земельной реформы на территории РСФСР» исполкомы местных Советов народных депутатов в 1991 г. обязывались осуществить передачу земель в распоряжение местных Советов народных депутатов и провести инвентаризацию земель по всем категориям землевладения и землепользования¹³.

Процесс передачи земельных участков в собственность граждан ускорил Указ Президента РФ «О порядке установления нормы бесплатной передачи земельных участков в собственность граждан»¹⁴. Главам местных администраций сельских районов предоставлялось право устанавливать дифференцированную среднюю норму бесплатной передачи земли в собственность. Порядок определения данной нормы исходил из площади сельскохозяйственных угодий в пределах сельскохозяйственных предприятий района (за исключением земель, передаваемых в ведение сельских, поселковых, городских Советов народных депутатов), поделенной на суммарную численность лиц, работающих в сельском хозяйстве. К указанной категории относились работники колхозов и совхозов, других сельскохозяйственных предприятий, а также пенсионеры этих хозяйств. Бесплатными земельными участками наделялись также сельские граждане, занятые в социальной сфере, — работники учреждений образования, культуры, здравоохранения, связи, быта, торговли и общественного питания, расположенных на территории сельскохозяйственных предприятий.

Помимо сельской категории населения первоочередное право на выделение земельных участков для организации КФХ, садоводства, личного подсобного хозяйства, под индивидуальное жилищное строительство получили военнослужащие, уволенные в запас, и члены их семей. Они наделялись участками из фондов перераспределения земель по мере поступления заявок¹⁵.

¹³ Постановление Совета Министров РСФСР от 18 января 1991 г. № 30 «О республиканской программе проведения земельной реформы на территории РСФСР». URL: <https://base.garant.ru/2107013/> (дата обращения: 20.12.2022).

¹⁴ Указ Президента РФ от 2 марта 1992 г. № 213 «О порядке установления нормы бесплатной передачи земельных участков в собственность граждан». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/987> (дата обращения: 20.12.2022).

¹⁵ Указ Президента РФ от 23 апреля 1993 г. № 480 «О дополнительных мерах по наделению граждан земельными участками». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/3436> (дата обращения: 20.12.2022).

Во исполнение законов в Радищевском районе Ульяновской области был создан районный Комитет по земельной реформе и земельным ресурсам. В его обязанности входили землеустроительная, организационная, контрольная и консультативная функции по вопросам проведения реформ. Совместно с Советами народных депутатов комитет провел инвентаризацию всех земель. Сформированный в районе земельный фонд на первоначальном этапе составил 917 га земли. Позднее площадь земли увеличилась до 1 442 га, в том числе 1 294 га пашни, 51 га многолетних насаждений (сада), 97 га — пастбища¹⁶.

В 1992 г. площадь земель фонда в Радищевском районе достигла 2 444 га. Основные массивы располагались в колхозе «Рассвет» и совхозе «Вязовский». К тому времени земли населенных пунктов были переданы в ведение поселкового и сельских Советов, проведен сплошной обмер приусадебных земель граждан и площадей несельскохозяйственных предприятий и организаций. Решением райисполкома были утверждены ставки земельного налога на сельскохозяйственные угодья: он устанавливался с учетом их состава, качества, площади и местоположения. По Ульяновской области в среднем налог равнялся 50 руб. за 1 га пашни. В Радищевском районе налог за земли сельскохозяйственного использования и личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта в 1991 г. составил 2,7 коп. за 1 кв. м¹⁷, или 27 руб. за 1 га. Ежегодная ставка земельного налога на пашню, залежи, сады была равна 45 руб. за 1 га, за использование естественных сенокосов — 19 руб., естественных пастбищ — 9 руб. за 1 га¹⁸. В начале 1990-х гг. крестьянское хозяйство полностью освобождалось от земельного налога и арендной платы сроком на 5 лет.

Земельный кодекс, принятый в апреле 1991 г., внес существенные изменения в регулирование земельных отношений¹⁹. Для ведения КФХ, кроме аренды, граждане могли приобретать землю в собственность. Следует отметить, что государство и закон в тот период действовали в интересах граждан, пожелавших стать фермерами. Местным органам власти и управления было рекомендовано принять все необходимые решения о максимальном удовлетворении запросов граждан на землю за счет угодий всех землепользователей, включая колхозы и совхозы²⁰. Работникам колхозов и совхозов, пожелавшим выйти из организаций для ведения КФХ, по решению районных (городских) Советов народных депутатов предоставлялись земельные участки, при этом местоположение изымаемого участка предварительно согласовывалось с колхозом или совхозом. Указом Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» местные органы исполнительной власти наделялись правом контроля за реализацией права членами колхозов и работниками государственных предприятий на беспрепятственный выход из

¹⁶ Мадьяров Р. Как получить земельный участок // Восход. 1991. 16 апр.

¹⁷ Мадьяров Р. Сколько стоит земля? // Восход. 1991. 12 дек.

¹⁸ Шарохин С. Земля для фермеров // Восход. 1992. 25 апр.

¹⁹ Земельный кодекс РСФСР от 25 апреля 1991 г. № 1103-1. URL: <https://base.garant.ru/3961064/> (дата обращения: 20.12.2022).

²⁰ Указ Президента СССР от 8 апреля 1991 г. № УП-1775 «О неотложных мерах в сельском хозяйстве». URL: https://www.zonazakona.ru/law/docs_ussr/361/ (дата обращения: 20.12.2022).

этих предприятий для создания КФХ²¹. В случае если граждане не являлись членами колхозов и совхозов, земельные участки для организации КФХ предоставлялись из земель запаса либо из специального земельного фонда. Размер земельных участков, выделяемых для КФХ, определялся в зависимости от их качества и местоположения с учетом кадастровой оценки.

Несмотря на эти рекомендации, во многих регионах России сдерживался процесс выхода работников колхозов и совхозов, желающих самостоятельно вести хозяйство. Им выделялись участки земли более низкого качества и удаленные от населенных пунктов. Во избежание подобного Постановлением Совета Министров РСФСР «О дополнительных мерах по развитию крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов в РСФСР» были внесены дополнительные рекомендации по улучшению социально-экономического положения фермеров²². В частности, Советам Министров республик в составе РСФСР, крайисполкомам и облисполкомам рекомендовалось включать представителей ассоциаций КФХ и сельскохозяйственной кооперации в состав коллегий комитетов по земельной реформе и земельным ресурсам. Продолжилась помощь в создании материальной базы и приобретении техники. С 1992 г. предусматривалось выделить отдельной строкой материально-технические ресурсы для КФХ.

Большое внимание уделялось финансовому обеспечению фермерских хозяйств. В 1991 г. Министерство финансов РСФСР должно было пересмотреть поквартальное выделение средств, направляемых фонду «Российский фермер». Было внесено предложение о дополнительном выделении финансов в размере до 60 млн руб. на проведение землеустроительных работ и 10 млн руб. капитальных вложений на жилищное строительство. На 1992 г. на оказание помощи КФХ предусматривалось выделить уже 6,5 млрд руб.

Одним из направлений государственной поддержки КФХ стало создание государственных, кооперативных, акционерных и частных предприятий. В их функции входили снабжение, производственно-техническое обслуживание, строительство, переработка и реализация продукции. Предусматривалось оказание безвозмездной финансовой помощи семьям, переселяющимся в сельскую местность для организации КФХ²³. Для оплаты государственной пошлины фермерским хозяйствам и сельскохозяйственной кооперации при нотариальном оформлении ими залога для получения кредитов в Русском земельном банке вводился ряд льгот. Примечательно, но чтобы заинтересовать молодых граждан, обсуждался вопрос об условиях призыва и порядка прохождения срочной военной службы гражданами РСФСР, являющимися членами КФХ.

²¹ Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/670> (дата обращения: 20.12.2022).

²² Постановление Совета Министров РСФСР от 14 июня 1991 г. № 331 «О дополнительных мерах по развитию крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов в РСФСР». URL: <https://base.garant.ru/2108110/> (дата обращения: 20.12.2022).

²³ Постановление Правительства РФ от 24 января 1992 г. № 44 «О мерах государственной поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств». URL: <https://base.garant.ru/2108326/> (дата обращения: 20.12.2022).

В начале 1993 г. встал вопрос о повышении квалификации лиц, занятых в КФХ. Практика первых лет показала слабость тех хозяйств, где фермеры не обладали соответствующими знаниями. Для организации их подготовки было принято Постановление Совета Министров — Правительства РФ «Об утверждении Государственной программы подготовки фермеров в Российской Федерации»²⁴. Согласно документу при подведомственных учебных заведениях создавались центры переподготовки и повышения квалификации фермеров, фермеров-инструкторов, преподавателей. В колледжах и других средних специальных учебных заведениях рекомендовалось пройти подготовку фермерам из числа молодежи — не менее 5 тыс. чел., в профтехучилищах — 2 тыс. чел.

В результате государственной поддержки к 1 июня 1991 г. в Российской Федерации было организовано более 24 тыс. фермерских хозяйств. Им передали около 1 млн га сельхозугодий.

С принятием Постановления Правительства РСФСР «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» в регионах России началось преобразование колхозов и совхозов в акционерные общества и ассоциации малых товаропроизводителей²⁵. В Радищевском районе Ульяновской области в 1992 г. были созданы два акционерных общества — «Сызранское» и «Терешанское». Однако, следует отметить, что совхозы «Ореховский», «Южный», «Берёзовский» и колхоз «Дружба» согласно постановлению области реорганизации не подлежали, поскольку являлись специализированными семеноводческими хозяйствами.

Благодаря перераспределению земель в 1991 г. в районе были созданы три КФХ, еще три находились в стадии организации. К апрелю 1992 г. в Радищевском районе было зарегистрировано 21 фермерское хозяйство. Им выделили 821 га земли, из которых 635 га составляла пашня²⁶. К сентябрю 1992 г. в Радищевском районе насчитывалось уже 32 таких хозяйства. Им было выделено 1 155 га пашни. Средний размер земельного участка составил 44 га²⁷. Все чаще главы фермерских хозяйств обращались в банки для получения кредитов.

Большую помощь оказывал Российский республиканский сельскохозяйственный банк (Россельхозбанк), который предлагал два вида кредита — долгосрочный и краткосрочный. Из российского бюджета деньги поступали специально на цели развития КФХ. Так, в первом квартале 1992 г. банк получил 1,4 млн руб., во втором — 1,0 млн руб. Хотя из 17 фермерских хозяйств района, имеющих счета в Россельхозбанке, только три захотели взять ссуды. Сумма кредитов была различной и использовалась в первую очередь на приобретение необходимой сельскохозяйственной техники. Например, один из первых фермеров Радищевского района В. П. Михайлов, проживающий в с. Вязовка, организовал КФХ в апреле 1991 г. К

²⁴ Постановление Совета Министров — Правительства РФ от 5 февраля 1993 г. № 103 «Об утверждении Государственной программы подготовки фермеров в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/2108565/> (дата обращения: 20.12.2022).

²⁵ Постановление Правительства РСФСР от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». URL: <https://base.garant.ru/10104699/> (дата обращения: 20.12.2022).

²⁶ Шарохин С. Земля для фермеров // Восход. 1992. 25 апр.

²⁷ Стужин Н. В итоге девяти месяцев // Восход. 1992. 3 нояб.

апрелю 1992 г. он имел долгосрочных кредитов на сумму 509 тыс. руб. Деньги пошли на приобретение тракторов ДТ-75, Т-150, МТЗ-80, сельхозинвентаря, а также автомашины ЗИЛ-131. Часть денежных сумм была потрачена на закупку коров и молодняка²⁸. Фермер А. В. Романов из с. Соловчиха долгосрочный кредит в размере 489 186 руб. потратил на покупку автомобиля УАЗ-3303 и трактора МТЗ-82. На краткосрочный кредит были закуплены семена.

На организацию хозяйства фермер из пос. Радищево К. Т. Мурсалимов взял кредит в размере 700 тыс. руб. Чтобы выплатить проценты по кредиту, фермеру пришлось дополнительно заниматься перевозкой грузов. Несмотря на имеющуюся у него сельскохозяйственную технику (ДТ-75М, Т-40М, самосвал ГАЗ-САЗ-3507, культиватор, сеялка, плуг), по выражению самого фермера: «Пока хвалиться нечем». Чтобы облегчить свой труд, К. Т. Мурсалимов объединился с другом Рахматуллин, образовав совместное хозяйство «Полесье». Площадь земельных угодий объединения составила 100 га.

В декабре 1992 г., выйдя из колхоза «Красная звезда», братья Карповы и Николай Фомин организовали родственное КФХ. Для этого колхоз «Красная звезда» выделил им 148 га земли, 120 овец, 30 голов крупного рогатого скота, старый трактор ДТ-75 и трактор Т-40, позже комбайн «Нива», ЖВМ-6. Фермеры посеяли многолетние травы (5 га), яровую пшеницу, ячмень, овес, подсолнечник.

К сожалению, не все, желающие стать фермерами, смогли выдержать испытания. Фермер В. А. Коновалов из с. Верхняя Маза зарегистрировал хозяйство в 1991 г. Взял 5 га земли, позже ему выделили еще 10 га. На 4 тыс. руб. (по ценам того времени) купил трактор Т-40. Но в результате резкого взлета цен в 1992 г. фермеру пришлось отказаться от покупки культиватора, сеялки и другой сельскохозяйственной техники. Кредит взять побоялся. Пришлось просить культивировавших неподалеку механизаторов помочь обработать участок. За культивацию 5 га ему в конторе начислили 700 руб., и фермер предложил управляющему использовать площадь земли по своему усмотрению. Фермерское хозяйство В. А. Коновалова не получило развития. Позже он скажет: «Перспективы не вижу. Может, при лучших временах фермерство разовьется»²⁹. Фермеру А. А. Кузьяеву даже сделали замечание на неэффективное использование земли и потребовали от него в срок до 10 октября 1992 г. обработать земельный участок и в дальнейшем обеспечить использование земли согласно разработанной программе³⁰.

Поддавшись информационному потоку, льющемуся со страниц газет о перспективности фермерства, многие регистрировались в качестве КФХ, не имея материальных ресурсов. Например, Сергей Ризаев из с. Мордовская Карагужа, став фермером в начале 1990-х гг., получил 20 га земли, но как поступать дальше не знал: у него не было ни семян, ни техники, ни удобрений, ни денег, ни даже дома с подворьем³¹. Многие начинающие фермеры не имели удостоверения тракториста или комбайнера.

²⁸ Шарохин С. Кредиты для фермеров // Восход. 1992. 28 апр.

²⁹ Серяков В. Как живешь, фермер? Ощущение свободы приятно // Восход. 1992. 4 июля.

³⁰ Как идет земельная реформа // Восход. 1992. 3 сент.

³¹ Серяков В. Где дисциплина, фермеры? // Восход. 1993. 23 февр.

Для поддержания фермерского движения в Радищевском районе в начале 1990-х гг. при содействии райисполкома была создана ассоциация КФХ, ее председателем был избран В. П. Михайлов. В 1995 г. исполнительным директором ассоциации стал С. А. Волков. Кроме фермеров в собраниях в разные годы принимали участие инспектор гостехнадзора районного управления сельского хозяйства и продовольствия Ю. А. Васильев (1992 г.), начальник отдела капитального строительства А. П. Бухаров (1992 г.), начальник районного управления сельского хозяйства и продовольствия А. А. Щелков (1995 г.), а также А. Н. Забарака (районный отдел государственной статистики), М. А. Кондратьев (консультант представительства фонда соцстраха), Н. И. Елянюшкин (налоговая инспекция). На одном из собраний ассоциации КФХ в начале декабря 1995 г. присутствовали заместители председателя Ульяновского крестьянского союза В. Н. Гаврютин и Г. Ф. Чичин.

На собраниях заслушивали отчеты представителей государственных органов, выслушивали мнения фермеров, давали консультации, как и где зарегистрировать приобретенную технику, где лучше и дешевле заказать проектно-сметную документацию, разбирали проблемы крестьянских хозяйств. Избирали делегации на областные конференции. Так, в 1995 г. на конференцию Ульяновского крестьянского союза были избраны Т. Мельникова, В. Баранов, С. Волков, Я. Ямоллов, А. Романов.

Остро на крестьянских собраниях стоял вопрос о росте цен на технику и строительные материалы. Многие фермеры говорили, что им выделялась не та земля, которую хотелось бы получить, что не помогают колхозы и совхозы, считая КФХ чужеродными. Несмотря на важность вопросов, не все фермеры изъявляли желание присутствовать на данных собраниях. Часто на районные собрания приезжало менее половины фермеров, иногда всего 5 — 6 чел., хотя о дате проведения мероприятий сообщалось через районную газету «Восход» и местное радиовещание.

Тем не менее, несмотря на все трудности, в первой половине 1990-х гг. следует отметить деятельность таких фермеров, как В. Баранов, А. А. Губкин, М. И. Гаврилин, И. А. Колесов, Карповы и Н. Фомин, Л. Г. Лобов, Т. М. Мельникова (с. Адоевщина), М. А. Макаров, К. Т. Мурсалимов, В. П. Михайлов, В. П. Оргеткин (с. Мордовская Карагужа), А. В. Сулов, А. Н. Скворцов, А. В. Романов, Р. И. Рафиков, А. А. Харитонов (с. Панышино), А. М. Ямоллов. В 1999 г. зарегистрировал свое хозяйство в качестве КФХ Р. К. Хабибуллин, появились КФХ «Терешка», «Заречное».

В январе 1993 г. в Радищевском районе насчитывалось 32 фермерских хозяйства. С 1 февраля 1993 г. по начало 1995 г. цифра оставалась на одном уровне — 41. В 1996 г. количество КФХ снизилось до 37. Соответственно объем сельскохозяйственных угодий также сократился: в ноябре 1995 г. 38 хозяйств имели 1 988 га земли, в том числе 1 686 га пашни; в 1996 г. все земельные угодья сократились до 1 904 га, в том числе 1 590 га пашни.

Из-за погодных условий и неурожая в 1995 г. в фермерских хозяйствах урожай собрали лишь с 474 га (616 га посевов списали). Было намолочено 1 834 ц зерна. В 1996 г. фермерские хозяйства района получили 919 т зерна, 328 — маслосемян подсолнечника, 109 — гречихи, 300 т сена. Просо было посеяно на 45 га, его собрано 100 ц. Оценку о развитии КФХ дают показатели урожайности с 1 га. В 1995 г.

урожайность в них была ниже, чем в других хозяйствах, — на круг намолотили всего 3,2 ц. По району же было получено 3,5 ц зерна с 1 га. В 1996 г. урожайность зерна достигла 11,5 ц с 1 га, подсолнечника — 7,6, гречихи — 8,4 ц (2,5 ц в 1995 г.). Хорошие показатели имели хозяйства А. Н. Ямолова, П. Н. Тихонова, А. В. Сулова, Карповых.

В 1996 г. радищевская ассоциация фермеров принимала участие в областных ярмарках, где свою продукцию выставили на продажу хозяйства А. В. Романова, М. Ю. Мустакаева, Т. М. Мельниковой, И. А. Колесова.

В большинстве своем все фермерские хозяйства Радищевского района занимались растениеводством. Однако встречались хозяйства, где разводили крупный рогатый скот, свиней, овец. На 1995 г. во всех фермерских хозяйствах насчитывалось 52 коровы, 79 овец, 56 свиней. С начала года получено 1 320 ц молока. Всех видов скота в живом весе было реализовано 402 ц³². Через год количество голов крупного рогатого скота увеличилось до 95, свиней — до 195, овец — до 65. За 1996 г. было надоено 1 675 ц молока, реализовано 525 ц всех видов скота в живом весе, настрижено 112 кг шерсти³³. Конечно, в масштабах всего сельского хозяйства района эти показатели незначительные, поскольку фермерские хозяйства только делали первые шаги в развитии отрасли.

Заключение

Фермерское движение в Радищевском районе в 1990-е гг. имело отличительные черты, выражающиеся в первую очередь в географическом положении. Обилие сельскохозяйственных угодий изначально определило перспективность развития КФХ в районе. Однако тяжелое социально-экономическое положение в стране не способствовало их полноценному развитию. Отсутствие четкой работы сельских Советов также негативно отразилось на общем состоянии хозяйств. К тому же не во всех сельских Советах была налажена работа по оформлению документов на право пользования, владения землей или на передачу ее в собственность (например, Волчанский, Вязовский, Дмитриевский сельские Советы). Слабо вела работу районная ассоциация КФХ в части распределения льготных кредитов, в том числе кредитов под залог имущества и урожая текущего года. Почти все руководители фермерских хозяйств одной из главных проблем видели повышение цен на горюче-смазочные материалы и дороговизну сельскохозяйственной техники. Проблемы возникали и со сбытом продукции. Отсюда в некоторых КФХ можно было нередко увидеть заросли сорняков на посевах сельскохозяйственных культур.

В целом, проблемы КФХ можно выразить тезисами, изложенными в работе В. Ф. Стукача и Е. В. Коваленко [10, с. 27 — 28]:

- мелкие сельскохозяйственные предприятия имеют относительно небольшое число поставщиков и, следовательно, малые возможности выбора;
- чем меньше сельскохозяйственное предприятие, тем меньше объемы его закупок, а это, как правило, означает более высокие цены;
- накладные расходы выше, чем у крупных предприятий.

³² Собрание членов фермерских хозяйств // Восход. 1995. 7 дек.

³³ Андреев В. Собрание фермеров района // Восход. 1996. 30 нояб.

Таким образом, развитие КФХ в Радищевском районе Ульяновской области было возможно в 1990-е гг. только при условии увеличения площадей обрабатываемой земли. Иначе такие хозяйства не выдерживали конкуренции с крупными сельскохозяйственными организациями в условиях рыночных отношений. Тем не менее многие фермерские хозяйства, в том числе Радищевского района Ульяновской области, прошли испытания и сумели преодолеть трудности 1990-х гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аграрные отношения: выход из тупика / [Л. В. Никифоров, С. К. Орловская, Т. Е. Кузнецова и др.]. М.: Наука, 1991. 248 с.
2. Баландин Ю. С. Крестьянское хозяйство. М.: Агропромиздат, 1992. 80 с.
3. Ефимова А. А., Силакова М. А. Земельная реформа в России: история и современность // ЭКО. 2012. № 11. С 174 — 183.
4. Кудряшов В. И., Кузьминская С. С., Ивлев М. В. Крестьянское хозяйство в системе многоукладной аграрной экономики. М.: [б. и.], 2005. 242 с.
5. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х — 90-х годы XX столетия) / [Е. С. Строев и др.]; под ред. Е. С. Строева. М.: Колос, 2001. 620 с.
6. Никольский А. С. Аграрный курс России (Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах). М.: КолосС, 2003. 376 с.
7. Петренко И. Я., Чужинов П. И., Исмуратов С. Б. Экономика крестьянского хозяйства. М.: Интерпракс, 1995. 328 с.
8. Пути аграрного возрождения / В. Ф. Башмачников, Ю. М. Бородай, И. И. Ершова, С. А. Никольский. М.: Политиздат, 1991. 256 с.
9. Сазонов С. Н. Социально-экономические проблемы развития фермерского движения. Тамбов: Изд-во Междунар. информ. Нобелев. центра, 1995. 64 с.
10. Стукач В. Ф., Коваленко Е. В. Мониторинг деятельности крестьянских хозяйств в условиях рынка: моногр. Омск: ИПЦ «Сфера», 2005. 160 с.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

Информация об авторе:

Денис Евгеньевич Бузаев, аспирант кафедры отечественной истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова (432071, Россия г. Ульяновск, площадь Ленина, 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5262-9917>, buzaev_76@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Nikiforov LV. Agrarian Relations: Breaking the Deadlock. Moscow;1991. (In Russ.)
2. Balandin YuS. Peasant Economy. Moscow;1992. (In Russ.)
3. Efimova AA, Silakova MA. Land Reform in Russia: History and Modernity. *ECO*. 2012;(11):174—183. (In Russ.)
4. Kudryashov VI, Kuzminskaya SS, Ivlev MV. Peasant Economy in the System of a Multi-Layered Agrarian Economy. Moscow;2005. (In Russ.)

5. Stroeв EU. Multi-Layered Agrarian Economy and the Russian Village (Mid-80s — 90s of the Twentieth Century). Moscow;2001. (In Russ.)
6. Nikolsky AS. The Agrarian Course of Russia (the Worldview of Reformers and the Practice of Agrarian Reforms in Socio-Historical, Economic and Philosophical Contexts). Moscow;2003. (In Russ.)
7. Petrenko IYa, Chuzhinov PI, Ismurotov SB. The Economy of the Peasant Economy. Moscow;1995. (In Russ.)
8. Bashmachnikov VF. Ways of Agrarian Revival. Moscow;1991. (In Russ.)
9. Sazonov SN. Socio-Economic Problems of the Development of the Farmer Movement. Tambov;1995. (In Russ.)
10. Stukach VF, Kovalenko EV. Monitoring the Activities of Peasant Farms in Market Conditions: Monograph. Omsk;2005. (In Russ.)

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Information about the author:

Denis E. Buzaev, Postgraduate Student of the Department of National History, Ilya Ulyanov State Pedagogical University (4 Lenin Square, Ulyanovsk 432071, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5262-9917>, buzaev_76@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 975.174.2
EDN LACSRW

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАСКОПОК РЯЗАНО-ОКСКОГО МОГИЛЬНИКА УНДРИХ 1983 г.

А. П. Гаврилов^{1,2}, А. С. Семёнов³✉

¹ Российская Академия Естествознания, г. Москва, Россия

² Музейный историко-культурный комплекс Шиловского муниципального района
Рязанской области, г. Шилово, Россия

³ Проект «ДНК-история России», г. Москва, Россия

✉ semyonov1980@mail.ru

Аннотация

Введение. Изучение рязано-окской культуры идет уже более 100 лет. Ее основной ареал — средняя Ока, с существенной тенденцией доминирования в Волго-Окском междуречье с начальных веков нашей эры до середины VII столетия. Эта работа — одна из первых, посвященных изучению ДНК рязано-окской культуры в контексте миграций и процессов этногенеза. Авторы делают попытку применить методы исследования ДНК для подтверждения миграционных и этнических процессов, отслеживаемых археологически.

Материалы и методы. Настоящая работа — одна из первых по изучению ДНК рязано-окцев в контексте миграционных и этнических процессов. Авторский коллектив ставит перед собой задачу поиска механизма применения ДНК-исследований в археологии и корреляции этнических процессов указанного отрезка истории нашей страны.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ ДНК пяти рязано-окских индивидуумов позволил вынести оценочные заключения о следующих ветвях. Два индивидуума принадлежат к сибиро-пермской ветви N1b и к условно кавказско-поволжскому варианту J2a. Три других принадлежат к ветвям N1a-preL550 (2 индивидуума) и R1a-CTS3402 (1 индивидуум), которые говорят о миграциях носителей с Северо-Запада и Центра Европы. Ветвь N1b может быть ассоциирована с носителями из финно-угорского языкового ареала, ветвь R1a-CTS3402 — с носителями-выходцами из ареала балтославянских языков. Ветви N1b и J2a (последняя достаточно характерна для Кавказа и Южного Поволжья) могут быть связаны с постсарматскими миграциями в Волго-Окское междуречье, давшими импульс формированию рязано-окской культуры. Ветвь N1a-preL550 коррелирует с северо-западными связями рязано-окцев, идущими до Эстонии и далее, на Балтику.

Заключение. Первое проведенное исследование показало сложность и многогранность происхождения рязано-окцев, причем наметились «следы», отражающие и пост-сарматский след в их формировании, и участие восточноевропейского населения.

Благодарности: проект «ДНК-история России» благодарит проект «Сердце Мещеры» и персонально А. Артюхина и Ю. Белоусова за решающий вклад в финансирование программы исследований, а также В. Савранского, К. Неверову, В. Крупнову, Н. Макогонову, К. Сметанина, М. Воинова, А. Молокову, С. Ковалеву, А. Симонова, М. Комову, А. Шереметьеву, А. Семенова, О. Мокрушину, Е. Олейникову, Н. Липатникову, О. Тиняева, Г. Цветкова за содействие и поддержку в процессе осуществления исследования.

Ключевые слова: ДНК, Y-гаплогруппа, культура рязано-окских могильников, Шилово, готы, древние захоронения, угро-финны, праславяне

© Гаврилов А. П., Семёнов А. С., 2023

Для цитирования: Гаврилов А. П., Семёнов А. С. Генетические исследования материалов из раскопок рязано-окского могильника Ундрих 1983 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 139 — 165. EDN LACSRW

Original article

GENETIC RESEARCH OF MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS OF THE RYAZAN-OKA UNDRICH BURIAL GROUND 1983

A. P. Gavrilov^{1,2}, A. S. Semenov³✉

¹ Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia

² Historical and Cultural Museum Complex of the Shilovsky District
of the Ryazan Oblast, Shilovo, Russia

³ DNA History of Russia Project, Moscow, Russia

✉semyonov1980@mail.ru

Abstract

Introduction. The study of the Ryazan-Oka culture has been going on for more than 100 years. Its main area is the Middle Oka, with a significant trend of dominance in the Volga-Oka interfluvium from the early centuries of our era to the middle of the VII century. This work is one of the first devoted to the study of the DNA of the Ryazan-Oka culture in the context of migrations and ethnogenesis processes. The authors make an attempt to apply DNA research methods to confirm the migration and ethnic processes tracked archaeologically.

Materials and methods. This work is one of the first to study the DNA of the Ryazan-Oka people in the context of migration and ethnic processes. The team of authors sets itself the task of finding a mechanism for the application of DNA research in archaeology and correlation of ethnic processes of the specified segment of the history of our country.

Results and discussion. DNA analysis of five Ryazan-Oka individuals allowed us to make conclusions about the following branches. Two individuals belong to the Siberian-Permian branch N1b and to the conditionally Caucasian-Volga variant J2a. The other three belong to the branches N1a-preL550 (2 individuals) and R1a-CTS3402 (1 individual), speak of carrier migrations from the Northwest and Central Europe. The N1b branch can be associated with native speakers from the Finno-Ugric language area, the R1a-CTS3402 branch can be associated with native speakers from the area of the Balto-Slavic languages. Branches N1b and J2a (the latter is quite characteristic of the Caucasus and the Southern Volga region) may be associated with post-Sarmatian migrations to the Volga-Oka interfluvium, which gave impetus to the formation of the Ryazan-Oka culture. The N1a-preL550 branch correlates with the northwestern links of the Ryazan-Oka people, reaching as far as Estonia and further to the Baltic.

Conclusion. The first study showed the complexity and diversity of the origin of the Ryazan-Oka people, and there were traces reflecting both the post-Sarmatian trace in their formation and the participation of the Eastern European population.

Acknowledgement: the DNA History of Russia Project would like to thank the Heart of Meshchera Project and personally A. Artyukhin and Yu. Belousov for their decisive contribution to funding of the research program, as well as V. Savransky, K. Neverova, V. Krupnov, N. Makogonova, K. Smetanin, M. Voinov, A. Molokova, S. Kovaleva, A. Simonov, M. Komova, A. Sheremetyeva, A. Semenov, O. Mokrushina, E. Oleinikova, N. Lipatnikova, O. Tinyaev, G. Tsvetkov for assistance and support in the research process.

Keywords: DNA, Y-haplogroup, culture of Ryazan-Oka burial grounds, Shilovo, Goths, ancient burials, Ugro-Finns, proto-Slavs

For citation: Gavrilov AP, Semenov AS. Genetic Research of Materials from the Excavations of the Ryazan-Oka Undrich Burial Ground 1983. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):139—165. EDN LACSRW

Введение

Рязано-окская культура представляет собой милитаризованное разноплеменное объединение, которое наряду со Старой Ладогой можно считать одним из протогосударственных образований на территории Центральной России. Носители рязано-окской культуры, видимо, говорили на разных языках — балтославянских, финно-угорских, восточногерманских, иранских — и вошли в состав предков русских, мокши, эрзи, марийцев, касимовских татар. Рязано-окское население послужило одним из базовых для сложения мери, муромы, мешеры, мордвы-шокши, отчасти верхневолжских кривичей, рязанских и подмосковных вятичей.

В период Великого переселения народов и Раннего Средневековья на территории Волго-Окского междуречья несомненный интерес для изучения представляет археологическая культура рязано-окских могильников. Ее изучение насчитывает более 100 лет. Основной ареал рязано-окской культуры — Среднее Поочье с существенной тенденцией доминирования в Волго-Окском междуречье с первых веков до 60-х гг. VII в. н. э.

Обзор литературы

Сегодня изучение рязано-окской культуры вышло далеко за пределы непосредственно археологии с привлечением смежных научных дисциплин, что обеспечивает все более комплексный подход. Уже с середины XX в. Т. А. Кравченко на материале Шатрищенского могильника (Спасский район Рязанской области) применила метод графической реконструкции костюмов через этнографические параллели [30]. В 1983 г. А. Н. Гавриловым был воссоздан рязано-окский костюм по материалам раскопок могильника Ундрих. В 1999 г. А. Фомин и О. Лавочкина представляли на конференциях в Москве и Санкт-Петербурге (в Эрмитаже) реконструкции костюма, подготовленные в Шиловском музее. В 2005 г. на материалах Никитинского могильника (Спасский район Рязанской области) были применены методы изучения технологий литья, текстильного производства, осуществлен химический анализ стеклянных и металлических изделий [16]. Чуть позже одним из авторов были проведены металлографические исследования клинкового оружия [19; 20]. Позднее в свет вышла масштабная статья по изучению ювелирных технологий носителей рязано-окской культуры [8].

В 2021 г., первом году в рамках исследований НИР «Эволюционный континуум рода Ното» по разделу «Антропология древних и современных популяций», в Центре физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН была выполнена реконструкция по черепу внешнего облика воина V в. н. э. (погребение Ундрих 2015, яма 90) [15].

Задача этой статьи — введение в научный оборот материалов раскопок А. Н. Гаврилова 1983 г. на могильнике Ундрих (Шиловский район Рязанской области) в контексте исследований ДНК, а также культурных и исторических параллелей инвентаря погребений.

Могильник Ундрих был впервые открыт в 1895 г. В. А. Городцовым. В 1929 г. осматривался шиловским краеведом Л. А. Кленовым. В 50-е гг. XX в. поверхность дюны была засажена лесом. Лесонасаждение сопровождалось интенсивным перепаживанием верхних горизонтов почвы: культурный слой на поселении Борок 10 полностью перемешан, а наиболее мелкие могилы, прежде всего детские, были

разрушены. Вновь памятник был открыт А. Н. Гавриловым в 1976 г. благодаря информации, полученной от жителей с. Борок Евгения Захаркина и Юрия Климова.

Памятник находится в междуречье Пары и Тырницы, правых притоков Оки, и представляет собой уникальную археологическую зону (рис. 1), в которую входят поселения, городище, крепость, два святилища и несколько могильников.

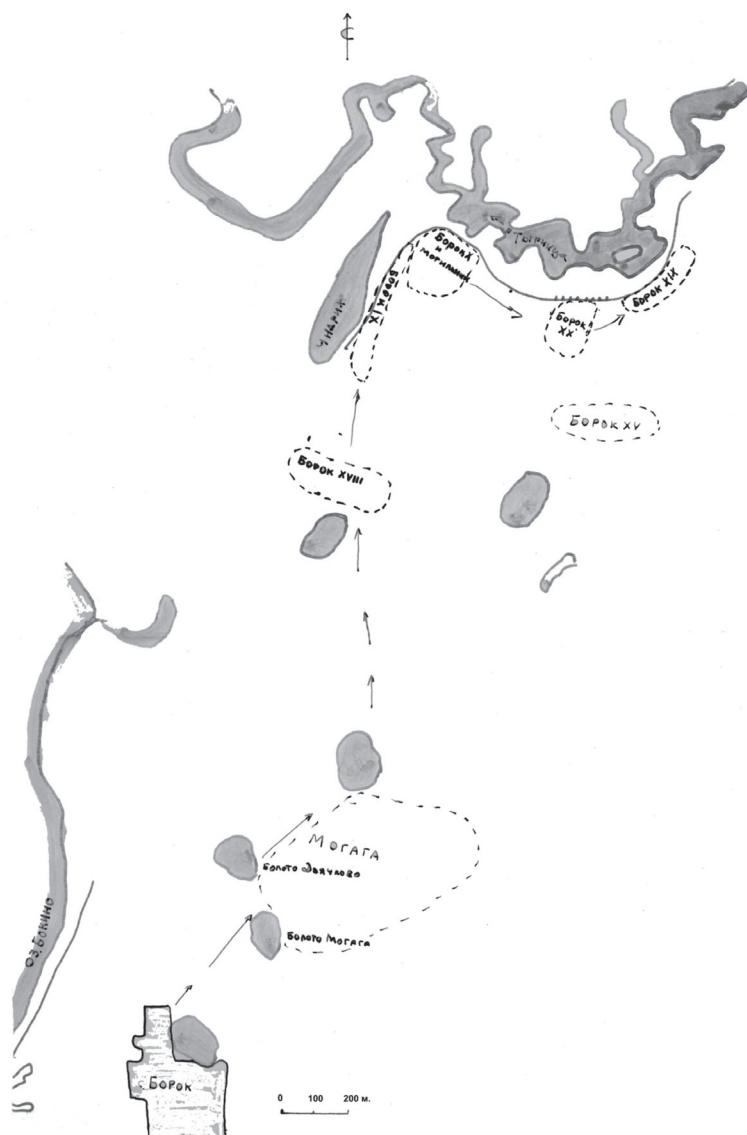

Рис. 1. Ситуационный план обследования А. Н. Гавриловым междуречья Пары и Тырницы, 1983 г. (рисунок А. Н. Гаврилова)

Figure 1. Situational plan for surveying by A. N. Gavrilov the interfluvium of the Para and Tyrnitsa rivers, 1983 (Figure A. N. Gavrilov)

С Ундрихом у жителей Борка связано много народных поверий, но для полного понимания причин, приведших к разрушению памятника, важно отметить следующее. Во-первых, об Ундрихе имеется местная легенда, в частности о сокровищах, найти которые время от времени делались и делаются попытки. Во-вторых, бытует мнение, что если выкопать здесь яму, прожечь ее костром, а затем устроить в этой яме лежку, то можно излечиться от ревматизма, радикулита и подобных заболеваний. Ундрих всегда считался чудодейственным местом, где «и песок особый, и необыкновенные чудодейственные корни растут».

В числе прочих легенд, хочется отметить, рассказ о том, что на Ундрихе жила мордва, и их девушки ходили к борковским «прясть шерсть». К тому же говорится о кладках, что мордва оставила на Ундрихе. Подобные рассказы привели к тому, что район могильника посещают с различными целями много людей, в основном — жителей окрестных сел, и в результате уже к 1978 г. на северной оконечности могильника насчитывалось до 40 ям разных размеров и конфигурации. В 1978 г. могильник осматривал А. Н. Гаврилов. Была составлена подробная докладная записка в областное отделение ВООПИК о состоянии памятника. Ямы, грозившие разрушением могильнику, были засыпаны.

В 1979 г. на могильнике и поселении Борок 10 исследования продолжились: проведена фото- и топосъемка, сделана зачистка обнажения, собран подъемный материал. По данным разведки составлен паспорт. В том же году начались раскопки могильника экспедицией Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (автор раскопок М. М. Макаров) — вскрыта площадь в 130 м², найдено 20 погребений.

В 1981 г. М. М. Макаров продолжил раскопки могильника: на площади около 187 м² были вскрыты еще 27 погребений. Раскопки привлекли внимание не только жителей окрестных сел, но и коллекционеров древности из Рязани и Шилова. С 1982 г. в районное отделение ВООПИК и Шиловский краеведческий музей стали поступать сведения об участившихся случаях самовольных раскопок. В мае-июне 1983 г. памятник подвергся особенно сильным разрушениям, причем кладоискательские ямы вскрыли могилы, расположенные за пределами той ориентировочной границы могильника, которая была намечена по работам А. Н. Гаврилова и М. М. Макарова. А. Н. Гаврилов обратился в областное отделение ВООПИК с предложениями по организации охранных раскопок могильника. По плану, поддержанному М. М. Макаровым, работы должны были проводиться А. Н. Гавриловым на средства ВООПИК. Однако эти предложения были отклонены, А. Н. Гаврилову предложили ограничиться разведкой могильника (рис. 2) и наметить участки, пригодные для проведения раскопок в 1984 г. В ходе разведки шурфом был вскрыт небольшой участок, расширивший представления о размере могильника (рис. 3).

Материалы и методы

В силу комплексного подхода А. Н. Гаврилова к разведке на могильнике Ундрих была собрана подборка антропологических образцов, послужившая материалом для наших исследований. В нумерации найденных захоронений используются, согласно отчету, два шифра номеров погребений. Номера погребений продолжают начатую в 1979 — 1981 гг. нумерацию. Номера ям соответствуют доисследованным и включенным в отчет кладоискательским ямам, содержащим иногда два разрушенных погребения и более.

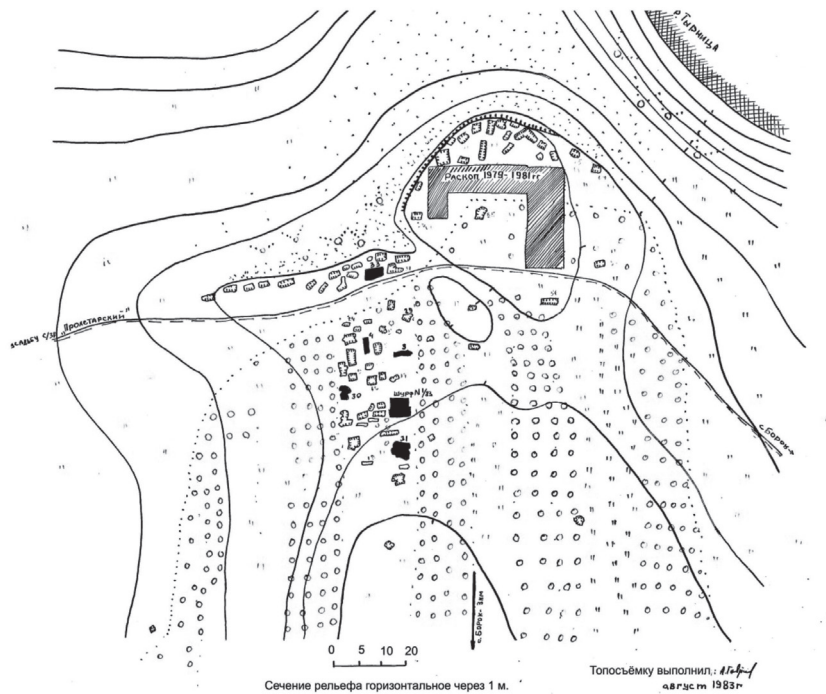

Рис. 2. План могильника Ундрих, 1983 (рисунок А. Н. Гаврилова)
Figure 2. Plan of the burial ground Undrich, 1983 (Figure A. N. Gavrilov)

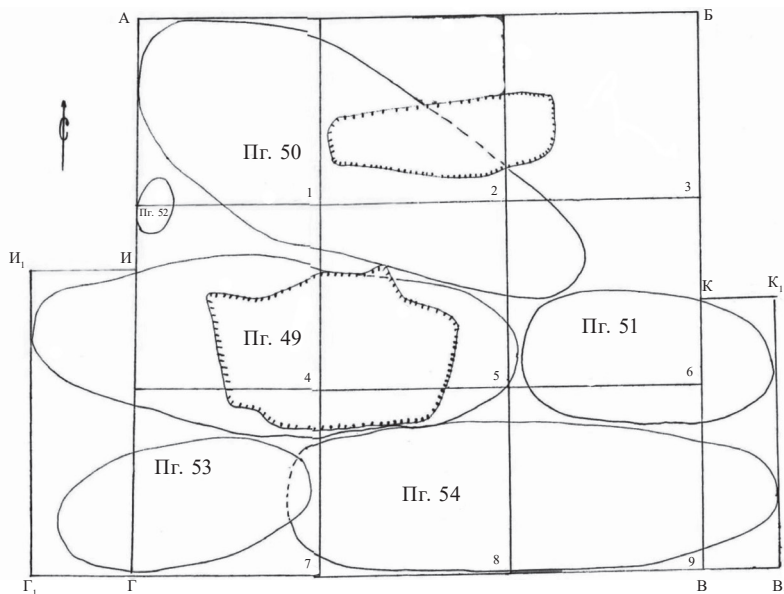

Рис. 3. План раскопа 1983 г. (рисунок А. Н. Гаврилова)
Figure 3. Excavation plan of 1983 (Figure A. N. Gavrilov)

Яма 3 (рис. 4). В комплексе разрушенного мужского погребения ямы 3 имеется сильно прогнутая шпора (рис. 4, 4). Подобные шпоры относятся к поздне римским, максимально распространенным в IV в. [45]. Присутствуют наконечник ремня постсарматского типа (рис. 4, 6), а также рязано-окская крестовидная фибула (рис. 4, 3), которая традиционно относится рядом авторов к этническим и статусным предметам культуры рязано-окских могильников [7], в совокупности с фрагментом ремня шириной 3 см, с круглыми умбоно-

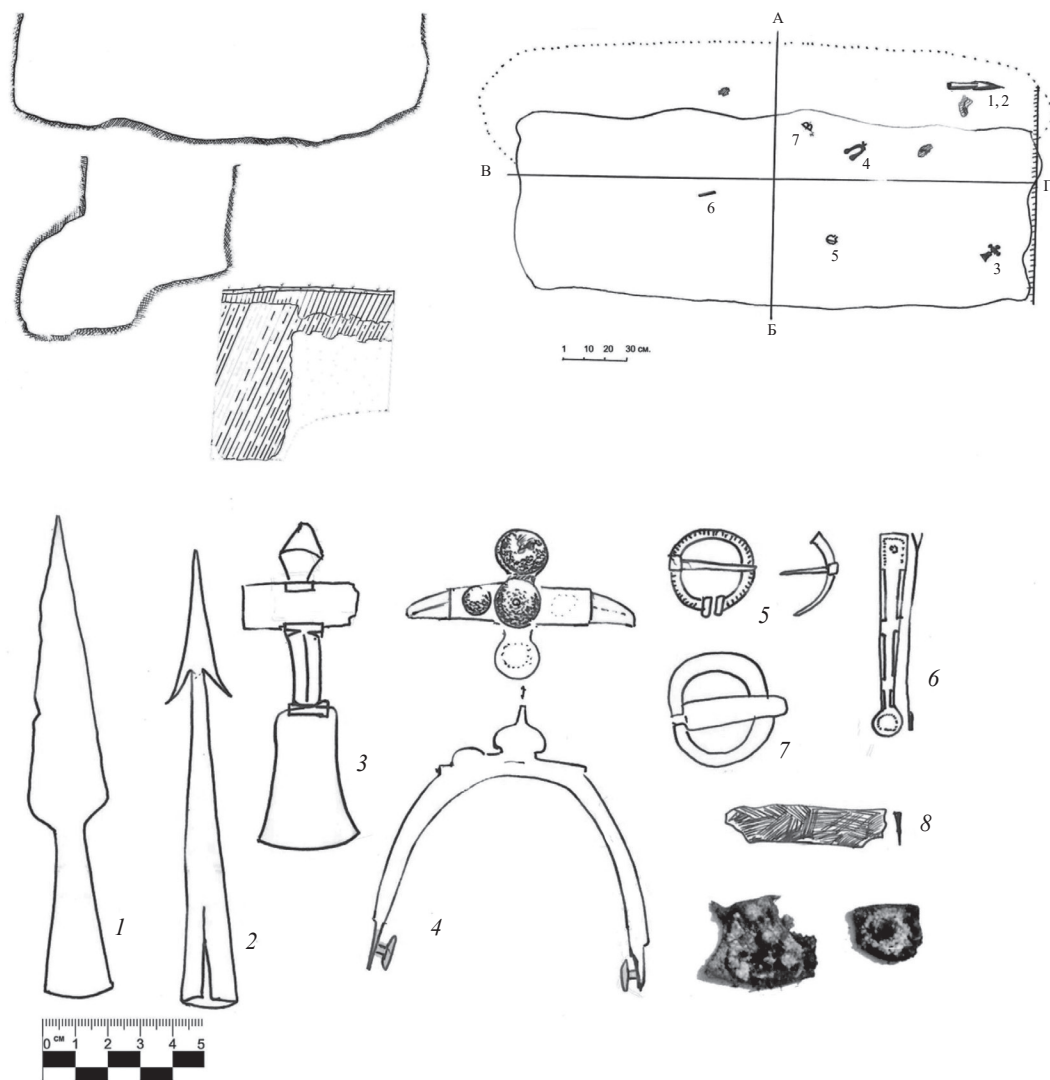

Рис. 4. Яма 3: 1 — наконечник копья; 2 — наконечник дротика; 3 — фибула; 4 — шпора; 5 — сьюльгама; 6 — наконечник ремня; 7 — пряжка; 8 — фрагмент ножа (рисунок А. Н. Гаврилова)

Figure 4. Pit 3: 1 — spear tip; 2 — dart tip; 3 — fibula; 4 — spur; 5 — sulgam; 6 — belt tip; 7 — buckle; 8 — knife fragment (Figure A. N. Gavrilov)

видными бляшками. По краю умбона — насечки. Бляшки крепятся при помощи штифти-
ков. По совокупности «импортов» ареал деятельности носителя очерчивается как Причерно-
морье — Центральная Европа — Прикаспий.

Яма 30 (рис. 5). Основной набор погребения характерен для среднеокских захоронений
финно-угорского круга, исключение составляет серьга (рис. 5, 8) с гладким и недекори-
рованным многогранником в форме куба со скошенными шестнадцатью гранями, длина ко-
торых невелика и не превышает 0,7 см. Многогранник выполнен с четкими и прямыми гра-
нями, острыми ребрами. Размеры кольца от $1,7 \times 1,8$ до $3,4 \times 3,7$ см. Самые ранние серьги
этого варианта были обнаружены на могильнике Лучистое, в склепе 41, а также в Алонии,
на Боспоре, в Заморском, Сиреновой бухте, Старожилово I, Танаисе и Фанагории. Найден-
ные в закрытых комплексах они достаточно точно датируются первой половиной V в. Второй
половиной этого столетия датируются серьги с литым многогранником из Лучистого. К пер-
вой половине VI в. относятся серьги из могильника Карши-Баир I и II, из склепа 110 в Лучи-
стом. В первом случае серьги выявлены наряду с фибулами-брошами в форме цикады второй

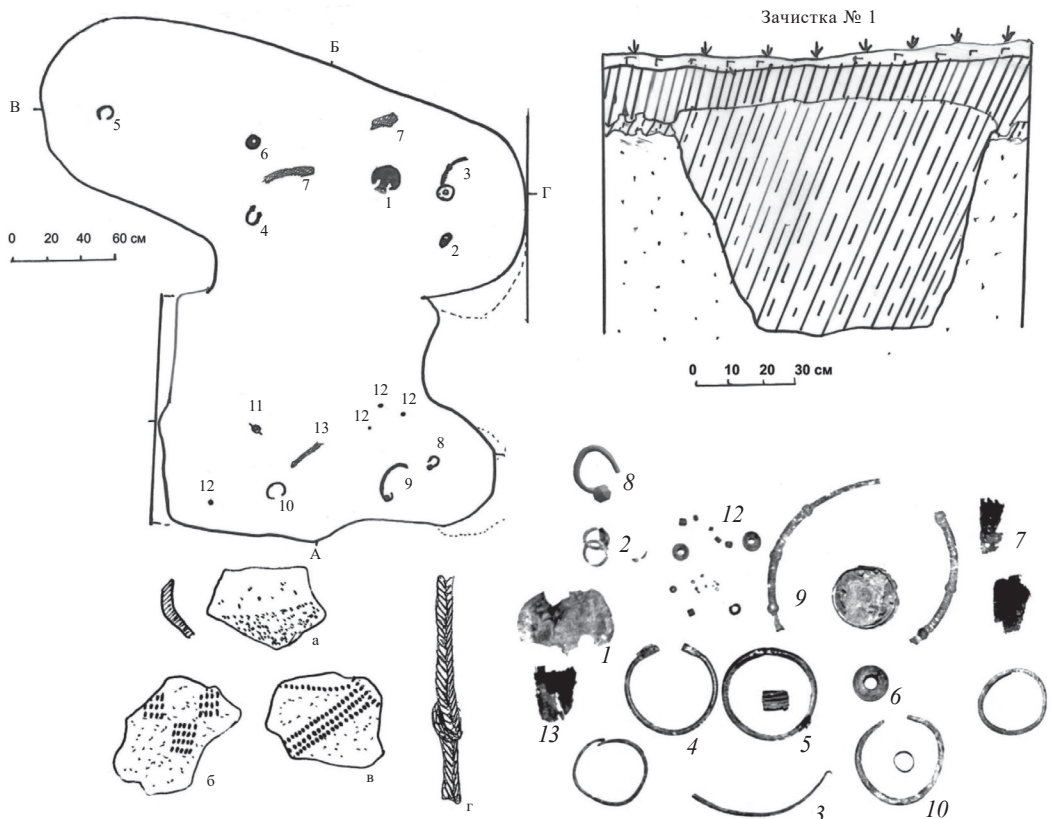

Рис. 5. Яма 30: 1 — лунница; 2, 8 — серьги; 3, 9 — гривны; 4, 5, 10 — браслеты;
6 — пряслице; 7, 13 — ткань; 11 — перстень; 12 — бисер (рисунок А. Н. Гаврилова)

Figure 5. Pit 30: 1 — lunar-shape decoration; 2, 8 — earrings; 3, 9 — neck bracelets;
4, 5, 10 — bracelets; 6 — whorl; 7, 13 — fabrics; 11 — ring; 12 — beads (Figure A. N. Gavrilov)

половины V — первой половины VI в. и пряжкой с овальным кольцом и щитком первой половины VI столетия. В Лучистом рассматриваемое изделие было датировано через овальную массивную пряжку, бытовавшую в Западной Европе в государстве Меровингов в 470/480 — 520/530 гг. и у жителей Подунавья в конце V — первой половине VI в. [40].

Серьги варианта этого типа делали из золота, серебра и бронзы. Золотые серьги найдены только в комплексах первой половины V в., выявленных на территории Боспорского царства. По наблюдению И. А. Сапрыкиной, золотые серьги с многогранником из Фанагории изготовлены литьем в составной форме с последующей ковкой. После отливки заготовка дорабатывалась зубильцем, которым с боковых участков многогранника под углом срезались небольшие треугольные грани. Литая проволоочная дужка серьги перед выгибанием ковалась. Место перехода от многогранника к дужке серьги обрабатывалось резцом. Золото, из которого сделаны серьги, характеризуется большой вариабельностью содержания серебра, что во многом объясняется использованием переплавленного лома ювелирных украшений. Интересно, что почти половина серег с многогранником из боспорских погребений V в. выполнена из золота. Остальные боспорские серьги того времени сделаны в основном из серебра. Пара серег первой половины V в. из Керчи отлита из серебра и позолочена. Однотипные украшения второй половины V — VI вв. изготовлены из бронзы, как и серьга из нашего комплекса, что позволяет существенно сузить датировку до середины V в. [41].

Данный предмет импорта свидетельствует о широких культурных связях рязано-окцев на юге Восточной Европы и, возможно, причастности погребенной к группе мигрантов V в. или контактеров с ними.

Яма 31 (рис. 6) содержала несколько разрушенных погребений. Мужское погребение из этой ямы, вероятно, относилось к элите рязано-окского общества первого социального круга по классификации И. Р. Ахмедова («вождь»). Помимо прочих находок достаточно отметить В-образные вставные петли и зооморфные зажимы от псалий уздечного набора (рис. 6, а). Общий облик изображений животных (лошадей, лосей или драконов?) представляет собой упрощенный вариант зооморфных изображений из погребения Арахиды, погребения 1782 в Krefeld-Geller, погребения короля Хильдерика, погребения 319 в Lavoue [50; 51]. Эти наборы не являются единичными предметами западного импорта в Центральной России. Имеется целый пласт находок второй половины V — начала VI в., в первую очередь относящихся к предметам воинского обихода, которые свидетельствуют о вовлеченности данного региона в события эпохи распада гуннской державы и образования «варварских» королевств [28]. Это довольно точно маркирует центрально-европейский импульс. Так, в погребении 31 (которое входит в большой родовой ряд с погребением 33) яма, вероятно, разрушила семейную группу, в связи с чем уместно упомянуть происходящую из нее подвеску ведроквидной формы (рис. 6, б). По материалам более чем 3 000 изученных погребений носителей культуры рязано-окских могильников известно всего 6 находок. Две происходят из материалов погребений Кораблино 16 и Заречье 99 [13], три найдены на могильнике Ундрих, одна подвеска происходит из случайных сборов с могильника 2 у с. Борок. Эти подвески появляются на памятниках Северного Причерноморья с конца II — I вв. до н. э. [11; 29]. Известны они и на территории вельбарской и пшеворской культур [11]. Близкие по форме подвески получили широкое распространение в черняховских могильниках Долиняны, Ружичанка, Данчены, Косаново, Оселивка, Горошевцы, Лохвицкий, Ромашки, Соснова и др. [10; 36; 42], миграцией откуда их и следует считать. И. Р. Ахмедов, проанализировав весь массив ныне сделанных находок, допускает их длительное использование в ойкумене как реликтов от первой половины — середины V в. до середины — третьей четверти VI в. [4].

Рис. 6. Яма 31: 1 — гривны; 2 — браслеты; 3 — накладки; 4 — наконечники ремня;
5 — перстни; 6 — пряжки; 7 — подвески; 8 — сьюлгамы; 9 — серьги; 10 — бусы,
части ожерелья; 11 — обоймица; 12 — пронизи; 13 — нож; 14 — рукоятка; 15 — кружок;
16 — кельт; 17 — копье; 18 — горшок; 19 — органика (ткани); 20 — коса;
21 — меховые изделия (рисунок А. Н. Гаврилова)

Figure 6. Pit 31: 1 — neck bracelets; 2 — bracelets; 3 — linings; 4 — belt tips; 5 — rings;
6 — buckles; 7 — pendants; 8 — sulgams; 9 — earrings; 10 — beads, parts of the necklace;
11 — clip; 12 — pierce; 13 — knife; 14 — handle; 15 — circle; 16 — celt; 17 — spear;
18 — pot; 19 — organics (fabrics); 20 — scythe; 21 — fur products (Figure A. N. Gavrilov)

Примечательно, что в силу высокой сакральности этих подвесок в рязанских находках вернее предположить их распространение с носителями черняховской или мощинской культуры, нежели как предмет заимствования.

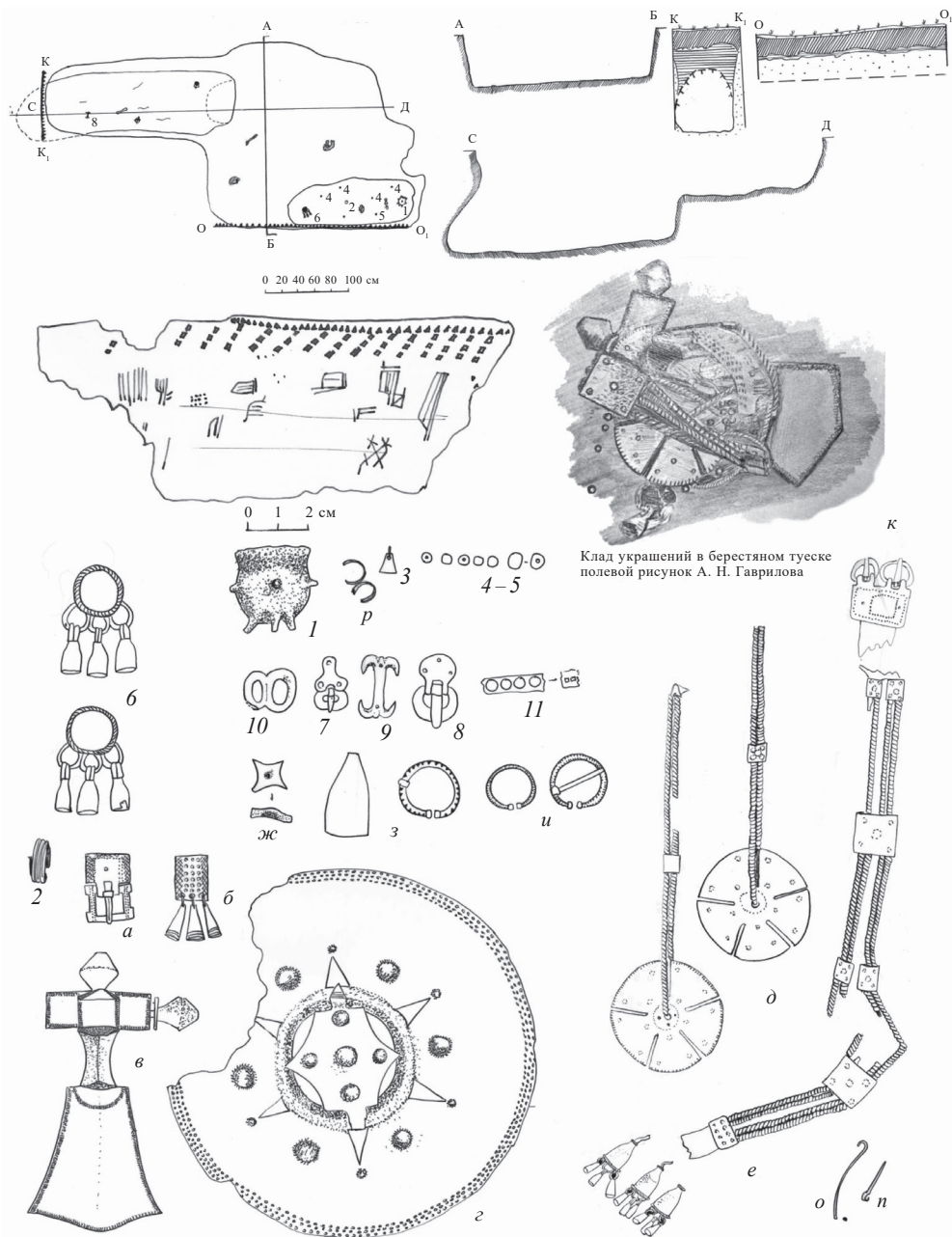
Яма 33 (рис. 7). Погребенный мужчина относится к элите рязано-окского общества по уровню дифференциации и почти наверняка к жреческому сословию — по включению в него «даров» в берестяном тусеке [21].

Наиболее типичной в погребении является X-видная медная накладка (рис. 7, 9), ставшая прародителем серии подобных накладок с орлиными головами на Рязанщине. Литые и прессованные из фольги аналогичные накладки известны в сборах на территории могильников Ундрих, Борок 2 и т. д. Все эти подражания, возможно, имеют местное происхождение (о чем свидетельствует находка матрицы для их штампованного производства, на городище Белые Бугры), условно мы их относим к типам 5, 6, 7. В то же время по внешнему облику бляшка из погребения 33 близка к накладкам из погребения 525 могильника Борок 2, их отличает наличие клювовидных выступов на уплощенных окончаниях. Эти бляшки могут быть дальнейшим развитием накладок гуннского времени, относимых исследователями к типу «Копуловка», широко распространенных в Восточной Европе и имитирующих образцы римского производства, к которой, вероятно, относится и накладка из ямы 33 (например, Сент-Ирине, Трапейн-Лу и др.). Сводка этих находок была опубликована в 1993 г. М. М. Казанским [46]. И. Р. Ахмедов считает, что появление этих элементов поясного набора осуществлялось через продвинувшихся в Верхнее Поочье носителей центрально-европейских традиций [5]. Интереснейшей находкой этого погребения являются остатки берестяного тусека (рис. 7, κ) со знаками [18]. Предварительная корреляция знаков показала, что они находятся на предметах в погребениях, связанных с миграционными процессами и предварительно были отнесены к ранней группе готских рун [22].

Заметим, что внутри тусека был положен комплект женских украшений, а рядом с погребенным мужчиной находилось второе, женское, захоронение (т. е. его жены), что позволяет предположить сакральный характер элементов женского костюма в мужском погребении. Историкографически — это так называемые погребения с дарами [14], или жреческие погребения.

Уместно вспомнить этнографическую аналогию Рязанщины XIX — XX вв., где колдовство было прерогативой женщин, но для мужчин существовала возможность «поколдовать», надев женскую одежду. Поясная гарнитура и уздечные пряжки также имеют множественные центрально-европейские аналоги.

Погребение 49 (рис. 8). Инвентарь типичен для женского захоронения IV в. Внешне погребальный обряд данного комплекса несет в себе пережиток ранних миграционных процессов культуры рязано-окских могильников — всадническое погребение с уздой и ножными пряжками. Выбивающейся чертой из женского комплекса является глиняный сосуд в ногах погребенного, что обычно характерно для мужских комплексов. Объяснение этому дали исследования ДНК образца из этой могилы, которые показали, что погребенный был мужчиной. Подобный биритуализм известен в материалах культуры рязано-окских могильников [21]. Не исключено, что указанное явление корнями уходит в «саргатское прошлое» части предков рязано-окской культуры. Так, В. А. Могильников, отметил однообразие погребального инвентаря, которое «затрудняет половое разграничение погребенных» [33]. Вероятно, данное захоронение отражает процесс «перехода» жреческих функций в рязано-окской среде от женщины к мужчине, известного по сходным процессам у сармат в III в. н. э. [43]. Там аналогичный процесс наглядно рассмотрен на примере помещения сначала в женские, а потом и в мужские захоронения ритуальных треножников. Отметим,

Клад украшений в берестяном туеске
полевой рисунок А. Н. Гаврилова

Рис. 7. Яма 33: 1 — сосудик; 2 — перстень; 3 — трапециевидная подвеска;
4, 5 — бусы; 6 — подвеска; 7, 8, 10 — пряжки; 9 — накладка; 11 — ремешки от уздечки
(рисунок А. Н. Гаврилова)

Figure 7. Pit 33: 1 — vessel; 2 — ring; 3 — trapezoid pendant; 4, 5 — beads; 6 — pendant;
7, 8, 10 — buckles; 9 — overlay; 11 — straps from the bridle (Figure A. N. Gavrilov)

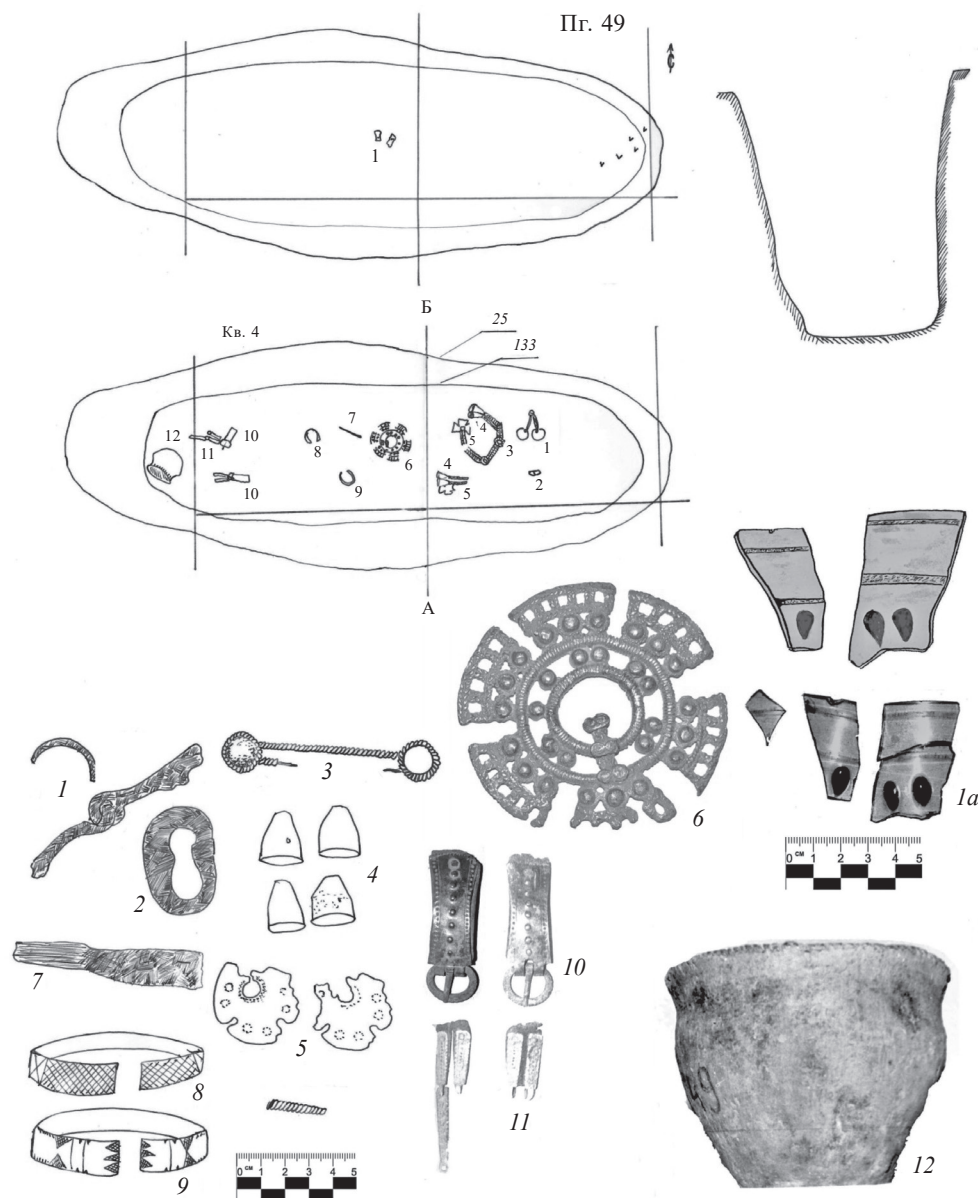

Рис. 8. Погребение 49: 1 — удила; 2 — пряжка; 3 — венчик: пронизы и умбовидные бляшки; 4 — колокольчатые подвески; 5 — трехлопастная подвеска; 6 — бляха; 7 — нож; 8 — браслеты; 9 — фрагмент стеклянного сосуда (рисунок А. Н. Гаврилова); 10 — пряжки; 11 — наконечники ремня; 12 — горшок; 13 — фрагменты разбитого сосуда (рисунок А. Н. Гаврилова)

Figure 8. Burial 49: 1 — bit; 2 — buckle; 3 — rim: pierced and umbon-shaped plaques; 4 — bell-shaped pendants; 5 — three-lobed pendant; 6 — plaque; 7 — knife; 8 — bracelets; 9 — glass fragment vessel; 10 — buckles; 11 — belt tips; 12 — pot; 13 — fragments of a broken vessel (Figure A. N. Gavrilov)

что треножники и факелы имеют место в материалах культуры рязано-окских могильников из находок на Ундрихе¹, Городищенском могильнике [23], а также на Тереховском городище². Не исключено, что на примере этого погребения мы видим переход жреческих функций от женщин к мужчинам, приведший уже в V в. (на примере опубликованного здесь же погребения с берестяным туском, Ундрих 83, яма 33) к погребениям «с дарами», которые представляют собой «рабочую» жреческую одежду [21]. Примечательно, что, входя в одну родовую группу, погребение 49 и мужское захоронение из ямы 33 хронологически структурированы, так что погребение 49 явно на поколение или древнее захоронения из ямы 33. Это являет нам развитие жреческой традиции от более матриархального облика полной имитации, перевоплощения мужчины в женский костюм в IV в., до более патриархального биритуального погребального набора в V — VI вв.

Отметим, что в засыпке погребения присутствовали фрагменты разбитого сосуда из прозрачного стекла с синими глазками (рис. 8, *1a*). Они традиционно связаны в Восточной Европе с материалами черняховской культуры, где найдены как сосуды и кубки, так и шлакированное стекло, свидетельствующие о возможном готском производстве, а не только о римских и германских импортах [38].

Фрагменты стекла можно отнести к сосудам типа конических кубков (иногда их определяют как лампы) с синими налестками. Схожие сосуды известны по всей Европе и в Средиземноморье в гуннское время и несколько позднее (обзор дискуссии на эту тему см. в [24]). Ближайшей же аналогией коническому кубку из Брута являются сосуды из погребения 10 могильника Лермонтовская скала 2 [37] и из могилы 2 могильника Гиляч [32], где они зафиксированы наряду с материалами не ранее середины V в.

Погребение 50 (рис. 9). Погребение воина-всадника впервые аннотировано и опубликовано И. Р. Ахмедовым в 2007 г. Ученый относит его к периоду 3А, выделяя по комплексам в группу гуннского круга древностей (погребение 75 на могильнике Кошибеево, погребение 50 на могильнике Ундрих, погребение 265 на могильнике Борок 2) [3].

В погребении найден двулезвийный меч (рис. 9, 7), плоский в сечении. Черешок — брусковидный, со штифтиком для крепления рукоятки. Длина меча — 89,5 см. Меч находит близкие аналоги в числе мечей третьего типа, по классификации А. П. Гаврилова, из рязано-окских могильников Борок 2 и Ундрих. Все эти мечи имеют четко очерченный черешок с выразительными плечиками при переходе к клинку, уплощенное в сечении лезвие с практически параллельными гранями по большей части его длины, которые резко сужаются у окончания. Длина клинков рязанских мечей в рабочей части составляет около 70 см, а общая длина — 85 — 100 см при ширине лезвия у основания 4,5 см.

Рядом находилась развалившаяся крупная бусина-привеска из черного непрозрачного стекла. Бусины с мечами — обычное явление для Восточной Европы IV — VI вв. Например, в Азелинском могильнике стеклянные или халцедоновые бусины обнаружены в 11 погребениях (44 % от всех находок мечей). Бытует версия использования бусины в качестве темлячной подвески. Что отличает их от крупных уплощенных янтарных, реже бронзовых бусин на бронзовом штифте, которые могли применяться и как навершия [25]. В Европе IV — VI вв. эти бусы являются устойчивой принадлежностью фурнитуры меча.

Традиция использовать в гарнитуре портупей мечей крупные бусины-подвески известна в степной зоне Восточной Европы с середины II в. и, в целом, восходит к азиатской традиции, где мечи с портупеями этих конструкций использовались до VII — VIII вв. [12].

¹ ШРКМ (Шиловский районный краеведческий музей). КП. ОФ 5329.

² ШРКМ. КП. ОФ 5328.

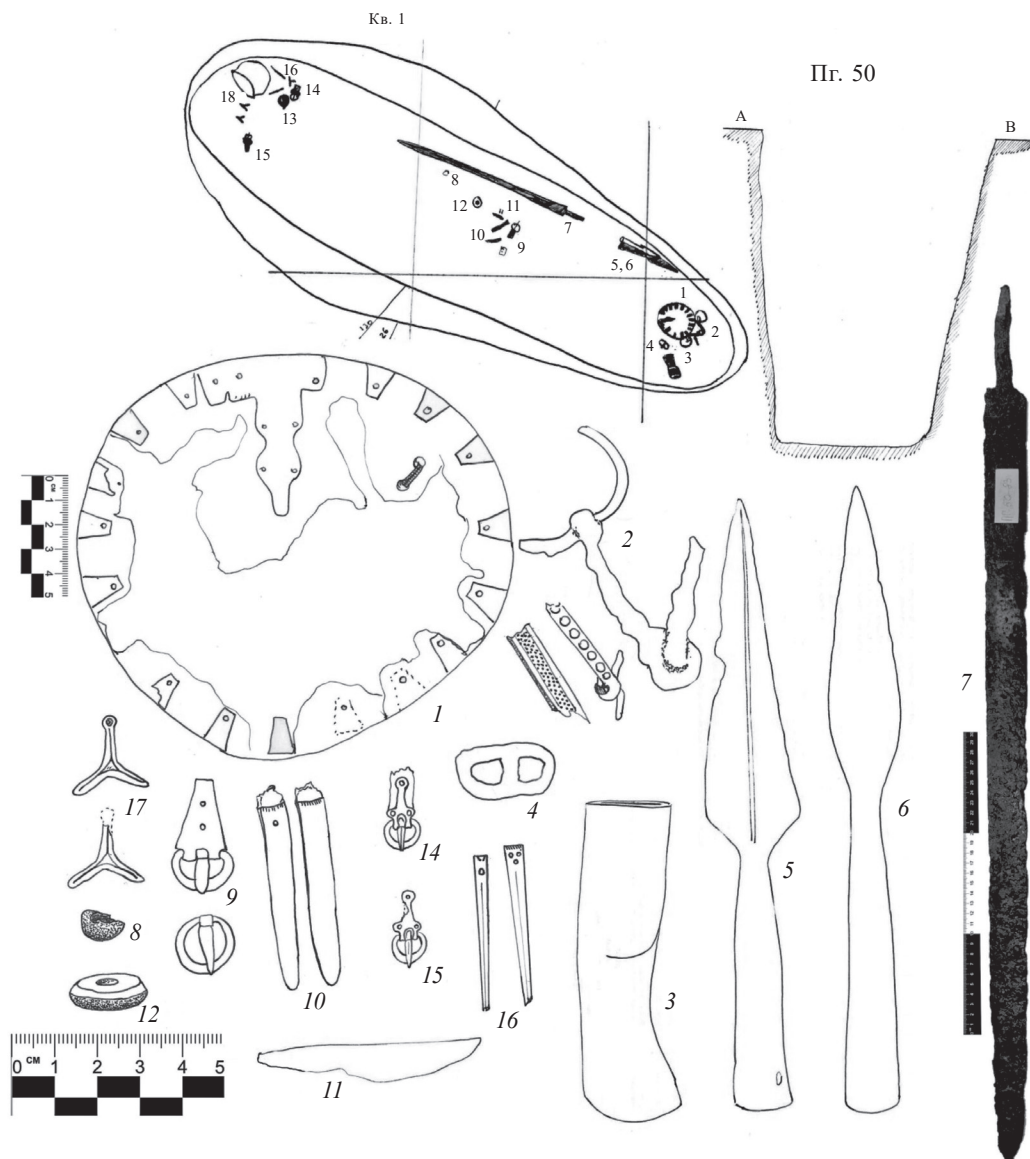

Рис. 9. Погребение 50: 1 — бляха; 2 — удила; 3 — кельт; 4 — В-видная пряжка; 5, 6 — наконечники; 7 — меч; 8 — бусина; 9 — пряжки; 10, 16 — наконечники ремней; 11 — железный нож; 12 — пряслице; 13, 14, 15 — пряжки; 17 — накладки; 18 — горшок (рисунок А. Н. Гаврилова)

Figure 9. Burial 50: 1 — plaque; 2 — bit; 3 — celt; 4 — B-shaped buckle; 5, 6 — tips; 7 — sword; 8 — bead; 9 — buckle; 10, 16 — belt tips; 11 — iron knife; 12 — whorl; 13, 14, 15 — buckles; 17 — lining; 18 — pot (Figure A. N. Gavrilov)

Хочется отметить меч со схожими бусинами из раскопок Кошибеевского могильника 1901 г. [49], который отчасти свидетельствует о распространении указанной традиции в Европу из варварского постсарматского мира.

В составе комплекса присутствовали деревянная чаша или предмет с бронзовыми накладками (рис. 9, 1), наконечниками ремней (рис. 9, 10), выполненными в виде коробочки, обувные наборы с пряжками со слегка выступающим двускатным язычком. Близкие к ним появляются в финале фазы С3 и становятся ведущими типами фазы D1 в памятниках южной Польши, Чехии и Словакии по общеевропейской хронологии [47; 52].

Пряжки, аналогичные пряжкам погребения 50 (рис. 9, 9), как и поясные наконечники, происходят из богатого погребения в Муслюмово в Башкирии [27].

Совокупность инвентаря позволяет датировать комплекс рубежом IV — V вв. [14], что соответствует сведениям письменных источников о крупном походе гуннов в Закавказье в 395 г., возможно, затронувшем и восточно-иранские провинции. Указанные данные позволяют предположить, что поволжское население было вовлечено в названные события, а погребения этого горизонта являются репером внутри периода 3А [14], который в целом соответствует фазе D1 по Я. Тейралу (370 — 410 гг.).

Следовательно, большинство выявленных комплексов датируются в пределах конца IV — начала VI в., т. е. времени, когда в среде носителей рязано-окской культуры происходят некие этнические трансформации. И. В. Белоцерковская выделяет горизонт захоронений, ставших жертвами военных столкновений во второй половине V в. [13]. Погребения того времени включают в себя множество гуннских импортов, а события, вероятно, отражены в «Гетике» Иордана, где упоминаются народы «мордва» и «меря» в Мещере [44]. Вероятно, завершился процесс формирования варварского королевства на Средней Оке. Данный процесс сопровождается появлением центрально-европейских импортов (поясные гарнитуры, элементы упряжи, крестовидные диадемы, мода на ношение парных мечей и др.), все они включаются в местную моду и окончательно формируют облик рязано-окской культуры на пике ее существования. И. Р. Ахмедов и М. М. Казанский считают это началом серьезных этнических изменений и появлением инокультурных групп населения, пришедших с территории Центральной Европы (возможно, готской аристократии, бежавшей после войны за власть потомков Атиллы) [9]. В итоге рязано-окская культура заняла доминирующее положение в Волго-Окском междуречье [3; 6; 31].

В то время сохраняются связи с Северным Причерноморьем (крымскими готами) и Северным Кавказом, находившимися в сфере византийского влияния. Поясные наборы приобретают, на первый взгляд, тенденции, характерные для Поволжья и Приуралья, с выделением статусных индикаторов, общих для всего кочевнического мира [5]. Однако в совокупности с находками мечей с Р-видными скобами и иранскими (сасанидскими) шлемами это говорит о связях, уходящих в зарождающийся арабский мир и гибнущий мир Персидской империи, через тюрков и авар. Финалом стали события, приведшие к созданию Хазарского каганата и Волжской Булгарии, а на Средней Оке — к прекращению гегемонии рязано-окского протогосударства и выделению из него самостоятельных культурных формирований — муромы, мокшанского и эрзянского этносов, шокши, мещеры, мери, и, в какой-то степени, культуры москворецких городищ постдьяковского круга, предшествующих

непосредственно началу славянской колонизации. Отчасти эти события находят отражение и в формировании культуры псковских длинных курганов [17].

Результаты исследования и их обсуждение

Работа по определению Y-гаплогруппы индивидуумов из могильника Ундрих была проведена в ООО «ДНК-наследие» в 2018 — 2021 гг. Координатором исследования выступил проект «ДНК-история России». Ввиду малого количества костного материала и высокой степени деградации ДНК было получено лишь подмножество Y-STR маркеров. Для определения гаплогруппы использовались авторские интерпретации (А. С. Семенов, «ДНК-история России»)

ДНК была извлечена методом колонки SiO₂. Полученную ДНК анализировали с помощью стандартных молекулярно-генетических методов, включая ПЦР в реальном времени на оборудовании AB7500. Измерение концентрации выделенной ДНК проводили на флуориметре Qubit₂.

Для исследования были взяты следующие образцы: 1 — фаланга (яма 3), дата обработки — 2018 г.; 2 — зуб «вождя» или «жреца» (яма 33), 2018 г.; 3 — фрагмент кости (погребение 50), 2019 г.; 4 — зуб «вождя» (яма 31), 2019 г.; 5 — фрагмент кости черепа «жреца» (погребение 49), 2019 г.

Промер концентрации ДНК и определение ее качества (соотношение концентраций длинных (L), коротких (S) и хромосомных (Y-Y) фрагментов) осуществлялись с помощью набора QuantifilerTMTrio (Thermo Fisher Scientific).

Фрагментный анализ по 27 STR локусам Y-хромосомы проводился с помощью набора реагентов YfilerTM Plus PCR Amplification Kit (Thermo Fisher Scientific) на секвенаторе AB3500xl.

Гаплогруппы определены по результатам фрагментного анализа по предиктору neugen.org (по состоянию на 29 июня 2022 г.), с учетом авторских соображений. Данные приведены в формате YFiler+ (табл. 1). Из-за высокой степени поврежденности ДНК предлагаемые выводы могут считаться предварительными и подвергнуться корректировке при повторном анализе.

Для образца 1 значение маркера DYS385b = 9 в силу возможного удвоения маркера 385 (в отличие от DYS385a = 9, который встречается для ряда древних и современных образцов), что говорит о случайном характере столь низкого значения маркера.

Ввиду совпадения четырех маркеров у образцов 2 и 4 делается вывод о высокой вероятности родственной связи между ними, учитывая вождеский, элитный, характер захоронений. Гаплотип 2 в силу меньшего количества сохранившихся маркеров отдельно не рассматривался. Вместо него, наряду с гаплотипом 4, рассматривался объединенный гаплотип 2 + 4, полученный объединением всех маркеров от обоих гаплотипов.

Значение маркера DYS533 = 14 также очень редко и может считаться случайной мутацией. Процесс и выводы сведены в табл. 2.

Изучение ДНК позволяет дать следующую предварительную интерпретацию.

1. Субклад J2a-PF5008 связан с гаплогруппой J2a, имеющей эпицентр распространения на Ближнем Востоке и Кавказе, однако в настоящее время встречающийся и у мордвы-мокши и у поволжских татар. Вероятнее всего, мы имеем дело с признаками миграции со стороны Причерноморья, например сармат-аорсов, или местов.

Таблица 1. Полученные STR-маркеры изучаемых образцов
Table 1. Obtained STR-markers of the studied burial samples

Номер образца	Захоронение	Концентрация ДНК L / S / Y, нг/мкл	Галлогруппа (предсказанная)	Наименование и аллели STR локусов																										
				393	390	19	391	385 а	385 б	439	389 I	392	389 II	458	437	448	449	460	Y-GATA-H4	456	576	570	438	481	533	635	627	518	F387S1 а	F387S1 б
1	Яма 3	(-)/0,0019 / 0,0030	I2a-PF5008	24			9	9		12		22								21					24					
2	Яма 33	(-)/0,044 / 0,041	N-Z4908 >> FT128965									16								14	19			22						
3	Погребение 50	0,00029 / 0,025 / 0,31	R1a-CTS3402						13			16								20										
4	Яма 31	0,073 / 0,0018 / (-)	N-Z4908 >> FT128965	13					10	14		16	14							11	14	19								
5	Погребение 49	0,00031 / 0,0050 / 0,0010	N-Y3037 > R43 > Y3195 > Y23785				9													14	18						21	14		

Таблица 2. Выводы по отнесению результатов по Y-гаплогруппам

Table 2. Conclusion on haplogroup matching of the results obtained

№	Захоронение	Предсказание	Уточнение субклада по nevgen.org	Примечание
1	Яма 3	J (P = 63 %)	J2-Z6048 (Z6050) (P = 63 %) или J2-PF5008 (P = 25 %)	Согласно YFull распространение J-Z6050 — Южная Европа и Ближний Восток. Для J-PF5008 характерно присутствие среди татар. Исходя из географических соображений, второй вариант принимаем в качестве предпочтительного
3	Погребение 50	R1a (P = 34,5)	R1a-YP1272 (P = 37 %), R1a-M458 (P = 16 %), R1a-CTS3402 (P = 10,5 %)	Исходя из малого числа локусов и неопределенности, однозначное заключение затруднительно. Однако ввиду редкости и архаичности R1a-YP1272 (имеются считанные носители) и наличие носителей-совпаденцев из с. Борок и ряда других, отнесенных к субкладу CTS3402, в качестве базовой версии принимаем CTS3402. Субклад R1a-M458 согласно YFull характерен для Центральной Европы, тогда как CTS3402 встречается и в Восточной, в том числе у татар и других народов волго-окского региона
4	Яма 31	N1 (P = 76 %)	N1a-VL29-Z4908 >> FT128965 (P = 96 %)	Вероятность данного результата может считаться высокой
2+4	Объединенный гаплотип родственных захоронений из ям 31, 33	N1 (P = 86,5 %)	N1a-VL29-Z4908 >> FT128965 (P = 96 %)	
5	Погребение 49	NO (P = 60 %)	N-Y3037 > P43 > Y3195 > Y23785 (по другому обозначен Z35076) (P = 53 %)	Вероятность данного результата может считаться высокой

2. Субклад N-Z4908 >> FT128965, определенный у образцов 2 и 4, говорит о восточно-балтийской гипотезе происхождения элиты рязано-окцев. Это ставит вопрос о путях и предыстории миграции населения европейского Северо-Запада в зону сложения культуры. Следует отметить, что ветвь N-Z4908 исторически предшествует L550, которая присутствует у многих потомков элиты Древней Руси, включая Рюриковичей и Гедиминовичей, и, вполне возможно, что два рязано-окских образца принадлежат данному субкладу. Ввиду высокой важности для понимания формирования Древней Руси, целесообразно провести дополнительные исследования данных захоронений. В случае обнаружения субклада L550 можно поставить

вопрос о происхождении дружинной знати Древней Руси от военной элиты эпохи Великого переселения народов.

3. Образец 3 принадлежит с наиболее высокой вероятностью к субкладу R1a-CTS3402 (балто-карпатскому), характерному для балто-славянских групп. Скорее всего, мы имеем признаки миграции из районов Центральной Европы, о чем говорят и археологические данные.

4. Образец 5 принадлежит к сибиро-пермской ветви N-Y3037 > R43 > Y3195 > Y23785, которая характерна для финно-угорских народов Приуралья и отдельных тюркских народов Сибири. Это может свидетельствовать о саргатском импульсе в формировании культуры рязано-окских могильников.

Заключение

Ввиду малой степени сохранности останков, доступных для секвенирования в рамках этой работы, предоставленная интерпретация ДНК-данных носит характер авторского предположения и по мере изучения культуры рязано-окских могильников может быть улучшена или скорректирована. Тем не менее полученные данные приводят к следующим соображениям.

1. Присутствие сибиро-пермской ветви в погребении 49 дает свидетельство в пользу «саргатского» фактора в сложении культуры рязано-окских могильников [35]. Архаичность жреческих аксессуаров в могиле, отсылающая к универсальным культам поклонения женскому началу, также свидетельствует в пользу этого. Присутствие указанного субклада также является фактором в поддержку гипотезы о финно-угорском языке хотя бы части населения культуры.

2. Признаки субклада J2a в захоронении 3 говорят в пользу возможной причерноморской компоненты в сложении культуры, в частности о переселении племени с именем *аорсы*, или *арсы* [2].

3. Достаточно надежно устанавливаемые субклады R1a-CTS3402 и N1a-VL29 указывают на мощную северо-западную компоненту в составе культуры, возможно с ней в область культуры рязано-окских могильников пришли как балтийские топонимы, так и предметы центрально-европейского обихода. Аналоги данных субкладов зафиксированы в древних ДНК Прибалтики [48] (могильник Dollkeim-Коврово, ранний этап культуры древних пруссов, ныне — Калининградская область РФ).

4. Выявленная ситуация может оказаться очень важной для понимания генезиса древнерусского дружинного сообщества. Элитные захоронения из ям 31 и 33 демонстрируют принадлежность к субкладу N-Z4908, предшествующему N-L550, типичному для балтийских аристократических родов Высокого средневековья (Рюриковичи, Гедиминовичи), а захоронение из ямы 3 может относиться к племени *аорсов*, или *арсов*. Тогда культура рязано-окских могильников могла быть тем центром, где этноним *Русь* мог быть передан от кочевников южнорусских степей формирующимся дружинным сообществам Балтики и русского северо-запада. Этноним *аорс* мог сохраняться вплоть до эпохи Высокого средневековья. Известен и описан каменный крест, стоявший на берегу реки Большой Егорлык около с. Преградного Ставропольского края (ныне в Ставропольском краевом музее). На нем имеется русская надпись: «Помяни господи душу раба своего»; а в конце XVIII в. еще читались имя *Аорус* и дата 1041 г. [1].

5. Приоритетным направлением в части поиска новых аргументов в пользу связи культуры рязано-окских могильников с формирующимся древнерусским обществом может стать дальнейшее выявление носителей N1a-Z4908 и N1a-L550 среди рязано-окцев, четкое определение их дочерних ветвей и понимание их географии, поиск аналогов в древнерусских и прибалтийских захоронениях.

Наличие маркеров субкладов R1a-CTS3402 и N1a-VL29 заставляет серьезно относиться к гипотезам о присутствии в рязано-окской культуре балтских топонимов [26; 34] и балтской (или даже балтославянской) языковой компоненты [39] (наряду с финской, и возможно, сарматской и готской). По мнению Ю. В. Откупщикова [34], балтскими по корням могут быть и имена известных князей — мокшанского *Пуреша* и эрзянского *Пургаса*. В зоне рязано-окских могильников имеется ряд предположительно балтских топонимов, таких, как *Свинчус*, *Киструс*, *Ибердус*, *Индрус* [26]. В зоне могильника (вероятно) отдаленной рязано-окской группы в Суздальском Ополе у с. Большое Давыдовское [31] имеем старое наименование реки *Ирмес*, звучащее как *Ирспис*. Видится перспективной проработка балтской или германской этимологии топонима *Ундрих* (как рабочая версия). Возможно, наименование чудовища или устрашающего небесного коня *Ундор*, известное на Рязанщине, может быть родственно древнегерманскому корню **uindrus*, который ассоциировался с холодом, зимой, ненастьем. Топоним *Ундрих* может быть объясненным и через восточногерманское *undr* («чудо») или более раннее *udr* («выдра», «водное чудовище»).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянов К. А. Великая княгиня Владимирская Мария. Загадка погребения в Княгининском монастыре. М.: Центрполиграф, 2020. 222 с.
2. Афанасьев Г. Е., Коробов Д. С. Северокавказские аланы по данным палеогенетики // Этногенез и этническая история народов Кавказа: сб. материалов I Междунар. нахского науч. конгресса. Грозный: Грозненский рабочий, 2018. С. 180 — 191.
3. Ахмедов И. Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М., 2007. С. 137 — 185. (Раннеславянский мир; вып. 9)
4. Ахмедов И. Р. «Реликтовые» формы украшений из Елшинского клада VII в. н. э. // На одно крыло — серебряная, на другое — золотая...: сб. ст. памяти Светланы Рябцевой. Кишинев: Stratum Plus, 2020. С. 151 — 162.
5. Ахмедов И. Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V — начала VI в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. С. 138 — 177. (Раннеславянский мир; вып. 15)
6. Ахмедов И. Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек: теорет. и науч.-метод. журн. Спецвыпуск к 50-летию А. В. Богачева. [Самара]. 2012. № 3. С. 112 — 131.
7. Ахмедов И. Р. Поздние рязано-окские крестовидные фибулы и их роль в системе социально-иерархических маркеров // КСИА. 2016. № 244. С. 222 — 236.
8. Ахмедов И. Р., Гаврилов А. П. «Славянские» фибулы в древностях рязанских финнов: старые и новые находки // *Elite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII — XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Бранко, 2017. С. 71 — 89.

9. Ахмедов И. Р., Казанский М. М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. СПб., 2004. С. 168 — 202.
10. Бажан И. А., Гей О. А. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 122.
11. Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // Советская археология. 1989. № 3. С. 163 — 171.
12. Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д: Терра, 2000. Вып. 1. С. 169 — 193.
13. Белоцерковская И. В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. М., 2012. Вып. 191. С. 27 — 37 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 191).
14. Белоцерковская И. В. Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986 — 1991 гг.) // Археологический сборник. Погребальный обряд / отв. ред. И. В. Белоцерковская. М., 1997. С. 20 — 28 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 93).
15. Веселовская Е. В., Гаврилов А. П., Васильев С. В. Погребение воина из комплекса рязано-окских могильников Ундрих 2015. Археологические параллели, антропологическая реконструкция // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 248 — 273.
16. Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энгватова А. В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977 — 1978 гг. / отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2005. 176 с. (Тр. отдела Охранных раскопок ИА РАН; т. 3).
17. Воронятов С. В. Рязано-окский комплекс культуры длинных курганов // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии: [сб. ст.]. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 126 — 132.
18. Гаврилов А. Н. Работы в Шиловском, Путятинском и Чучковском районах Рязанской области // Археологические открытия 1983. М., 1985. С. 50 — 51.
19. Гаврилов А. П. Дамасские мечи V — VII вв. н. э. из Шиловского района Рязанской области // Военная археология: сб. материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. М., 2011. Вып. 2. С. 111 — 117.
20. Гаврилов А. П. Дамасские мечи в материалах культуры рязано-окских могильников // Мещерский Край. М.: Гуслицкий Перекресток, 2015. С. 49 — 56.
21. Гаврилов А. П. Женское погребение с особым «большим» головным убором культуры рязано-окских могильников пятого века нашей эры. М.: ИА РАН, 2022. 350 с.
22. Гаврилов А. П. Знаки на предметах археологической культуры рязано-окских могильников // Древнейшие государства Восточной Европы. 2017 — 2018 год: Ранние формы и функции письма / отв. ред. тома Т. В. Гимон. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2019. С. 95 — 103.
23. Гаврилов А. П., Конов В. Д. Новый могильник рязано-окских финнов // Археология Волго-Окского региона: сб. тез. круглого стола 28 — 29 апреля 2020 г., к юбилею И. В. Белоцерковской / ред. Н. А. Биркина и др. М.: ГИМ; ИА РАН, 2020. С. 60 — 67.
24. Гавритухин И. О. К вопросу о верхней дате городища Зилиги // Три четверти века: Д. В. Деопику — друзья и ученики. М.: Памятники ист. мысли, 2007. С. 482 — 486.
25. Голдина Е. В., Липина Л. И. Бусы в захоронениях воинов (по материалам Тарасовского могильника) // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, № 3. С. 287 — 294.
26. Гордова Ю. Ю. Топонимический атлас Рязанской области. М.: Наука, 2015. 172 с.
27. Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). СПб., 1994. 224 с.
28. Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 1999. № 6. С. 404 — 417.

29. Котигорошко В. Г. Жертвенник III — IV вв. н. э. у села Солонцы // Советская археология. 1987. № 2. С. 176 — 191.
30. Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966 — 1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С. 116 — 183.
31. Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е. Финские древности первой половины — середины I тыс. н. э. в Суздальском Ополе // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума РАН / отв. ред.: А. П. Дервянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2012. С. 151 — 161.
32. Минаева Т. М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V — VIII веков. М., 1982. С. 222 — 234.
33. Могильников В. А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 292 — 312 (Археология СССР).
34. Откупщиков Ю. В. Древняя гидронимия в бассейне Оки. Балтославянские исследования XVI. Сборник научных трудов. М.: Индрик, 2015. С. 83 — 114.
35. Пилипенко А. С. [и др.] Палеогенетическое исследование родства погребенных из курганов саргатской культуры в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 4. С. 132 — 142.
36. Родинкова В. Е. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. Археология славян и их соседей: моногр. М., 2007. 431 с. (Раннеславянский мир; вып. 9).
37. Рунич А. П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // Советская археология. 1976. № 3. С. 256 — 266.
38. Симонович Э. А. Работы на черняховских памятниках в Приднепровье // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 80 — 83.
39. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / отв. ред. В. В. Седов; авторы тома: Л. А. Голубева, В. А. Могильников, В. В. Седов, Р. Л. Розенфельдт. М.: Наука, 1987. 512 с. (Археология СССР).
40. Хайрединова Э. А. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 95 — 132.
41. Хайрединова Э. А. Хронология серег с многогранником из Крыма // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 421 — 424.
42. Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 158 — 207.
43. Шевченко Н. Ф. «Сарматские жрицы», или Еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // Вестник древней истории. 2006. № 1 (255). С. 141 — 154.
44. Ярцев С. В. Еще раз о списке народов Эрманариха // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2014. Т. 32, № 21 (192). С. 35 — 42.
45. Götze A. Sprengel // Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1928. В. XII. P. 356—357.
46. Kazanski M. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloirs rhodanien // Antiquités Nationales. Saint-Germain-en-Laye, 1993. Vol. 25. P. 119 — 127.
47. Kmicieński J., Tejral, J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittlerer Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit [Foreign influences and cultural changes north of the middle Danube at the beginning of the Migration Period] // Peregrinatio Gothica (Archaeologia Baltica). Łódź: Katedra Archeologii, 1986. Vol. 7. P. 175 — 238.
48. Lehti S. The Arrival of Siberian Ancestry Connecting the Eastern Baltic to Uralic Speakers further East // Current Biology. 2019. Vol. 29, Issue 10. P. 1701 — 1711.
49. Mastykova A. Some aspects of the glass beads study // Third Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. Abstracts. Ravenna, 1997. P. 80 — 81.

50. Périn P. L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J. C. // Réunion des musées nationaux. (Paris), 2000. 228 p.

51. Périn P. Les tombes de «chefs» du début de l'époque mérovingienne: Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye; Conde-sur-Noireau, 1995. P. 247 — 302.

52. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaunraum [New Aspects of the Early Migration Period Chronology in the Middle Danube Region] // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaunraum. Kravsko; Brno, 1997. P. 17 — 20.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

Информация об авторах:

Александр Петрович Гаврилов, профессор по секции «Исторические науки» Российская Академия Естествознания (107078, Россия, Москва, ул. Садовая-Спаская, 21/1); заведующий отделом Музейного историко-культурного комплекса Шиловского муниципального района Рязанской области, museum01@mail.ru

Александр Сергеевич Семёнов, проект «ДНК-история России» (119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 43), кандидат физико-математических наук, semyonov1980@mail.ru

Вклад авторов:

Гаврилов А. П. — разработка концепции, обработка археологических данных, выводы;
Семёнов А. С. — организация анализа образцов, статистическая обработка данных, выводы и научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCE

1. Averyanov K.A. Grand Duchess Maria of Vladimir. The Mystery of the Burial in the Knyaginina Monastery. Moscow; 2020. (In Russ.)
2. Afanasiev GE, Korobov DS. North Caucasian Alans According to Paleogenetic Data. *Ethnogenesis and Ethnic History of the Peoples of the Caucasus. Proceedings of the I International Nakh Scientific Congress*. 2018;180—191. (In Russ.)
3. Akhmedov IR. Culture of the Ryazan-Oka Burial Grounds. Inventory of Male Burials. *Eastern Europe in the Middle of the I Millennium AD*. 2007;9:137—185. (In Russ.)
4. Akhmedov IR. Relic Forms of Jewelry from Elshino Hoard of the VII Century AD. *On One Wing — Silver, on the Other — Gold*. 2020;151—162. (In Russ.)
5. Akhmedov IR. Some Indicators of Cultural Interactions in the Antiquities of the Ryazan-Oka Finns in the Second Half of the V — Early VI Centuries. *Problems of Interaction between the Population of Eastern Europe in the Era of the Great Migration of Peoples*. 2014;15:138—177. (In Russ.)
6. Akhmedov IR. Oka Cross-Shaped Fibulae as Indicators of Ethnocultural Processes in Central Russia of the Epoch of the Great Migration. *Voyager: the World and Man*. Special Issue for the 50th Anniversary of A. V. Bogachev. 2012;3:112—131. (In Russ.)
7. Akhmedov IR. Late Ryazan-Oka Cruciform Brooches and Their Role in the System of Social and Hierarchical Markers. *KSIA*. 2016;(244):222—236. (In Russ.)

8. Akhmedov IR, Gavrilov AP. Slavic Brooches in the Antiquities of the Ryazan Finns: Old and New Findings. *Élite ou Égalité. Northern Rus and Cultural Transformations in Europe in the 7th — 12th Centuries*. 2017;71—89. (In Russ.)
9. Akhmedov IR, Kazansky MM. After Attila. The Kiev Treasure and Its Cultural and Historical Context. *Cultural Transformations and Mutual Influences in the Dnieper Region at the End of Roman Times and in the Early Middle Ages. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Birth of E. A. Goryunov*. 2004;168—202. (In Russ.)
10. Bazhan IA, Gey OA. Relative Chronology of Burial Grounds of the Chernyakhov Culture. *Problems of Chronology of the La Tene and Roman Times*. 1992;122—152. (In Russ.)
11. Bazhan IA, Kargopoltsev SYu. On One Category of Jewelry-Amulets of Roman Times in Eastern Europe. *Soviet Archaeology*. 1989;(3):163—171. (In Russ.)
12. Bezuglov SI. Late Sarmatian Swords (Based on Materials from the Don Region). *Sarmatians and Their Neighbors on the Don. Proceedings on the Archeology of the Don*. 2000;1:169—193. (In Russ.)
13. Belotserkovskaya IV. On the Items of the Chernyakhov Culture in the Female Inventory of the Ryazan-Oka Burial Grounds. *Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina. Proceedings of the State Historical Museum*. 2012;191:27—37. (In Russ.)
14. Belotserkovskaya IV. Burials with Gifts from the Korablino Burial Ground (Based on Excavations in 1986 — 1991). *Archaeological collection. Funeral rite. Proceedings of the State Historical Museum*. 1997;93:20—28. (In Russ.)
15. Veselovskaya EV, Gavrilov AP, Vasiliev SV. Burial of a Warrior from the Ryazan-Oka Burial Undrich Complex 2015. *Archaeological Parallels, Anthropological Reconstruction. Bulletin of Anthropology*. 2021;(2):248—273. (In Russ.)
16. Voronina RF, Zelentsova OV, Engovatova AV. Nikitinsky Burial Ground: Publication of Excavation Materials 1977 — 1978. *Proceedings of the Department of Security Excavations of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences*. Moscow;2005;3. (In Russ.)
17. Voronyatov CV. The Ryazan-Oka Complex of the Long Mound Culture. *Ladoga in the Context of the History and Archeology of Northern Eurasia*. 2014;126—132. (In Russ.)
18. Gavrilov AN. Works in the Shilovsky, Putyatinsky and Chuchkovsky Districts of the Ryazan Oblast. *Archaeological Discoveries 1983*. 1985;50—51. (In Russ.)
19. Gavrilov AP. Damascus Swords of the V — VII Centuries AD from the Shilovsky District of the Ryazan Oblast. *Military archeology. Proceedings of the Military Archeology Problem Council at the State Historical Museum*. 2011;2:111—117. (In Russ.)
20. Gavrilov AP. Damascus Swords in the Materials of the Culture of the Ryazan-Oka Burial Grounds. *Meshchersky Region*. 2015;49—56. (In Russ.)
21. Gavrilov AP. Female Burial with a Special Large Headdress from the Culture of the Ryazan-Oka Burial Grounds of the Fifth Century AD. Moscow;2022. (In Russ.)
22. Gavrilov AP. Signs on the Objects of the Archaeological Culture of the Ryazan-Oka Burial Grounds. *The Oldest States of Eastern Europe. 2017 — 2018: Early Forms and Functions of Writing Ancient States of Europe*. 2019;95 — 103. (In Russ.)
23. Gavrilov AP, Konov VD. New Burial Ground of the Ryazan-Oka Finns. *Archeology of the Volga-Oka Region. Proceedings of the Round Table 2020 for the Anniversary of I. V. Belotserkovsky: April 28 — 29*. 2020;60—67. (In Russ.)
24. Gavritukhin IO. On the Issue of the Upper Date of the Ancient Settlement Zilgi. *Three Quarters of the Century: D. V. Deopiku — Friends and Students*. 2007;482—486. (In Russ.)
25. Goldina EV, Lipina LI. Beads in the Graves of Soldiers (Based on the Materials of the Tarasovsky Burial Ground). *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015;17(3):287—294. (In Russ.)
26. Gordova YuYu. Toponymic Atlas of the Ryazan Region. Moscow;2015. (In Russ.)
27. Zasetskaya IP. Culture of the Nomads of the Southern Russian Steppes in the Hun Era (End of the 4th—5th Centuries). Saint Petersburg;1994. (In Russ.)
28. Kazansky MM. About the Balts in the Forest Zone of Russia in the Era of the Great Mi-gration of Peoples. *Archaeological News*. 1999;(6):404—417. (In Russ.)

29. Kotigoroshko VG. The Altar of III — IV Centuries AD near the Village of Solontsy. *Soviet Archeology*. 1987;(2):176—191. (In Russ.)
30. Kravchenko TA. Shatrishchensky Burial Ground. *Archeology of the Ryazan Land*. 1974;116—183. (In Russ.)
31. Makarov NA, Krasnikova AM, Zaitseva IE. Finnish Antiquities of the First Half — the Middle of the I Millennium AD in the Suzdal Opole. *Historical and Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia. Fundamental Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences*. 2012;151—161. (In Russ.)
32. Minaeva TM. Excavations of the Sanctuary and Burial Ground near the Ancient Settlement Gilyach in 1965. *Antiquities of the Era of the Great Migration of Peoples of the V — VIII Centuries*. 1982;222—234. (In Russ.)
33. Mogilnikov VA. Sargat Culture. *Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time*. 1992;292—312. (In Russ.)
34. Otkupshchikov YuV. Ancient Hydronymy in the Oka Basin. *Balto-Slavic Studies XVI. Collection of articles*. 2015;83—114. (In Russ.)
35. Pilipenko AS. Paleogenetic Study of the Relationship of the Buried from the Barrows of the Sargat Culture in the Baraba Forest-Steppe (Western Siberia). *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2017;45(4):132—142. (In Russ.)
36. Rodinkova VE. The System of Women's Early Medieval Dress in the Middle Dnieper Region (Retrospective Analysis). *Eastern Europe in the Middle of the I Millennium AD. Early Slavic World*. 2007;9. (In Russ.)
37. Runich AP. The Burial of the Leader of the Early Middle Ages from the Kislovodsk Basin. *Soviet Archeology*. 1976;(3):256—266. (In Russ.)
38. Symonovich EA. Works on Chernyakhovsky Monuments in the Dnieper Region. *KSIA*. 1963;(94):80—87. (In Russ.)
39. Golubeva LA, Mogilnikov VA, Sedov VV, Rosenfeldt RL. Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages. Moscow;1987. (In Russ.)
40. Khayredinova EA. Earrings with a Cast Fixed Polyhedron from the Crimea. *MAIET*. 2015;20:95—132. (In Russ.)
41. Khayredinova EA. Chronology of Earrings with a Polyhedron from the Crimea. *XV Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Actual problems of Chronology*. 2014;421—424. (In Russ.)
42. Sharov OV. Chronology of Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny Burial Grounds and the Problem of Dating Chernyakhov Ceramics. *Problems of Chronology of the Laten and Roman Times*. 1992;158—207. (In Russ.)
43. Shevchenko NF. Sarmatian Priestesses or Once Again to the Question of the Maternal Clan Among the Sarmatians. *Bulletin of Ancient History*. 2006;(1):141—154. (In Russ.)
44. Yartsev SV. Once Again about the List of Peoples of Ermanaric. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series History. Political Science. Economics. Informatics*. 2014;32(21):35—42. (In Russ.)
45. Götze A. Sprengel Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte. 1928;12:356—357.
46. Kazanski M. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloirs rhodanien. *Antiquités Nationales*. 1993;25:119—127.
47. Kmieciński J, Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittlerer Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit [Foreign Influences and Cultural Changes North of the Middle Danube at the Beginning of the Migration Period]. *Peregrinatio Gothica (Archaeologia Baltica)*. 1986;7:175—238.
48. Lehti S. The Arrival of Siberian Ancestry Connecting the Eastern Baltic to Uralic Speakers further East. *Current Biology*. 2019;29(10):1701—1711.
49. Mastykova A. Some Aspects of the Glass Beads Study. *Third Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. Abstracts*. 1997;80—81.

50. Périn P. L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J. C. *Réunion des musées nationaux*. Paris;2000.

51. Périn P. Les tombes de “chefs” du début de l'époque mérovingienne: Datation et interprétation historique. *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye;Conde-sur-Noireau;1995:247—302.

52. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum [New Aspects of the Early Migration Period Chronology in the Middle Danube Region]. *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Kravsko; 1997:17—20.

The article was submitted 25.11.2022; approved after reviewing 31.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Information about the authors:

Alexander P. Gavrilov, Professor of the Section of Historical Sciences, Russian Academy of Natural Sciences (21/1 Sadovaya-Spasskaya Str., Moscow 107078, Russia), Head of the Department of Local Lore, Historical and Cultural Museum Complex of the Shilovsky District of the Ryazan Oblast (38 Spasskaya Str., Shilovo 391500, Russia), museum01@mail.ru

Alexander S. Semyonov, DNA History of Russia Project (43 Leninsky Avenue, Moscow 119334, Russia), Candidate of Sciences in Physics and Mathematics, semyonov1980@mail.ru

Contribution of the authors:

Gavrilov A. P. — concept development, archaeological data, conclusions;

Semenov A. S. — sample analysis organizing, statistical work, conclusions and scientific editing of the text.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 391.2
EDN LMSCPW<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ЖЕНСКИЕ ПРАКТИКИ ПОКРЫВАНИЯ ГОЛОВЫ В ТУНИСЕ В XX — XXI вв.

Е. В. Аброськина

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия

evgeniia.abroskina@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются повседневные и ритуальные практики использования традиционного покрывала (сэфсэри), хиджаба и никаба на территории восточного побережья Туниса с середины XX в. до настоящего времени.

Материалы и методы. В качестве основного источника в работе над статьей использовались полевые материалы автора, собранные на территории восточного побережья Туниса (Монастир, Сус, Махдия), а также в г. Кайруан и Тунис в 2017 — 2019 гг. Эмоциональная агентность материальных предметов — мало разработанная в антропологии тема, поэтому в основу работы легли теории, созданные на базе исторических исследований и применяемые по отношению к текстам. В частности, для анализа материалов используется теория историка Б. Розенвейн об эмоциональных сообществах.

Результаты исследования и их обсуждение. Подробно останавливаясь на истории возникновения предметов покрывания в женских практиках в 1950 — 1980-е гг., автор рассматривает эмоциональную реакцию тунисского общества на использование каждого из этих предметов; образование сообществ, члены которых разделяли между собой сходные чувства (любовь, ненависть, уважение, страх и др.) в зависимости от выбранного предмета покрывания головы (сэфсэри, хиджаб и никаб).

Заключение. В исследовании продемонстрирована возможность вещи стать объектом эмоционального раздражения и краеугольным камнем дискуссий о том, имеет ли она право на существование и повседневное использование; участие государства в регулировании возможности применения того или иного предмета.

Ключевые слова: Тунис, практики покрывания головы, головное покрывало, хиджаб, никаб, этнография

Для цитирования: Аброськина Е. В. Женские практики покрывания головы в Тунисе в XX — XXI вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 166 — 177. EDN LMSCPW

Original article

WOMEN'S HEAD COVERING PRACTICES IN TUNISIA IN THE XX — XXI CENTURIES

E. V. Abroskina

State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia
evgeniia.abroskina@gmail.com

Abstract

Introduction. This article examines the daily and ritual practices of using the traditional veil (safseri), hijab and niqab on the territory of the eastern coast of Tunisia since the middle of the XX century to the present day.

Materials and methods. The author used materials collected on the territory of the eastern coast of Tunisia (Monastir, Sousse, Mahdia), Kairouan and Tunis in 2015 — 2019. Those field materials were used as the main source in the work on the article. The emotional agency of material objects is a poorly developed topic in anthropology, therefore the work is based on theories created on the basis of historical research and applied to texts. In particular, the historian B. Rosenwein's theory of emotional communities is used to analyze the materials.

Results of the study and discussion. Dwelling in detail on the history of the emergence of covering items in women's practices in the 1950s — 1980s, the author examines the emotional reaction of Tunisian society to the use of each of these items; the formation of communities whose members shared similar feelings among themselves (love, hatred, respect, fear, etc.) depending on the chosen subject of head covering (safseri, hijab and niqab).

Conclusion. The study demonstrates the possibility of a thing to become an object of emotional irritation and the cornerstone of discussions about whether it has the right to exist and everyday use; participation of the state in regulating the possibility of using a particular subject.

Keywords: Tunisia, head covering practices, veil, hijab, niqab, ethnography

For citation: Abroskina EV. Women's Head Covering Practices in Tunisia in the XX — XXI Centuries. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2023;15(2):166—177. EDN LMSCPW

Введение

Для традиционной культуры Туниса характерно многообразие головных покрывал, платков и шалей. Историк костюма Й. К. Стиллман утверждает, что покрывала Магриба являлись неотъемлемой частью как мужского, так и женского берберского костюма еще в доисламский период наравне с непоясной туникой и бурнусом [6, p. 88]. На сегодняшний день число элементов тунисского женского костюма, предназначенных для покрывания головы, насчитывает более пятидесяти. В XX в. в связи с обретением Тунисом независимости и проведением реформ, направленных на «освобождение женщин», ряд покрывал вышел из употребления по разным причинам. В большей мере на это повлияло изменение жизненного ритма женщины: она начала получать образование, работать, в связи с чем ее мобильность увеличилась, и ношение массивного покрывала стало неудобным и неуместным. В то же время подобные изменения позволили расширить круг бытования новой формы покрывала — шелкового белого покрывала сэфсэри, которое до 1950-х гг. было распространено лишь в столице Туниса и в соседних регионах. Всплеск интереса к головному покрыванию и расширение границ новых форм этой практики пришелся на конец 1980 — 1990-х гг., когда в Тунисе начинают носить нераспростра-

ненные ранее хиджаб и, реже, никаб. Подобные практики вызывали самые разные реакции общества, раскалывая его. Проводя исследование на восточном побережье Туниса (прежде всего, в городах Монастир, Сус, Махдия), мы пришли к выводу, что сегодня наиболее часто встречающимися формами покрывания головы у женщин этого региона являются три: сэфсэри, хиджаб и никаб. Каждый из этих предметов играет определенную роль в культуре региона, служит сохранению идентичности разных социальных групп, становится объектом любви, ненависти, страха или уважения. Мы стремимся описать эти предметы и практики с ними, подробно останавливаясь на том, каким образом каждый из них действует в местной культуре и как влияет на тех, кто с ними взаимодействует. Основной исследовательский интерес для нас представлял вопрос, каким образом эти три предмета сосуществуют в одном культурном пространстве, как каждый из них участвует в формировании образа тунисской мусульманки, как они аккумулируют в себе разные представления о «правильности» женского облика, и, в результате, каким образом эти предметы вызывают у тунисцев те или иные эмоции, объединяющие респондентов или отгораживающие их друг от друга.

Обзор литературы

В исследовании мы опираемся в первую очередь на работы таких исследователей, как М. Шаррад, чей социологический анализ значения покрывания в Магрибе позволил провести разграничение между нормами шариата и обычного права в Тунисе [2], и Й. Стиллман, автора масштабного исследования арабского костюма, в котором представлена убедительная реконструкция истории североафриканского костюма [6]. Что касается методологии, то основой для настоящей работы стали исследования, находящиеся на пересечении истории эмоций и истории объектов. Обращаясь к данному исследовательскому ракурсу, А. Долан и С. Холлоуэй, авторы специального выпуска журнала «Текстиль: одежда и культура», посвященного «эмоциональному текстилю», отмечают, что история эмоций рассматривает в качестве основного источника лишь тексты [3]. Однако объекты материальной культуры способны рассказать о своих владельцах и об эмоциях, которые они вызывают, не меньше. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что методология исследований «эмоциональных предметов» находится в становлении. Мы, в свою очередь, основываемся на работах, посвященных по большей части именно текстовым источникам или предметам искусства, например, на теорию историка Б. Розенвейн об эмоциональных сообществах. Согласно ее идее, люди объединяются в сообщества вследствие «приверженности единым нормам выражения и наделения ценностью (или обесцениванием) сходных или взаимосвязанных эмоций» [5, р. 2]. Автор выделила два вида эмоциональных сообществ: социальные, в которых люди объединены сходными нормами в силу подобных жизненных условий, и текстуальные, членов которых объединяет приверженность одному учению или идеологии. По мнению Б. Розенвейн, человек может входить одновременно в несколько таких сообществ. Мы используем теорию эмоциональных сообществ для анализа плюрализма взглядов наших информантов относительно существующего в Тунисе многообразия предметов для покрывания головы.

Материалы и методы

Основной метод нашего исследования — полевой, большая часть материалов, которую мы анализируем, была собрана во время экспедиций в Тунис (август

2017 — сентябрь 2018 г.; август — октябрь 2019 г.). Исследование сфокусировано на антропологическом изучении городской культуры восточного побережья Туниса (вилайеты Монастир, Сус, Махдия), также работа проводилась в столице Туниса. Во время экспедиции было опрошено порядка двадцати информантов женского и мужского пола. Основной корпус интервью брался у женщин в возрасте от 50 до 80 лет, поскольку именно они оказались участницами описываемых нами событий и практик.

Результаты исследования и их обсуждение

Сэфсэри

Головное покрывало сэфсэри является одним из самых ярких национальных символов Туниса: образ женщины, завернутой в белое покрывало, украшает картины художников, сувенирную продукцию, его надевают во время Дня национального костюма, в период фестивалей и праздников. Сэфсэри представляет собой отрез ткани цвета слоновой кости (реже — белого цвета), его размер в настоящее время составляет около 180 см в ширину и 220 см в длину. Важно отметить, что такие размеры распространены сейчас; информанты свидетельствуют, что еще в конце 1980-х гг. его длина составляла около 5 м. Происхождение термина сэфсэри до сегодняшнего дня не имеет четкого, этимологического обоснования. Так, существует гипотеза, что термин происходит от распространенного в туниском диалекте глагола *сэфсэр* («заворачивать»). Предполагают, что он может быть образован от арабского глагола *сафара*, что значит «снимать покрывало, обнажать лицо»¹. В контексте настоящего исследования важным является следующий аспект: отсутствие общепризнанной этимологии термина дает возможность каждой из представленных в сообществе групп выбирать наиболее предпочтительный для нее вариант объяснения происхождения слова сэфсэри.

Традиционно сэфсэри ткали из шелковой нити на ткацком стане. С появлением хлопчатобумажной и синтетической нити появляются его новые виды. С середины XX в., когда сэфсэри начинает распространяться по всему Тунису, его можно считать монопредметом: при его ношении не нужно использовать пояс, фибулы или лицевые вуали. Однако в конце XIX — начале XX в. в комплекс входил *ажар* — вуаль, закрывающая лицо или нижнюю часть лица женщины.

Сэфсэри Туниса — один из тех предметов, чье происхождение проследить достаточно сложно. С одной стороны, головное покрывало светлых оттенков, свободно сидящее на теле женщины, было распространено в Северной Африке еще в период античности (в Алжире и Марокко оно носит название «хаик», в Ливии — «фаррашийя»). Если же говорить о самом предмете — покрывале, то его история уходит корнями в глубокую древность. Й. К. Стиллман предполагает, что ношение покрывал было заимствовано у римлян, проживающих в Северной Африке, однако установить это точно не представляется возможным [6, р. 88]. В Магрибе головное покрывало являлось неотъемлемым элементом костюма женщины, начиная с фертильного возраста, и было обязательным условием ее мобиль-

¹ Автор благодарит за эту информацию этнографа А. Ю. Коровкину, которая в свою очередь ссылается на ученого Саида аль-Хусейна Абделли.

ности за пределами дома. В то же время ношение сэфсэри было показателем статуса семьи, к которой принадлежала женщина. До изобретения синтетической нити его ткали из шелка или льна вручную, что делало его дорогим и недоступным для многих.

Переломным моментом в практике ношения сэфсэри стали обретение Тунисом независимости в 1956 г. и политика первого президента Хабиба Бургибы, ориентированная на освобождение тунисской женщины, в том числе от головного покрывала. Прежде всего, это касалось такого вида покрывала, как хрэм (данное название было распространено на восточном побережье Туниса, в других вилайетах оно могло называться иначе, например, в Кайруане — хаик). Хрэм по своим морфологическим и материально-технологическим параметрам отличался от сэфсэри. Так, его размер составлял около 7 м в длину и 2 м в ширину; он изготавливался из шерстяной или растительной нити (льняной или хлопчатобумажной). Для президента Х. Бургибы, который стремился как можно скорее увеличить количество рабочих рук за счет женского населения, было важно символически дискредитировать такие массивные покрывала, как хрэм, в которых, по его мнению, невозможно было работать и активно передвигаться. Важную роль в разрыве традиции ношения таких покрывал сыграло распространение идеи обязательного женского образования: покрывало было заменено школьной формой. Информант, рассуждая об этих переменах, говорил с горечью и досадой: «Школьный халат убил твою одежду, мама»². Параллельно с этими процессами в Тунисе постепенно распространяется использование синтетической нити, которая вносит свой вклад в развитие популярности сэфсэри за пределами столицы и ее окрестностей. Сэфсэри становится тем возможным компромиссом, на который шли женщины, стремящиеся сохранить свою идентичность (или представляющие интересы оппозиционных реформам семей). Жительница Монастира, отвечая на вопрос, почему она не отказалась от традиционного покрывала, отметила: «Мало ли что говорил Бургиба, мужа не хотели, чтобы мы снимали сэфсэри»³. С другой стороны, нельзя сказать, что на восточном побережье Туниса, где сэфсэри появился в 1950-е гг., его восприняли исключительно позитивно. Как свидетельствовал информант, «женское лицо и руки стали обнаженными. Старики стали спрашивать: сэфсэри — это халяль или харам?»⁴. Неоднозначное положение сэфсэри усиливали его материальные характеристики: оно сидело по фигуре, было полупрозрачным, сквозь него угадывались формы тела, оно оголяло щиколотки и могло соскользнуть с головы. Все это усиливало тревогу вокруг нового предмета со стороны сообщества (прежде всего, мужчин), которые считали себя ревнителями старины. Не зря респондент использует слово «старики», т. е. пожилые эксперты сообщества, в данном случае — коренные монастирцы, гордящиеся своей традиционной одеждой. Появление сэфсэри вызвало религиозные дискуссии. Ряд информантов утверждал, что оно является разновидностью хиджаба, в нем можно делать намаз. В то же время другие гово-

² ПМА: Хассин Б., 1946 года рождения, Тунис, г. Монастир, запись 2019 г.

³ ПМА: Закия М., 1938 года рождения, Тунис, г. Монастир, запись 2019 г.

⁴ ПМА: Хассин Б., 1946 года рождения, Тунис, г. Монастир, запись 2019 г.

рили, что сэфсэри не имеет отношения к исламу, что оно несет в себе исключительно этнический и национальный характер. Одним из аргументов в пользу данной позиции является тот факт, что еврейские женщины надевают его при посещении синагоги⁵. Однако сэфсэри было суждено не только остаться в повседневных и праздничных практиках женщин столицы, но и распространиться по всему Тунису. Более того, ему удалось вытеснить хрэм с позиции предмета старины. Таким образом, сэфсэри удивительным образом встроился в имеющийся культурный паттерн, заменив собой хрэм на посту хранителя архаики. Во многом такая популярность сэфсэри была обусловлена политикой государства: это покрывало становится удобным, красивым символом Туниса, используется во время учрежденного Дня национального костюма, его показывают в кино, о нем поют песни. На наш взгляд, такой выбор государства основан на самой истории сэфсэри. Это отличает его от хиджаба, который респонденты характеризуют как предмет чуждый тунисской культуре, пришедший «из Афганистана»⁶. В то же время немаловажным фактором является то, что сэфсэри многими информантами оценивался как красивый предмет, в отличие от хрэма или хиджаба. Вероятно, это связано с тем, что ношение сэфсэри не является обязательным, в то время как ношение хрэма было предписано местным адатом, хиджаба — шариатом. Мы полагаем, что обязательный, урегулированный местным законом характер практики с предметом лишает последний той символической, эмоциональной составляющей, которая была и остается у сэфсэри. Хиджаб, по словам информантов, свидетельствует о чистоте и аккуратности. В отличие от сэфсэри, имеющего двойственную природу, он никогда не станет предметом, транслирующим сексуальность. Скорее наоборот, он указывает на отчуждение женской сексуальности за пределами дома. Важную роль в отношении к сэфсэри играет и то, как высказываются о нем: те, кто носит его, не используют категории «красивый» и «некрасивый», рассуждая исключительно о том, что оно обеспечивает сокрытость тела: «Я не выхожу из дома раздетой, только в сэфсэри»⁷. В то время как женщины, никогда его не носившие (или надевавшие несколько раз в жизни), акцентируют внимание на том, что оно «красивое», «благородное» и пр. Подобные отношения кажутся нам похожими на те, что выстраиваются вокруг семейных реликвий, которыми практически не пользуются, но хранят и любят.

Сэфсэри на протяжении своей истории вызывает разные эмоции у тех, кто выступает за его популяризацию, и тех, кто призывает полностью от него отказаться. С другой стороны, оно объединяет вокруг себя людей, стремящихся сохранить национальную идентичность. Для них белое шелковое покрывало аккумулирует в себе и локальную память, и национальную гордость.

⁵ Так, в статье о тунисском политике еврейского происхождения С. Слеме используется фотография женщины в сэфсэри, молящейся в синагоге (Bouazza B. B. Jewish candidate for Muslim party breaks barriers in Tunisia // *The Times of Izrael*. 2018. 23 марта. URL: <https://www.timesofisrael.com/jewish-candidate-for-muslim-party-breaks-barriers-in-tunisia/> (дата обращения: 20.05.2022)).

⁶ ПМА: Мезри М., 1955 года рождения, Тунис, г. Монастир, запись 2017 г.

⁷ ПМА: Закия М., 1938 года рождения, Тунис, г. Монастир, запись 2019 г.

Хиджаб

Хиджаб, на наш взгляд, является одной из самых обсуждаемых деталей мусульманского гардероба. Особенно такие дискуссии характерны для территорий, где на протяжении длительного времени существовали локальные формы покрытия головы. В Тунисе он начинает распространяться в 1980-е гг. Как уже было показано выше, до этого периода было распространено ношение головных покрывал, а в дальнейшем, в связи с реформами Х. Бургибы, большинство женщин предпочитали не покрывать головы. Прежде чем мы перейдем к сюжетам, связанным с хиджабом, необходимо объяснить, что мы подразумеваем под этим термином. Традиционно в понятие «хиджаб» входит несколько смысловых уровней: с одной стороны, это отрез ткани, закрывающий женский аура, т. е. все тело женщины, за исключением лица, кистей рук и щиколоток, с другой — это и «внутренний хиджаб», т. е. «душевные качества человека, такие как скромность, чистота, целомудрие и т. д.» [1, с. 583]. Однако весьма распространенной является практика называть хиджабом головной платок, закрывающий волосы и шею его обладательницы. Проводя исследование, мы столкнулись с тем, что использование термина «хиджаб» в подобном случае является наиболее распространенным в Тунисе.

Информант из Монастира поделилась историей: «Я надела хиджаб после свадьбы Х. и А. [свадьбы дочерей; в начале 2000-х гг. — Е. А.]. Муж был против, он работал в белядии [местной администрации — Е. А.], при [президенте] Бен Али. Хотел, чтобы я носила просто платок, не хиджаб. Потом по телевизору выступал шейх, который сказал, что, если даже муж против, жена все равно должна надеть хиджаб. И муж это услышал. Сказал на следующий день: „Надевай“. Так по нашей религии. Но я против никабов: Бог не говорил о закрытом лице. А вот сэфсэри не соответствует исламу: волосы открыты, шея»⁸. Респондент раскрывает сразу несколько важных аспектов, характерных для произошедших в конце 1990-х — начале 2000-х гг. перемен. Одним из них является кризис политической системы второго президента З. Бен Али. Он выступал за строго секулярный подход к религии: ряд мусульманских практик и свобод оказался под запретом. В 1981 г. принят циркуляр № 108, согласно которому женщины не имели права покрывать голову в государственных учреждениях. Подобные действия государства послужили катализатором для образования эмоционального сообщества тех, кто считал недопустимым запрет на ношение хиджаба. Важно подчеркнуть, что это сообщество состояло из представительниц разных социальных слоев, их объединяло желание соблюдать нормы шариата любой ценой. Это приводило к поиску компромисса, иногда им становилось сэфсэри. Информант рассказывал про женщину, работающую преподавателем в колледже, которая ходила в сэфсэри, считая это хоть каким-то возможным вариантом хиджаба⁹. Ситуация усложнилась с появлением кабельного телевидения: доступ к религиозным передачам из Египта и Саудовской Аравии привел к распространению популярности хиджаба, отсутствие которого ведущие передач объявляли грехом. Респондент Фузия М. также сослалась на выступление

⁸ ПМА: Фузия М., 1960 года рождения, Тунис, г. Монастир, запись 2017 г.

⁹ ПМА: Мохамед М., 1983 года рождения, Тунис, г. Монастир, запись 2019 г.

некого шейха по телевидению, что помогло ей отстоять свою позицию¹⁰. Хиджаб для определенной группы женщин становится той ценностью, ради которой стоит претерпевать страдания. В то же время параллельно женским практикам росло недовольство некоторых тунисцев, прежде всего тех, кто был задействован на государственной службе. Именно недовольство в данном случае стало той эмоцией, которая объединила вокруг себя эмоциональное сообщество мужчин, выступающих против хиджаба и никаба. Причиной его мог быть страх: мужчины, состоявшие на государственной службе, могли иметь неприятности на работе из-за «чрезмерной» религиозности жены. Важно отметить, что это касалось не только женской религиозности и ношения хиджаба, но и, например, посещения мечети. При президентстве З. Бен Али полиция следила и допрашивала тех, кто посещал мечеть в пятницу, таких мусульман подозревали в радикализме и могли арестовать.

С ростом моды на хиджаб, сэфсэри не исчезает бесследно, а становится предметом, отвечающим за национальную идентичность тунисцев. На наш взгляд, пробудившийся после революции 2011 г. интерес к традиционной одежде, которую можно было использовать как политическое высказывание, а также распространение представлений о необходимости ношения хиджаба, позволяет сформировать компромиссные практики, примиряющие правило, традицию и моду. Так, весьма распространенной формой покрывания головы становится комбинирование головного платка (хиджаба), традиционного платья (джеббы) и сэфсэри. Таким образом, женщина одеждой формирует определенное социальное высказывание: о своих национальной и религиозной идентичностях. Важно отметить, что это касается преимущественно женщин старшего поколения, которые проводят большую часть дня за домашней работой. Что касается работающих женщин, то сегодня многие из них выбирают ношение платка в сочетании с европейской одеждой. Несмотря на то, что основной причиной надевания платка является желание следовать религиозному канону, существует также ряд женских стратегий, в рамках которых хиджаб выступает инструментом для достижения цели. Так, многие из наших информантов отмечали, что девушки надевают платок как сигнал о вступлении в брачный период.

Помимо использования хиджаба для презентации «брачного статуса», существуют также практики его надевания при наступлении определенного возраста, когда не носить платок — нескромно. Во многом эта практика пересекается с ношением сэфсэри, которое в современном Тунисе считается признаком не только традиционности, но и старости: мы ни раз сталкивались с недоуменным восклицанием: «Я что — старуха, чтобы надеть сэфсэри?!». В то же время существует представление о том, что в определенном возрасте женщина должна покрывать волосы, в данном случае хиджаб выступает культурным компромиссом, помогающим соблюсти все правила и не маркирующим столь ярко, как сэфсэри. Таким образом, хиджаб в Тунисе является предметом, который формирует вокруг себя различные эмоциональные сообщества. С одной стороны, существует значительная группа женщин, которые одними из первых надели его, движимые желанием соблюдать

¹⁰ ПМА: Фузия М., 1960 года рождения, Тунис, г. Монастир, запись 2017 г.

религиозные предписания и, как следствие, отстаивать свой выбор любой ценой. Хиджаб в данном случае является несомненной ценностью, важность которого сложно недооценить: выбирая между профессиональной состоятельностью или хиджабом, женщины из такого эмоционального сообщества выберут второе. С другой стороны, существует группа людей (и мужчин, и женщин), которые выступают против хиджаба. Он отталкивает их своей универсальной формой и пластичной природой — хиджабом может стать любой платок подходящего размера, завязанный определенным образом. Он вызывает тревогу у тех, кто считает себя поборником локальной идентичности, например, региона Монастир: мы уже приводили в пример информанта, коренного монастирца, который болезненно переживает любые трансформации традиционного костюма; для членов такого эмоционального сообщества характерно противопоставлять свое локальное («хорошее») чему-то большому, универсальному, пришедшему извне («плохому»).

Никаб

Наиболее радикальной формой хиджаба в Тунисе принято считать никаб — покрывало, закрывающее тело и лицо женщины. Ранее в рассказе респондента прозвучала мысль о недоверчивом отношении к никабу и о том, что он своей формой противоречит словам Корана. Подобное мнение является достаточно распространенным для тунисцев: историк Р. Бен Слама отмечает, что никаб является одним из «симптомов салафизма»¹¹. Настороженное отношение к никабу во многом связано с неолиберальной моделью социального устройства, которая сближает Тунис со странами Европы и, как следствие, с их политическими стратегиями в области «обезопасивания» ислама. В чем, по мнению европейских экспертов, заключается основная «опасность» никаба? Прежде всего, они утверждают, что мусульманские покрывала (бурка, никаб и др.) представляют угрозу физической безопасности граждан, поскольку мусульманские женщины могут использовать эту форму одежды для сокрытия оружия или взрывчатых веществ¹². Кроме того, сторонники ограничений ношения покрывала считают, что оно является преградой для интеграции мусульман в европейское общество и создает маргинализованные и радикализованные группы. В то же время некоторые видят в покрывале мощную символическую угрозу: никаб представляет собой атрибут исламского экстремизма. Возвращаясь к Тунису, важно отметить, что, несмотря на такое отношение к никабу, ряд женщин считают его символом своей политической борьбы за права. Так, исследователи Ф. Хассо и З. Салим приводят пример антагонистического использования эфэсэри и никаба разными группами женщин после революции 2011 г.:

¹¹ El-Hennawy N. Q&A with Rajaa Ben Slama: Tunisia's Islamist-secular divide // Egypt Independent. 2012. 16 авг. URL: <https://egyptindependent.com/qa-rajaa-ben-slama-tunisia-s-islamist-secular-divide/> (дата обращения: 20.05.2022).

¹² Gawlewicz A., Narkowicz K. Slurs like 'letter box' are more problematic than we think: How discriminatory language travels // LSE. 2018. 7 сент. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2018/09/07/slurs-like-letter-box-are-more-problematic-than-we-think-how-discriminatory-language-travels/> (дата обращения: 20.05.2022); Manchanda S., Saiya N. Why veil restrictions increase the risk of terrorism in Europe // LSE. 2019. 17 дек. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2019/12/17/why-veil-restrictions-increase-the-risk-of-terrorism-in-europe/> (дата последнего обращения: 20.05.2022).

с марта по апрель 2012 г. в центре Туниса проходили женские демонстрации в никабах, участницы которых были связаны с партией «Хизб ут-Тахрир». Их целью было добиться разрешения на ношение хиджаба в университетах и на рабочем месте. Ответом на эти акции стали другие женские демонстрации — в сэфсэри и в шашийи (красной мужской войлочной шапке), к которой была приколата лента с изображением тунисского флага [4, с. 72].

28 июня 2019 г. в столице Туниса произошел теракт. По свидетельству очевидцев, один из террористов был одет для маскировки в никаб. В связи с этим правительство издало циркуляр о запрете ношения в государственных учреждениях любого вида головного покрывала, закрывающего лицо. Это решение не вызвало резонанса: никаб, в отличие от хиджаба, который сумел вписаться в женские повседневные практики, является достаточно редкой формой покрывания головы в Тунисе. Во многом это связано с его цветом и формой. Для большинства информантов черный цвет никаба — одна из отталкивающих характеристик наравне с закрыванием лица. Те из них, у кого в последние годы был опыт рабочих командировок в Ливию, с ужасом рассказывают, что на улицах города совсем нет женщин: «По улицам ходит черное нечто»¹³. Когда мы обсуждали с информантами сэфсэри и спрашивали, почему он белого цвета, то самым частым ответом было то, что это цвет праздника, веселья и т. д. Черный никаб в таком случае является антагонистом сэфсэри. Он вызывает чувство тревоги у информантов куда больше, чем цветастый хиджаб.

Заключение

Описанные нами практики использования предметов для покрывания головы продолжают существовать в тунисской культуре, несмотря на периоды борьбы и запрета. Каждый из этих объектов вызывает противоречивые эмоции и является носителем эмоционального раздражения и привязанности. Традиционное покрывало сэфсэри аккумулирует в себе целый спектр значений, каждое из которых связано с понятием тунисской традиции (социальная принадлежность, доход, национальная идентичность его владелицы). При этом оно может свидетельствовать об «архаичности», даже «отсталости» тунисского общества, его могут «стыдиться» и «желать ему смерти». Подобные эмоциональные реакции объединяют вокруг себя разных людей.

Ношение головного платка — хиджаба — в сочетании с традиционным платьем формирует иное положение: здесь главной «нотой» будет религиозная идентичность его владелицы, а также ее принадлежность к определенной возрастной группе. Сочетание хиджаба с европейской одеждой, особенно с брюками или джинсами, может свидетельствовать об инструментальном отношении женщины к хиджабу: с помощью него она стремится сформировать позитивное сообщение о себе, однако в то же время важным является продемонстрировать себя как человека, нечуждого светских тенденций в одежде. При этом хиджаб может свидетельствовать о том, что религиозная идентичность важнее региональной, и это в свою

¹³ ПМА: Мохамед М., 1983 года рождения, Тунис, г. Монастир, 2017 г.

очередь порождает раздражение у тех тунисцев, для которых национальная идентичность является ценностью. Никаб является признаком радикальной религиозности его обладательницы и / или ее семьи. С ним связано наибольшее количество негативных эмоциональных высказываний. В то же время в условиях существующего запрета на ношение никаба в государственных учреждениях, а также в контексте распространенного недоверия к женщинам, презентующим свои взгляды через него, он в свою очередь может представлять в виде нового символа борьбы за свободу женского выбора. Поскольку хиджаб уже не кажется чем-то опасным, новым «врагом» становится никаб: единственная форма одежды, находящаяся сейчас в Тунисе, под запретом. Важно отметить, что существующие в повседневности комбинации в виде ношения хиджаба и сэфсэри (намного реже — никаба и сэфсэри) являются попыткой примирить разные культурные традиции и уровнять важные идентичности — религиозную и региональную.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Албогачиева М.С.-Г. Хиджаб современной мусульманки: традиция или мода? // *Minbar. Islamic Studies*. 2020. Т. 13, № 3. С. 578 — 602.
2. Charrad M. M. Policy Shifts: State, Islam, and Gender in Tunisia, 1930s — 1990s // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 1997. Vol. 4, issue. 2. P. 284 — 319.
3. Dolan A., Holloway S. Emotional Textiles: An Introduction // *TEXTILE: The Journal of Cloth and Culture*. 2016. Vol. 14, issue. 2. P. 152 — 159.
4. *Freedom without Permission. Bodies and Space in the Arab Revolutions*. Durham and London: Duke University Press, 2016. 304 p.
5. Rosenwein B. H. *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca; London: Cornell University Press. 2006. 248 p.
6. Stillman Y. K. *Arab Dress: From the Dawn of Islam to Modern Times*. Leiden; Boston: Brill, 2003. 300 p.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 10.03.2023.

Информация об авторе:

Евгения Вячеславовна Аброськина, младший научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа (190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая площадь, 2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2960-5658>, evgeniia.abroskina@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Albogachieva MS.-G. Hijab of a Modern Muslim Woman: Tradition or Fashion? *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(3):578—602. (in Russ.)
2. Charrad MM. Policy Shifts: State, Islam, and Gender in Tunisia, 1930s — 1990s. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 1997;4(2):284—319. (In Eng.)

3. Dolan A, Holloway S. Emotional Textiles: An Introduction. *TEXTILE: The Journal of Cloth and Culture*. 2016;14(2):152—159. (In Eng.)
4. Freedom without Permission. Bodies and Space in the Arab Revolutions. Durham and London; 2016. (In Eng.)
5. Rosenwein BH. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca; London; 2006. (In Eng.)
6. Stillman YK. Arab Dress: From the Dawn of Islam to Modern Times. Leiden; Boston; 2003. (In Eng.)

The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Information about the author:

Evgeniia V. Abroskina, Junior Researcher of the Department of the East, State Hermitage Museum (2 Palace Square, Saint Petersburg 190000, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2960-5658>, evgeniia.abroskina@gmail.com

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCESУДК 821.512.111.0-3
EDN LNSZVQ<http://vestnikniign.ru>*Научная статья***НОН-ФИКШН В СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ ПРОЗЕ**
(на материале жанра повести)**В. В. Никифорова**Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия,
vera.nickiforova@yandex.ru*Аннотация*

Введение. Современная чувашская проза представляет собой сложное и многогранное явление, в котором сосуществуют разнообразные художественно-стилевые формы [7]. Изучение современного литературного процесса в целом и прозы в частности представляет собой весьма актуальную задачу в литературоведении. В статье на основе описания отдельных жанровых разновидностей повести исследуется один из аспектов современной прозы, определяемый как нон-фикшн.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили художественные произведения современных чувашских писателей, а именно, жанр повести. С точки зрения заявленной темы материал в чувашском литературоведении анализируется впервые, поэтому основными при его изучении являются описательный и структурный методы. Хронологические рамки исследуемых текстов — начало XXI в.

Результаты исследования и их обсуждение. Автор статьи впервые ставит вопрос о необходимости отдельного изучения выбранных прозаических произведений с документальным началом в рамках понятия «нон-фикшн».

Заключение. Изучение отдельных аспектов функционирования жанра способствует пониманию его общих, характерных особенностей на данном этапе, а также принципов создания художественного мира современной прозы в целом. В перспективе полученные результаты могут быть использованы при создании монографических работ по прозе начала XXI в.

Ключевые слова: нон-фикшн, современная проза, XXI в., чувашская проза, повесть, жанровые разновидности повести, документальная повесть, военная повесть, автобиографическая повесть, повесть в письмах

Для цитирования: Никифорова В. В. Нон-фикшн в современной чувашской прозе (на материале жанра повести) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 178 — 185. EDN LNSZVQ

Original article

NON-FICTION IN MODERN CHUVASH PROSE (a case study of the novella genre)

V. V. Nikiforova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia,
vera.nikiforova@yandex.ru

Abstract

Introduction. Modern Chuvash prose is a complex and multifaceted phenomenon in which a variety of artistic and stylistic forms simultaneously coexist [7]. The study of the modern literary process in general and prose in particular is a very crucial task in literary studies. This article explores one of the aspects of modern prose defined as non-fiction, based on the description of individual genre varieties of the prose.

Materials and methods. The material for the study was the artistic works of modern Chuvash writers, namely, the novella genre. From the point of view of the stated topic, the material in Chuvash literary studies is analyzed for the first time, therefore, descriptive and structural methods are the main ones in its study. Chronological framework of the texts studied — the beginning of the XXI century.

Results and discussion. The author of the article for the first time raises the question of the need for a separate study of selected prose works with a documentary beginning within the concept of “non-fiction”.

Conclusion. The study of certain aspects of the genre function contributes to the understanding of its general characteristic features at this stage, as well as the principles of creating the artistic world of modern prose as a whole. In the future, the results obtained can be used to create monographic works on prose of the beginning of the XXI century.

Keywords: non-fiction, modern prose, XXI century, Chuvash prose, novella, genre varieties of novella, documentary novella, military novella, autobiographical novella, novella in letters

For citation: Nikiforova VV. Non-fiction in Modern Chuvash Prose (A Study Case of the Novella Genre). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2023;15(2):178—185. EDN LNSZVQ

Введение

Термин «non fiction» (от англ. non fiction — не вымысел) родился на Западе в середине 1960-х гг.¹, в российском литературоведении утвердился в конце прошлого столетия [6, с. 14]. В настоящее время активно используется как форма «non fiction», так и его русская калька — «литература нон-фикшн».

Сегодня в отечественной словесности в целом и в чувашской в частности особо выделяется пласт литературы с отчетливо выраженным документальным началом. Существующие определения не в полной мере и не совсем точно отражают суть явления. Многие исследователи часто интуитивно используют для его обозначения термин «нон-фикшн». «Это тот самый случай, когда иностранный термин нельзя в точности перевести на русский язык»². С нашей точки зрения, именно

¹ Басинский П. Non fiction — один из самых парадоксальных жанров. URL: <https://rg.ru/2015/07/13/basinskii.html> (дата обращения: 16.03.2023).

² Там же.

данное понятие наиболее адекватно отражает особенности явления. Цель настоящей статьи — проанализировать его специфику на материале некоторых жанровых разновидностей современной чувашской повести (документальная, военная, автобиографическая и повесть в письмах).

Материалы и методы

Материалом исследования является отдельный жанр чувашской прозы — повесть. С выбранной точки зрения данный жанр анализируется впервые, поэтому основными при его изучении являются описательный и структурный методы. В работе отобранный материал последовательно описывается и систематизируется, воссоздается общая модель структуры произведений, выявляются их отдельные элементы и связи между ними.

Обзор литературы

Сегодня в российской науке все еще нет окончательных общепринятых определений термина «литература нон-фикшн». Отчасти это можно объяснить новизной самого явления. Данный вид литературы интересует многих исследователей [2, 3, 4, 5, 8]. В частности, Е. Г. Местергази, анализируя документальное начало в отечественной литературе XX в., отмечает, что «в качестве синонимичных успешно функционируют понятия, не всегда таковыми являющиеся: „документальная литература“, „документально-художественная литература“, „газетно-журнальная документалистика“, „литература факта“, „человеческий документ“, „литература нон-фикшн / поп-fiction“ и т. д. Большинство из них рождено в литературно-критической практике и „официально“ наукой не признано, не имеет прочного статуса. Удивительная разноголосица царит и в сфере таких жанровых обозначений, как „дневник“, „мемуары“, „записки“, „автобиография“, „биография“ и т. п». С ее точки зрения, оправданным представляется использование словосочетания «документальное начало в литературе», не имеющего строго терминологического характера, но вместе с тем емкого и верного по своей сути [6, с. 10].

Вопрос взаимоотношения понятий «нон-фикшн», «документальная литература» и иные вопросы, касающиеся границ и смысловой наполненности термина «нон-фикшн», несомненно, могут стать поводом для еще множества отдельных исследований.

Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее полное теоретическое и практическое исследование особенностей чувашской средней эпической формы проведено В. А. Абрамовым в работе «Становление и развитие чувашской повести» (2004). В ней рассматриваются вопросы теории чувашской повести, история становления и развития жанра до конца XX в. Описываются отдельные жанровые разновидности: фантастические, приключенческие, детективные, сатирико-юмористические повести. Опираясь на труды предшественников и проанализировав огромный материал, исследователь делает вывод, что повесть на протяжении полувека и количественно, и качественно занимает ведущее место в чувашской литературе [1, с. 3]. Исследователь доказывает, что в становлении и развитии чувашской повести нужно выделять три этапа: 1) 80-е гг. XIX в., 2) 20-е — начало 30-х гг. XX в., 3) конец 50-х — 90-е гг. XX в. Последний этап, по мнению ученого, с которым трудно не согласиться, стал триумфальным для чувашской повести. В настоящей статье мы обратимся к следующему периоду

в развитии чувашской повести — началу XXI в.; проанализируем ее отдельные жанровые разновидности, пребывающие в понятийном поле «нон-фикшн».

В работе под литературой нон-фикшн подразумевается художественная проза, описывающая реальные факты и события с привлечением документальных свидетельств, «литература с главенствующим документальным началом» [6, с. 16]; а также ряд произведений, объединяемых данной особенностью. Мы согласны с Е. Г. Местергази, которая считает, что «при этом имена, названия могут быть подлинными, а могут в отдельных случаях заменяться на вымышленные; под документальным свидетельством понимаются как официальные документы, справки и пр., так и записи устных рассказов, в том числе литературно обработанные, а также невымышленные повествования писателей, ставших свидетелями и участниками важнейших исторических событий» [6, с. 16]. В любом случае данный вид творчества строго привязан к конкретным, реальным жизненным фактам.

Область существования понятия «нон-фикшн» включает в себя также различные жанры и жанровые разновидности. В нашем случае, речь идет о повести и ее следующих форматах: документальная, военная, автобиографическая и повесть в письмах.

Документальная повесть — разновидность повести, сюжет которой основан на документах, реальных событиях, воспоминаниях очевидцев и самого автора. В документальной прозе соединяются особенности публицистического и художественного стиля. Повесть чувашского прозаика В. П. Савелькина «Элчел» («Горькая участь», 2009) имеет подзаголовок «непридуманная повесть». Автор предупреждает, что повесть написана на основе материалов из архива КГБ (ФСБ) ЧР. В ней рассказывается о судьбе чувашского солдата Анатолия Кадеева, а также других солдат, попавших в плен к немцам в начале Великой Отечественной войны. Позже они оказались в Волжско-татарском легионе (легион «Идель-Урал»), который состоял в основном из татар, башкир, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов.

В сознании советского человека утвердилось негативная оценка деятельности данного легиона, армии Власова, немецкого государства того времени. Автор повести показывает их с другой стороны. Пленные живут в очень хороших условиях. Анатолий помогает Й. Бенцингу, известному тюркологу и востоковеду, составлять чувашско-немецкий словарь, вместе с товарищами издает газету; ведет агитационную работу, пытаясь убедить слушателей в благих намерениях Германии по отношению к народам Поволжья. Время от времени молодые люди, конечно, сомневаются в правильности своего выбора. Но они успокаивают себя, считая, что родина и советская власть — не одно и то же: они пошли против советской власти, а родину не предавали.

В целом, В. П. Савелькин по законам жанра не пытается углубиться во внутренний мир своих героев. Цель документальной повести — познакомить читателя с фактами, раскрыть другую реальность. В языке произведения нет явных шероховатостей. Она хорошо читается, вызывает интерес. Однако повесть адресована возрастной категории 16+. В такого рода произведениях должна быть четкая авторская позиция, которую, к сожалению, невозможно проследить. Недостаточно идеи о том, что историческое событие нужно оценивать с разных сторон. Молодому читателю многое нужно объяснять. С одной стороны — наши деды и прадеды,

Александр Матросов и Зоя Космодемьянская, миллионы других солдат, которые не пожалели собственной жизни ради спасения родины. С другой — солдаты, которые живут в достатке, ходят по ресторанам, получают хорошую зарплату. Возможность неправильных выводов для современного поколения вполне реальна, так как оно выросло в совершенно иных условиях. Произведение о Великой Отечественной войне, хотим мы этого или нет, нельзя оценивать только с точки зрения художественных достоинств.

В предисловии к документальной повести «Тавар сапнӑ суран» («Боль. Ужасная боль», 2015) В. М. Савельева предупреждает, что она описывает происходящее глазами журналиста и не избежала фактографии. В книге также выявляются особенности публицистического и художественного стиля. Вероятно, что описание тюремной жизни не может обойтись языковыми средствами только художественного стиля — это место бытования само по себе очень некрасивое. Книгу также нельзя определить только как автобиографическую, так как в ней показываются биографии и судьбы многих людей, попавших в заключение. Произведение отчасти сопоставимо с воспоминаниями чувашской актрисы Т. Юн (1903 — 1977). В 1937 г. они вместе с мужем, режиссером И. С. Максимовым-Кошкинским, были репрессированы, вернулись домой только в 1940 г.

В повести Р. П. Прокопьевой «Сар хӗвел хӗрелсен» («Когда краснеет солнце», 2018) изображается красивая история жизни и любви известной пары художников Кориных. Девочка из чувашского села Прасковья Петрова, волею судьбы оказавшаяся в Москве, впоследствии станет женой Павла Дмитриевича Корина и замечательным реставратором [9]. Книга вызывает интерес не только документальной основой. Она отличается серьезностью слога, искренностью и чистотой художественной речи в целом. Герои повести — личности, достойные глубокого уважения, посвятившие свою жизнь служению искусству.

Очень близок, документальной и автобиографической формат военной повести. Действие в подобных произведениях разворачивается в годы войны, либо из рассказов сегодняшнего дня переносится в то военное время и обстоятельства. Самым приметным современным автором здесь является А. Д. Хмыт. Главной темой его творчества на протяжении многих лет остается Афганская война. Автор, испытавший на себе ужасы этого трагического события, как никто другой умеет передавать боль и страдания тех, кто это пережил. Первая повесть «Вилӗмсӗр кайкӑр юрри» («Песня бессмертного сокола») опубликована отдельной книгой в 2002 г. Далее его повести увидели свет в книгах «Ан тӑк куҫсуль, аннеҫӗм» («Вытри слезы, мама», 2003) и «Тӗлленмен тӗлӗк» («Это не было сном», 2020). Герои произведений Хмыта — в основном солдаты, прошедшие эту войну, или же оставшиеся на поле битвы. Стиль прозаика в целом сжатый, немногословный, но емкий. Чувствуется, что многое остается «за кадром», а это побуждает читателя к размышлениям, внутренней работе.

Автобиографическая повесть — художественное описание писателями событий собственной жизни, как правило, в хронологической последовательности. Героиня повести А. Ф. Мышкиной «Атте пилӗ» («Благословление отца», 1999) Алюнчка в одиннадцать лет остается без матери, а через три года — без отца. Неподъемное горе ложится на ее хрупкие плечи. Прозаик очень чутко передает трагедию, чувства

и переживания подростка. В повести отмечаются черты психологизма. Героиня близка подросткам талантливейшего чувашского прозаика Ю. И. Скворцова — Славику (рассказ «Славик», 1966), Тамаре (повесть «Хёрлэ мӓкӓнь» («Красный мак», 1962)).

Хорошим примером автобиографической прозы является повесть С. Л. Павлова «Асамлӓ кӓпер» («Волшебный мост», 2019). Автору удалось создать красивые, запоминающиеся эпизоды своего детства. Здесь он использовал немало документального материала: фотографии, воспоминания брата поэта М. К. Сеспеля — Г. К. Кузьмина. Тем не менее жанровую разновидность повести правильнее определять как автобиографическую: события описываются эмоционально, с точки зрения ребенка. Интересной представляется его оценка творчества гениального чувашского поэта.

Повесть в письмах представляет собой редкий жанр в современной чувашской литературе. Наглядный образец — текст А. А. Ыхры «Шур-шур урлӓ хур кайӓксем...» («Болотами-болотами дикие гуси...», 2003). В данном случае речь идет в первую очередь о формальном выражении текста — повесть состоит в основном из писем молодого человека к сестренке Луизе. Складывается впечатление, что для автора форма была очень важна. Именно через эпистолярный жанр он смог выразить лирическое настроение эпохи.

С точки зрения содержания — повесть автобиографична и лирична. Главный герой — «хур кайӓк чунӓллӓ Пайтул» («Пайдул с душой дикого гуся»). Под каждым письмом он старается подписываться по-другому, раскрывая новые грани своей личности: «Хур кайӓк пулма ёмӓтленекен Пайтул» («Пайдул, мечтающий стать диким гусем»), «Эсӓ сываласса шанакан пиччӓ Пайтул» («Брат Пайдул, надеющийся на твоё выздоровление»), «Пайтул-дружинник». Молодой человек и во время учебы, и во время службы в армии искренне готов отдать свою жизнь за родной язык, чувашский народ. Чистота и наивность его как на ладони. Название повести и эпиграф к ней взяты из народной песни.

В произведении ярко запечатлена атмосфера конца 1960-х гг., приметы и идеалы того времени (воодушевление молодежи полетом чувашского парня Андрияна Николаева в космос, октябрьские праздники, стремление молодых людей стать дружинником). Очевидно, что современники назвали бы главного героя «героем нашего времени». Это поколение с чистой душой верило и принимало идеалы современности, старалось быть лучше. Лейтмотив дикого гуся, пронизывающий произведение, помогает воспринимать жизнь Луизы как красивый рисунок. Отдельные детали и эпизоды тесно связаны друг с другом, создают цельный образ героини.

В повести в письмах Хв. Агивера «Кӓрхи ейӓ» («Осеннее половодье», 2020) запечатлена история любви автора и его жены Валентины. Основу сюжета составляет их переписка начала 1970-х гг. В произведении опубликованы фотографии возлюбленных, что придает ему еще большую документальность. По сравнению с повестью А. Ыхры, в тексте Хв. Агивера меньше лиричности.

Жанровая форма произведения «Май сыххи» Хв. Агивера («Ожерелье») определена автором как «калав-тӓрленчӓксенчен тӓракан кун-сул пуххи (Василий Аста сӓн ӓкерекен хӓй пурнӓфне шура хут сине вӓхӓтӓн-вӓхӓтӓн сӓнарласа пынисем)». Данную номинацию буквально можно перевести как «собрание жизненных историй, состоящее из рассказов и очерков (моменты собственной жизни, изображаемые

время от времени на белом листе фотографом Василием Мастером)». Произведение представляет собой текст, состоящий из отдельных частей, каждая из которых озаглавлена. Они объединены образом рассказчика. Объем произведения достаточно большой, более двухсот страниц. В нем присутствуют как реально существовавшие деятели литературы (Ю. И. Скворцов, Хв. Уяр, М. Ильбек), так и литературные герои. В тексте выявляются черты социально-психологической, социально-философской, художественно-публицистической повестей и даже лирического очерка.

Заключение

Изучение принципов создания художественного мира современной прозы, выявление ее отличительных особенностей на данном этапе является весьма важной задачей в литературоведении. В статье на основе описания отдельных жанровых разновидностей повести был проанализирован один из аспектов современной чувашской прозы, определяемый как *нон-фикшн*. Он представляет собой особый вид художественной литературы, который продолжает традиции чувашской документальной прозы XX в.³, но это более сложное явление, объединяющее, в том числе, форматы с сильно выраженным документальным началом (документальная повесть, военная повесть, автобиографическая повесть, повесть в письмах). В перспективе изучение их специфики и взаимосвязи может стать поводом для других работ. Результаты статьи могут быть использованы при изучении современного периода в развитии литератур народов России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов В. А. Становление и развитие чувашской повести: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2002. 19 с.
2. Арпентьева М. Р. Особенности *нон-фикшн-литературы* // Текст в языковом, историческом, философском пространстве: сб. науч. тр. М.: МФЮА, 2019. С. 215 — 220.
3. Гвоздев А. Б. Искусство факта. Понятие «креатив-нон-фикшн» // Балтийский филологический курьер. 2011. № 8. С. 241 — 249.
4. Казакова Г. М. *Нон-фикшн* в современной книжной культуре // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 7 — 12.
5. Мачеева А. В. К вопросу о духовной прозе как литературе *нон-фикшн* // Грани познания. 2015. № 3 (37). С. 82 — 84.
6. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 49 с.
7. Никифорова В. В. Современный литературный процесс: чувашская интеллектуальная проза рубежа XX — XXI веков. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 3 — 9. (Науч. доклады / ЧГИГН; вып. 25).
8. Савельева Е. А. Между литературой и журналистикой: *нон-фикшн* в зарубежном и отечественном литературоведении // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 2 (83). С. 85 — 91.
9. Чекушкина Е. П. Исторический ракурс и жанровое многообразие современной чувашской прозы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90), ч. 2. С. 266 — 269.

³ Артемьев Ю. М. Документальная проза // Чувашская энциклопедия : в 4 т. Чебоксары, 2004. Т. 1. С. 522.

Статья поступила в редакцию 31.03.2023; одобрена после рецензирования 11.04.2023; принята к публикации 17.04.2023.

Информация об авторе:

Вера Витальевна Никифорова, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидат филологических наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр-т, 29/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0175-5678>, vera.nikiforova@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Abramov VA. Formation and Development of the Chuvash Novella. Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Cheboksary;2002. (In Russ.)
2. Arpentyeva MR. Features of Non-fiction Literature. *Text in Linguistic, Historical, Philosophical Space: Collection of Scientific Works*. Moscow;2019:215—220. (In Russ.)
3. Gvozdev AB. The Art of Fact. The Concept of “Creative Non-fiction”. *Baltic Philological Courier*. 2011;(8):241—249. (In Russ.)
4. Kazakova GM. Non-fiction in Modern Book Culture. *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2016;(3):7—12. (In Russ.)
5. Macheeva AV. Revisiting Spiritual Prose as Non-fiction Literature. *Facets of Cognition*. 2015;(3):82—84. (In Russ.)
6. Mestergazi EG. Artistic Literature and Reality (the Documentary Beginning in the Russian Literature of the XX Century). Extended Abstract of Dr. Sci. (Philology) Dissertation. Moscow;2008. (In Russ.)
7. Nikiforova VV. Modern Literary Process: Chuvash Intellectual Prose at the Turn of the XX — XXI Centuries. *Scientific Reports of Chuvash State Institute of Humanities*. 2018;(25):3—9. (In Russ.)
8. Saveleva EA. Between Literature and Journalism: Non-fiction in Foreign and Russian Literary. *Bulletin of the Cherepovets State University*. 2018;(2):85—91. (In Russ.)
9. Chekushkina EP. Historical Perspective and Genre Diversity of Modern Chuvash Prose. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018;(12):266—269. (In Russ.)

The article was submitted 31.03.2023; approved after reviewing 11.04.2023; accepted for publication 17.04.2023.

Information about the author:

Vera V. Nikiforova, Senior Researcher of the Philological Branch of the Chuvash State Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary 428015, Russia), Candidate of Sciences in Philology, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0175-5678>, vera.nikiforova@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 81'282=511.152
EDN MHRYQQ<http://vestnikniig.ru>*Научная статья*

СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТНЫХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ДИАЛЕКТАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

Г. С. Иванова¹✉, Е. А. Николаева², О. В. Белкина³, К. И. Сайгутина¹¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия² Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, Россия³ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия

✉galina17-05@yandex.ru

Аннотация

Введение. В современном мокшанском языке различаются два типа спряжения — безобъектное и объектное. Объектное спряжение характеризуется наличием субъектно-объектных суффиксов, выражающих лицо и число субъекта и объекта действия. По объектному спряжению изменяются только транзитивные глаголы, а также не транзитивные, выступающие в значении транзитивных. В статье мы рассматриваем объектные формы прошедшего времени в диалектах мокшанского языка с целью выявления диалектных особенностей.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили диалектные данные, собранные с 2005 по 2016 г. в районах компактного проживания мокшанского населения на территории Республики Мордовия. Основными методами исследования стали синхронно-описательный и сопоставительный. Первый нашел применение при синхроническом описании словоизменительных явлений в центральном, юго-восточном и средне-вадском диалектах мокшанского языка, второй — при более конкретном анализе языковых процессов на междиалектном уровне.

Результаты исследования и их обсуждение. Имеющийся фактический материал позволил провести междиалектные сравнения языковых фактов, которые дали неоднозначные результаты: с одной стороны, это наличие омонимичных форм, которые свойственны всем диалектам, с другой — сохранение (развитие) отдельных формантов в составе субъектно-объектных суффиксов. Были выявлены особенности в агглютинации показателей субъекта и объекта. Дифференциация на фонетическом уровне, наблюдаемая в диалектах мокшанского языка, затронула как корневую морфему, так и субъектно-объектные суффиксы. Результаты исследования найдут применение в практике преподавания дисциплин по диалектологии мокшанского языка в вузах Республики Мордовия, написании рефератов, курсовых и выпускных работ.

Заключение. Перспектива дальнейшего изучения проблемы видится в комплексном исследовании морфологии глагола в диалектах мокшанского языка с целью составления мокшанского диалектологического атласа, отражающего специфику глагольного словоизменения как в синхронии, так и в диахронии.

Ключевые слова: мокшанский язык, диалект, глагол, парадигма словоизменения, объектное спряжение, субъектно-объектный суффикс

Для цитирования: Иванова Г. С., Николаева Е. А., Белкина О. В., Сайгутина К. И. Специфика объектных форм прошедшего времени в диалектах мокшанского языка // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 186 — 197. EDN MHRYQQ

© Иванова Г. С., Николаева Е. А., Белкина О. В., Сайгутина К. И., 2023

Original article

SPECIFICITY OF OBJECT FORMS OF THE PAST TENSE IN THE DIALECTS OF THE MOKSHA LANGUAGE

G. S. Ivanova¹✉, Nikolaeva E. A², O. V. Belkina³, K. I. Saigutina¹

¹ National Research Mordovian State University named after N. P. Ogaryova, Saransk, Russia

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

³ Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia

✉galina17-05@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the modern Moksha language, two types of conjugation are distinguished — objectless and object. The object conjugation is characterized by the presence of subject-object suffixes expressing the person and number of the subject and object of the action. According to the object conjugation, only transitive verbs change, as well as non-transitive, acting in the meaning of transitive. In this article we consider the object forms of the past tense in the dialects of the Moksha language in order to identify dialect features.

Materials and methods. The material for the study was the dialect data collected from 2005 to 2016 in the areas of residence of the Moksha population on the territory of the Republic of Mordovia. The main research methods were synchronous descriptive and comparative methods. The first found application in the synchronous description of inflectional phenomena in the central, southeastern and middle Vad dialects of the Moksha language, the second was used in a more specific analysis of linguistic processes at the interdialectal level.

Results and discussion. The available factual material made it possible to carry out interdialectal comparisons of linguistic facts, which gave ambiguous results: on the one hand, this is the presence of homonymous forms that are characteristic of all dialects, on the other hand, the preservation (development) of individual formants as part of subject-object suffixes. Peculiarities in the agglutination of the indicators of the subject and object were revealed. The differentiation at the phonetic level, observed in the dialects of the Moksha language, affected both the root morpheme and the subject-object suffixes. The results of the study will find application in the practice of teaching disciplines in the dialectology of the Moksha language in the universities of the Republic of Mordovia, writing essays, term papers and graduation papers.

Conclusion. The prospect of further study of the problem is seen in a comprehensive study of the morphology of the Moksha verb in the dialects of the Moksha language with the aim of compiling the Moksha dialectological atlas, reflecting the specifics of the Moksha verbal inflection both in synchrony and in diachrony.

Keywords: Moksha language, dialect, verb, inflection paradigm, object conjugation, subject-object suffix.

For citation: Ivanova GS, Nikolaeva EA, Belkina OV, Saigutina KI. Specificity of Object Forms of the Past Tense in the Dialects of the Moksha Language. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):186—197. EDN MHRYYQ

Введение

Данная статья является продолжением исследований по морфологии мокшанских диалектов. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью изучения парадигматического потенциала объектного спряжения в мокшанском диа-

лектном ареале для пополнения банка данных по морфологии мокшанского глагола и составления лингвистического атласа мокшанских диалектов.

Актуальность темы связана с решением следующих задач: 1) выявление информантов среди носителей того или иного диалекта; 2) сбор диалектного материала; 3) фиксация языковых фактов посредством применения всевозможных приемов, управляющих речевым поведением информанта; 4) сравнительный анализ языковых явлений.

Объектом исследования являются юго-восточный, центральный, средне-вадский диалекты мокшанского языка, отличающиеся друг от друга в первую очередь фонетическими и морфологическими признаками.

Обзор литературы

Методологической базой исследования послужили научные труды ведущих ученых финно-угроведов, а также работы мордовских диалектологов. Диалектные особенности мокшанского языка всегда находились в центре внимания ученых, они описаны в работах многих исследователей: Х. Паасонена [17], К. И. Ананьиной [2], Р. В. Бабушкиной [3], С. З. Деваева [4], С. И. Липатова [9], А. П. Феоктистова [13], Г. С. Ивановой [5; 6; 14], Н. Ф. Кабаевой [7], М. З. Левиной¹ и др.

Самая внушительная работа по объектному спряжению глагола в современных мордовских языках принадлежит П. Г. Матюшкину, который в диссертационном исследовании подробно описал глагольное изменение в мокшанском и эрзянском языках по всем семи наклонениям. Автор выделяет три основных момента, характерных для данного типа спряжения: 1) переходность глаголов; 2) выражение глаголами законченного действия; 3) определенность объектов действия. Он отмечает, что объектное спряжение в мокшанском языке от эрзянского отличается аффиксами и формами времени, к тому же в отличие от мокшанского в эрзянском языке субъектно-объектные суффиксы имеют варианты [11].

Справедливости ради следует отметить, что образцы объектного спряжения глаголов в эрзянском и мокшанском языках с кратким грамматическим очерком даются еще в первой вузовской грамматике мордовских языков (автор раздела «Глагол» Р. А. Заводова)² [4], соответствующие разделы имеются и в более поздних грамматиках мордовских языков³ [5; 15].

Как отмечает К. Е. Майтинская, дифференциация на объектный и безобъектный типы спряжения имеется и в других языках финно-угорской группы: венгерском, хантыйском, мансийском, входящих в угорскую подгруппу, а также в самодийских. Однако, если в мордовских языках имеются специальные местоименные форманты, указывающие на лицо объекта, то в угорских языках показатели объектных форм не имеют отношения к лицу объекта. Относительно возникновения объектного спряжения большинство исследователей сходятся на том, что его развитие можно отнести к концу распада финно-угорского праязыка в результате па-

¹ Левина М. З. Мокшень диалектологиясь: тонафнемань пособия. Саранск, 2014. 176 с.

² Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков: фонетика и морфология. Саранск, 1962. 376 с.

³ Грамматика мордовских языков. Саранск, 1980. 430 с.; Мокшень кяль. Морфология. Саранск, 2000. 236 с.

раллельных процессов, хотя предпосылки могли появиться еще в прауральскую эпоху [10].

Формирование спряжения, по мнению П. Хайду, началось с 3-го лица, где существовали две возможности образования глагольных форм: у транзитивных глаголов с личным окончанием, у интранзитивных — без него; далее разграничение между двумя типами спряжения проникло из 3-го лица в два первых, откуда и началось формирование объектного спряжения [16]. Б. А. Серебренников связывает начало развития объектного спряжения в восточных финно-угорских языках с 1-м лицом прошедшего времени на основе использования лично-притяжательных суффиксов в их собственном значении [12, с. 194].

Л. Керестеш отмечает, что носители мордовских языков воспользовались древними элементами, находившимися в их распоряжении, и когнитивным восприятием действительности, посредством которого все больше и больше новых элементов включалось в мордовскую языковую структуру [8, с. 103, 110 — 111].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили диалектные данные, хранящиеся в словарном кабинете филологического факультета, а также собранные авторами в районах компактного проживания мокшанского населения на территории Республики Мордовия. Во время работы над статьей наиболее эффективными методами исследования были признаны синхронно-описательный и сопоставительный; система исследовательских приемов синхронно-описательного метода была использована при синхронической характеристике диалектных явлений на данном этапе развития мокшанского языка; сопоставительный метод был применен при более глубоком анализе языковых фактов, каковым является выявление различий в парадигме прошедшего времени объектного спряжения на междиалектном уровне.

Результаты исследования и их обсуждение

Современные форманты объектного спряжения имеют генетическую связь с притяжательными суффиксами имени; они кроме числа и лица субъекта действия могут выражать число и лицо объекта, на который направлено действие, а также время совершения действия и наклонение. При этом глагол имеет три лица (1, 2, 3-е), два числа (ед. и мн.), четыре времени (настоящее, I прошедшее (основное), II прошедшее (продленное), будущее сложное) и семь наклонений (индикатив, конъюнктив, императив, кондиционалис, кондиционалис-конъюнктив, дезидератив, оптатив). Кроме того парадигматическая система объектного спряжения имеет шесть словоизменительных рядов: *mon'* 'меня', *ton'* 'тебя', *son'* 'его', *min'* 'нас', *t'in'* 'вас', *s'in'* 'их', и во всех шести парадигмах субъектно-объектные показатели свойственны для всех трех лиц⁴.

Форманты располагаются в следующей последовательности: показатели лица объекта, времени, числа, лица субъекта.

Мы проанализируем объектные формы прошедшего времени в индикативе. Данный вопрос исследователями до сих пор не рассматривался.

⁴ Грамматика мордовских языков.

Из всех наклонений мокшанского языка индикатив отличается отсутствием суффикса наклонения: форма индикатива состоит из глагольной основы (производной или непроеизводной) и словоизменительного аффикса 1, 2 или 3-го лица.

Диалектные формы индикатива мокшанского языка дифференцированы прежде всего на фонетическом и морфологическом уровнях. Различия фонетического плана заключаются в наличии или отсутствии фонемы *ä* в составе субъектно-объектных суффиксов: данная фонема присутствует только в центральном, в юго-восточном и средне-вадском диалектах в позиции ауслаута после палатального или палатализованного согласного, а также в середине слова между палатальными или палатализованными согласными *ä > e* [7; 13; 14], например: центр. *-t'ä(n')*, ю.-в., ср.-в. *-t'e(n')*; центр. *-t'äd'äz'*, ю.-в., ср.-в. *-t'ed'ez'*.

В индикативе мокшанского языка два прошедших времени: I прошедшее и II прошедшее. Формы I прошедшего времени обозначают как законченное, так и длительное действие, II прошедшего времени — незаконченное действие.

I прошедшее время образуются путем присоединения личных окончаний прошедшего времени к основе глагола.

В диалектах мокшанского языка показателем I прошедшего времени выступает суффикс *-aj / -ej / -a / -e* — в формах 1-го и 2-го лица; *-z' < *s'* — в форме 3-го лица; показателями объекта действия являются: в парадигмах *mon'* 'меня', *min'* 'нас' — *-ma; ton'* 'тебя', *t'in'* 'вас' — *-t' / -d'*; в парадигмах *son'* 'его', *s'in'* 'их' — *s' / -z'* (звонкий вариант появился в результате ассимиляции со стороны звонкого согласного или в интервокальном положении) [15, с. 512].

Особенность спряжения в I прошедшем времени в центральном, юго-восточном и средне-вадском диалектах мокшанского языка заключается в следующем:

1. В парадигмах *mon'* / *min'* отсутствуют формы 1-го лица ед. и мн. числа; являются тождественными: а) формы 2-го лица мн. числа в парадигме *mon'* 'меня', 2 лица ед. числа и мн. числа в парадигме *min'* 'нас': ю.-в. *askə-mas't'* / центр. *uskə-mas't'* / ср.-в. *usk(ə)-mes't'* 'вы меня подвезли; ты нас подвез; вы нас подвезли'; б) формы 3-го лица мн. числа в парадигме *mon'* 'меня', 3-го лица ед. числа ряда *min'* 'нас' и 3-го лица мн. числа в парадигме *min'* 'нас': ю.-в. *askə-maz'* / центр. *uskə-maz'* / *usk(ə)-mez'* 'они меня подвезли; он нас подвез; они нас подвезли'.

Показателем 2-го лица ед. числа субъекта и 1-го лица ед. числа объекта действия служат междиалектные дублиеты суффикса — центр., ю.-в. *-majt'* / ср.-в. *-mej't'*: *askə-majt'* / *uskə-majt'* / *usk(ə)-mej't'* (*ton* — *mon'*) 'ты меня подвез'; 3-го лица ед. числа субъекта и 1-го лица ед. числа объекта — суффикс центр., ю. в. *-man'* / ср.-в. *-men'*: *askə-man'* / *uskə-man'* / *usk(ə)-men'* (*son* — *mon'*) 'он меня подвез'.

2. Во всех рассматриваемых диалектах в парадигмах *ton'* / *t'in'* отдельные субъектно-объектные суффиксы имеются лишь в форме 1-го лица ед. числа ряда *ton'* 'тебя' — *-t'ən'*: центр., ср.-в. *usk-iJ-t'ən'* / ю.-в. *usk-iS'-t'ən'* (*mon* — *ton'*) 'я тебя подвез' и в форме 3-го лица ед. числа ряда *ton'* 'тебя' — центр. *-n'd'z'ä'* / ю.-в. *-n'd'z'ät'* / ср.-в. *-n'd'z'ë'*: центр. *uskə-n'd'z'ä'* / ю.-в. *uskə-n'd'z'ät'* / ср.-в. *uskə-n'd'z'ë'* (*son* — *ton'*) 'он тебя подвез'.

Две формы ед. числа в парадигме *ton'* 'тебя' и форма мн. числа в парадигмах *ton'* 'тебя' / *t'in'* 'вас' совпадают, они выражаются с помощью суффикса — центр. *-d'äz'* / ю.-в., ср.-в. *-d'ez'*: центр. *uskə-d'äz'* / ю.-в. *askə-d'ez'* / ср.-в. *uskə-d'ez'*

(*mon* — *t'in'*; *son* — *tin'*; *min* — *t'on'*; *s'in'* — *ton'*; *min* — *t'in'*; *s'in'* — *t'in'*) ‘я вас подвез; он вас подвез; мы тебя подвезли; они тебя подвезли; мы вас подвезли; они вас подвезли’.

3. В парадигмах *son'* / *s'in'* аналогичные суффиксы определяют формы 1, 2 и 3-го лица ед. числа: *-i(j)n'ä* / *-i(j)n'ë* / *-i(j)n'ə(n')* (1 л.), *-i(j)t'* (2-е лицо).

Формы 3-го лица ед. числа в парадигмах *son'* / *s'in'* отличаются показателем множественности объекта *-n'*, который присоединяется к показателю лица *-z'ə*: *uskə-z'ə* ‘он его подвез’, *uskə-z'ən'* ‘он их подвез’; во мн. числе в рядах *son'* / *s'in'* формы 3-го лица совпадают: *uskə-z'* ‘они его подвезли; они их подвезли’.

4. Специальные форманты для выражения 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа объекта действия в парадигмах *son'* / *s'in'* имеются лишь в юго-восточном диалекте, где 1-е лицо ед. числа объекта передается при помощи суффикса *-i(j)n'ək*: *usk-i(j)n'ək* (*min'* — *s'in'*) ‘мы их подвезли’; 2-е лицо ед. числа — при помощи суффикса *-s't'*: *uskə-s't'* (*t'in'* — *son'*) ‘вы его подвезли’.

5. В средне-вадском диалекте в составе формантов 3-го лица ед. и мн. числа в парадигмах *ton'* / *min'* ‘меня / нас’; 1-го и 3-го лица мн. числа в парадигме *ton'* ‘тебя’, а также 1-го и 3-го лица ед. и мн. числа в парадигме *tin'* ‘вас’ сохранился формант *j*: центр., ю.-в. *-maz'* / ср.-в. *-m'ejz'*, центр. *-d'üz'* / ю.-в. *-d'ez'* / ср.-в. *-d'ejz'*.

Специфика объектных форм **I прошедшего времени** в центральном, юго-восточном и средне-вадском диалектах мокшанского языка представлена в табл. 1.

Таблица 1 Спряжение глагола *s'imd'əms* ‘подвезти’ в I прошедшем времени
Table 1 Conjugation of the verb *s'imd'əms* ‘to give drink’ in the I-st past tense

А)

Единственное число	Множественное число
1	2
Ряд <i>ton'</i> ‘меня’	
1 лицо	—
2 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-majt'</i> , центр. <i>s'imd'ə-majt'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'ejt'</i> ‘ты меня напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'ə-mas't'</i> , центр. <i>s'imd'ə-mas't'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'es't'</i> ‘вы меня напоили’
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-man'</i> , центр. <i>s'imd'ə-man'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'ejn'</i> ‘он меня напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'ə-maz'</i> , центр. <i>s'imd'ə-maz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'ejz'</i> ‘они меня напоили’
Ряд <i>min'</i> ‘нас’	
1 лицо	—
2 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-mas't'</i> , центр. <i>s'imd'ə-mas't'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'es't'</i> ‘ты нас напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'ə-mas't'</i> , центр. <i>s'imd'ə-mas't'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'es't'</i> ‘вы нас напоили’
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-maz'</i> , центр. <i>s'imd'ə-maz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'ejz'</i> ‘он нас напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'ə-maz'</i> , центр. <i>s'imd'ə-maz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'e(j)z'</i> ‘они нас напоили’

Б)

Ряд <i>ton'</i> ‘тебя’	
1 лицо ю.-в. <i>s'imd'-iS't'ən'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'-iJ't'ən'</i> ‘я тебя напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'(ə)-d'üz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-d'e(j)z'</i> ‘мы тебя напоили’
2 лицо —	—
3 лицо ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-n'd'z'ə (-t')</i> ‘он тебя напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-d'üz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'(ə)-d'e(j)z'</i> ‘они тебя напоили’

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2
Ряд <i>t'in'</i> 'вас'	
1 лицо ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'(ə)-d'e(j)z'</i> 'я вас напоил'	ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'(ə)-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-d'e(j)z'</i> 'мы вас напоили'
2 лицо —	—
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-d'e(j)z'</i> 'он вас напоил'	ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'(ə)-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-d'e(j)z'</i> 'они вас напоили'

В)

Ряд <i>son'</i> 'его'	
1 лицо ю.-в. <i>s'imd'-in'ě</i> , центр. <i>s'imd'-i(j)n'ä</i> , ср.-в. <i>s'imd'-i(j)n'ə(n')</i> 'я его напоил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-s'k</i> 'мы его напоили'
2 лицо ю.-в. <i>s'imd'-it'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'-i(j)t'</i> 'ты его напоил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-s't'</i> 'вы его напоили'
3 лицо ю.-в., ср.-в. <i>s'imd'ə-z'ě</i> , центр. <i>s'imd'ə-z'ä</i> 'он его напоил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-z'</i> 'они его напоили'
Ряд <i>s'in'</i> 'их'	
1 лицо ю.-в. <i>s'imd'-in'ə</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'-in'ə</i> / <i>s'imd'-i(j)n'ə(n')</i> 'я их напоил'	ю.-в. <i>s'imd'-i(j)n'ək</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-s'k</i> 'мы их напоили'
2 лицо ю.-в. <i>s'imd'-it'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'-i(j)t'</i> 'ты их напоил'	ю.-в. <i>s'imd'-ijən't'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-s't'</i> 'вы их напоили'
3 лицо ю.-в., центр. <i>s'imd'ə-z'ən'</i> , ср.-в. <i>s'imd'(ə)-z'n'</i> 'он их напоил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-z'</i> 'они их напоили'

Отрицательная форма I прошедшего времени образуется с помощью частицы *aš*, которая стоит перед глаголом и принимает личные аффиксы, исключение составляет ельниковская группа говоров, где агглютинация субъектно-объектных суффиксов производится к глагольной основе: центр., ю.-в. *ašə-maz' s'imd'ě* / ср.-в. *ašmez' s'imd'* / ельн. *aš s'imd'ə-maz'* 'он (они) нас (меня) не напоили', ю.-в. *aš-ijən't' s'imd'ě* / центр. *ašəs't' s'imd'ə* / ельн. *aš s'imd'ə-s't'* 'вы их не напоили' и т. д.

II прошедшее время индикатива употребляется в том случае, если нужно представить действие в прошлом вне развертывания, его формы выражают действие, предшествующее другому действию.

Личные формы II прошедшего времени во всех шести рядах те же, что и в I прошедшем времени.

II прошедшее время имеет специальный показатель *-l / l'* со значением продолжительности действия в прошлом, исторически восходящий к глаголу *uləms* 'быть'⁵[1], который присоединяется к основе инфинитива, а в свою очередь субъектно-объектные суффиксы агглютинируют к суффиксу *-l'*.

В юго-восточном диалекте мокшанского языка в рядах *son'* / *s'in'* в форме 3-го лица наблюдается глухой вариант суффикса времени. Оглушение *l' → L'* произошло в результате выпадения суффиксального гласного.

Агглютинация субъектно-объектных суффиксов во II прошедшем времени представлена в табл. 2.

⁵ Мокшень кяль.

Таблица 2 Спряжение глагола s'imd'əms 'напоить' во II-м прошедшем времени

Table 2 Conjugation of the verb s'imd'əms 'to give drink' in the II-st past tense

А)

Единственное число	Множественное число
Ряд <i>mon'</i> 'меня'	
1 лицо	—
2 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-majt'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-majt'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-mejt'</i> 'ты меня напоил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-mas't'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-mas't'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-mes't'</i> 'вы меня поили'
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-man'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-man'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-mejn'</i> 'он меня поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-maz'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-maz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-me(j)z'</i> 'они меня поили'
Ряд <i>min'</i> 'нас'	
1 лицо	—
2 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-mas't'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-mas't'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-mes't'</i> 'ты нас поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-mas't'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-mes't'</i> 'вы нас напоили'
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-maz'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-maz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-me(j)z'</i> 'он нас поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-maz'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-me(j)z'</i> 'они нас поили'

Б)

Ряд <i>ton'</i> 'тебя'	
1 лицо ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-išt'ən'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-išt'ən'</i> 'я тебя поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-d'ez'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-(ə)-d'äz'(-d'e(j)z')</i> 'мы тебя поили'
2 лицо —	—
3 лицо ю.-в., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-n'd'z'ë</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-n'd'z'ä</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-n'd'z'ät'</i> 'он тебя поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-d'ez'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-(ə)-d'äz'(-d'e(j)z')</i> 'они тебя поили'
Ряд <i>t'in'</i> 'вас'	
1 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-d'e(j)z'</i> 'я вас поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-d'e(j)z'</i> 'мы вас поили'
2 лицо —	—
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-d'e(j)z'</i> 'он вас поил'	ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-l'-ə-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-d'e(j)z'</i> 'они вас поили'

В)

Ряд <i>son'</i> 'его'	
1 лицо ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-in'e</i> 'я его поил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-s'k</i> 'мы его поили'
2 лицо ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-it'</i> 'ты его поил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-s't'</i> 'вы его поили'
3 лицо ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-c'e</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-z'e</i> 'он его поил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-z'</i> 'они его поили'
Ряд <i>s'in'</i> 'их'	
1 лицо ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-in'e</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-i(j)n'ə(n')</i> 'я их поил'	ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-in'ək</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-s'k</i> 'мы их поили'
2 лицо ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-it'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-i(j)t'</i> 'ты их поил'	ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-ijən't'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-s't'</i> 'вы их поили'
3 лицо ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-c'ən'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-z'ən'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-z'n'</i> 'он их поил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-z'</i> 'они их поили'

Отрицательная форма II прошедшего времени образуется с помощью частицы *af*, например: ю.-в. *afəl'əman' t'ir'd'ě* / центр. *afəl'əman' s'er'gäd'ě* / ср.-в. *afəl'men' s'ir'ged'* 'он бы меня не пригласил (позвал)'; ю.-в. *afəl'əmajt' t'ir'd'ě* / центр. *afəl'əmajt' s'er'gäd'ě* / ср.-в. *afəl'mejt' s'ir'ged'* 'ты бы меня не пригласил (позвал)'; ю.-в. *afəl'iš't'an' t'ir'd'ě* / центр. *afəl'iJ't'an' s'er'gäd'ě* / ср.-в. *afəl'iJ't'an' s'ir'ged'* 'я бы тебя не пригласил (позвал)'; ю.-в. *afəl'cə t'ir'd'ě* / центр. *afəl'əz'ə s'er'gäd'ě* / ср.-в. *afəl'əz'ə s'ir'ged'* 'он бы его не пригласил (позвал)'.

Образование объектных форм конъюнктива, кондиционалиса-конъюнктива, дезидератива тождественно формам II прошедшего времени индикатива, а кондиционалиса — формам настоящее-будущего времени; императив представлен только формой 2-го лица; объектные формы опатива в мокшанских диалектах развития не получили.

Таким образом, мы можем предположить, что объектное спряжение в мокшанских диалектах в современном виде сформировалось в период самостоятельного развития языка, однако наличие подобного спряжения в венгерском, хантыйском, мансийском языках, а также в самодийских может говорить о более ранних зачатках его появления.

Заключение

В результате анализа фактического материала мы пришли к следующим выводам:

1. Система объектного спряжения является самой сложной из всех реляционных систем мокшанского языка; его формы, кроме наклонения, являются носителями субъектно-объектных суффиксов, которые выражают лицо и число субъекта, лицо и число объекта действия, время совершения действия. В классическом варианте личные форманты присоединяются к непроизводной основе слова (посредством интерфиксального гласного или без него) в определенной последовательности: суффикс наклонения + субъектно-объектные суффиксы (показатель объекта и числа объектов + показатель субъекта и числа субъектов).

2. Междиалектные расхождения, появившиеся в период самостоятельного развития мокшанского языка, затрагивают как область морфологии, так и фонетический облик формантов.

3. Большой полнотой парадигма объектного спряжения отличается в юго-восточном и средне-вадском диалектах; в рядах *son' / s'in'* для 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа имеются специальные показатели: *-sa / -saj(n)* 'я — его / я — их'; *-sas'k / -sajn'ək* 'мы — его / мы — их'; *-sak / -sajt'* 'ты — его / ты — их'; *-sas't' / -sajən't'* 'вы — его / вы — их', в центральном диалекте формы ед. и мн. числа совпадают: *-sas'k* 'мы — его / мы — их'; *-sas't'* 'вы — его / вы — их'; *-saz'* 'они — его / они — их'.

4. Средне-вадский диалект в составе субъектно-объектных суффиксов 3-го лица имеет показатель прошедшего времени *j*, исторически восходящий к дифтонгическому сочетанию, тогда как в двух других — юго-восточном и центральном — дифтонгическое сочетание закономерно упростилось до гласного, это явление свойственно для обоих мордовских языков — мокшанского и эрзянского.

5. Фонетическая дифференциация формантов в первую очередь связана с распространением гласного среднего подъема *e* (<*ä), переднего ряда *i* (<*e) перед палатальными и палатализованными согласными — в юго-восточном и средне-

вадском диалектах, а также передвижкой артикуляции гласного *a* к переднему ряду с последующим сужением (*a > e*).

6. Общемордовская фонема **ä* наблюдается в составе субъектно-объектных суффиксов лишь в большей части центрального диалекта, в юго-восточном и средне-вадском диалектах произошло ее сужение. Появление глухого показателя прошедшего времени *-L-* в юго-восточном диалекте — результат регрессивной ассимиляции сонорного *l* со стороны последующего глухого согласного на морфемном шве.

В системе объектного спряжения мокшанского языка имеется много омонимичных форм, происхождение которых до сих пор заставляет задумываться: их наличие может являться результатом обобщения одних формантов в пользу других или то, что система объектного спряжения в мокшанском языке окончательно еще не сформировалась.

Вопрос происхождения и развития объектного спряжения в мокшанских диалектах требует дальнейшего исследования.

СОКРАЩЕНИЯ

Ед. число — единственное число, ельн. — ельниковская группа говоров, м. д. — мокшанский диалектный, мн. число — множественное число, ср.-в. — средне-вадский диалект мокшанского языка, центр. — центральный диалект мокшанского языка, э. — эрзянский язык, ю.-в. — юго-восточный диалект мокшанского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Саранск: Издатель Афанасьев В. С., 2021. 128 с.
2. Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 21 с.
3. Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16 — 226.
4. Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261 — 433.
5. Иванова Г. С., Бутылов Н. В. Репрезентация финно-угорского **ä* непервого слога (на материале мокшанских диалектов) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 1. С. 25 — 33.
6. Иванова Г. С., Кукушкина Н. Ф. Степень изученности фонетического строя мокшанских диалектов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2011. № 4 (20). С. 99 — 108. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-4-2011.pdf>
7. Кабаева Н. Ф., Дивеев А. В. Юго-восточный диалект мокшанского языка: фонетические особенности одного говора // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 453 — 461.
8. Керестеш Л. Основы мордовского языкознания. Дебрецен: Изд-во Дебрецен. ун-та. 2017. 186 с.
9. Липатов С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1972. 24 с.
10. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
11. Матюшкин П. Г. Объектное спряжение глагола в мордовских языках: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973. 182 с.

12. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
13. Феоктистов А. П. Мокшанские диалекты // Н. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1990. Bd. I. S. 71 — 86.
14. Языки народов России: история и современность. Саранск: Западный, 2017. 100 с.
15. Цыганкин Д. В., Иванова Г. С. Ассимилятивный потенциал сингармонизма в языках агглютинативного типа // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 3. С. 510 — 518.
16. Hajdu P. Bevezetés az uráli nyelvtudományba: (A Magyar nyelv finnugor alapjai). Budapest: Tankönyvkiadó, 1966. 179 p.
17. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors: Souété Finno-Ougrinne, 1903. 123 p.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 13.04.2023; принята к публикации 17.04.2023.

Информация об авторах:

Галина Софроновна Иванова, профессор кафедры мордовских языков Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/4), доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, galinal7-05@yandex.ru

Елена Анатольевна Николаева, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (117997, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, 36/3), кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8366-3958>, Nikolaeva.ELAN@rea.ru

Оксана Вячеславовна Белкина, аспирант отдела языкознания Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1550-7368>, ksyushabelkina1997@mail.ru

Кристина Ивановна Сайгутина, магистрант Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (43005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2660-7970>, saigutina2018@yandex.ru

Вклад авторов:

Иванова Г. С. — разработка концепции, развитие методологии, анализ литературы, написание первоначального варианта статьи, научное редактирование текста;

Николаева Е. А. — сбор данных, анализ литературы;

Белкина О. В. — сбор данных, компьютерный набор текста;

Сайгутина К. И. — сбор данных, компьютерный набор текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Actual Issues of Linguistics and Linguodidactics. Saransk;2021. (In Russ.)
2. Ananyina KI. The Upper-Alatyr Dialect of the Moksha Language. Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Tartu;1974. (In Russ.)
3. Babushkina RV. Temyashevsky Dialect of the Moksha-Mordovian Language. *Essays on Mordovian Dialects*. Saransk;1966;4:16—226. (In Russ.)
4. Devaev SZ. The Middle Vad Dialect of the Moksha-Mordovian Language. *Essays on Mordovian Dialects*. Saransk;1963;2:261—433. (In Russ.)
5. Ivanova GS, Butylov NV. Representation of the Finno-Ugric *ä non-first syllable (based on Moksha Dialects). *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(1):25—33. (In Russ.)

6. Ivanova GS., Kukushkina NF. The Degree of Study of the Phonetic Structure of Moksha Dialects. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2011;(4):99—108. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-4-2011.pdf> (In Russ.)
7. Kabaeva NF, Diveev AV. The Southeastern Dialect of the Moksha Language: Phonetic Features of One Subdialect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(3):453—461. (In Russ.)
8. Kerestesh L. The Fundamentals of Mordovian Linguistics. Debrecen;2017. (In Russ.)
9. Lipatov SI. Rybkin-Mamolaev Dialects of the Moksha-Mordovian Language. Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Tartu;1972. (In Russ.)
10. Maytinskaya KYe. Historical and Comparative Morphology of the Finno-Ugric Languages. Moscow;1979. (In Russ.)
11. Matyushkin PG. Object Conjugation of the Verb in the Mordovian Languages. Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Tartu;1973. (In Russ.)
12. Serebrennikov BA. Historical Morphology of Mordovian Languages. Moscow;1967. (In Russ.)
13. Feoktistov AP. Moksha Dialects. *X. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki;1990: 71—86. (In German)
14. The Languages of the Peoples of Russia: History and Modernity. Saransk;2017. (In Russ.)
15. Tsygankin DV, Ivanova GS. Assimilative Potential of Vowel Harmony in Languages of Agglutinative Type. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019;9(3):510—518.
16. Hajdy P. Bevezetés Az Uráli Nyelvtudományba: (A Magyar Nyelv Finnugor Alapjai). Budapest;1966. (In Hungarian)
17. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors;1903. (In German)

The article was submitted 30.03.2023; approved after reviewing 13.04.2023; accepted for publication 17.04.2023.

Information about the authors:

Galina S. Ivanova, Professor of the Mordovian Languages Department, National Research Mordovia State University (68/4 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia) Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, galina17-05@yandex.ru

Elena A. Nikolaeva, Associate Professor of the Foreign Languages Department, the Plekhanov Russian University of Economics (36/3 Stremyanny Lane, Moscow 117997, Russia), Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8366-3958>, Nikolaeva.ELAN@rea.ru

Oksana V. Belkina, Postgraduate Student of the Department of Language Studies, the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1550-7368>, ksyushabelkina1997@mail.ru

Kristina I. Saigutina, Master's Degree Student, National Research Mordovia State University (68/4 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2660-7970>, saigutina2018@yandex.ru

Contribution of the authors:

Ivanova G. S. — concept development, methodology development, literature analysis, writing the original version of the article, scientific editing of the text;

Nikolaeva E. A. — data collection, literature analysis;

Belkina O. V. — data collection and processing;

Saigutina K. I. — data collection and processing.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 81'376.625:811.511.152.2:811.111
EDN MKGHGD<http://vestnikniig.ru>*Научная статья*

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МОКШАНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Н. М. Мосина✉, С. А. Кадерова

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия
✉natamish@rambler.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию семантики глагольных единиц, передающих отношения посессивности в мокшанском и английском языках. Целью является проанализировать и сопоставить глаголы с семой «посессивность» в разноструктурных языках, характеризующиеся статикой. Под статикой в посессивных отношениях в данном исследовании подразумевается состояние обладания / владения, которое носит стабильный, неразвивающийся характер. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения лексико-семантической группы глаголов в мокшанском и английском языках с целью выявления общих и специфических признаков, присущих данным языковым культурам. Очевидная недостаточность сравнительно-сопоставительных исследований также объясняет проведение исследования глагольных единиц, которые содержат семантический компонент «посессивность».

Материалы и методы. Материалом исследования послужили иллюстративные примеры на мокшанском и английском языках, полученные в результате сплошной и частичной выборки из текстов различных жанровых и функциональных стилей, в том числе из печатных средств массовой информации, изданий научного и учебно-методического характера, разнообразных диалектных и фольклорных текстов, включенных в состав лингвистических корпусов Языкового Банка (Kielipankki с сервером Korp) и Британского Национального корпуса (BNC). В процессе проведения исследования применялись методы семасиологического, сопоставительного, компонентного, описательного и контекстуального анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Значение посессивности реализуется на разных уровнях языковой системы: лексическом, морфологическом, морфолого-синтаксическом, синтаксическом. Одним из центральных лексических средств, передающих посессивные отношения во многих языках, являются предикативные конструкции, поскольку именно в семантике глаголов отношения обладания находят наиболее яркое выражение. В работе анализу подвергается семантическая характеристика статичных глаголов мокшанского и английского языков, у которых выявляется сема «обладание, владение, принадлежность».

Заключение. Проведенное исследование позволило раскрыть существующие в языкознании понятия «владение», «обладание», «посессивность», провести семантический анализ их экспликации на лексическом уровне, а именно выявить глагольные лексемы, обладающие статичной посессивной семантикой на материале разноструктурных языков, мокшанского и английского. В результате исследования было определено 17 групп, в которые вошли глаголы мокшанского и английского языка с общей семантикой.

Ключевые слова: посессивность, семантический анализ, глаголы, статичность, мокшанский язык, английский язык

Для цитирования: Мосина Н. М., Кадерова С. А. Семантика глагольных единиц в аспекте отражения possessивных отношений в мокшанском и английском языках // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2 (66). С. 198 — 208. EDN MKGHDG

Original article

SEMANTICS OF VERB UNITS IN THE ASPECT OF REFLECTION POSSESSIVE RELATIONS IN THE MOKSHA AND ENGLISH LANGUAGES

N. M. Mosina✉, S. A. Kaderova

National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

✉natamish@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the semantics of verb units that convey the relations of possessiveness in the Moksha and English languages. The goal of the article is to analyze and compare verbs with the same “possessiveness” in languages of different structure with an emphasis on predicative constructions characterized by static. In this study, static in possessive relations refers to a state of owning/possessing, which is stable, non-developing in nature. The relevance of this study is due to the need for a comprehensive study of the lexicosemantic group of verbs in the Moksha and English languages in order to identify common and specific features inherent in these linguistic cultures. The obvious insufficiency of comparative studies also explains the study of verbal units that contain the semantic component “possessiveness”.

Materials and methods. The research material was illustrative examples in the Moksha and English languages, obtained as a result of a continuous and partial sampling of texts of various genre and functional styles, including printed media, scientific and educational publications, various dialect and folklore texts included in the linguistic corpus of the Language Bank of Finland (Kielipankki) and British National Corpus (BNC). In the course of the study, the methods of semasiological, comparative, component, descriptive and contextual analysis were used.

Results and discussion. The meaning of possessiveness is realized at different levels of the language system: lexico-grammatical, morphological, morphological-syntactic, syntactic. One of the central lexical means that convey possessive relations in many languages are predicative constructions, since it is in the semantics of verbs that possessive relations find the most vivid representation. The article analyzes the semantic characteristics of static verbs of the Moksha and English languages, in which the sense of “possessing, owning, and belonging” is revealed.

Conclusion. The study made it possible to reveal the concepts of “possessing”, “owning”, “belonging” existing in linguistics, to conduct a semantic analysis of their explication, namely to identify verbal lexemes with static possessive semantics on the material of the Moksha and English languages, which have different structures. As a result of the study, 17 groups were identified, which included verbs of the Moksha and English languages with common semantics.

Keywords: possessiveness, semantic analysis, verbs, static, Moksha language, English language

For citation: Mosina NM, Kaderova SA. Semantics of Verb Units in the Aspect of Reflection Possessive Relations in the Moksha and English Languages. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):198—208. EDN MKGHDG

Введение

Концепция владения сложна и может быть лишь кратко рассмотрена в настоящей статье. Даже в самом простом случае, когда объект является конкретным, обладание может быть истолковано по-разному. Дж. А. Миллер и Ф. Н. Джонсон-Лэрд

используют следующий пример, чтобы проиллюстрировать это: *У него есть зонтик, но она одолжила его, хотя у нее его с собой нет* [18, с. 565]. Собственность предполагает определенные социально регулируемые права на использование объекта, который рассматривается как собственность определенного индивида. Эти права могут быть переданы постоянно (например, в качестве подарка) или временно (например, в виде займа). Точные соглашения сложны и сильно различаются в разных культурах.

В прототипическом случае владение включает в себя как владение, так и физическое обладание, которые могут быть объединены: *Питер дал Мэри яблоко* (в ее руке, и она могла его оставить). Временное владение — это возможное, но отмеченное толкование с помощью такого глагола, как *давать* (*Питер дал Мэри книгу взаймы*).

Категория посессивности будучи универсальной является базовой и составляет общую картину мира. Несмотря на это категория посессивности не обладает универсальными средствами репрезентации отношений в большинстве языков. Как и любая другая категория она представлена различными структурами и средствами, в связи с чем выражается языковыми средствами разного уровня. В лингвистике принято выделять атрибутивные и предикативные средства посессивности. М. В. Милованова отмечает, что в так называемых *Habeo*-языках, к которым относится английский язык, ядерными средствами выражения атрибутивной и предикативной посессивности является прежде всего генитив, притяжательные местоимения и конструкции с глаголом 'иметь'. В *Esse*-языках, в данном случае к ним относится мокшанский язык, представлены аналогичные атрибутивные средства, конструкции с глаголом 'иметь, владеть' относятся к периферии средств выражения посессивных отношений, центральное место занимают конструкции с глаголом 'быть' [9].

Несмотря на то что глаголы 'иметь' и 'быть', относящиеся к универсальным способам выражения посессивности в языках, рассмотрены довольно широко в языкознании, типология других предикативных средств исследована недостаточно и представлена довольно фрагментарно. При этом сами глагольные единицы с семантикой «обладание, владение» используются широко для выражения посессивных отношений в большинстве языков.

Материалы и методы

Подход к межъязыковой лексикологии, примененный в статье, представляет собой комбинацию лексической типологии и корпусного контрастивного анализа. Это сочетание точек зрения наиболее разработано в более ранних исследованиях глаголов восприятия [21]. В ходе исследования были использованы методы семасиологического, сопоставительного, компонентного, описательного и контекстуального анализа. Особое внимание уделяется паттернам дифференциации в области глаголов владения, а также паттернам многозначности и грамматикализации.

Языковым материалом для исследования послужили глагольные единицы мокшанского и английского языков с семантикой «обладание, владение, посессивность», выделенные из толковых одноязычных, двуязычных словарей, а также иллюстративные примеры на мокшанском и английском языках, полученные в результате сплошной и частичной выборки из текстов различных жанровых и функциональных стилей, в том числе из печатных средств массовой информации, изданий

научного и учебно-методического характера, разнообразных диалектных и фольклорных текстов, а также текстов художественной и публицистической литературы. Материал по мокшанскому языку извлечен из лингвистического Языкового Банка (Kielipankki с сервером Korp)¹, примеры на английском языке были выявлены из Британского Национального корпуса (BNC)².

Обзор литературы

Теоретической базой настоящего исследования являются работы, посвященные изучению посессивных отношений на материале различных языков, в том числе финно-угорских [1, 4, 13, 14]. В отечественном языкознании наиболее полное исследование посессивности проведено А. В. Бондарко, представившего категорию посессивности в виде функционально-семантического поля, в котором выделяется два центра в зависимости от атрибутивных и предикативных функций различных типов посессивных конструкций [1, 11]. На материале мордовских языков категория посессивности и посессивные отношения в целом, а также отдельные средства ее выражения не раз становились объектом лингвистического исследования. Так, монография «Категория притяжательности в мордовских языках» содержит всестороннее исследование посессивности, проведенное А. П. Феоктистовым [14]. Категория притяжательности на материале диалектов эрзянского языка описывается Д. В. Цыганкиным [15]. Особый интерес вызывают работы сравнительного плана, где категория посессивности рассмотрена на материале нескольких финно-угорских языков, в частности эрзянского и венгерского языков, эрзянского и финского [7, 12, с. 127 — 131].

Изучение лексической семантики с различных межъязыковых точек зрения — это область, которая привлекает все больше и больше внимания. Базовые глаголы владения были одними из первых, которые были изучены семантически с межъязыковой точки зрения [16]. С типологической точки зрения глагол ‘давать’ изучался Дж. Ньюманом [19] и в обширных исследованиях ‘иметь’ и других типов предикативного владения Б. Гейне [17] и Л. Стассеном [20]. Глаголы, означающие ‘получать’ (или ‘приобретать’), были изучены как ареальное явление в североевропейских языках А. Вибергом [22].

Большую значимость имеют труды сопоставительного характера на материале разноструктурных языков с целью выявления универсальных и специфичных способов выражения характеристик обладания, владения, посессии непосредственно предикативными конструкциями на материале французского и русского языков [3, 6], в русском языке в сопоставлении с немецким языком [10], в русском и английском языках [2, 5, 8].

Результаты исследования и их обсуждение

Используя традиционный подход на основе метода фреймового моделирования для изучения лексических единиц, можно глубоко и всесторонне изучить не только

¹ Языковой банк Kielipankki с сервером Korp. URL: https://korp.csc.fi/korp/?mode=other_languages#?corpus=&cqp=%5B%5D (Далее в тексте принято обозначение: (ЯБ)).

² British National Corpus (BNC) — Британский национальный корпус. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (Далее в тексте принято обозначение: (BNC)).

семантику интересующих нас глагольных единиц, но и описать национально-культурную специфику репрезентации категории посессивности на материале разноструктурных языков, а именно мокшанском и английском. Понятие посессивности включает следующие основные отношения или так называемые стадии посессии: *начальная стадия обладания, непосредственное обладание и конечная стадия обладания*. Первая и третья стадии представляют собой динамические отношения, вторая — *непосредственное обладание* — демонстрирует статичные отношения [10].

Основываясь на проведенных ранее сопоставительных исследованиях, можно констатировать, что статичность в посессивных отношениях представляет собой общее состояние обладания, которое носит стабильный, неразвивающийся характер, в отличие от динамики посессивных отношений, которая требует активных усилий по включению объекта обладания в свою личную сферу [3]. В мокшанском языке, который относится к *Esse*-языкам, в функции доминантного члена, ядерной единицы, выступает глагол *улемс* 'быть', в английском, будучи *Haveo*-языком, таким глаголом является *have* 'иметь'.

В настоящем исследовании сопоставительному анализу подвергаются глаголы, реализующие вторую стадию посессии, т. е. выражающие собственно статичные посессивные отношения. С этой целью методом сплошной выборки из толковых одноязычных, двуязычных словарей были выделены глагольные лексемы мокшанского и английского языков. Основным критерием отбора предикативных конструкций является наличие в семантической структуре глагола основной семы 'обладание, владение, принадлежность'.

На материале мокшанского языка выделены следующие глагольные единицы: *улемс* 'иметь, принадлежать, обладать, пользоваться'; *азорондамс* 'распоряжаться, быть хозяином'; *кирдэмс* 'держат, содержать, поддерживать'; *сувафтомс* 'включать, содержать'; *тялькфтамс* 'содержать, вмещать'; *монополизировандамс* 'монополизировать, завладеть'; *ацемс* (вастса) 'занимать, владеть'; *явомс* 'разделять (с кем-то), владеть совместно'.

Английские глаголы с семантикой посессивности представлены следующими лексемами: *have* 'иметь, обладать'; *appertain* 'принадлежать, относиться'; *bear* 'иметь, обладать'; *enjoy* 'пользоваться, иметь'; *possess* 'владеть, обладать'; *belong* 'принадлежать, быть собственностью'; *command* 'распоряжаться, владеть'; *own* 'владеть, быть хозяином, принадлежать'; *wield* 'владеть, обладать'; *keep* 'держат, содержать'; *hold* 'держат, владеть'; *include* 'включать, содержать'; *involve* 'включать, содержать'; *contain* 'содержать, вмещать'; *monopolize* 'монополизировать, завладеть'; *occupy* 'занимать, завладевать'; *share* 'разделять (с кем-то), владеть совместно'.

Объединение глагольных лексем мокшанского и английского языков в группы на основе общих семантических признаков, представляющих в большинстве случаев оттенки посессивных значений, позволило нам сопоставить глаголы и выявить их общие и специфические признаки:

1) мокш. *улемс* 'иметь'; англ. *have* 'иметь, обладать':

мокш. *Андрейнь улихть лама ташта колендеманза (ЯБ) 'У Андрея есть (имеется) много старых игрушек'*;

англ. *And when you start the game, you have an empty piece of land (BNC) 'В самом начале игры у вас есть пустой участок земли'*.

2) мокш. *улемс* ‘принадлежать’; англ. *appertain* ‘принадлежать, относиться’;
мокш. *Тя койхне улихть сембе раднятненди ломань ёткса* (ЯБ) ‘Эти традиции принадлежат всей родне’;

англ. *These privileges appertain only to the royal family* (BNC) ‘Эти привилегии принадлежат только королевской семье’.

3) мокш. *улемс* ‘иметь, обладать’; англ. *bear* ‘иметь, обладать’:

мокш. *Унокть ули аф ламо похожец атянц лангс* (ЯБ) ‘Внук немного обладает сходством с бабушкой’;

англ. *Their baby bears a strong resemblance to its grandfather* (BNC) ‘Их ребенок очень имеет сходство со своим дедушкой’.

4) мокш. *улемс* ‘пользоваться, иметь’; англ. *enjoy* ‘пользоваться, иметь’:

мокш. *Странать ули кеме народонь кирдемац* (ЯБ) ‘Страна пользуется крепкой поддержкой народа’;

англ. *In addition, both governments enjoy strong popular support* (BNC) ‘Оба правительства пользуются мощной народной поддержкой’.

5) мокш. *улемс* ‘владеть, обладать’; англ. *possess* ‘владеть, обладать’:

мокш. *Минь тяни улихть электротехнической, приборостроительной, химической и лия предприятия* (ЯБ) ‘Мы теперь владеем электромеханическими, приборостроительными, химическими и другими предприятиями’;

англ. *Different workers possess different skills* (BNC) ‘Разные работники обладают разными умениями’.

6) мокш. *улемс* ‘принадлежать, быть собственностью’; англ. *belong* ‘принадлежать, быть собственностью’:

мокш. *Шабра алять ули мазы панароц* (ЯБ) ‘У соседа есть красивая рубашка’;

англ. *I don't know who these shoes belong to* (BNC) ‘Я не знаю, кому принадлежат эти туфли’.

7) мокш. *улемс* ‘владеть, обладать’; англ. *wield* ‘владеть, обладать’.

мокш. *Украинась лия Москуть и Ленинградть коряс сян пяльде, што сонь ули сонцень металлургияц* (ЯБ) ‘Украина другая по сравнению с Москвой и Ленинградом в том плане, что она обладает собственной металлургией’;

англ. *The ability of those who wield great public and private power to flout the law and ethical norms for personal gain is one of the more glaring manifestations of inequality* (BNC) ‘Способность попирает закон и этические нормы для личной выгоды со стороны тех, кто обладает большой общественной и частной властью является одним из наиболее вопиющих проявлений неравенства в обществе’.

8) мокш. *азорндамс* ‘распоряжаться’; англ. *command* ‘распоряжаться, владеть’:

мокш. *Ушеса азорндай кизось, ламотне тушендыхть ваймосема: кие лямбе шири, кие дачав* (ЯБ) ‘На улице хозяйничает лето, многие уезжают отдыхать: кто в теплые края, кто на дачу’;

англ. *He commands the respect of everyone who works for him* (BNC) ‘Он владеет уважением всех, кто на него работает’.

9) мокш. *азорндамс* ‘быть хозяином, принадлежать’; англ. *own* ‘владеть, быть хозяином, принадлежать’:

мокш. *Но сят, кие азорндась страна, исть лотксе экспериментонь тиендемда* (ЯБ) ‘Но те, кто хозяйничал в стране, не переставали делать эксперименты’.

англ. *The couple owns and operates the business* (BNC) ‘Пара владеет и управляет бизнесом’.

10) мокш. *кирдемс* ‘держат, содержать’; англ. *keep* ‘держат, содержать’:

мокш. *Садикнень кирьдсыне колхозь* (ЯБ) ‘Колхоз содержит детские сады’;

англ. *My uncle keeps a small shop in the city center* (BNC) ‘Мой дядя держит небольшой магазин в центре города’.

11) мокш. *кирдемс* ‘держат, владеть’; англ. *hold* ‘держат, владеть’:

мокш. *Усадьбатнень керозь, жувата кирдемс аф мярьгихть* (ЯБ) ‘Усадьбы урезали — скотину держать не разрешают’;

англ. *Three per cent of our shares are now held by US investors* (BNC) ‘Тремя процентами наших акций сейчас владеют (букв. ‘держат’) американские инвесторы’.

12) мокш. *сувафтомс* ‘включать, содержать’; англ. *include* ‘включать, содержать’:

мокш. *Лама инжи кудса шобдавань ярхцамась сувси эрямонь питнети* (ЯБ) ‘Во многих гостиницах завтрак включен в стоимость проживания’;

англ. *All prices shown include VAT and carriage* (BNC) ‘Все указанные цены включают НДС и стоимость доставки’.

13) мокш. *сувафтомс* ‘включать’; англ. *involve* ‘включать, содержать’:

мокш. *Лиякс мярьгомс, тейнек эряви сувафтомс финно-угорскяй нароттнень культураста инь цебярьть эсь культуразонк* (ЯБ) ‘Другими словами, нам необходимо включить в нашу культуру самое лучшее из финно-угорской народной культуры’;

англ. *Most courses involve an average of eight hours' attendance at college each week* (BNC) ‘Большинство курсов содержат в среднем по восемь часов посещаемости колледжа в неделю’.

14) мокш. *тялькфтамс* ‘содержат, вмещать’; англ. *contain* ‘содержат, вмещать’:

мокш. *Ня валхне эsezост тялькфтамсь семботь: и ризфть, и така эряфть сяпону* (ЯБ) ‘Эти слова содержат в себе все: и печаль, и горечь тяжелой жизни’;

англ. *These caves contain some of the oldest cave paintings in the world* (BNC) ‘Эти пещеры содержат одни из самых старых наскальных рисунков в мире’.

15) мокш. *монополизировандамс* ‘монополизировать, завладеть’; англ. *monopolize* ‘монополизировать, завладеть’:

мокш. *Ульсь пинге, мзярда монополизовандазь колхознень* (ЯБ) ‘Было время, когда завладели колхозами’;

англ. *Now all her time and energy is monopolized by the children* (BNC) ‘Теперь всем ее временем и энергией завладели дети’.

16) мокш. *ацемс* (вагса) ‘занимать, владеть’; англ. *occupy* ‘занимать, завладевать’:

мокш. *Мон ащан директор вагса* (ЯБ) ‘Я занимаю должность директора’;

англ. *I occupy a minor position in the British Government* (BNC) ‘Я занимаю незначительную должность в британском правительстве’.

17) мокш. *явомс* ‘разделять (с кем-то), владеть совместно’; англ. *share* ‘разделять (с кем-то), владеть совместно’:

мокш. *Ксения шарьхкодсь, што паршинц кинге мархта аф явсы* (ЯБ) ‘Ксения поняла, что имуществом ни с кем не поделится’;

англ. *I want to share with you something my father taught me: no condition is permanent* (BNC) ‘Я хочу поделиться с вами тем, чему научил меня отец: ничто не вечно’.

Заключение

В результате проведенного исследования была рассмотрена категория посессивности на материале разноструктурных языков, мокшанского и английского. В ходе анализа отмечается принадлежность исследуемых языков в разным типам: мокшанского — к *Esse*-языкам, английского — к типу *Habeo*-языки, что отражается в ядерных и периферийных средствах выражения посессивности.

Основное внимание уделяется изучению лексических средств выражения посессивных отношений, а именно глагольных единиц, обладающих семантикой посессивности. При этом лингвистическому анализу подвергаются предикативные конструкции, характеризующиеся статичностью и передающие значение *непосредственное обладание*. На материале мокшанского языка выявлено 8 глагольных лексем, в английском языке они представлены 17 лексемами, обладающими различными оттенками посессивных значений.

Следующий этап исследования позволил нам провести сопоставительный анализ выявленных глаголов, определить их общие и специфические признаки и объединить их в 17 групп на основе семантических значений в каждом из представленных языков. Мокшанский глагол *улемс*, являющийся базовым посессивным глаголом, обладает широким спектром значений, такими как 'иметь, принадлежать, обладать, пользоваться, владеть, быть собственностью' и входит в состав 7 групп. Мокшанский глагол *азорондамс* 'распоряжаться, быть хозяином, принадлежать' формирует 2 группы совместно с английскими глаголами *command, own; кирдемс* 'держат, содержать, поддерживать' обладает общей семантикой с двумя английскими глаголами *keep, hold; сувафтумс* 'включать, содержать' сопоставим по семантике с глаголами *include, involve*. Остальные четыре группы объединили в своем составе по одной глагольной лексеме из каждого языка, а именно: мокш. *тялькфтамс* 'содержать, вмещать' и англ. *contain*; мокш. *монополизировандамс* 'монополизировать, завладеть' и англ. *monopolize*; мокш. *ащемс* 'занимать, владеть' и англ. *occupy*; мокш. *явомс* 'разделять (с кем-то), владеть совместно' и англ. *share*.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что конструкции с глаголом 'быть' в мокшанском языке относятся к ядерным средствам выражения посессивных отношений и занимают центральное место.

Полученные результаты позволяют наметить некоторые перспективы дальнейшего изучения лексических средств в целом и глагольных в частности на материале разноструктурных языков. Материалы и выводы могут послужить частью теоретической и практической основы для дальнейших научных изысканий в области посессивных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарко А. В. Посессивность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Санкт-Петербург: Наука, 1996. С. 99 — 100.
2. Викулова А. Г. Средства выражения посессивности в русском и английском языках // Язык: категории, функции, речевое воздействие: материалы XIV Междунар. науч. конф. (15 — 16 апр. 2021 г. Москва — Коломна). М.; Коломна [б. и.], 2021. С. 25 — 28.

3. Давлетшина С. М. Категория посессивности в языке и речи (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2008. 172 с.
4. Едыгарова С. В. Категория посессивности в удмуртском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 2010. 290 с.
5. Копров В. Ю. Семантико-функциональное поле посессивности в русском и английском языках // Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление: материалы Всерос. науч. конф. с Междунар. участием. Воронеж, 2020. С. 169 — 174.
6. Краснощеков Е. В. Категория притяжательности в синхронно-диахронном аспекте (на материале языков различных систем): дис. ... д-ра филол. наук. Таганрог, 2020. 414 с.
7. Кудашова Л. А. Посессивность в эрзянском и финском языках: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2001. 154 с.
8. Линькова Ю. И. Посессивные отношения сохранения и потери объекта в русском и английском языках // Евразийский Союз Ученых. [Волгоград], 2015. № 9. С. 84 — 86.
9. Милованова М. В. Лингвокультурологические характеристики категории посессивности в русском и немецком языках: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 409 с.
10. Милованова М. В. Семантика глагольных единиц в аспекте отражения особенностей моделирования посессивных отношений в русском языке (в сопоставлении с немецким языком) // Сибирский филологический журнал. 2007. № 4. С. 120 — 130.
11. Мосина Н. М., Кадерова С. А. Атрибутивные средства выражения посессивности в английском языке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11—5. С. 162 — 164.
12. Мосина Н. М., Федорова Ю. А. Атрибутивные средства выражения посессивности в эрзянском и финском языках // Гуманитарные науки и образование. 2018. Т. 9, № 1. С. 127 — 131.
13. Полякова Н. В. Средства выражения посессивных отношений в диалектах селькупского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. Вып. 4. С. 51 — 54.
14. Феоктистов А. П. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 180 с.
15. Цыганкин Д. В. Категория принадлежности и ее особенности в диалектах эрзянского языка // Финно-угристика. 1978. Вып. 1. С. 116 — 149.
16. Bendix E. H. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi, and Japanese. The Hague: Mouton, 1966. 190 p.
17. Heine B. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 292 p.
18. Miller G. A., Johnson-Laird P. N. Language and perception. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 760.
19. Newman J. Give: a cognitive linguistic study. Berlin: Mouton de Gruyter, 1996. 337 p.
20. Stassen L. Predicative possession. Oxford: Oxford University Press, 2009. 640 p.
21. Viberg Å. The verbs of perception // Language Typology and Language Universals. An International Handbook Haspelmath M., König E., Oesterreicher W. & Raible W. (eds.). Berlin / De Gruyter, 2001. P. 1294 — 1309.
22. Viberg Å. Towards a lexical profile of the Swedish verb lexicon // The typological profile of Swedish. Thematic issue of Sprachtypologie und Universalienforschung. Viberg Å. (guest ed.), 2006. P. 103 — 129.

Статья поступила в редакцию 29.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

Информация об авторах:

Наталья Михайловна Мосина, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного

университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1), доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru

Светлана Александровна Кадерова, аспирант, ассистент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7351-8766>, svetlana.kaderova@mail.ru

Вклад авторов:

Мосина Н. М. — разработка концепции, определение методологии, научное редактирование текста, написание первоначального варианта статьи;

Кадерова С. А. — сбор данных и анализ литературы.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bondarko AV. Possession. Introductory Remarks. Theory of Functional Grammar. Locativity. Beingness. Possession. Conditioning. St. Petersburg;1996:99—100. (In Russ.)
2. Vikulova AG. Means of Expressing Possessiveness in Russian and English. *Language: Categories, Functions, Speech Impact*. Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow; Kolomna;2021:25—28. (In Russ.)
3. Davletshina SM. The Category of Possessiveness in Language and Speech (Based on the French and Russian Languages). Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Ufa;2008. (In Russ.)
4. Edygarova SV. The Category of Possessiveness in the Udmurt Language. Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Tartu;2010:(In Russ.)
5. Koprov VYu. Semantic-Functional Field of Possessiveness in Russian and English. *Comparative Methods in Linguistic Research. Interlanguage and Intralinguistic Comparison*. Proceedings of the Russian International Scientific Conference. Voronezh;2020: 169—174. (In Russ.)
6. Krasnoshchekov EV. The Category of Possessiveness in the Synchronous-Diachronic Aspect. Dr. Sci. (Philology) Dissertation. Taganrog;2020. (In Russ.)
7. Kudashova LA. Possession in the Erzya and Finnish languages. Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Saransk;2001. (In Russ.)
8. Linkova YuI. Possessive Relations of Preservation and Loss of an Object in Russian and English. *Eurasian Union of Scientists*. 2015;(9):84—86. (In Russ.)
9. Milovanova MV. Linguistic and Cultural Characteristics of the Category of Possessiveness in Russian and German. Dr. Sci. (Philology) Dissertation. Volgograd;2007. (In Russ.)
10. Milovanova MV. The Semantics of Verb Units in the Aspect of Reflecting the Features of Modeling Possessive Relations in the Russian Language in Comparison with the German Language. *Siberian Journal of Philology*. 2007;(4):120—130. (In Russ.)
11. Mosina NM, Kaderova SA. Attributive Means of Expressing Possessiveness in English. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022(11—5):162—164. (In Russ.)
12. Mosina NM, Fedorova YuA. Attributive Means of Expressing Possessiveness in the Erzya and Finnish Languages. *Humanities and Education*. 2018;9(1):127—131. (In Russ.)
13. Polyakova NV. Means of Expressing Possessive Relations in Dialects of the Selkup Language. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2015(4):51—54. (In Russ.)
14. Feoktistov AP. The Category of Possessiveness in the Mordovian Languages. Saransk;1963. (In Russ.)
15. Tsygankin DV. The Category of Belongingness and Its Features in the Dialects of the Erzya Language. *Finno-Ugric Studies*. 1978(1):116—149. (In Russ.)

16. Bendix EH. Componential Analysis of General Vocabulary: the Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi, and Japanese. The Hague;1966.
17. Heine B. Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. Cambridge;1997.
18. Miller GA, Johnson-Laird PN. Language and Perception. Cambridge;1976.
19. Newman J. Give: a Cognitive Linguistic Study. Berlin;1996.
20. Stassen L. Predicative Possession. Oxford;2009.
21. Viberg Å. The Verbs of Perception. Language Typology and Language Universals. An International Handbook. Berlin;2001:1294—1309.
22. Viberg Å. Towards a Lexical Profile of the Swedish Verb Lexicon. The Typological Profile of Swedish. Thematic Issue of Sprachtypologie und Universalien Forschung; 2006:103—129.

The article was submitted 29.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Information about the authors:

Natalya M. Mosina, Professor of the Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru

Svetlana A. Kadero, Postgraduate Student, Teaching Assistant of the Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7351-8766>, svetlana.kadero@mail.ru

Contribution of the authors:

Mosina N. M. — concept development, methodology development, scientific editing of the text, writing the initial version of the article;

Kadero S. A. — data collection and literature analysis.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ISSN 2077-3579 (Print)

НАШИ ПРОЕКТЫ OUR PROJECTS

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МОРДОВИИ»* «LITERARY ENCYCLOPEDIA OF MORDOVIA»

Буква И / Part II

EDN SPDGZK

«ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ», ежеквартальный науч. (с 2013) журнал открытого доступа, распространяемый на терр. РФ и заруб. стран. Учредитель и издатель — Нац. иссл. Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарёва. Периодич. издание основано в 1996 согласно решению Гос. к-та РФ по высшему образованию и Мин-ва образования РФ, Гос. Собрания и Пр-ва РМ от 12.9.1995 как науч.-метод. бюллетень (затем журнал, в 1998 — 2002 — федеральный) Регион. уч. округа Мордов. ун-та; в 2003 — 13 — науч.-метод. журнал. Гл. ред.: Н. П. Макаркин (1996 — 2010), С. М. Вдовин (2010 — 21), Д. Е. Глушко (с 2021). Целью издания является объективное представление результатов ориг. науч. исследований ведущих тенденций интеграц. процессов в области образования, анализ пед., психол. и социол. проблем развития образования в России и междунар. науч. сообществе. Одно из тематич. направлений журнала представляют лит-ведч. статьи, отражающие вопросы изучения общности фин.-угор. лит-р, творчества

отд. мордов. писателей в контексте преемственности традиций лит-р фин.-угор. народов; интеграц. и культурологич. подходы к исследованию рус. и заруб. лит-ры, худож. своеобразия творчества отд. авторов. Особое внимание уделяется различным аспектам преподавания лит-ры в вузе, проблемам формирования теоретико-лит. знаний студентов-филологов, интеграции курсов родной и рус. лит-р в уч. деятельности студентов нац. групп вузов, вариативности шк. лит. образования и др. В статьях по журналистике рассматриваются вопросы взаимодействия и развития печати и лит-ры народов Поволжья, а также подготовки журналистов, влияния этнич. составляющей их образования на эффективность функционирования нац. вещания, интеграц. подход к этико-правовым технологиям в практич. деятельности работников регион. СМИ и др. аспекты. Среди авторов журнала — представители науч. и образоват. учреждений Мордовии, регионов России, заруб. стран, в т. ч. лит-веды Н. Л. Васильев, С. А. Дубровская, А. М. Каторова, Л. С. Конкина, Т. И.

* Энциклопедические статьи / Encyclopedic articles

Кубанцев, М. И. Ломшин, О. Е. Осовский,
П. Ф. Потапов, Е. А. Шаронова и др.

С. В. Гордина.

EDN SDGHTT

ИНТОНАЦИЯ (от лат. *intonāre* — громко произносить), в широком смысле — средства организации звучащей речи (мелодика, паузы, интенсивность, темп, тембр, долгота, высота, логич. ударение); в узком — изменение голосового тона, высоты голоса на любой ступени звукового и смыслового членения речи, т. е. в отд. гласном звуке, слоге, слове, во фразе и синтагме. Передавая разные оттенки чувства и особенности психич. склада говорящего, И. является одним из осн. средств создания сценич. или худож. образа. На письме она выражается с помощью знаков препинания, а также графич. средств (напр., членение текста на абзацы, подчёркивание слов, вариация шрифтов). Выделяется три вида И.: повествовательная (применяется, когда нужно донести до собеседника к.-л. информацию; говорящий, как правило, делает ударными неск. слов, на к-рых хочет акцентировать внимание); вопросительная (сопровождает любой вопрос, адресов. собеседнику, и даёт понять, что необходим ответ); восклицательная (способ передачи положит. и отрицат. эмоций при помощи повышения силы голоса).

И. в лит-ре — это умение выражать словами чувства и переживания героя. В худож. произв. она проявляется как эффект присутствия «живого голоса», создаваемый за счёт инверсий (см. *Инверсия*), повторов, восклицаний, обращений и др. приёмов обогащения нейтрального стиля речи. На нужную И., передаваемую различными ритмико-синтаксич. и стилистич. средствами, читателя или

слушателя настраивает эмоционально-образное содержание худож. текста. При чтении лит. произв. вслух И. во многом определяет то, как слушатели воспримут содержание той или иной фразы. Неправильная И. может исказить смысл того, о чём хотел поведать автор.

Интонирование больше относится к искусству поэзии, чем прозы. В стихе И., являясь одним из важных средств смысловой и эмоц. выразительности, играет особую роль. Она включает в себя следующие признаки произносимой речи, служащие для соединения расчленённых частей: 1) повышение и понижение голоса (мелодика); 2) перерывы в речи (паузы); 3) расстановку фразовых ударений (динамика речи); 4) относит. ускорение и замедление отд. групп слов (темп). Все эти компоненты И. взаимосвязаны. Хотя полностью И. может быть воссоздана лишь в реальном звучании, письм. речь передаёт осн. её особенности при помощи различ. синтаксич. структуры фраз, порядка слов, пунктуации. Наиболее значимые элементы стихотв. И. — мелодика и пауза. Особенно тщательно разработана система графич. закрепления И. в худож. речи. Она во многом воспроизводит индивидуальное своеобразие писательского «голоса» и «голосов» созд. им персонажей. В поэзии выделяется три типа И.: напевный, для к-рого характерны совпадение метрич. и интонац. членения, симметричность синтаксич. конструкций, мелодичность, интонац. завершённость строфы:

Тядянь мастор, мазы крайняй,
Вай, пяк эздон ичкозят!
Макста тейне кайги вайгяль,
Серьгягть, коса аф улят.
(Бибан М. А. Кочкаф произведеният.
Васенце томсь. Саранск, 2009, с. 68)

(Родимая земля, красивая сторонка,
Ой, очень от меня далека!
Поддай-ка мне громкий голос,
Позови, где бы ни была);

говорный, отличающийся наличием оборотов и синтаксич. конструкций, свойств. разг. речи, неупорядоченностью пауз, переносами, чередованием различных способов рифмовки и т. д.:

Ведсь аф содай кулома.
Мокшьесь эряй.
Мезе ваяфоль, мума.
Тяда эрендь.
Масторавать мяшьста мумс, мезе
кяшьфоль.

Шкаень тайнать мельге тумс, коза
няфтьфоль.
(Орлова Рая. Пацят. Саранск, 2011, с. 28)

(Вода не знает смерти.
Мокша живёт.
Что утонуло, надо найти.
Не ленитесь.
На груди Масторавы найти, что
было спрятано.
За божественной тайной пойти, куда
было указано);

декламационный, характеризующийся совпадением интонац.-ритмич. и метрич. членения, отсутствием внутрискрипых пауз, мерностью звучания, наличием риторич. фигур — восклицаний, обращений, вопросов:

Куцемаста — куцемати!
Сяда вяри ёран шятямс.
Пря аф макссян сиземати,
Ки эсь арьсефозти вятян.
(Кригин В. А. Эряфозень пяле шиц.
Саранск, 2004, с. 11)

(От ступени — к ступени!
Всё выше хочу подняться.
Не сдаюсь усталости,
Дорогу к цели веду).

Своеобразие поэтич. И. порождается несовпадением ритмич. (членение на строки) и синтаксич. (членение на предложения и синтагмы) рядов текста. При этом сам стих отличает высокое контрастное напряжение между рядами: обилие, с одной стороны, ритмич. переносов внутри синтагм, с др. — внутрискрипых пауз синтаксич. характера:

Од порам, косат? Ков тон ёмить?
Мекев а сат... Содан, содан...
Ливтядо каргт... Оймавтан ойменть,
Прок эжнян, стувтозенть ледстнян.
(Арапов А. Жест.
Саранск, 2010, с. 180)

(Молодость, где ты? Куда ты исчезла?
Обратно не вернёшься... Знаю, знаю...
Летите журавли... Успокаиваю душу,
Словно греюсь, вспоминаю забытое).

Стихи и проза обладают стилистически окраш. интонациями, к-рые отчётливо выделяются при чтении вслух и про себя. В поэзии И. задаётся определённым стиховым рядом, в прозе — сочетанием речевых тактов и фразовым ударением.

Лит.: КЛЭ. Т. 3 ; СЛТ ; ЛЭТП ; **Черемисова-Ениколопова Н. В.** Законы и правила русской интонации. М., 1999 ; **Одинцова И. В.** Звуки. Ритмика. Интонация. М., 2008 ; **Гудова М. Ю.** Эстетика: основы художественной интонации. Екатеринбург, 2019.

И. И. Шеянова.

EDN RZJEMQ

ИНТРИ́ГА, свойство сюжета в произв. драм. или эпич. рода лит.-ры, проявляющееся в обилии перипетий, придающих ему динамизм, остроту и занимательность. Произведениям, обладающим И. (комедия, мелодрама, новелла, *детектив*, плутовской и любовный роман,

приключенч. повесть и др.), свойственны острые, как правило, концентрич. сюжеты, в к-рых ведущая роль принадлежит героям-авантюристам, прибегающим во взаимоотношениях с др. персонажами к многообразным ухищрениям. По характеру И. бывает любовной, приключенч., детективной, полит. и др. В её развитии большую роль играют запут. отношения, недоразумения, тайна, в особенности случай, нарушающий привычное течение событий. В мордов. лит-ре наиболее часто встречается приключенч. И. Первым жанр приключенч. повести, организован. на И., освоил В. И. Виард («Кешань приключениянза» — «Приключения Кеши», 1958; «Кафта пильгса сохатый» — «Двуногий сохатый», 1962), позднее произведения такого рода были созданы А. П. Тяпаевым («Кшнинь арзяня» — «Железный сундучок», 1991; «Тяште лангонь алашат» — «Звёздные кони», 1992). На приключенч. И. основан и ром. «Маркуз и Лундан» (1985) Н. И. Учватова. И. детективного характера свойственна пьесе «Факир» (1966) А. С. Щеглова и мн. повестям: «Кранч» («Ворон», 1968) Л. Ф. Макулова, «Салама» («Кража», 1971) Учватова, «Ичкоздень инжи» («Далёкий гость», 1973) В. Н. Радина, «Пинесь уркодь шивалгомшовор» («Собака выла на закате», 1992) Тяпаева, «Оду аф нйсамасть» («Больше меня не увидите», 1997) М. С. Моисеева и др. В отличие от рус. лит-ры, любовная И. в произв. мордов. писателей — явление довольно редкое, напр. в стих. «Седись и ётгне» («Сердце и разум», 1983) Моисеева. В основу ром. «Эсеть канстось а маряви» («Своя ноша не в тягость», 1967) К. Г. Абрамова положен классич. любовный «треугольник» (Владимир Бурнаев — Вера — Венера).

Лит.: ЛЭ. Т. 4 ; ЛЭТП ; ЛЯ.

А. М. Каторова.

EDN RUAMEY

И́НЧИН Анатолий Иванович [19.9(1.10). 1916, с. Камышлинка ныне Северного р-на Оренбургской обл. — 17.3.1997, г. Самара], прозаик, журналист. Мордвин-эрзя. Писал на рус. яз. Чл. СЖ СССР (1962), СП России (1994). Род. в семье сельского врача. Окончил физико-математич. ф-т Куйбышевского гос. пед. ин-та (1977), 4 курса Николаевского кораблестроит. ин-та. В 1937 — 39 — завуч, учитель физики и математики в Радищевской ср. шк. ныне Ульяновской обл. В 1939 был призван в РККА, служил в артиллерийском полку; лейтенант, командир взвода топографич. разведки. Вел. Отеч. войну встретил в Литве, участвовал в боях под г. Вязьмой и Смоленском. Воевал в составе 208-й стрелковой дивизии. На подступах к г. Брянску дивизия попала в окружение. Выполняя задание командования, И. с группой разведчиков остался во враж. тылу. После ранения, жестоких пыток в гестапо за совершённую на спиртовом з-де диверсию и побега из-под расстрела И. удалось выжить и найти партизан. В февр. 1942 он вступил в Эсманский партизанский отряд Червоного р-на Сумской обл. Украины, был командиром орудия, нач. разведки, нач. штаба. В том же году возглавил сформиров. им Хинельский партизанский отряд в составе кавалерийского партизанского соединения капитана М. И. Наумова, участвовал в его знаменитом «Степном» рейде по юж. районам Украины, завершившемся в Пинской обл. Белоруссии. Внес вклад в освобождение Польши, Венгрии, Болгарии, Югославии. Боевые подвиги И. описаны в книгах «Хинельские походы» и «Степной рейд» Наумова, «Партизанские рейды» П. П. Вершигоры, В. А. Зеболова, «Записки разведчика» и «Два рейда» И. И. Бережного и др. И. показан в док.

фильмах «Народные мстители» (реж. В. Н. Беляев, 1943), «Великая Отечественная» (худож. рук. проекта Р. Л. Кармен, 1978), «Где вместе сражались они» (реж. В. А. Шестопалова (Глущенко), 1985) и др. После войны служил в органах НКВД и МВД Зап. Украины. Выйдя в отставку (1948), нек-рое время преподавал воен. топографию в Томском гос. ун-те. В 1950 приехал к семье в с. Верх. Маза Радищевского р-на Ульяновской обл., работал учителем математики и физики в местной семилетней шк. Позднее жил в Челябинской обл.; был ред. радиовещания на Усть-Катавском вагоностроит. з-де. Один из организаторов и воспитатель военно-спортивного лагеря для трудных подростков «Салют» в окрестностях г. Усть-Катав, о деятельности к-рого рассказал в кн. «Пароль — „Победа“» (Челябинск, 1969). Являлся чл. лит. объединения при редакции газ. «Авангард» (г. Катав-Ивановск). В кон. 1970-х гг. переехал на постоянное место жительства в г. Куйбышев (с 1991 — Самара).

С сер. 1950-х гг. И. — проф. журналист и литератор; автор очерков, рассказов, дет. стихов, более 10 книг, изд. в г. Челябинске, Москве, Саранске, Львове, Самаре. С 1960 поддерживал тесные творч. связи с СП Мордовии и Мордов. кн. изд-вом. Здесь вышли в свет первые сб-ки его дет. стихов («Ручеёк», 1960; «Угадай-ка», 1962); в кон. 1960-х гг. в периодич. изд. республики печатались очерки и рассказы, легшие в основу док.-худож. пов. «Шумят леса хинельские» (1972), выпущенной отд. книгой. Основанная на богатом док.-биографич. материале, она воскрешает первые наиболее трудные месяцы партизанской эпопеи автора и его боевых товарищей, среди к-рых была и мордва. Эта книга стала заметным событием в лит. жизни республики, т. к. открыла яркую страни-

цу участия мордов. народа в Вел. Отеч. войне. В повести органично сочетаются публицистика и документализм, беллетристичность и психологизм, удачно реализуемые в остродрам., динамичном сюжете, определяемом необычностью обстоятельств и условий партизанской борьбы. В док.-худож. русле написана и пов. «Ночь темнеет перед рассветом» (опубл. в лит.-худож. сб. «Родное Присурье», Саранск, 1980), гл. героем к-рой является комиссар партизанского отряда, действовавшего под г. Ленинградом, мордвин Пётр Прутилов (реальное лицо). Партизанский быт и были, лично увиденное и пережитое, радость побед и горечь утрат, реальные судьбы людей разных характеров и национальностей нашли яркое воплощение в сб-ке И. «Партизанский характер» (1991), в приключенч. пов. «Павлуха-партизан» (в 2 кн., 1981 — 84) и в романе-дилогии «Корпус генерала Наумова, или Схватка с абвером» (1994). Последний, куда вошли произв. «Шумят леса хинельские» и «Рывок за Днепр», является самым значит. по объёму и масштабу описываемых событий. И. — сост. и автор вступ. статьи к сб. «Слово гнева народного» (Львов, 1981), посвящ. массовому поэтич. творчеству партизан в годы Вел. Отеч. войны. В док. пов. «Круты берега Черноталки» (1990) автор рассказывает о судьбах людей, оказавшихся в период сталинских репрессий на Юж. Урале. В НА НИИГН хранятся фолькл. материалы мордов. казаков Юж. Урала, собр. И. в 1964.

Награждён орденами Красной Звезды (1943), Красного Знамени (1944), Отечественной войны 1-й ст. (1985), медалями, в т. ч. «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» 1-й ст.

Соч.: Ручеёк : стихи : [Для дошк. и мл. шк. возраста]. Саранск, 1960 ; Угадай-ка :

стихи-загадки для малышей. Саранск, 1962 ; Облако на ниточке : [стихи] : [Для дошкольников]. Ульяновск, 1962 ; Сосульки-висюльки : стихи : [Для дошк. возраста]. Саранск, 1992 ; Как Фома набирался ума : стихи : [Для дошк. и мл. шк. возраста]. Саранск, 1996. (Читалочка) ; Кулевчи : очерк // Мокша. 1967. № 2 ; Шумят леса хинельские : док.-худож. повесть. Саранск, 1972 ; Челябинск, 1985 ; Павлуха-партизан : повесть : [Для детей сред. и ст. шк. возраста]. Саранск, 1981 — 1984. Кн. 1 — 2 ; Ночь темнеет перед рассветом : повесть : [Для ст. и сред. шк. возраста]. Саранск, 1987 ; Круты берега Черносталки : [с. Кулевчи Челябин. обл.] : док. повесть. Саранск, 1990 ; Партизанский характер : рассказы и бывальщины. Саранск, 1991 ; Корпус генерала Наумова, или Схватка с абвером : роман-диалогия. Саранск, 1994 ; Партизанские были : [рассказы]. Самара, 1995.

Лит: *Суриц Л.* Судьба партизана // Сов. Мордовия. 1986. 4 окт. ; *Наумов М.* О друге и товарище : предисловие // *Инчин А. И.* Шумят леса хинельские ; *Брыжинский А.* Писатель личного действия : О новых книгах А. И. Инчина. К 50-летию Победы // Изв. Мордовии. 1994. 15 нояб. ; *Его же.* Процессы жанрового развития мордовской прозы (50 — 90-е гг.). Саранск, 1995 ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1 ; Галерея памяти участников ВОВ. URL: <https://1418museum.ru/hero> (дата обращения: 2.5.2023).

Е. В. Глазкова, С. Г. Девяткин.

EDN RGSDQS

ИРÓНИЯ (от греч. εἰρήνεια — притворство, насмешка), осмеяние, содержащее оценку того, что осмеивается; форма выражения мысли, когда слово или высказывание обретает в контексте речи значение, противоположное букв. смыслу или отрицающее его; эстетич. категория, передающая идейно-эмоц. оценку —

скептически- или критически-насмешливое отношение к изображаемому под маской серьёзности утверждения либо похвалы. Отличит. признак И. — двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый; чем больше противоречие между ними, тем сильнее И. Осмеиваться может как сущность предмета, так и отд. его стороны; в этих случаях характер И. — объём отрицания, выраженный в ней, неодинаков: в первом она имеет уничтожающее значение, во втором — корректирующее, совершенствующее. И. есть хула и противоречие под маской одобрения и согласия; явлению умышленно приписывается свойство, к-рого в нём нет, но к-рое надо было ожидать. Традиционно И. относят к тропам, реже — к стилистич. фигурам. В качестве разновидности И. мн. лит.-веды выделяют антифразис — стилистич. приём, заключающийся в употреблении слова или словосочетания в противоположном — иронич. смысле. Примером может служить цитата из произведения И. А. Крылова: «Откуда, умная, бредёшь ты, голова?», — спрашивает Лисица Осла. Когда иронич. насмешка становится злой, горькой, её наз. сарказмом. Она предполагает авт. издёвку над объективным злом и собств. бессилием противостоять ему (напр., в пьесе «Шава кудса ломатъ» — «В пустом доме люди», 1989, А. И. Пудина; стих. «Тон — чееръ, а ломань» — «Ты — мышь, а не человек», «Варяв курго» — «Дырявый рот» в сб. «Ялгань вал» П. К. Любаева, 1958). Иронич. отношение к изображаемому передаётся мордов. писателями многообразно: при помощи *гротеска* (А. М. Шаронов), парадокса (Пудин, К. Г. *Абрамов*), пародии, *гиперболы*, контраста слов и ситуаций (Я. Я.

Кулдуркаев, И. М. *Девин*, В. М. Колома-
сов, А. Д. *Ганчин* и др.), соединения раз-
личных речевых стилей (М. А. *Бебан*,
Н. И. *Ииуткин*, А. П. Терёшкин и др.).
Часто И. реализуется в остро разобла-
чит. жанрах сатиры, где осмеяние дей-
ствительности сочетается с трагич. её
восприятием (рассказы «Кофадо симем-
ка» — «Питие кофе», «Од зрямо» —
«Новая жизнь», «Пингень сэредькс» —
«Болезнь века» и др. (в сб. «Куш кемеде,
куш илядо...» Ганчина, 1995).

Нередко (преимущ. в жанре *басни*)
И. выступает одной из форм отрицания:

В пример всегда всем ставилось Яйцо:
Оно, мол, образцово на лицо,
Ни трещинок на нём,
Ни пятен нет!
Но, как-то, посмотрев яйцо на свет,
Увидели: оно
Внутри черно,
Как будто копотью печной полно.
Под скорлупой
Изъян был у Яйца:
Внутри гнильца,
А как бело с лица!

(Шумилкин И. Е. *Коза в саду*.
Саранск, 1985, с. 42)

Подобные примеры встречаются в твор-
честве Бебана: «Анелька» («Баловень»,
1955), «Зырнянь пштенясь и обезья-
няньц» («Золотой орешек и обезьяна»,
1955), «Павазу осёл» («Счастливый осёл»,
1956) и др.

Лит.: КЛЭ. Т. 3 ; СТЛ ; ЛЭТП ; Введе-
ние в литературоведение. М., 1988 ; Введе-
ние в литературоведение. М., 2005 ; *Като-
рова А. М.* Введение в литературоведение :
курс лекций. Саранск, 2006 ; *Дёмин В. И.*
Комическое в мордовской литературе (этапы
эволюции). Саранск, 2001.

А. М. Каторова, И. И. Шеянова.

EDN QXYKBV

«**ИСКУССТВО МОРДОВИИ**», библио-
графич. справочник (Саранск, 1973). Со-
ставитель — О. В. Пашутина, библио-
граф Мордов. респ. б-ки (с 1991 — Нац.
б-ка Мордовии) им. А. С. Пушкина. В
справочник включена лит-ра на рус.,
мордов. (мокша и эрзя) яз. по истории
иск-ва мордов. народа, о художниках,
скульпторах, композиторах, деятелях
театра, театр. постановках, декоратив-
но-прикладном иск-ве; деятелях иск-ва,
связанных с мордов. краем (учитывает-
ся факт рождения или творчества). Опи-
саны книги и статьи, ноты и репродук-
ции произведений скульптуры и живо-
писи, рецензии на книги. Материал сис-
тематизирован по видам иск-ва. В каж-
дом разделе выделены персоналии, вклю-
чающие биографич. сведения об авторе
и издании сочинений. Отбор лит-ры за-
вершён 1968. Вступ. статья канд. ист. на-
ук А. В. Мамонтовой. Справочник снаб-
жён именованным указателем.

Лит.: *Пачколина И.* Путеводитель по
искусству Мордовии // Сов. Мордовия. 1974.
7 марта.

О. В. Пашутина.

EDN QUOZHЛ

ИСКУССТВО СЛОВЕСНОЕ, худож.
творчество, реализуемое в слове. Суще-
ствует в двух формах: устной (когда про-
изв. передаётся от рассказчика / певца к
рассказчику / певцу без письм. фикса-
ции) и письм. (когда произв. доступно
для чтения). И. с. изначально имело це-
лью создание поэтич. текстов для испол-
нения. По большей части это были сти-
хи, посвящ. богам, павшим героям или
королям. Письм. форма считается более
поздней. В процессе движения обе фор-
мы могут либо сосуществовать одно-

временно, либо меняться местами: устное творчество нередко фиксируется на письме, а письменное вновь уходит в устное бытование, напр. христ. лит. традиция породила жанр духовных стихов, баллад и песен с религ. сюжетами, а авт. песня с течением времени становится популярной и безымянной. Т. обр., фольклор и лит-ра как две родств. разновидности искусства слова (устная и письм.) испытывают постоянное взаимовлияние. Изучение И. с., его истории и теории связано с именами таких рос. исследователей, как Ю. Я. Барабаш, М. М. Бахтин, А. С. Бушмин, Г. Н. Иванова-Лукьянова, Н. И. Конрад, Д. С. Лихачёв, Е. М. Мелетинский, Д. Б. Ольховиков, М. Б. Храпченко и др. Из мордов. учёных к этой проблеме обращались А. В. Алёшкин, Н. И. Бояркин, А. И. Брыжгинский, В. В. Горбунов, В. И. Дёмин, Л. С. Кавтаськин, А. М. Каторова, А. И. Маскаев, К. Т. Самородов, А. П. Феоктистов, Н. И. Черапкин и др. Устная форма И. с. (устная лит-ра, нар. лит-ра, устное нар. творчество) рассматривается исследователями как творчество широких нар. масс, к-рое сказывается (произносится) или поётся. История устной лит-ры восходит к первобытному периоду. Дописьм. общества могли иметь богатые и разнообразные устные предания, такие как нар. былины, нар. повествования (включая сказки и басни), нар. драма, пословицы, нар. песни, рассказы, легенды и истории, передаваемые из поколения в поколение в устной форме, а также др. речевые формы, в т. ч. обряды и обычаи. После возникновения письменности мн. тексты устной традиции были расшифрованы и зафиксированы. Записанные тексты позволили хранить и передавать историю без риска её изменения. Однако передача устного слова на письме всегда оста-

ётся суррогатом. Любая письм. фиксация устного рассказа носит характер имитации, к-рая при всей полезности (даже необходимости) не может заменить оригинал.

Публикация фолькл. материалов мордвы, собранных исследователями (А. Ф. Юртовым, М. Е. Евсевьевым, А. А. Шахматовым, Х. Паасоненом и др.), началась в 19 в. Образцы её устно-поэтич. творчества вошли в различные сб-ки (см. *Издания мордовского фольклора*).

Под письм. формой И. с. чаще всего понимается лит-ра, к-рая для своего сохранения и распространения пользуется искусством письма. Слово, получившее письм. воплощение, является материальным носителем образности лит. произведений. Лит-ра в широком понимании — это совокупность любых письм. текстов; в обычном и более строгом смысле — произведения худож. письменности. Письм. лит-ра появилась на Руси в 11 в. на др.-рус. яз. Это были церк. книги, привез. из Византии. Возникновению письм. лит-ры предшествовало создание первоучителями славян Кириллом и Мефодием слав. азбуки.

На зарождение и формирование мордов. лит-ры определяющее влияние оказали включение духовно-культурной истории мордов. народа в сферу науч. интересов рус. и зап.-европ. историко-культурных и лит. течений, христианизация мордвы, обусловившая возникновение нац. письменности на рус. графич. основе, и становление книгоизд. дела на мокш. и эрз. яз. в контексте общерос. лит. движения. Время формирования мордов. письм. традиции приходится на 2-ю пол. 18 в. и характеризуется бытованием переводной и публиц. лит-ры религиозно-светского содержания. Этот период получил назв. дореалистического (до появления письменности). Ряд тек-

стов этого времени остался в рукоп. виде, мн. из них были утеряны, а увидевшие свет имеют исключит. библиографич. ценность. По жанровым признакам они восходят к рус. панегирич. и агиографич. лит-ре 17 — 1-й пол. 18 в. Это разного рода «стихи», «стихи в прозе», «речи», канты, предназнач. для чтения во время встреч с высокопоставленными лицами или по случаю к.-л. торжеств. мероприятий. Их объединяют светская содержательность и христ. направленность. Среди них «Речи на мордовском и чувашском языках, на русском стихи и канты» (1767), посвящ. Павлу I в связи с его приездом в г. Н. Новгород, «Духовная церемония, проводившаяся во время ... присутствия Екатерины II в Казани» (1769) и др. В процессе эволюции мордов. лит-ры выделилась в самостоятельно развивающееся явление нац. культуры. На этой основе к 1917 сложились осн. типы и разновидности лит-ры на мокш. и эрз. яз.: народная, христ. просвещения, духовно-светская и крестьянская. Со 2-й пол. 19 в. началось издание нац. худож. книг. У истоков традиций мордов. реалистич. лит-ры находятся прежде всего произведения полупроф. литераторов — «рассказы» и «жизнеописания» Р. Ф. Учаева и В. С. Саюшкина, «воспоминания» и «истории» различного рода И. А. Цыбина, Т. Е. *Завражнова* и С. А. *Ларионова*, поэмы сказочного типа И. Т. *Зорина*. Одна из особенностей становления мордов. реалистич. лит-ры — русскоязычная форма лит. творчества. Наиболее интенсивно это явление развивалось на рубеже 19 — 20 вв., когда выдвинулась значит. группа нац. писателей-реалистов — выходцев из среды разбросанного по России мордов. крестьянства (С. В. *Аникин*, П. С. *Глухов*, А. Я. *Дорогойченко*, А. И. *Завалишин*, Ф. М. *Чесноков* и др.).

Сознат. обращение поэтов к нар. песням и их творч. переосмысление обусловили создание первых лит. песен. Постепенно произошло сужение нац. фолькл. основы мордов. песенной лирики, и поэтич. творчество начало приобретать черты, присущие письм. лит-ре. После 1917 в развитии мордов. лит-ры начался новый период, связ. с её системным становлением как проф., реалистич. и многожанровой. Мордов. письм. И. с. представлено широким спектром лит. жанров (см. *Жанр, Жанры репрезентативные*).

Лит.: *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1972 ; *Мелетинский Е. М.* Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. М., 1972 ; *Его же.* Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1 ; *Лихачёв Д. С.* Развитие русской литературы X — XVII веков : Эпохи и стили. Л., 1973 ; *Храпченко М. Б.* Природа эстетического знака // Вопросы философии. 1976. № 2 ; *Барабаш Ю. Я.* Вопросы эстетики и поэтики. М., 1977 ; *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979 ; *Бушмин А. С.* Наука о литературе : Проблемы. Суждения. Споры. М., 1980 ; *Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С.* Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика : Лит. эпохи и типы худож. сознания. М., 1994 ; *Иванова-Лукьянова Г. Н.* Художественный текст как искусство. М., 2009 ; *Ольховиков Д. Б.* Онтологические признаки словесного искусства // Вест. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитар. науки. 2015. Вып. 6 ; *Кавтаский Л. С.* К вопросу об изучении мордовского устного народного творчества // Записки. Саранск, 1951. Вып. 12 ; *Черакин Н. И.* Современная мордовская литература. Саранск, 1954 ; *Маскаев А. И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; *Феоктистов А. П.* Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков : (Ранний период). М., 1976 ; Саранск, 2008 ; *Самородов К. Т.* Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; *Бояркин Н. И.*

Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983 ; **Горбунов В. В.** Признание : лит.-критич. статьи. Саранск, 1984 ; **Алёшкин А. В.** Проблемы «движущейся эстетики» // Современная мордовская литература. 60 — 80-е годы. Саранск, 1993. Ч. 2 ; **Брыжинский А. И.** Особенности становления и развития жанров прозы в мордовской литературе // Аспект—1991 : Исследования по мордов. лит.-ре. Саранск, 1993 ; **Каторова А. М.** Введение в литературоведение : курс лекций. Саранск, 2006 ; **Дёмин В. И.** Начало. Первые мордовские письменные памятники // Проблемы создания региональной истории литератур народов Поволжья. Чебоксары, 2014.

И. И. Шеянова.

EDN QFOZLI

ИСТОРИЗМ (от греч. *historia* — рассказ о прошлых событиях, о том, что узнано, исследовано), худож. освоение писателем ист. содержания той или иной эпохи, а также её неповторимого облика и колорита. В широком смысле И. есть во всех худож. произв., изображающих как далёкое прошлое, так и наст. время, поскольку в них передаются особенности жизни людей определённой эпохи. И. в узком смысле соотносится с произведениями ист. жанров в лит.-ре. К осознанию понятия И. в ней привело становление ист. жанров (ист. поэмы, повести, романа, *драмы*), к-рые имели целью воссоздание человек. жизни прошедших времён. Понятие И. появилось в кон. 18 — нач. 19 в., оно связано с именами нем. историка И. Г. Гердера и основоположника жанра ист. романа — англ. писателя В. Скотта. Гердер соотносил И. с фольклором, нар. творчеством. Скотт писал романы о событиях прошлого, отображая ист. колорит той или иной эпохи. Примерами правдивой и точной передачи ист. времени в рус.

лит.-ре являются роман в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, поэма «Мёртвые души» Н. В. Гоголя и мн. др. произв. рус. писателей, где И. проявился особенно ярко. По мнению Д. С. Лихачёва, «принцип историзма состоит в том, что всякое явление рассматривается в его происхождении, росте и образовании, в аспекте движения, а само движение — в обусловивших его причинах и связях с окружающим — как часть более общего целого» (Лихачёв Д. С. О филологии. М., 1989, с. 52). Принцип И. не исчерпывается строгим и неукоснит. следованием за документом и фактом. Для писателя важны логика факта, умение придать ему худож. убедительность, верно определить его направленность. Показать внеш. воздействие ист. событий на человек. судьбы можно в док. очерке, однако роман, ограничивающийся этой задачей, не будет подлинно художественным, т. к. худож. образ предполагает синтез реального и вымышленного. Применительно к худож. лит.-ре принцип И. заключается в том, что любое произв. рассматривается, во-первых, в его собств. движении — как реалия творч. процесса; во-вторых, в связи с общим творч. развитием автора — как элемент его писательской биографии; в-третьих, в контексте ист.-лит. движения — как явление лит.-ры того или иного периода. Язык худож. произв. должен изучаться с учётом особенностей соотносённости лит. и общенац. языка, а также во всём многообразии языка писателя. Это касается и худож. образов, сюжета, тематики произв., поскольку они определяются явлениями действительности — существующими или существовавшими.

В мордов. лит.-ведении проблема И. рассматривается в работах А. В. Алёшкина, Т. В. Гераськина, Е. А. Жиндеевой,

Б. Е. Кирюшкина, Н. М. Сайгина, Н. И. Черапкина, С. В. Шеяновой и др. Формирование принципа И. было обусловлено необходимостью науч. осмысления всего лит. наследия мордов. народа, отражающего его участие в движении рос. и мировой истории. Однако И. в лит.-ведении Мордовии не сразу был воспринят как методологич. принцип. В этом качестве в исследованиях мордов. лит.-ведов он стал проявляться лишь в 1980 — 90-е гг., когда в науке о нац. лит.-ре заметно возрос интерес к методологии лит.-ведения. На ранних этапах представление об И. складывалось в зависимости от обществ.-полит. и идеологич. условий развития лит.-ры в быв. СССР. С нач. 2000-х гг. концепция И. в работах мордов. лит.-ведов всё чаще и убедительнее соотносится с характером «повторяемости» лит. явлений и общими закономерностями мирового лит. развития.

Принцип И., побуждающий отображать события, воплощающие важные, характерные для эпохи закономерности, лежит в основе любого произв., напис. в ист. жанре. Традиционно в мордов. лит.-ведении считалось, что истоки нац. ист. жанра восходят к 1920-м гг. Однако анализ мордов. крест. лит.-ры убедил в том, что процесс становления ист. жанра в лит.-ре начался в кон. 19 в. («Мордовская история» и «Мордовская земля» Т. Е. *Завражнова* и С. А. *Ларионова*). Вместе с тем тенденция нац. писателей к осознанному И. — достоверному воспроизведению ист. событий и характеров героев стала проявляться в 1920 — 30-х гг. Далёкое ист. прошлое мордов. народа разрабатывалось в эти годы в основном в жанре поэмы («Ёфкс, кона ульсь» — «Сказка-быль» М. И. *Безбородова*, 1929; «Валске Сура лангсо» — «Утро на Суре» П. С. *Кириллова*, 1934; «Эрьмезь» Я. Я. *Кулдуркаева*, 1935; и др.).

Авторы этих произв. обращались к разным периодам истории родного народа. В 1940 — 50-е гг. в мордов. лит.-ре к указанному произв. ист. тематики добавились стихотв. драма («Литова» *Кириллова*, 1940) и роман в стихах («Ламзурь», 1941, «Покш ки лангсо умарина» — «Яблоня у большой дороги», 1958, А. Д. *Куторкина*; и др.). С 1960-х гг. среди произв. ист. направленности начали преобладать прозаич. формы. Писатели Мордовии активно осваивали жанр многопланового эпопейного ист.-рев. романа, в т. ч. дилогию и трилогию. Развитие традиций мордов. ист. романа связано с именами *Куторкина* («Лажныця Сура» — «Бурливая Сура», 1969, 1976, 1987), К. Г. *Абрамова* («Эрзянь цёра» — «Сын эрзянский», 1971, 1973, 1977), М. Т. *Петрова* («Румянцев-Задунайский», 1976, 1979) и др. мордов. писателей. 1980-е гг. были ознаменованы выходом в свет ист. повестей и романов-сказаний («Половт» — «Набат», 1982, «Ради братий своих», 1986, М. И. *Брыжинского*; «Пургаз», 1988, «Олячинть кисэ. Степан Разинэнь шкадо ёвтнема» — «За волю. Рассказ о времени Степана Разина», 1989, *Абрамова*). Писатели пытались осмыслить философию истории, углубить психологизм, акцентировать внимание на нравств. аспектах, формировании определённого взгляда на историю. К этому моменту понятие И., под к-рым в лит.-ведении подразумевалась специфич. черта ист. жанра, означающая достоверность фактов и событий, точность воспроизведения характеров и поступков ист. деятелей, было существенно скорректировано. И. стал трактоваться как идейная категория, непосредственно связ. с мировоззрением писателя и призв. отразить осн. тенденции жизни на описываемом ист. этапе. На рубеже 20 — 21 вв. значит. расцвета

достиг жанр ист.-биографич. романа («Адмирал Ушаков», 1996, «Генерал Пуркаев», 2000, Петрова; «Баягань сулейть» — «Тени колоколов», 1996, «Кузьма Алексеев», 2001, А. М. *Доронина*; и др.). В жанре ист. драмы заявили о себе А. И. Пудин («Михаил Девятаев. Последний круг над адом», 2010) и В. И. Мишанина («Эрзя. Валдос ливтиця» — «Эрзя. Летящий к свету», 2021). В их произв. И., способствующий достоверной передаче драматизма событий, проявляется через отношение автора к воссоздаваемому прошлому, сохранение правдивости в описании поступков ист. деятелей, использование архивных док-тов, чёткое определение границ допустимого вымысла, отображение колорита времени, в т. ч. посредством особых лексич. пластов языка (архаизмов, историзмов — см. *Архаизмы*). Чувство И. помогает глубокому проникновению автора в духовную атмосферу эпохи и воспроизведению психол. правды характеров, достижению достоверности изображаемых событий.

Лит.: ЛЭТП; *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977; *Лихачёв Д. С.* Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Лихачёв Д. С. О филологии. М., 1989; *Алёшкин А. В.* Единство традиций: (Народ и личность в мордов. эпич. поэзии). Саранск, 1978; *Жиндеева Е. А.* Проблема характера в мордовской исторической прозе 1970 — 1990-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1997; *Хаткова И. Н.* Историческая тема в русской литературе 1830-х годов и романа Ф. В. Булгарина // Вест. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и иск-ведение. [Майкоп]. 2010. Вып. 1; *Шеянова И. И.* Историзм в мордовской и чувашской поэме 20 — 30-х гг. (общее и особенное) // Гуманитарные науки: проблемы и перспективы развития. Саранск, 2010; *Жачемукова Б. М., Бешукова Ф. Б.* Художественная спе-

цифика жанра исторического романа // Вест. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и иск-ведение. [Майкоп]. 2011. Вып. 1; *Недзвецкий В. А.* История русского романа XIX века: неклассические формы: курс лекций. М., 2011; *Гераськин Т. В.* Теоретическое осмысление эволюции жанров мордовской исторической прозы // Фин.-угор. мир. [Саранск]. 2014. № 3; *Шеянова С. В.* Современный мордовский роман (1980 — 2000-е гг.): типология, проблематика, поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2014; *Ляпина С. М.* Русский исторический роман XIX века в контексте культурного сознания // История: факты и символы. [Елец]. 2015. Вып. № 5(4).

И. И. Шеянова.

EDN QEMERI

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, жанр устно-поэтич. творчества, отражающий конкретные ист. события и лица, а также явления, типичные для той или иной ист. эпохи и трактуемые в своеобразной фольк.-эпич. форме. Одна из важных черт мордов. нар. И. п. — диалектич. единство окружающей реальности и поэтич. вымысла, служащего «...ценнейшим источником исторического понимания народной психологии и народных движений той или другой эпохи...» (Сokolov Б. М. Этнографическое изучение Саратовского края // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1, с. 11). Ещё одна особенность мордов. И. п. — балладность, определившая принципы худож. воспроизведения действительности и формы повествования.

Мордов. И. п. отражают значит. период истории народа. Содержание наиболее древних из них относится к эпохе разложения первобытно-общинного строя, к периоду военной демократии и перехода к сельской терр. общине (сер. 2-й пол. н. э.). Это цикл произв. о легендарном «инязоре» (букв.: великий хозя-

сеева 1808 — 10). Экспрессивное содержание текстов таких песен ярко передаёт драматичность и противоборство двух мировоззрений:

Как привели во боярские хоромы
мордовку,
Как и представили перед лицом боярина
жидовку:
— Скидай хвосты, мордовка,
Скидай хвосты, жидовка.
Скидовой хвосты,
Надевай кресты.
— Я не скину хвосты,
Не надену кресты.
— Слуги мои, вывезите
В чистое поле мордовку,
Заройте по могоучия по плечья жидовку,
Крупным стадом — лошадьми нагоните,
Мордовку раздавите.

(УПТМН, т. 1, кн. 2, с. 241)

Сюжеты мордов. песен о крещении выходят далеко за рамки нац. тематики. Значит. кол-во произв. отражает тему насильств. крещения татар. В них татарки, как и мордов. героини, готовы были лишиться себя жизни.

Самая многочисл. группа мордов. И. п. — песни о крестьянских войнах и восстаниях. В них преимущ. отражаются социальные потрясения 17 — 18 вв. Тематика большинства произв. связана с образами нар. вождей С. Т. Разина и Е. И. Пугачёва, выступающего под именем Петра Павловича или Павла Петровича. А. М. Шаронов отмечал: «При всей глубочайшей связи песен о Пугачёве с изображаемой эпохой события, описанные в них, представляют обобщённую реальность. ... Песни не фотографируют и не повторяют факты в буквальном смысле, а переживают их сквозь призму своего понимания истории, интерпретируют в ду-

хе сложившихся эстетических идеалов и поэтических традиций» (УПТМН, т. 1, кн. 2, с. 324 — 325).

Мордов. И. п. оказали значит. влияние на развитие лит-ры и иск-ва. К ним обращались Т. Е. *Завражнов* и С. А. *Ларионов* («Мордовская история»), Я. Я. *Кулдуркаев* (поэма «Эрьмезь»), П. С. *Кириллов* (драма «Литова»), А. Д. *Куторкин* (стихотв. ром. «Ламзурь»), В. К. *Радаев* (поэма «Сияжар»), К. Г. *Абрамов* (ром. «Пургаз»), композиторы Л. П. *Кiryюков* (муз. драма «Литова» и опера «Несмеян и Ламзурь»), Г. Г. *Вдовин* (муз. драма «Ветер с Понизовья»), М. Н. *Фомин* (опера «Сияжар») и др.

Тексты: *Евсеев М. Е.* Избр. тр. Т. 1 : Народные песни мордвы. Саранск, 1961 ; УПТМН. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни / сост., подг. текстов, предисл., прим., подстрочно-смысловой пер. с мордов. на рус. яз. Л. С. *Кавтаськина*. Саранск, 1963 ; УПТМН. Т. 1, кн. 2 : Исторические песни XVI — XVIII веков / сост., подг. текстов, предисл., подстрочно-смысловой пер. с мордов. на рус. яз. А. М. *Шаронова*. Саранск, 1977.

Лит.: *Кавтаськин Л. С.* Эпические и лиро-эпические песни мордовского народа : (Предисловие) // УПТМН. Т. 1 ; *Маскаев А. И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; *Ефимова М. Ф.* Мордовские исторические песни : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1968 ; *Её же.* Мордовские исторические песни : уч. пособие. Саранск, 1980 ; *Шаронов А. М.* Русско-мордовские фольклорные отношения и исторические песни XVI — XVIII вв. : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1972.

Л. Б. Бояркина.

EDN PRDYVX

ИСТО́РИЯ МОРДОВСКОЙ КНИ́ГИ, возникновение и развитие книгопечатания на мокш. и эрз. яз. Включает в себя историографию, историю мордов. пись-

менности, лит-ведение, библиографию и др. аспекты. Предпосылки для возникновения книгопечатания на мокш. и эрз. яз. формировались вследствие расширения межнац. историко-культурных связей мордов. народа на протяжении 17 — 18 вв. и проявились в виде статей, науч. наблюдений, дневниковых записей, мордовско-иноязычных словарей и др. печатных изд., содержащих те или иные сведения об этносе (труды заруб. и рус. учёных Н. К. Витсена, Ф. И. фон Страленберга, И. Э. Фишера, Г. Ф. Миллера, И. П. Фалька, П. С. Палласа, П. И. Рычкова, И. И. Лепёхина, епископа *Дамаскина* и др.). С кон. 18 в. на мокш. и эрз. яз. в России начали печататься отд. книги, имеющие образоват., дидактич. цели: переводная лит-ра христ. просвещения, учебники и уч. пособия для мордов. классов инородч. уч-щ, учительских семинарий и нач. классов мордов. школ («Священная история, в пользу мордвов на их природном языке, для удобнейшаго им уразумения Православного христианского закона и чудес Божиих. Переведена с русскаго языка на мордовской, Симбирской губернии, Алатырского уезда, села Напольнаго священником Андреем Ивановым Охотиным», СПб., 1820; «Краткий катехизис, переведённый на мордовский язык с наблюдением российского и мордовского просторечия, ради удобнейшего оногo познания восприявших святое крещение, 1788 года. Печатано третьим тиснением», М., 1853; см. также *Библия*). Со 2-й пол. 19 в. в книгопечатании на мокш. и эрз. яз. сложилось новое направление, связ. с публикацией произв. нар. творчества (см. *Издания мордовского фольклора*). На этапе системного становления И. м. к. (80-е гг. 19 — 20 вв.) книгопечатание на мокш. и эрз. яз. охватывало все осн. сферы духовных, науч. и практич. знаний о

мордов. народе. С организацией Мордов. гос. изд-ва (1932) оно стало непрерывно развивающимся комплексным явлением, способствовавшим формированию книговедения как самостоят. отрасли науч. знаний об этносе. К кон. 20 в. в И. м. к. были восстановлены прерванные после 1917 традиции издания книг религ.-просветит. характера. И. м. к. является органич. частью истории мордов. лит-ры. Зарождение, формирование и развитие книгопечатания на мокш. и эрз. яз. отражают эволюцию видов, жанров, жанровых разновидностей (см. *Жанр, Жанры репрезентативные*) мордов. лит-ры, индивидуальности нац. художников слова (см. *Билингвизм литературный*).

Лит.: *Феоктистов А. П.* Очерки по истории формирования мордовских письменнo-литературных языков : (Ранний период). М., 1976 ; Саранск, 2008 ; *Алёшкин А. В.* Формирование мордовского историко-литературного процесса // Мордва : ист.-культур. очерки. Саранск, 1995 ; *Мухина Н. Н.* Становление и развитие мордовской книги: конец XVII — начало XX века : дис. ... канд. ист. наук. Каз., 2011 ; *Кубанцева И. А.* Переводные книги XIX в., используемые в просвещении мордвы // Интеграция образования. [Саранск]. 2013. № 4 ; *Её же.* Книжная культура в XIX — первой трети XX в. в контексте культурной политики: на примере Мордовии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2019.

А. В. Алёшкин.

EDN PRSWRT

«ИСТО́РИЯ МОРДОВСКОЙ СОВЕ́ТСКОЙ ЛИТЕРАТУ́РЫ» (Саранск, 1968, 1971, 1974), первое наиболее полное иссл. истории мордов. лит-ры (в 3 т.), где обобщён путь её развития с 1920-х гг. до кон. 1960-х гг. Подготовлена и издана НИИЯЛИЭ. В создании «И. м. с. л.» приняли участие В. В. Горбунов, Н. И. Черрапкин, Б. Е. Кирюшкин, И. К. Инжева-

тов, Л. Г. Васильев, В. Л. Пешонова, С. А. Самошкин и др. мордов. лит.-веды. Рук. авт. коллектива — Кирюшкин. В работе аргументирована первая науч. периодизация истории мордов. лит.-ры сов. времени, даны творч. портреты ок. 40 прозаиков, поэтов, драматургов; в отд. главе проанализирована *детская литература*; выделены разделы, посвящ. развитию лит.-ведения и критики, межнац. связям мордов. лит.-ры. Каждый том снабжён именным указателем. В третьем томе, имеющем справочно-библиографич. характер, представлена хроника лит. жизни Мордовии. «И. м. с. л.» сыграла значит. роль в развитии нац. лит.-ведч. науки, на протяжении длительного времени была базовым методологич. источником для молодых учёных, уч. пособием для студентов-филологов, преподавателей вузов и нац. школ Мордовии. Мн. материалы, выводы и оценки творчества писателей, конкретных произв. продолжают оставаться значимыми. Однако отд. положения требуют критич. отношения, в частности методология и методика анализа произведений и творчества писателей в целом, проблема периодизации истории мордов. лит.-ры, вопрос о её докт. состоянии. Нуждается в переосмыслении и творчество нек-рых репрессиров. писателей (Я. Я. Кулдуркаева, П. И. Левчаева и др.).

Лит.: *Алёшкин А.* Литературати — оцю история // Мокша. 1968. № 2 ; *Его же.* Литератураньконь кинза-янонза // Там же. 1972. № 1 ; *Самошкин А.* Литература, рождённая Октябрём // Сов. Мордовия. 1969. 4 янв.

С. Г. Девяткин.

EDN NYMXCH

ИШУТКИН Николай Иванович (28.5.1954, с. Симкино Большеберезниковско-го р-на РМ — 12.1.2021, г. Саранск), эр-

зя-мордов. писатель, журналист, обществ. деятель. Засл. работник культуры РМ (1999). Отличник печати СССР (1990). Чл. СП России (1995), СЖ СССР (1978). Лауреат Гос. пр. РМ (2012), пр. Главы РМ (2004, 2009, 2014, 2015). Род. в семье учителя и колхозницы. Окончил Мордов. гос. ун-т по спец. «Филология» (1976), Моск. социально-полит. ин-т по спец. «Журналистика» (1991). В 1976 — 87 — корр., ст. корр., зав. отделом ред. газ. «Эрзянь правда»; в 1987 — 2020 — гл. ред. дет. ж. «Чилисема». Пред. СП РМ (2019 — 20).

И. — автор 11 поэтич. и прозаич. сб-ков для взрослых и детей. Первые стихи «Од пора» («Молодость») и «Килейне» («Берёзка») были опубл. в 1973, в ж. «Сятко», однако активная творч. деятельность началась в годы работы в ред. газ. «Эрзянь правда». По признанию И., наибольшее влияние на его развитие как поэта оказало участие в лит. объединении «Тештине» («Звёздочка»), возглавляемом нар. писателем Мордовии В. К. Радаевым. В этот период стихи И. печатались в основном на страницах газ. «Эрзянь правда» и ж. «Сятко». Расцвет творчества связан с работой гл. ред. ж. «Чилисема», к-рый под его рук. приобрёл популярность не только в РМ, но и далеко за её пределами. Первый авт. сб-к «Валскень теште» («Утренняя звезда») увидел свет в 1989. В него вошли стихи, созд. поэтом на протяжении 16 лет, в т. ч. ранее опубл. в коллективных сб-ках (напр., 27 из сб. «Маней васолкст» — «Ясные дали»). В стихотворениях И. размышляет о любви к родине («Седей марто кортамо» — «Беседа с сердцем», «Монь уцяскам» — «Моё счастье»); утверждает идеи братской дружбы между народами нашей страны («Пингень сэдъ» — «Вековой мост»); славит победу в Вел. Отеч. войне («Сюконямо» — «По-

клонение»); воспеваает красоту родного края («Тиринь ёнкс» — «Родная сторона», «Ве» — «Ночь»); рассказывает о любви («Уцяскань теште» — «Звезда счастья», «Мон тонтеметь...» — «Я без тебя...»). Вместе с тем поэт констатирует тенденцию к оскудению чело­веч. души («Ундов пейть» — «Гнилые зубы»), рассуждает о супруж. неверности и её последствиях («Кирдевтеме» — «Необузданная»). Вторая книга «Тештенъ мастор» («Звёздная страна», 1994), включающая наряду с новыми 12 стихотворений из предыдущих сб-ков, свидетельствует о росте поэтич. мастерства автора, сформировавшемся умении отделять главное от второстепенного, обобщать и делать объективные выводы. Для произведений характерна широта тематики. Наиболее удачными являются стихи, относящиеся к филос. лирике: «Ташто превть» («Старый ум»), «Эсь прянь манчема» («Самообман»), «Эрямонь лей» («Река жизни»), «Сокор седей» («Слепое сердце»). Не менее значимы в эстетич. плане стихотворения о красоте окружающей действительности, доброте. В сб-к вошли и пародии, направл. на воспитание у коллег-поэтов внимательного отношения к слову. Нек-рые пародии («Кстыень вечкица» — «Любитель клубники» и «Атыка катка» — «Кот») имеют признаки эпиграммы, поскольку высмеивают преимущ. самих авторов (А. М. Доронина и А. М. Шаронова), а не созданные ими произв. В 1998 была выпущена первая книга стихов И. на рус. яз. — «Пейзаж души». Перевод большинства из них осуществлён русскоязычным поэтом А. А. Громыхиным, остальных — И. Отд. переводы Громыхина неудачны, представляют собой вариации на тему. Кроме свойственных им однотипных окончаний, на к-рые обратил внимание В. И. Дёмин, встречаются

различия в концептуальном содержании и эстетич. воздействии на читателя, в формальной и семантич. неоднозначности оригинала и перевода. Большинству собств. переводов И., таким как «Одинокая женщина», «Ты меня не брани за неверность...» и др., присущ высокий худож.-эстетич. уровень. В 2004 увидела свет книга И. «Вармань кандовкст» («Принесённые ветром»), содержащая юмористич. рассказы и пародии. Все пародии, кроме одной («Мунызь нардамо» — «Заворожённое полотенце»), перешли из сб. «Тештенъ мастор». Сюжеты юмористич. рассказов, в к-рых автор высмеивает чело­веч. пороки (глупость, невежество, ложь, пьянство, высокомерие) и дурное поведение, почерпнуты из совр. жизни. Все юморески вызывают смех, однако иногда лишь развлекают читателя. Следующий сб. «Сёксень кизэнь паламо» («Поцелуй бабьего лета», 2009) включает в себя стихотворения на мордов. и рус. яз. Это волнующий разговор с читателем о жизни и смерти, добре и зле, любви и ненависти, милосердии и жестокости, пройденных дорогах, судьбах России; размышления о том, что пережил и прочувствовал поэт на жизн. пути. В книге представлена лирика пейзажной, любовной, филос. и гражд.-публиц. тематики. Пейзажная лирика И. характеризуется осознанием ответственности за происходящее на земле («Соказь лёмт» — «Распаханное черёмуховое поле»), психол. восприятием явлений природы, сближением с философской («Ризкс» — «Печаль», «Олявтомо ливтнема» — «Полёты без свободы»). Автор интенсивно развивает и любовную лирику. Среди наиболее очевидных её черт — стремление показать глубину, многогранность, бесконечность чувства любви («Вастома» — «Встреча»); представление абстрактного образа любимого

го человека, с к-рым соотносятся личные переживания («Зярдю тонь лексемат маряса...» — «Когда слышу твоё дыхание...»). Для лирики И. свойственно элегич. настроение, вызв. размышлениями о быстротечности человек. бытия и испытанными на жизн. пути разочарованиями («Сэредькс» — «Боль»). Филос. лирика И. характеризуется обострённым вниманием к внутр. миру личности в соотношении его с вопросами морали. Среди осн. тенденций выделяются стремление найти нравств. и эстетич. эталон в оторванном от реальности измерении («Масторавань кармавтома» — «Наказ Масторавы»); попытка приобщиться к высшей мудрости — божеств. миропорядку, к-рый воспринимается как способ отхода от негативно воспринимаемой действительности («Иля кадовт мельгам, кеж...» — «Не оставайся после меня, зло...», «Идиця» — «Спаситель», «Манчемань наксадо лопат» — «Гнилые листья обмана»). В творчестве поэта 2010-х гг. заметно усиление публиц. пафоса как признак стремления привлечь внимание человека к острым проблемам современности в их филос. сущности, в т. ч. потери нац. самосознания. Наряду с этим наблюдается элегичность мировосприятия, особенно при осмыслении категории времени. В стихотворениях гражд.-публиц. тематики преобладает показ чувств, вызванных воспоминаниями и размышлениями о Вел. Отеч. войне, об отношении к ветеранам, к вдовам погибших воинов, а также отображение любви к родине и родному краю («Эрзянь масторонтень» — «Эрзянской земле», «Кемемань вий» — «Сила веры»).

Существ. вкладом в развитие совр. поэзии Мордовии являются поэмы И. «Пайстому Русь» («Обездоленная Русь»), «Ине тумо» («Священный дуб») и «Вой-

надо мейлень эйкакшт» («Послевоенные дети»), вошедшие во второй том «Избранных произведений» (2016). В поэмах автор проявил себя как зрелый мастер, умеющий видеть, понимать и анализировать проблемы в их ист. перспективе, оценивать явления и события с точки зрения общечеловеч. морали. Высказанные в них идеи ориентированы в первую очередь на воспитание патриотизма и ответственности за судьбу своей страны, в т. ч. малой родины.

И. был ведущим дет. поэтом, создавшим 4 книги для дет. чтения: «Пейделькань кужине» («Ромашковая полянка», 2007) и «Сиянь сурсеме» («Серебряный гребешок», 2011) — для детей ср. шк. возраста; ««Мир диких зверей» (2007) и «Змей — природы отравитель» (2011) на рус., эрз. и мокш. яз. — для детей дошк. и мл. шк. возраста. В сб. «Пейделькань кужине» вошли стихотворения, лирич. миниатюры, частушки и загадки в стихотв. форме. Стихи, посвящ. теме природы, интересны ориг. представлением явлений окружающей действительности (луна — «небесный блин», облака — «барашки с белым брюшком»). Большинство произв. имеет поучит. характер, в них рассказывается о съедобных и ядовитых грибах, пользе муравьёв и червячков, об опасности ястребов, похищающих цыплят и т. п. Много стихотворений явно выраженного дидактич. характера. В них высмеиваются неряшливые, ленивые, несобранные, хвастливые, ненасытные дети. Пафос коротких стишков (частушек) И. в основном юмористич., переходящий иногда в сатирический. Они имеют целью привитие детям трудолюбия, высмеивают лень, проявляющуюся, в частности, в отношении к учёбе. В худож. плане удачны загадки И., особенно составившие раздел «Буква сбежала»,

ориентированные на воспитание в детях любви к родному слову, развитие наблюдательности, логич. мышления и грамотности, формирование чувства юмора. В книжке-раскраске «Мир диких зверей» стихи И. сопровождают рисунки разных животных, как изв. персонажей рус. и мордов. сказок (медведь, волк, лиса, заяц, мышка), так и иных (морж, кенгуру, носорог, крокодил и др.). Её практич. польза несомненна, поскольку с раннего возраста формирует у детей представление о повадках и нравах зверей, приучает запоминать их внеш. вид и названия на трёх яз. Сказка «Змей — природы отравитель» написана по мотивам мордов. и рус. нар. сказок. Произведение отличается лаконизмом повествования и актуальностью высказанных идей, связанных с защитой окружающей среды. Гл. герой Арсюш, сильный и добрый, любящий родной край, вступает в борьбу со злым змеем — отравителем природы и одерживает над ним победу. В сб. «Сиянь сурсеме» вошли стихи и песни на эрз. и рус. яз. (стихи И., переводы Громыхина и Н. Кузиной). Более 50 произв. взято из сб. «Пейделькань кужине». Отличие от др. книг заключается в расположении текста перевода рядом с оригиналом, что позволяет читателю одновременно постигать красоту родного и рус. яз.

Творчество И. признано не только в Мордовии, но и на всерос. уровне: 7 стихотворений вошли в антологию «Современная литература народов России. Поэзия» (М., 2017); большая подборка стихов и интервью поэта «Солнцепоклонники от литературы» опублик. в «Лит. газете» (№ 47 от 26.11.2019; № 12 от 25.3.2020; № 29 от 15.7.2020). Кроме того, творч. портрет И. включён в раздел «Эрзянские писатели» (автор А. М. Каторова) монографии «Vaateid soome-ugri rahvaste kirjandusele» («Взгляды на ли-

тературу финно-угорских народов»; Тарту, 2018).

И. проявил себя и как поэт-песенник. Ок. 50 песен, напис. с композиторами Н. Н. Митиным, Н. В. Кошелевой, В. С. Родионовым, Н. Н. Балашкиным, А. Е. Пивкиным, М. Н. Фоминым, С. Я. Терхановым и др., вошли в репертуар фольк. ансамбля «Келу», исполняются мастерами муз. иск-ва Мордовии и студентами муз. отделений регион. вузов.

И. награждён Поч. знаком Главы РМ «За личный вклад в развитие Республики Мордовия» (2019).

Соч.: Валскень теште : стихотворения. Саранск, 1989 ; Тештень мастор : стихть, пародият. Саранск, 1994 ; Пейзаж души : стихи / пер. с эрз. А. Громыхина. Саранск, 1998 ; Вармань кандовкст : эрямосто саезь ёвтнемат ды пародият. Саранск, 2004 ; Пейделькань кужине : стихть, нурька морынеть, содамоёвкст. Саранск, 2007 ; Мир диких зверей = Идем ракшань мастор = Вирень-паксянь ракшатне : [книжка-раскраска]. Саранск, 2007 ; Сёксень кизнь паламо : стихть, морот = Поцелуй бабьего лета : стихи, песни. Саранск, 2009 ; Змей — природы отравитель : сказка = Гуи — пертьпельксэнь куловтыця : ёвкс = Куи — пертьпяльть кулофтыец : ёфкс. Саранск, 2011 ; Сиянь сурсеме = Серебряный гребешок : стихи и песни. Саранск, 2011 ; Азбука в стихах // Чилисема. 2012. № 1 — 3 ; Кочказь произведеният. 1 томось : Стихть, поэмат, морот, пародият. Саранск, 2014 ; Кочказь произведеният. 2 томось : Стихотворения, поэмы, песни. Саранск, 2016 ; Кочказь произведеният. 3 томось : Ёвтнемат, очеркть, статьят. Саранск, 2017 ; Кемемань лексема ; Явома ; «Сёксень начко пулосонзо...» : валморот // Сятко. 2019. № 1 ; Таго вакса : ёвтнема // Там же. № 3 ; Каргот : баллада // Там же. 2020. № 5 ; Тиринь кудо : валморот // Там же. № 12 ; Пропахший солнцем день : стихи // ЛГ. 2020. 15 июля.

Лит.: Марков А. Тештень вечкиця : Н. Ишуткинэнь «Тештень мастор» стихень

пусмодонть вал // Сятко. 1995. № 9 ; *Дёмин В. И.* Есть к творцу моленье у поэта... : Размышления о новом сборнике стихов Н. Ишуткина // Нар. образование РМ. [Саранск]. 2010. № 1 ; *Его же.* «Пейди менельсэ чипай-несь...» : Эйкакштнэнь туртов Н. Ишуткинэнь поэзиядонзо // Там же. 2013. № 1 — 2 ; *Его же.* «Сиянь сурсеме» : Николай Ишуткинэнь стихень од пусмодонзо вал // Сятко. 2012. № 3 ; *Его же.* Седе ламо «чатымоницят» уле-

вельтькак истят... : Николай Иванович Ишуткинэнь чачома чистэнзэ 60 иетненень // Там же. 2014. № 5 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1 ; *Громыхин А. А.* Метафора неба // Фин.-угор. мир. [Саранск]. 2012. № 1/2 ; Солнцепоклонники от литературы : Большой урон нац. словесности наносит урбанизация / [беседу вела А. Ермакова] // ЛГ. 2020. 25 марта.

А. М. Каторова.

Буква К / Part K

EDN SSNIEV

КАВТАСЬКИН Лука Семёнович (7.2. 1911, с. Б. Толкай ныне Похвистневского р-на Самарской обл. — 21.6.1977, г. Саранск), фольклорист, переводчик, лит.-вед. Канд. филол. наук (1953). Засл. работник культуры МАССР (1971). Чл. СП СССР (1948). Участник Вел. Отеч. войны (1941 — 43), демобилизован после серьёзного ранения. Род. в эрзя-мордов. крест. семье. Обучался на фин.-угор. отделении Ленинградского ист.-лингв. ин-та (1930 — 31), окончил МГПИ им. А. И. Полежаева (1939). В 1931 — 33 — дир. шк. колхозной молодёжи в с. Фёдоровка Стерлитамакского р-на Башк. АССР; 1933 — 39 — препод. рус. и родного яз. на рабфаке (Саранск); 1939 — 40 — препод. рус. и родного яз. в Темниковском с.-х. техникуме. В 1940 — 41 — зав. сектором фольклора в СП МАССР, секр. мордов. сказительницы Ф. И. Беззубовой. В 1944 — 74 — мл., ст. науч. сотр. сектора мордов. фольклора (в 1944 — 45 и 1948 — 68 — мордов. лит.-ры и фольклора, в 1945 — 48 — мордов. яз., лит.-ры и фольклора) НИИЯЛИЭ.

Творч. путь К. как фольклориста определился под влиянием богатых уст-

но-поэтич. традиций родного села, матери Елизаветы Матвеевны — знатока и талантливой исполнительницы произв. фольклора. Регулярную работу по сбору мордов. фольклора он начал в 1934, приняв участие в 1-й фольк. эксп. НИИМК. После этого на протяжении 40 лет участвовал в большинстве науч. эксп. ин-та. Собранные материалы вошли в составл. им сб. «Эрзянь фольклор» («Эрзянский фольклор», 1939). Науч. исследования К. связаны преимущ. с анализом мордов. необрядовой (нар. песен, частушек, загадок — см. *Загадка*) и обрядовой (свадебной, похоронной) поэзии. Автор более 50 науч. работ. В 1953 в ИМЛИ (г. Москва) защитил канд. дис. «Мордовская народная песня», к-рая является самым значит. иссл. учёного. Она состоит из трёх глав: в первой рассмотрены вопросы собирания, изучения и публикации мордов. нар. песен, во второй — их идейно-тематич. и худож. особенности, в третьей — своеобразии нар. песен сов. периода. Важным вкладом К. в развитие мордов. фольклористики стала вторая глава, где учёным выделены следующие группы песен: мифологич. содержания, песни-сказки, баллады, ист.,

лиро-эпич., семейно-бытовые, солдатские и детские. С учётом уровня развития совр. науки недостатком этой классификации является объединение в одну группу песен о Тюште, солдатчине, монголо-тат. иге, о дружбе и др. В 1950-е гг. нац. фольклористика делала первые шаги, поэтому деления на такие жанровые разновидности, как эпич., ист., лирич. песни и частушки, не было. К. не боялся вступать в науч. полемику по проблемам фольклора с др. исследователями, в частности с А. И. Маскаевым, к-рый впоследствии был вынужден признать его правоту относительно песен о Литове, а также языч. имён. Учёный объединял вокруг себя фольклористов с целью повышения качества науч. исследований, совершенствования методики собирания фольклора, изучения произведений устного нар. творчества сов. периода и способов обогащения мордов. худож. лит-ры устно-поэтич. традициями. К его мнению прислушивались, напр. по проблеме взаимосвязи фольклора с письм. лит-рой А. Г. Борисов в 1988 защитил докт. диссертацию. К. начал изучение жанра загадки (худож. формы, поэтики, синтаксич. строя, образной структуры), к-рое впоследствии было продолжено К. Т. Самородовым. Наряду с этим К. изучал сказительскую поэзию (Е. П. Кривошеевой, Беззубовой) и общие процессы развития мордов. лит-ры. Он оперативно откликнулся на новые книги, выступал с проблемными статьями. Первоначально это были статьи-рецензии, посвящ. анализу стихов начинающих поэтов («Изнямо», 1952, № 12), затем ежегодные обзоры опубликованных прозаич. произв. («Сурань толт», 1959, № 4; Тр. НИИЯЛИЭ, вып. 20, 26, 33), а также процесса развития мордов. дет. лит-ры в 1950 — 57 (Тр. НИИЯЛИЭ, вып. 23). К. является соавт. «Очерка ис-

тории мордовской советской литературы» (1956), посвящ. выявлению истоков мордов. лит-ры, анализу её становления и развития в 1920-е — 1-й пол. 1950-х гг., значения устно-поэтич. творчества мордов. народа в формировании традиций письм. лит-ры. Лит-ведч. работы учёного характеризуются глубоким знанием анализируемого материала, строгой научностью, критичностью подхода, обоснованностью и доказанностью выдвигаемых гипотез примерами из текстов. Этому во многом способствовало то, что в годы учёбы и работы педагогом К. увлекался сочинительством, писал стихи на эрз. яз., к-рые публиковались в периодич. изд. («Пионерэнь вайгель», «Сятко» и др.). В зрелые годы от творчества отошёл, однако консультировал молодых писателей, указывая на положительные стороны их произв. и выявляя недостатки.

К. внёс значит. вклад в текстологич. подготовку «Избранных произведений» М. Е. Евсевьева (1961 — 66), создание многотомной сер. УПТМН (т. 1 — 7).

Соч.: Творчество современных мордовских сказителей // Литературная Мордовия. Саранск, 1951. № 4 ; 1958 иень эрзянь прозадонть заметкат // Сурань толт. 1959. № 4 ; Мордовская детская литература 1950 — 1957 годов // Тр. / НИИЯЛИЭ. Саранск, 1962. Вып. 23 ; Мордовская проза 1963 — 1964 годов // Мордовская литература последних лет (1961 — 1964). Саранск, 1968. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 33) ; Об устно-поэтических и фольклорно-музыкальных истоках мордовского народного эпоса // Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 50) (в соавт.).

Лит.: ПМ. 2001 ; 2015. Т. 1 ; **Бояркин Н. И.** Жизнь, отданная науке : К 80-летию со дня рождения Л. С. Кавтаськина // Сов. Мордовия. 1991. 20 февр. ; **Васильев Л.** Дело всей жизни // Примокшанье моё : лит.-худож. сб. Саранск, 1982 ; Мордовия : энциклопедия.

Саранск, 2003. Т. 1 ; Центр гуманитарных наук: история и современность / сост.: Е. В. Глазкова, А. В. Чернов. Саранск, 2008 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1 ; *Бояркина Л. Б.* Мордовская музыкальная энциклопедия. Саранск, 2011 ; Мордовская мифология : энциклопедия. Саранск, 2020 ; Продолжая славные традиции... : К 90-летию НИИ гуманитар. наук при Пр-ве РМ. Саранск, 2022.

А. М. Каторова.

EDN SWFYUК

КАДОРКИН Александр Сергеевич (28.6.1938, с. Козловка ныне Атяшевского р-на РМ — 5.10.1993, г. Сургут Тюменской обл.), эрзя-мордов. писатель. Род. в крест. семье, был старшим из 8 детей. По окончании ист.-филол. ф-та Мордов. гос. ун-та работал учителем и дир. в школах Чамзинского и Ичалковского р-нов МАССР, в 1978 — 93 — учителем в Сургуте.

Любовь к родному слову передала К. мать Мария Андреевна, любитель-знаток мордов. нар. песен, интерес к сочинительству развил учитель-словесник П. Г. Прошкин. Стихи для детей дошк. и шк. возраста К. начал публиковать с 1960-х гг.: в альм. «Литературная Мордовия» (Саранск, 1961, № 25), сб-ках «Васень эскелькст» («Первые шаги»; Саранск, 1967), «Помню только хорошее» (Саранск, 1986), ж. «Сурань толт» (1962), «Сятко» (1967), газ. «Эрзянь правда» (1964). Первый авт. сб-к («Мика») был издан в 1969, последний («Пичеть» — «Сосны») — в 1996, после смерти поэта. На рус. яз. выпущена одна книга стихов («Большая вода», 1975) для детей мл. шк. возраста. В сб. «Мика» всего 5 стихов, показывающих мысли и заботы малышей, их взаимоотношения с окружающими, восприятие растит. и животного мира. Наиболее удачным в худож.-эсте-

тич. плане является стих. «Ванянь тундозо» («Ванина весна»), напис. 6-сложным силлабич. размером. В нём поэту удалось достаточно точно передать психологию ребёнка, озабоч. болезнью бабушки, показать любовь, способствующую выздоровлению. В др. произведениях («Микадо ды нумолдо, кона тельня Микань садс чувтонь порнеме тоннадсь» — «О Мике и зайце, который зимой повадился в Микином саду грызть деревья», «Охотасо» — «На охоте», «Ципакань ава» — «Наседка») раскрывается тема природы, стихи нацелены на воспитание у детей бережного отношения к домашним животным. В следующем сб. «Ки лангсо» («В дороге», 1971) в качестве лирич. персонажей выступают в основном дети шк. возраста. Наибольшим воспитат. потенциалом обладают два произв.: давшее назв. книге, способствующее развитию осторожности, умения дружить, быть готовым прийти на помощь, и «Вастома» («Встреча»), призванное формировать у подрастающего поколения внимание к окружающим людям, скромным по характеру, но героич. по сути. В книге «Эрзясь-аштес овто» («Жил-был медведь», 1973) звучит призыв к сохранению нар. традиций. Образ одинокого медведя в одноим. стихотворении олицетворяет собой эгоиста, не имеющего друзей и не помнящего рода и племени, к-рый, проснувшись раньше времени, начинает пугать обитателей леса активными действиями и в конечном счёте становится посмешищем. В произв. «Овтодо ды лападонзо» («О медведе и его лапе»), в основе к-рого лежит раскрытие смысла афоризма «Овтось лапа навась лейс» («Медведь лапу окунул в реку»), утверждает необходимость разъяснения ст. поколением внукам своих представлений о жизни. На следующем этапе творч. пути

К. обратился к созданию прозаич. произведений — рассказов (сб. «Латко чиресэ кудыне» — «Домик у оврага», 1975) и повести («Кизна Дубровкасо» — «Летом в Дубровках», 1979). В рассказах изображаются сложные послевоенные годы в мордов. сёлах, когда не хватало еды, особенно весной, а летом школьники в дни каникул работали в колхозе наравне со взрослыми, заменяя не вернувшихся с войны отцов. В произв., давшем назв. сб-ку, трудности полуголодного послевоенного детства показаны на примере многочисл. семьи Ямшиковых, к-рые были вынуждены временами побираться, но никогда не жаловались на жизнь, не искали лёгких путей и выстояли, благодаря трудолюбию. В рассказе «Коштсо качамо» («В воздухе дым») движущей силой сюжета является конфликт между пришлым шк. учителем физики Никодимом Мироновичем, прозванным учениками Карго (Журавль), к-рый сблизился с местным вором Сезнезь Пиле (Рваное Ухо), и др. героями, наделёнными автором искл. положит. качествами. В худож.-эстетич. плане произв. получилось слабым, действия и поступки героев не всегда обоснованы и логичны, характеры схематичны, тем не менее в нём правдиво отображены тяготы послевоенного времени. Пов. «Кизна Дубровкасо» подходит под определение этого жанра лишь по объёму, по сути — это большой рассказ с одной сюжетной линией, действие к-рого сосредоточено вокруг гл. героя Серёжи Эрикайкина и его семьи. Приехав на каникулы в деревню, он знакомится с сельской жизнью, вместе с др. детьми принимает участие в спасении колхозного добра и в конечном счёте уговаривает отца вернуться из города на постоянное место жительства в Дубровки. Наиболее удачными в произв. явля-

ются пейзажи, передающие красоту родного края. Работая в Сургуте, писатель продолжил стихотворное творчество, результатом чего стала книга для детей «Садо миненек праздникс» («Приходите к нам на праздник», 1983). Тематика её разнообразная, однако преобладают стихи о природе. Сказка в стихах «Пичень чуля» («Сосновая шишка») — о непомерной человеч. жадности, приводящей к трагич. финалу. Эта идея не нова, но реализована она своеобразно. Белочка за спасение своего детёныша благодарит старика волшебной шишкой, к-рая помогает излечиться от любых болезней. Сначала старик лечит всех бескорыстно, однако затем передумывает и уже не может остановиться. В итоге белочка забирает волшебный предмет, а старика вместе со старухой превращает в головешку. Самым удачным в худож. отношении является сб. «Герди чачома мастором» («Зовут родные места», 1987), в к-рый вошли лирич. стихи, сонеты и поэма «Давол» («Ураган»). Осн. лейтмотив стихотворений — любовь к родному краю: «Зярс аволить яка мастор ланга, / Ков бу тон а туевлить васов, / Ялатеке оймесь содазь янга / Ве чистэнть пачтятанзат кудов» (с. 7; «Сколько бы ни скитался по земле, / Куда бы ни уехал далеко, / Всё равно душа по известной тропе / В один день приведёт домой»). В поэме раскрывается тема Вел. Отеч. войны, изображается тяжёлая жизнь женщин и детей, передаются переживания тех, кто получил весть о гибели близких, и редкая радость встретивших вернувшихся домой. Наибольшей экспрессией и безграничной любовью насыщены строки, посвящ. матери-труженице, благодаря к-рой лирич. герой выживает в этих нелёгких условиях. Последний сб. «Пичеть» включает в себя стихи о красоте родной природы («Вирьсэ» —

«В лесу»), любви, в т. ч. к отчужденному дому («Даволов чокшне» — «Бурная ночь»), размышления о том, правильно ли жил на этом свете, тем ли делом занимался («Арсема» — «Раздумье»).

Мн. произв. писателя, не вошедшие в перечисл. книги, опублик. в ж. «Сятко» (в т. ч. сонеты о войне и мире, венок сонетов, неск. поэм) и в коллективных сб-ках.

Соч.: Мика : [стихотв.]. Саранск, 1969 ; Ки-лангсо : стихотв. Саранск, 1971 ; Эрьсь-аштесъ овто : стихотв. Саранск, 1973 ; Латко чиресэ кудыне : ёвтнемат. Саранск, 1975 ; Большая вода : [стихи]. Саранск, 1976 ; Кизна Дубровкасо : повесть. Саранск, 1979 ; Садо миненек празднике : стихотв. ды ёвкс. Саранск, 1983 ; Терди чачома мастором : стихотворения ды поэма. Саранск, 1987 ; *Кадоркин А.* Пичеть : стихотв. ; *Мокшин Н.* Толбандят : стихотв. Саранск, 1996.

Лит.: ПМ. 2015. Т. 1 ; *Эскина Н.* Седейс совица // Сятко. 1985. № 1 ; *Ломшин М.* Тердсь мартонзо Дубровкав... : А. С. Кадоркинэнъ шкинемадо вал // Там же. 2007. № 10 ; *Дёмин В.* Ванькст ульнесть арсеманзо, мелензэ... : Александр Сергеевич Кадоркинэнъ шкинемадонзо вал // Там же. 2010. № 3.

А. М. Каторова.

EDN TOUNPC

КАЗАКОВА Полина Дмитриевна (14.5.1926, с. Анаево ныне Zubovo-Polyanskogo r-na RM — дата смерти неизв., г. Саранск), лит.-вед., педагог. Канд. филол. наук (1974), доцент (1980). Окончила МГПИ им. А. И. Полежаева (1952), аспирантуру НИИЯЛИЭ (1971). В 1952 — 56 — учитель рус. яз. и лит.-ры Кондровской ср. шк. Темниковского р-на МАССР; 1956 — 57 — ст. лаборант кафедры мордов. яз. МГПИ им. А. И. Полежаева; 1957 — 61 — учитель рус. яз. и лит.-ры Чукальской ср. шк. Ардатовского р-на МАССР; 1961 — 62 — воспитатель Саран-

ской дет. муз. школы-интерната; 1962 — 63 — учитель рус. яз. и домоводства Николаевской ср. шк.; 1963 — 64 — проректор по заочному обучению, 1964 — 1983 — ст. препод., доцент кафедры рус. и заруб. лит.-ры МГПИ им. М. Е. Евсевьева. Область науч. интересов: творч. наследие Н. Эркая. Автор более 10 науч. работ. Дис. «Творческий путь Никула Эркая» защищена в 1974 в Мордов. гос. ун-те. В иссл. охарактеризован процесс формирования Н. Эркая как писателя, рассмотрены особенности его поэтики и стиля, определены роль, место и значение творч. наследия в истории мордов. лит.-ры; доказано, что произведения отличаются богатством и красочностью языка, умелым использованием бытовых и этногр. деталей, способствующих созданию яркого нац. колорита.

Соч.: Вишка патриотто вадря книга // Сятко. 1972. № 1; Мзярда стихне кайгихть : Н. Эркаянь лирика // Мокша. 1972. № 3 ; Об идейно-художественной направленности, языке и стиле повести Н. Эркая «Алёшка» // Вопросы советского финно-угроведения. Саранск, 1972 ; Ранняя проза Никула Эркая // Мордовская литература последних лет. Саранск, 1974. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 37) ; Послевоенная поэзия Н. Эркая // Вопросы мордовской литературы. Саранск, 1975. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 51).

А. М. Каторова.

EDN ULLPYJ

КАЗНОВ Сергей Анатольевич (31.5.1978, г. Саранск — 20.8.2005, там же), русскоязычный поэт. Обучался в Мордов. гос. ун-те, окончил отделение поэзии Лит. ин-та им. А. М. Горького (2002). В ин-те К. посещал творч. семинар, рук. к-рого был первоначально изв. рус. поэт Ю. П. Кузнецов, затем проф. И. Л. Волгин. По окончании обучения работал в респ. га-

зетах, в частности в «Известиях Мордовии». Его стихи публиковались в газетах («Вечерний Саранск» и др.), лит.-худож. журналах («Странник», 1996; 1998; 2004) и альманахах г. Саранска и Москвы («Отчий дом», Саранск, 2006; и др.), а также за рубежом (русскоязычный ж. «Новый дом», Израиль, 2008, № 2). В Саранске издано два сб-ка стихов, оба посмертно: «Остров, полный звуков» (2005) и «Цветы и звёзды» (2006). Стихи К. самобытны, для них характерны виртуозность техники и глубокомыслие поэтич. формул. Осн. темы лирики (любви, Большого времени, творчества) роднят его с лучшими рус. поэтами (И. А. Бродским, Б. Л. Пастернаком, А. А. Блоком, Н. С. Гумилёвым, произведения к-рых высоко ценил и перед к-рыми преклонялся). Наибольшее влияние на становление поэтич. самобытности К. оказало творчество Бродского, что особенно ярко отразилось в стихах, созд. на нач. этапе. Однако впоследствии он предпринял попытку отречься от этого воздействия. Лирич. герой К. разнообразен, разнолик: гражданин мира и вместе с тем патриот своей Родины; поэт, мечтающий о полноте бытия и жаждущий успеха, стремящийся обрести любовь и разочаровавшийся в ней. Специфика высказываний лирич. героя заключается в синтезе иронич. и элегич., балладной и притчевой манер, в соединении высокого слога, просторечия, иногда жаргона. Гл. особенность его творчества — обыденная деталь, обретающая в стихах высокий смысл, что определяет в конечном счёте настоящее мастерство: «Бывает, приоткроешь дверцу / Зимой, в начале февраля, / И всплещь собственному сердцу / Ведро донецкого угля. / Чтоб снова стрелка задрожала / И мир покрылся пеленой, / Чтобы от мысленно горя / Менялись вещи предо мной. /

Топографическим курсивом / Записано в моём мозгу: / Быть огнём не красиво, / Но я иначе не могу» (Цветы и звёзды, Саранск, 2006, с. 280).

К. — художник истинно филос. склада. Какой бы темы он ни касался, какие бы выразит. средства ни использовал для передачи мыслей и переживаний, на всём лежит отпечаток глубоких авт. размышлений. Подтверждением этого служит и тот факт, что преобладающим жанром в его лирике выступает элегия. Свойственный К. ориг. взгляд на события, склонность к широким обобщениям, умение за конкретным случаем заметить проявление закономерного, определили неповторимый стиль всех его поэтич. раздумий, характеризующийся редким сплавом лиризма и филос. глубины. К. внёс значит. вклад в развитие русскоязычной ветви лит-ры Мордовии. Наряду с лирич. стихотворениями он писал пародии, чаще всего на произведения С. А. Сеничева, к-рого считал своим другом и учителем. Большинство пародий опубл. в кн. «Мой Казнов» (2006) Сеничева. В неё вошли также неск. коротких рассказов К., весьма специфических, героями к-рых являются изв. рус. писатели. Худож. достоинства этих произв. оставляют желать лучшего, однако позволяют глубже понять образ мыслей автора.

В конце жизни К. приобрёл небольшой переводч. опыт, обратившись к творчеству молодой эрз. поэтессы Л. А. Рябовой (переводы вышли в свет лишь в 2010; ж. «Странник», № 5). Шесть его стихотворений переведены на эрз. яз., (опубл. в ж. «Сятко», 2004, № 12).

К. — лауреат конкурса молодых поэтов Подмосковья «Золотое перо» (2004). Памяти К. посвящено стих. «Гениальные мальчики тонкими свечками...» (2006) В. А. Федосеева.

Соч.: Остров, полный звуков : Книга стихов. Саранск, 2005 ; Цветы и звёзды : стихотворения. Из дневников. Воспоминания о поэте / [сост. С. Сеничев]. Саранск, 2006 ; Из Анненского ; Девичий альбом [и др.] // Отчий дом. Саранск, 2006.

Лит.: *Акимова Т. И.* Художественный мир Сергея Казнова: к проблеме поэтического метатекста // Филологические исследования. 2003 — 2004. Саранск, 2005 ; *Рычкова О.* Ушедший в лето // ЛР. 2007. №13 ; *Сеничев С.* Мой Казнов. Саранск, 2006 ; *Стёпин С. Н.* Когнитивно-концептуальные особенности восприятия мира в лирике Сергея Казнова // Человек. Культура. Образование. [Сыктывкар]. 2013. № 5.

А. М. Каторова.

EDN VCYWCE

КАЛАМБУ́Р (от фр. calembour — игра слов), использование многозначности, омонимии, звукового сходства, заимствований и др. сочетаний слов с целью достижения в лит-ре или в повседневной речи комич. эффекта. К. близок по сути к понятиям «языковая игра» и «игра слов». Е. С. Шмелёва трактует К. как «...разновидность игры слов, основанную на многозначности, омонимии, паронимии (псевдосинонимии, псевдоантонимии)» (Вест. Моск. гос. лингв. ун-та, 2016, вып. 19, с. 8). Л. П. Раскопова, кроме функции создания комич. эффекта, выделяет «эффект неожиданности», предопределяющий при чтении худож. произв. «нестандартное восприятие текста».

К. часто встречается в мордов. нар. устно-поэтич. творчестве — в пословицах, поговорках, прибаутках, идиоматич. речениях, загадках (см. *Загадка*), частушках. При этом используются разнообразные приёмы создания комич. эффекта. К. может быть основан, напр., на многозначности слов: в прибаутке «Тон палат, Егор! — Аф палац, лангсон од ор»

(«Ты горишь, Егор! — Не замёрзну: на мне новая шуба») применена полисемия слова «паломс» — «гореть» и «замёрзнуть»; на омонимии: «Учат, учат — учак арат» («Ждёшь, ждёшь — овцой станешь») — использованы омоформы «учат» — «ждёшь» и «учат» — «овцы»; на ложной, преднамеренно искажённой этимологизации слова: «Тон туват, али нинге аф туват?» — «Няйсак вдь, ломанян. Мзярс нинге аф туван» («Ты уйдёшь, или никак не можешь уйти?») — «Видишь ведь, я человек. Пока ещё не свинья» — здесь «туват» — «ты сможешь уйти» и «ты свинья». Особую разновидность составляет К., созд. на основе употребления рус. лексики (особенно в частушках): «Верьга ливти ероплан, / Потмосонзо реветь. / Минек Танянтъ превензэ / Девяносто девять» («В выси летит самолёт, / В самолёте овцы. / У нашей Тани ума в голове / Девяносто девять»). Частушки такого рода нередко лишены смысла, но способствуют достижению эффекта мелодичности.

К. в мордов. худож. лит-ре неск. отличается от фольклорного, часто используется в целях характеристики персонажей. Напр., ром. «Лавгинов» В. М. Коломасова назван по фамилии гл. героя, к-рая происходит от глагола «лавгамс» — «болтать, «врать». В драме «Кафта ширет» («Два лагеря») М. И. *Безбородова* председателя сельсовета Тома Петровича герои произв. наз. Мот Петрович, характеризуя его тем самым как человека, проматывающего колхозное имущество. В мордов. лит-ре К. встречается гораздо реже, чем в нац. фольклоре. В качестве худож. приёма он получил распространение в стихах М. А. *Бибана*, И. М. *Девина*, И. Е. *Шумилкина*, И. Н. *Кудашкина*, Ю. Н. *Азрапкина*, А. И. *Пудина* и др. мордов. поэтов. Как и в фольклоре, К. нередко строится на ис-

проявлений добра и зла. Ильмаринен — чудесный кузнец Калевалы, знаменитый оружейный мастер, создающий чудомельницу Сампо, к-рая производит всевозможные жизнен. ценности (вспахивает змеиное поле, ловит в реке смерти чудовищную щуку, взнуздывает медведя и др.). Лоухи крадёт творение Ильмаринена — чудесную кузницу, пытается погубить род Калевалы, насылает болезни, похищает солнце и месяц, уносит огонь из очагов. Лемминкяйнен — бесстрашный молодой воин. С его образом в эпосе связаны наиболее драматич. ситуации: из-за легкомыслия и хвастовства (по совету Лоухи идёт на охоту за лебедем смерти, пением пугает журавля, к-рый летит в Похьёлу, и поднимает тревогу) гибнет в тёмных водах Маналы (Туóнелы). В числе др. персонажей заметное место занимают мифологич. покровители воды — Зелламо и Мелатар, леса — Тапио и Миэликки, неба — Укко, огня — Пану, подземного мира — Мана и др. Мн. персонажи «К.» обнаруживают черты общности с образами мордов. мифологич. эпоса. Близки, напр., функции Вяйнямёйнена и Тюшти как покровителей рода, а также антропомифированных образов, говорящих человек. языком птиц и животных. Эпос «К.», появившись в период демократич. движения в Финляндии, способствовал нац. возрождению, укреплению самосознания фин. и карел. народов. Он оказал большое влияние на становление и развитие их лит. языка, лит.-ры, театр., муз. и изобразит. иск-ва. Памятник в полном объёме переведён на более чем 30 яз. народов мира, в т. ч. на мокша-мордов. Принципы создания «К.» учитывались при работе над мордов. эпич. поэмами («Сияжар», «Пенза ды Сура» — «Пенза и Сура», «Тюштя» В. К. Радаева, «Мастор-ава» А. М. Шаронова).

Тексты: Калевала : Карело-фин. эпос / [пер. Л. П. Бельского]. М., 1949 ; Калевала : Карел. руны, собр. Э. Лённротом / пер. с фин. Л. П. Бельского. М., 1956 ; Калевала : Эпич. поэма на основе древ. карел. и фин. нар. песен / собрал и обработал Э. Лённрот ; пер. Э. Киуру, А. Мишина. Петрозаводск, 1998.

Лит.: Куусинен О. В. «Калевала» — эпос карело-финского народа // Тр. юбилейной науч. сессии, посвящ. 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950 ; Хурмеваара А. Г. «Калевала» в России. Петрозаводск, 1972 ; Карху Э. Г. «Калевала» на языках народов мира // Север. 1984. № 1 ; «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010 ; Ингл О. П. Книжные формы эпоса финно-угорских народов: типология и поэтика : дис. канд. филол. наук. Саранск, 2015.

Н. И. Бояркин.

EDN WESOHQ

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ, вид фольклора, сопровождающий агр. обряды и праздники, крест. труд в течение земледельч. года. Мордов. К.-о. п. берёт начало в родовом обществе, однако как самостоят. жанровая, муз.-стилевая и худож.-образная система сформировалась в период становления развитого пашенного земледелия. В основе этой поэзии лежат наблюдения мн. поколений земледельцев за круговоротом солнца, сменой времён года, биологич. циклов растит. и животного мира, воплотившиеся в развитой системе филос., морально-этич. воззрений на природу и общество. В содержании мордов. К.-о. п. отразились формы производств. деятельности земледельца, конкретные наблюдения, имеющие глубокий практич. смысл. Социальная функция её произведений заключается в обеспечении богатого урожая и приплода домашних жи-

вотных. Важное значение для достижения этого имели обрядовые действия, магия слова, ритуальное испрашивание у мифологич. покровителей всевозможных благ.

Мордов. К.-о. п. включает в себя ок. 20 жанровых разновидностей фольклора: заклинательные, величально-корильные песни, благопожелания, загадки (см. *Загадка*), приговоры, пословицы, присловья, хороводные песни и плясовые припевки, легенды. Параллельно с ними бытовали произв. календарно-обрядовой инструм. музыки и нац. хореографии, составляющие в целом (слово, музыка, танец, действие) весьма развитый синкретич. вид традиц. иск-ва — нар. муз.-хореографич. театр. Циклизация мордов. К.-о. п. (зимняя, весенняя, летняя и осенняя) обусловлена полным круговоротом солнца, чередованием времён года. Каждое время года (земледельч. сезон) имело определённые праздники и обряды, сопровождаемые бытовавшими в той или иной местности соотв. поэтич. произведениями. К.-о. п. отличается худож.-выразит. неповторимостью, что связано с природными особенностями времён года, неодинаковым характером земледельч. работ.

Зимний период агр. календаря и относящиеся к нему песни (м. тьяль морот, э. телень морот) имели подготовит. характер. Произведения этого периода были нацелены на то, чтобы загадать, заложить основы будущего богатого урожая, способствовать хорошему приплоду животных, птицы и пчёл. Цикл включает преимущ. песни, приуроч. к колядованию и ночному молодёжному празднично-обрядовому действию м. «Роштувань куд», э. «Роштовань кудо» («Рождественский дом»). В их число входят колядки (м., э. калядат, калядамо морот), песни-благопожелания, исполняемые при традиц. обходе дворов группами па-

стухов (э. ваныцянь калядат) рано утром, а также детьми (м. жабань калядат, э. эйкакшонь калядамо морот) и девушками (э. од ломанень калядамо морот). К этой же группе относятся песни «Рождественского дома» (м., э. роштува кудонь морот), подразделяемые на долгие (м., э. роштува кудонь кувака морот), плясовые (м., э. роштува кудонь киштема морот) и игровые (м. роштува кудонь налхксема морот, э. роштува кудонь налксема морот). По муз.-стилевым особенностям зимняя К.-о. п. мордвы имеет существ. различия: напевы колядок хорошо сохранили мелодику древних жанровых видов нац. фольклора, восходящих к прафин.-угор. муз. общности; напевы песен «Рождественского дома» интонируются в развитых формах самобытной мордов. полифонии, возникшей на основе автохтонной мелодики и монодийной гетерофонии традиц. совм. пения.

Весенние песни (м., э. тундонь морот), приуроч. к весенним праздникам лунного календаря, состоят из масляничных (м. маслань морот, э. мастьянь морот), включающих детские (м. жабань маслань морот, э. эйкакшонь мастьянь сееремат), призывов перелётных птиц (м. нармонь серьгадема, э. нармунень сееремат), песен-диалогов с птицами (м. сязьгатань морот, вайханат, э. тундонь сееремат, поэятат), песен-примет весны (э. тундонь редямот), вербных (м. вербань морот, э. эрьбань морот) и троических (м. тройцянь морот, э. троиянь морот). Осн. функции весенних песен — испрашивание тепла, способствование тучному произрастанию трав. Данные песни содержат также семейно-бытовую тематику, отражающую предбрачные отношения молодёжи. По признаку муз.-стилевых особенностей они отличаются преимущ. плясовым характером, нередко интонируются в речитативной манере; медленные плав-

ные напевы (тундонь редямот) часто сходны с напевами необрядовых долгих песен (м., э. кувака морот).

Летние песни (м. кизонь морот, э. кизэнь морот), в отличие от др. календарно-обрядовых, не имеют строгого прикрепления к конкретным дням и исполняются по мере возникновения особых обстоятельств, грозящих уничтожить урожай (засуха, чрезмерное обилие дождей). Их социальная функция всецело определяется оберегом — охранит. магией. Летние песни представляют собой закличания дождя (м. пиземонь серьядемат, э. пиземень сееремат), в к-рых выделяется два стиливых вида: протяжные песни и короткие припевки; закличания солнца, ясной погоды (м. шинь вешендемат, э. чинь вешемат).

Осенние песни — ритуальные хоровые песнопения (м., э. пазморот; от э. паз «бог») бытовали преимущ. в связи с языч. озксами (м., э.; от озномс «молиться, поклоняться»). Они интонировались в прошлом в честь божеств — покровителей урожая на агр.-обществ. молянах и покровителей дома, двора, гумна, а также в целях обеспечения здоровья людей и плодородия скота. К осенним песням мордов. земледельч. календаря относятся также произв., приуроч. к празднично-обрядовому действию м. «Стирень пивань куд», э. «Тейтерень пиянь кудо» («Дом девичьего пива»), совпавшему по времени проведения с христ. праздником Покрова Пресвятой Богородицы. По муз.-стилевым особенностям «пазморот» примыкают к развитым формам мордов. вок. полифонии, и большая их часть исполнялась в сопровождении игры на муз. инструментах типа волынки (м. фам, э. пувама), кларнета (м., э. нюди), скрипки (м. гарзе, э. кайга).

Худож. содержание и экспрессия К.-о. п. выявляют её нерасторжимую

связь с поэтизацией природы, быта земледельца, чистоты человек. отношений; древние мифологич. образы, творч. фантазия переплетаются в ней с явлениями реальной жизни. Так, образы Великого солнца (м. Очижи, э. Инечи), покровительниц земли (м., э. Масторава), урожая (м., э. Норовава), дома (м., э. Кудава; м. Юрхтава, э. Юртава), воды (м. Ведява, э. Ведява), леса (м. Вирява, э. Вирява) и др., соседствуют с образами повседневной жизни крестьянина. Это обусловило своеобразие худож.-выразит. средств, характерных для древних видов традиц. нар. поэзии (*гипербола*, символика, магия чисел и знаков). Данная особенность К.-о. п. позволяет назвать её худож. устно-поэтич. памятником мордов. крестьянства. Произведения мордов. К.-о. п. продолжают бытовать в этнич. ареале мокши, эрзи и шокши. Они исчезли из быта мордвы-каратаев и поются на рус. яз. мордвой-терюханами. Устойчивы традиции К.-о. п. на переселенч. терр. Заволжья.

Мордов. К.-о. п. оказала заметное влияние на нац. проф. лит-ру и иск-во (поэма «Эрьмезь» Я. Я. Културкаева, 1935; ист. драма «Литова» П. С. Кириллова, 1939, и одноим. муз. драма Л. П. Кирюкова, 1943; музыка к спектаклю «Ветер с Понизовья» Г. Г. Вдовина, 1980; худож. полотно «Моление о лошадях» И. С. Горюшкина-Сорокопудова; вокально-танцевальная сюита «Встреча весны» Н. И. Бояркина; и др.).

Тексты: Памятники мордовского народного музыкального искусства. Саранск, 1981. Т. 1 ; 1988. Т. 3 ; УПТМН. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры / подг. и систематизация текстов, подстрочно-смысловой пер. на рус. яз., прим. и ук. В. Л. Имайкиной, К. Т. Самородова ; сост. нотного прил. и статья к прим. Л. Б. Бояркиной ; общ. ред. Б. П. Кирдана. Саранск, 1981 ; Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки : антология. Самара, 2001 ; Mordwinische

Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1939 — 1977. Bd. 2 — 6.

Лит.: *Имайкина В. Л.* Особенности построения мордовских календарных обрядовых произведений // Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 50) ; *Бояркина Л. Б.* О музыкально-стилевых особенностях мордовских календарных песен // УПТМН. Т. 7, ч. 3 ; *Самородов К. Т.* Календарно-обрядовая поэзия // Мордовское устное народное творчество. Саранск, 1987.

Н. И. Бояркин.

EDN WGIIQYE

КАЛІЊКИН Иван Алексеевич (23.6.1935, с. Чеддаево ныне Инзенского р-на Ульяновской обл. — 18.6.2012, г. Саранск), эрзя-мордов. писатель. Засл. работник культуры РФ (1995). Нар. (2003), засл. (1990) поэт Мордовии. Чл. СП СССР (1976). Лауреат Гос. пр. МАССР (1990), пр. Главы РМ (2005). Род. в крест. семье. Окончил Мордов. респ. культурно-просветит. шк. (г. Ардатов, 1957), Горьковскую ВПШ (1970). В 1956 — 59 — зав. клубом в д. Семёновка Большеигнатовского р-на МАССР; 1959 — 70 — лит. работник большеигнатовской («Знамя труда»), ардатовской («Маяк»), ромодановской («Победа») районных газет, зав. отделом, ред. большеигнатовской районной газ. «Восход»; 1970 — 75 — зав. отделом ред. газ. «Эрзянь правда»; 1975 — 77 — лит. работник, отв. секр., 1977 — 84 — гл. ред. ж. «Сятко»; в 1984 — 2000 — пред. правления СП Мордовии.

Дет. и юнош. годы К. были трудными, связ. с потерей близких. Его отец погиб на фронте. Мать, чтобы спасти детей от голода, решила уйти из родного села в поисках сытной жизни. В дороге мл. четырёхлетний сын сильно простудился и умер (об этом стих. «Нусманя ледстнемат» — «Грустные воспомина-

ния»). Тёплый кров и работа отыскались в 200 км от родного села, в д. Семёновка Большеигнатовского р-на МАССР. Школы в Семёновке не было, поэтому будущий писатель в нач. классах учился в соседнем селе Коммунар, а ср. шк. окончил в с. Спасово. Обучаясь в Спасовской шк., под руководством учителя родного яз. и лит-ры Н. И. Ильина К. начал упражняться в сочинении стихов на рус. и родном яз. Его ученич. опыты периодически публиковались в шк. стенной и районной газетах. Позднее, во время службы в армии (1952 — 55), стихи печатались в газ. «Сов. Армия» и «На страже Родины» преимущ. на рус. яз. Сам писатель начало подлинной творч. деятельности связывал со стих. «Почтальонка», опубл. в 1956 в ж. «Сурань толт». К. является автором более 20 книг, изд. на рус. и мордов. яз. В них представлены многочисл. стихотворения, 12 поэм, 4 венка сонетов, повести в стихах, роман в стихах, прозаич. произв. — пов. «Васоло ки лангсо» («В дальней дороге», 2000) и «Кискань эрямо» («Собачья жизнь»), очерки о героях Вел. Отеч. войны «Дорогами испытаний» (1995) и «Верность Родине» (2003). Первый поэтич. сб. «Зорянь мизолкст» («Улыбки зари») издан в 1969. В него вошли произв., напис. в течение более 10 лет. Осн. внимание сосредоточено на изображении и прославлении сельских тружеников, коллективной деятельности («Од тейтерь» — «Молодая девушка», «Тракторист», «Сурантень лёмзёркстнэ комсить» — «Суре кланяется черёмуха»). Красота родной природы показана преимущ. в лирич. миниатюрах, среди к-рых есть достаточно удачные, характеризующиеся метафорич. образностью и благозвучием («Течи веть, мадема малав...» — «Этой ночью, ближе ко сну...» и др.). В сб-к включена также поэма «Андрейчук», близкая по признакам к

жанру стихотв. очерка. В ней автор предпринял попытку отобразить процесс коллективизации и участия в ней рабочего класса. Недостаточный жизн. и творч. опыт писателя обусловил неудачное построение коллизии поэмы и отсутствие надлежащей эмоц. образности. Невершенство др. произв. связано с описательно-декларативным показом труда. Во втором сб. «Маней пиземе» («Слепой дождь», 1972) выделяется неск. глубоких по содержанию лирич. миниатюр, отличающихся лаконизмом и эмоц. окрашенностью (напр., «Видиця» — «Сеятель», «Чиньжарамо» — «Подсолнух», «Витькстамо» — «Признание»). Худож. своеобразие свойственно стихотворениям, в к-рых поэт передаёт восприятие событий при помощи параллелизма, соотнося чувства и поступки человека с окружающим его миром природы («Кавто умаринат» — «Две яблони», «Арсиль эрьке чиресэ цёрыне...» — «Размышлял на берегу озера юноша...»). Вместе с тем нек-рые произв. представляют собой зарисовки увиденных картин — рифмов. прозу без признаков глубоких раздумий и переживаний («Од семья» — «Молодая семья», «Сёксень картина» — «Осенняя картина», «Валске стройкасо» — «Утром на стройке» и др.). В следующем сб. «Сырнень сюлмо» («Золотой узел», 1974) стихи сгруппированы в два раздела, баллада и поэма составили третий. В разделе «Ломанень оймесь» («Душа человека») представлены стихотворения, в к-рых поэт размышляет об отчизне, последствиях Вел. Отеч. войны, прославляет красоту родного края. В разделе «Эрязо вечкемась» («Пусть живёт любовь») явно выраженными худож. достоинствами обладают лирич. миниатюры «Этюд», «Тештев ве» («Звёздная ночь»), «Чудикерькс» («Ручеёк») и др. Произв. «Апак чарькоде вечкема» («Не понятая любовь»), вошедшее в третий

раздел, хотя и названо автором балладой, не является таковой, поскольку не имеет осн. жанрового признака — сжатого сюжетного изображения необычных, драматически острых эпизодов и событий истории и современности. Лирич. герой рассказывает об охватившем его в молодости сильном чувстве любви, на к-рое не ответили взаимностью, и о встрече с дочерью бывшей возлюбленной, заставившей его снова пережить это душевное состояние. Данное произв. — большое по объему стихотворение, повествующее в символич. форме (возлюбленная представлена в образе лебеди) о высоком чувстве. В поэме «Тетянь обуця» («Отцовский характер») раскрывается тема воспитания подрастающего поколения и дружбы народов. Гл. герой эрзянин Пётр Логинов, вернувшись с войны без руки, не только продолжает добросовестно трудиться в родном колхозе, но и усыновляет укр. мальчика Матвея, оставшегося сиротой. В дружной семье приёмный сын вырастает таким же трудолюбивым и дорожающим своей землёй человеком, как и его отчим. В последующих сб-ках лирика также разнообразна по тематике и проникнута любовью к родному краю и людям труда.

В кон. 1970-х гг. поэт обратился к более крупному лиро-эпич. жанру — стихотв. повести. Работа над произв. «Пиче вирь» («Сосновый бор») шла на протяжении 1979 — 80. Сюжет повести основан на конфликте между героями, по-разному относящимися к природе. В центре повествования — изображение жизни мордов. села Чукалы в послевоенные годы, когда на первом плане стояла задача получения высокой урожайности зерновых культур и развития животноводства. Гл. действующими лицами выступают Фёдор Бовин, Николай Рюмин, Нина Керева (представители молодого поколения) и дед Стёпа. Образ

последнего особенно важен для оценки поступков героев с точки зрения нравственности и сохранения нар. традиций. Дед Стёпа — один из тех, кто вырастил сосновый бор для защиты полей от суховеев. Этот рукотворный лес не только охранял поля от песчаных бурь и спасал от полуденного зноя в летнюю жару. Жители Чукал приходили сюда за ягодами и грибами, целебными травами, любовались красотой. Дополнит. средством подчёркивания значимости соснового бора является и приём ретроспекции — включение в повествование воспоминаний деда Стёпы. Конфликт между героями возникает в тот момент, когда молодой пред. колхоза Бовин решает добывать здесь смолу, а затем с одобрения районного начальства начинает рубить деревья для стр-ва скотных дворов. Против этого открыто выступает друг детства Рюмин, к-рого поддерживают нек-рые односельчане. Их оказалось меньшинство, поэтому часть леса была вырублена. Обознач. социальный конфликт усугубляется любовной коллизией. Сначала Нина выбирает в мужья Бовина, однако истинное счастье находит в браке с Рюминым — более высоко-нравств. человеком. Повесть написана в эпоху расцвета в мордов. лит-ре метода социалистич. реализма, поэтому в ней большое внимание уделено процессу нравств. перевоспитания Бовина. Под влиянием односельчан и в силу того, что суховей губит часть урожая пшеницы, выращ. из элитных семян, пред. убеждается в собств. неправоте, признаёт ошибки и встаёт на путь исправления, занявшись восстановлением погубл. леса. Кроме счастливого финала, мало соответствующего принципу реализма, в произведении избыток многословных описаний красоты окружающего мира, обуславливающих снижение уровня художественности.

На следующем этапе творч. пути К. освоил жанр сонета, в чём значительно преуспел. В отличие от др. авторов, он первоначально создал веночек сонетов «Ине Эрзяньень пшкадема» («Обращение к великому Эрзю», 1976, и др.; см. *Венок сонетов*). У К. есть и цикл сонетов («Аванень» — «Матери», 1980), где воспевается любовь к матери, воспитавшей в сыне уважит. отношение к окружающим. Из отд. сонетов выделяется «Сэрейстэ стясь уцяскань пандо тёкш...» («Высоко расположилась вершина счастья...»), осн. идея к-рого заключается в утверждении мысли, что до вершины счастья можно прийти лишь при условии достижения высоких целей.

Большое значение в творчестве К. имеет во многом автобиографич. роман в стихах «Ава ды лей» («Женщина и река», 1995). Описываемые в нём события происходят в 1941—85 в с. Чей (Челдаеве — месте рождения писателя). Гл. героиней является Надежда Калина, во-круг к-рой группируются др. персонажи и с участием к-рой происходят осн. преобразования в жизни села. Не только гл. героиня, но и др. жен. образы (напр., Анастасия Калина, Екатерина Куликова) наделены скромностью, добротой, трудолюбием, отзывчивостью, жизнелюбием и иными положит. чертами характера, предстают носителями высокой нравственности. В романе широко использованы традиции устного нар. творчества: лексика и изобразит.-выразит. средства языка, жанры (в повествование включены нар. песни, причитания, частушки, сказки). С точки зрения нар. представлений о нравственности оцениваются и поступки героев.

В последний изд. при жизни сб. «Палыця иетнень толбандянтъ вакссо» («У костра горящих лет», 2008) вошли более 200 стихотворений, 3 поэмы, рассказ «Лембе валонть виезэ» («Сила тёплого

слова)), 5 очерков и пер. на эрз. яз. поэмы «Урман кызы» («Лесная девушка») Х. Такташа. Среди пейзажной лирики, прославляющей красоту родного края, выделяются стихотворения «Сентябрянь вирьсэ» («В сентябрьском лесу»), «Цецят» («Цветы»), «Калесь арсець нолдтни кедтнень» («Ива задумчиво опускает руки»). В них представлены необычные образы и картины, использованы авт. метафоры, удачна техника стиха. В книге достаточно много стихов-посвящений (мордов. художнику В. А. Попкову, писателям А. С. Щеглову, А. К. Мартынову, А. Д. Куторкину, адвокатам и др.), однако они выполнены в форме восхвалений, не отличаются своеобразием, не содержат ориг. суждений и переживаний. Из трёх поэм определёнными худож. достоинствами обладает «Лембе валдо» («Тёплый свет», 1991), где повествуется об открытии И. Н. Ульяновым школы в с. Сабанчеево ныне Атяшевского р-на РМ. Образ гл. героя, радеющего о просвещении народа, получился светлым. Вместе с тем показ самого события свёлся к рассказу о посещении Ульяновым церковно-приходской шк., его беседе с тремя учениками и упоминанию о предстоящем сельском сходе по поводу открытия школы. Две др. поэмы в худож. плане слабее. Так, «Сказание о генерале Пуркаеве» не оправдывает читательских ожиданий ни с точки зрения правдивости изображения ист. личности, ни в аспекте жанровой специфики. Задача прославления одного из выдающихся сыновей мордов. народа оказалась не до конца решённой. Мифотворчество, к к-рому прибегает поэт, не совсем удачное. Перечисление сказочных и мифологич. персонажей (трёх- и пятиголового змея, Сияжара, Тюшти, Нишкепаза, Масторавы) на фоне ист. личностей (Г. К. Жукова, И. В. Сталина и др.) не способствует созданию целостного характера гл.

героя. Недостаточно реализованы в сказании и традиции поэтики устного нар. творчества, наиболее зримо они проявились лишь в использовании силлабич. системы стихосложения (10-сложного размера).

В очерках, посвящ. писателям (Н. Эркаю, Куторкину, Мартынову, Н. Киржайкиной) и лит.-веду Н. В. *Зиновьеву*, большое внимание уделяется отображению характеров через описание опыта личного общения. Такой подход предопределил сходство очерков с мемуарной лит-рой, лиризм повествования и одобрит. пафос.

К. избирался секр. правления СП России (1985 — 2000), депутатом Верховного Совета МАССР (1985). Награждён орденом «Знак Почёта».

Соч.: Зорянь мизолкст : стихть. Саранск, 1969 ; Маней пиземе : стихть. Саранск, 1972 ; Сырнень сюлмо : стихть ды поэма. Саранск, 1974 ; Лёмзеркс чире : стихть. Саранск, 1977 ; Видькстамо : стихотвореният ды поэмат. Саранск, 1981 ; Пиче вирь : повесть, поэма. Саранск, 1985 ; Зелёные костры : стихи. М., 1986 ; Цветы дружбы : повесть в стихах, поэмы. Саранск, 1988 ; Кизэнь менель : стихть ды поэма. Саранск, 1992 ; Кочказь произведенийат : колмо томсо. Саранск, 2003 — 2005 ; Избр. произв. : в 3 т. / пер. с эрз. яз. Саранск, 2007 — 2008 ; Пальця иетнень толбандянть вакссо : стихотвореният, поэмат, ёвтнема, очеркть. Саранск, 2008.

Лит.: ПМ. 2001 ; 2015. Т. 1 ; Современная мордовская литература. 60 — 80-е годы. Саранск, 1993. Ч. 2 ; *Доронин А. М.* Эрямонь ведьгев // Сятко. 1994. № 10 — 11 ; 2005. № 5 — 6 ; *Зиновьев Н. В.* Человек и время. Саранск, 1996 ; *Ломшин М. И.* «Пальця иетнень толбандянть вакссо» // Сятко. 2009. № 10.

А. М. Каторова.

Продолжение следует

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

абс. — абсолютный; абсолютно	в т. ч. — в том числе
авг. — август	г. — город (при названии)
авт. — автономный	газ. — газета (при названии)
авт. — авторский	гв. — гвардии; гвардейский
агр. — аграрный	гг. — годы
акад. — академик (при имени)	ген. — генерал (при имени)
альм. — альманах (при названии)	ген. — генеральный
амер. — американский	геогр. — географический
англ. — английский	геол. — геологический
антич. — античный	герм. — германский; германские (языки)
апр. — апрель	гл. — главный
араб. — арабский	гл. обр. — главным образом
арам. — арамейский	г. о. — городской округ (при названии)
ассист. — ассистент	голл. — голландский
Б. — Большой (в топонимических названиях)	гос. — государственный
балт. — балтийский	гос-во — государство
башк. — башкирский	гражд. — гражданский
белорус. — белорусский	греч. — греческий
бельг. — бельгийский	губ. — губерния (в названии)
библиогр. — библиография	Д. Восток — Дальний Восток
биогр. — биография	д. — деревня (при названии)
б-ка — библиотека	дек. — декабрь; декабрьский
болг. — болгарский (язык)	деп. — депутат
букв. — буквальный; буквально	дет. — детский
быв. — бывший	дир. — директор
в. — век	дис. — диссертация
вв. — века	док. — документальный
Вел. — Великий (в топонимических названиях)	док-ты — документы
Вел. Отеч. война — Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.	докт. — докторский
венг. — венгерский	д-р — доктор
вепс. — вепсский	Др. — Древний
внеш. — внешний	др. — другой
вок. — вокальный (муз.)	др.-... — древне-...
вол. — волость (в названии)	драм. — драматический
вост. — восточный	евр. — еврейский
вр. — время	европ. — европейский
	егип. — египетский

* В именах прилагательных допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-альный», «-ельный», «-анный», «-енный», «-еский», «-ионный».

- ж. — журнал (при названии)
ж.-д. — железнодорожный
жен. — женский
зав. — заведующий
зам. — заместитель
зап. — западный
заруб. — зарубежный
засл. — заслуженный
з-д — завод
ижор. — ижорский (язык)
изв. — известный; известен
изд. — издание; издатель; издательский
изд-во — издательство
им. — имени
имп. — император; императорский
ингерманланд. — ингерманландский (язык)
инструм. — инструментальный (муз.)
ин-т — институт
иск-ведение — искусствоведение
иск-во — искусство
искл. — исключение; исключительный;
 исключительно
иссл. — исследование; исследовательский
ист. — исторический
итал. — итальянский
кав. — кавалерийский
каз. — казахский
канд. — кандидат; кандидатский
карел. — карельский
кит. — китайский
кл. — класс
к.-л. — какой-либо
клас. — классовый
кн. — книга (при названии); книжный
кн. — князь; княгиня (при имени)
кол-во — количество
кон. — конец (в датах)
конф. — конференция
кооп. — кооперативный
корр. — корреспондент
крест. — крестьянский
к-рый — который
к-т — комитет
кто-л. — кто-либо
лат. — латинский язык
лив. — ливский (язык)
лингв. — лингвистический
лит. — литературный
лит-вед — литературовед
лит-ведение — литературоведение
лит-ра — литература
М. — Малый (в топонимических названиях)
м. — мокшанское (при слове)
манс. — мансийский
мар. — марийский
матем. — математический
мед. — медицинский
метод. — методический
мин-во — министерство
мл. — младший
млн — миллион
мн. — многие
мокш. — мокшанский
мон. — монастырь (в названии)
мордов. — мордовский
моск. — московский
муз. — музыкальный
Н. — Нижний (в топонимических названиях)
наз. — называется; называемый
назв. — название
напр. — например
нар. — народный
наст. — настоящий
науч. — научный
нац. — национальный
нач. — начало (в датах); начальный
нач. — начальник
нганасан. — нганасанский
нек-рый — некоторый
нем. — немецкий
ненец. — ненецкий
неск. — несколько
нидерл. — нидерландский
Нов. — Новый (в топонимических названиях)
нояб. — ноябрь
н. э. — нашей эры
об-во — общество
обл. — область, областной (в названии)
ок. — около
окр. — округ (в названии); окружной

окт. — октябрь; октябрьский	рев. — революция; революционный
опубл. — опубликован; опубликованный	ред. — редактор
орг-ция — организация	ред. — редакционный
ориг. — оригинальный	ред. — редакция
осн. — основной	реж. — режиссёр; режиссёрский
отв. — ответственный	религ. — религиозный
отд. — отдельный	респ. — республика; республиканский
отеч. — отечественный	рим. — римский
офиц. — официальный	р-н — район (в названии)
п. — посёлок (при названии)	род. — родился
парт. — партийный	ром. — роман (при названии)
пгт — посёлок городского типа (при названии)	рос. — российский
пед. — педагогический	рук. — руководитель
пер. — перевод	рукоп. — рукопись; рукописный
пермяц. — пермяцкий (язык)	рус. — русский
перс. — персидский	с. — село (при названии)
петерб. — петербургский	саам. — саамский
печ. л. — печатный лист	сб. — сборник (при названии)
пов. — повесть (при названии)	сб-к(и) — сборник, сборники
под рук. — под руководством	св. — свыше
пол. — половина (в датах)	св. — святой
полит. — политический	сев. — северный
польск. — польский	секр. — секретарь
пом. — помощник	селькуп. — селькупский (язык)
популяр. — популярный	сент. — сентябрь
португ. — португальский (язык)	сер. — середина (в датах)
пост. — постановщик (при имени)	сер. — серия (при названии)
поч. — почётный	сиб. — сибирский
пр. — премия	сир. — сирийский
правосл. — православный	скульп. — скульптор (при имени)
пр-во — правительство	слав. — славянский
пред. — председатель	сов. — советский
преимущ. — преимущественно	совм. — совместный; совместно
препод. — преподаватель	совр. — современный
прил. — приложение	соотв. — соответствует; соответствующее
произв. — произведение	сост. — составитель
пром. — промышленный	сотр. — сотрудник
пром-сть — промышленность	социол. — социологический
просветит. — просветительский	соч. — сочинение
проф. — профессиональный	С.-Петербург — Санкт-Петербург
проф. — профессор	спец. — специальность (при названии)
псевд. — псевдоним	Ср. — Средний (в топонимических названиях)
психол. — психологический	ср.-век. — средневековый
публ. — публикация	Ст. — Старый (в топонимических названиях)
публиц. — публицистический	ст. — станция (при названии)
разг. — разговорный	

- ст. — старший
ст. — статья (при названии)
ст. — степень
стат. — статистический
стих. — стихотворение (при названии)
стихотв. — стихотворный
стр-во — строительство
сущ. — имя существительное
с.-х. — сельскохозяйственный
тадж. — таджикский
тат. — татарский
терр. — территория
техн. — технический
тип. — типографский
т. к. — так как
т. л. — титульный лист
т. н. — так называемый
т. обр. — таким образом
тур. — турецкий (язык)
тыс. — тысяча
тюрк. — тюркский; тюркские языки
у. — уезд (в названии)
удм. — удмуртский
узб. — узбекский
укр. — украинский
ун-т — университет
урал. — уральский
урожд. — урождённый
уч. — учебный
уч-ще — училище
фам. — фамилия
февр. — февраль
филол. — филологический
филос. — философский
фин. — финский
фин.-угор. — финно-угорский
ф-ка — фабрика
фламанд. — фламандский
фольк. — фольклорный
фр. — французский
ф-т — факультет
хант. — хантыйский (язык)
хоз. — хозяйственный
хоз-во — хозяйство
христ. — христианский
худож. — художественный
церк. — церковный
четв. — четверть (в датах)
чл. — член
что-л. — что-либо
чув. — чувашский
швед. — шведский (язык)
шк. — школа; школьный
э. — эрзянское (при слове)
экз. — экземпляр
экон. — экономический
эксп. — экспедиция
эксперим. — экспериментальный
эмоц. — эмоциональный
эрз. — эрзянский
эст. — эстонский
этногр. — этнографический
юж. — южный
юр. — юридический
яз. — язык; языки
яз-знание — языкознание
янв. — январь

АББРЕВИАТУРЫ

- АН — Академия наук
АОН — Академия общественных наук при ЦК КПСС
ВАК — Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования РФ
ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства СССР (Москва)
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) (1925 — 52)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи
волисполком — волостной исполнительный комитет
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВПШ — Высшая партийная школа
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет (1917 — 37)
ВЦСПС — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
ГАПО — Государственный архив Пензенской области
ГАРТ — Государственный архив Республики Татарстан
ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы (1930 — 34)
ГК — городской комитет
Гослитиздат — Государственное издательство художественной литературы
Госполитиздат — Государственное издательство политической литературы
Гостелерадио — Государственный комитет по телевидению и радиовещанию
ГТРК — Государственная телевизионная и радиовещательная компания
губисполком — губернский исполнительный комитет
губком — губернский комитет
губпродком — губернский продовольственный комитет
губфинотдел — губернский финансовый отдел
ДК — Дом культуры
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР (РАН)
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
Коминтерн — Коммунистический интернационал (1919 — 43)
КП(б) — Коммунистическая партия (большевиков)
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
МАССР — Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика
МВД — министерство внутренних дел
МВКСХШ — Мордовская высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа (1932 — 39)
МГПИ — Мордовский государственный педагогический институт
МГПУ — Мордовский государственный педагогический университет
МГУ — Московский государственный университет
МОПР — Международная организация помощи борцам революции
МРОКМ — Мордовский республиканский объединённый краеведческий музей им. И. Д. Воронина
МССР — Мордовская Советская Социалистическая Республика
МТС — машинно-тракторная станция
НА — Научный архив
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения

- НИИ — научно-исследовательский институт
- НИИГН — Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
- НИИМК — Научно-исследовательский институт мордовской национальной культуры
- НИИЯЛИ, НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров МАССР (Правительстве РМ)
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- НЭП — новая экономическая политика
- ОАО — открытое акционерное общество
- обком, ОК — областной комитет
- обллит — областное управление по охране государственных тайн в печати
- ОГПУ — Объединённое государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР (1922 — 34)
- ООО — общество с ограниченной ответственностью
- ОРРК — отдел рукописей и редких книг (в библиотеках)
- ПМНМИ — «Памятники мордовского народного музыкального искусства»
- Пролеткульт — «Пролетарская культура» (культурно-просветительная организация при Наркомпросе, 1917 — 32)
- рабкор — рабочий корреспондент
- рабселькоры — рабочие и сельские корреспонденты
- рабфак — рабочий факультет
- райисполком — районный исполнительный комитет
- райком — районный комитет
- РАН — Российская академия наук
- РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей (1925 — 32)
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
- РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия (1918 — 46)
- РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков) (1918 — 25)
- РКСМ — Российский коммунистический союз молодёжи (1918 — 25)
- РМ — Республика Мордовия
- роно — районный отдел народного образования
- РОСТА — Российское телеграфное агентство (1918 — 35)
- РПЦ — Русская Православная Церковь
- РСДРП (б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) (1912 — 18)
- РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- РФ — Российская Федерация
- РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
- селькор — сельский корреспондент
- Сельхозгиз — Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, журналов и плакатов
- СЖ — Союз журналистов
- СК — Союз композиторов
- СМ — Совет министров
- СНГ — Содружество Независимых Государств
- СНК — Совет народных комиссаров
- собкор — собственный корреспондент
- Совнархоз — Совет народного хозяйства
- Совнацмен — Совет по делам национальных меньшинств
- СП — Союз писателей
- спецкор — специальный корреспондент
- СПТУ — сельское (сельскохозяйственное) профессионально-техническое училище
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- СТД — Союз театральных деятелей
- США — Соединённые Штаты Америки

ТАССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика	ФРГ — Федеративная Республика Германия
ТВ — телевидение	ЦГА — Центральный государственный архив
ТЭЦ — тепловая электроцентраль	Центриздат — Центральное издательство народов СССР (1924 — 31)
УК — Уголовный кодекс	ЦК — центральный комитет
уком — уездный комитет	ШКМ — школа крестьянской молодёжи; школа колхозной молодёжи
УОНО — уездный отдел народного образования	ШРМ — школа рабочей молодёжи
УПТМН — «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»	ЭССР — Эстонская Советская Социалистическая Республика
Учпедгиз — Государственное учебно-педагогическое издательство (1931 — 63)	

СОКРАЩЕНИЯ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

авт. — автор	общ. — общий
автореф. — автореферат	оп. — опись
арх. — архивный	отд-ние — отделение
библиогр. — библиографический	Пб. — Петербург
биогр. — биографический	Пг. — Петроград
бюл. — бюллетень	перераб. — переработанный
вед. — ведомости	подг. — подготовка; подготовил
Вест. — Вестник	под ред. — под редакцией
вступ. — вступительный	Полн. — Полное
д. — действие	предисл. — предисловие
д. — дело	прим. — примечание
деп. — депонировано	публ. — публикация
доп. — дополненный	редкол. — редколлегия
ед. хр. — единица хранения	рец. — рецензия
епарх. — епархиальный	рис. — рисунок
избр. — избранный	Ростов н/Д. — Ростов-на-Дону
Изв. — Известия	сб. — сборник
испр. — исправленный	сер. — серия
Каз. — Казань	слов. — словарь
кн. — книга	соавт. — соавтор; соавторство
комм. — комментарий	собр. соч. — собрание сочинений
л. — лист	сост. — составитель; составление
М. — Москва	СПб. — Санкт-Петербург
мат-лы — материалы	справ. — справочник
межвуз. — межвузовский	ук. — указатель
обозр. — обозрение	Уч. зап. — Учёные записки

ф. — фонд	J. — jornal — журнал (англ.)
энц. — энциклопедический	Jan. — January — январь (англ.)
aufgn. — aufgenommen — записанный (нем.)	jegy. — jegyzet — примечание (венг.)
ford. — fordítás — перевод (венг.)	kész. — készít — подготовил (венг.)
H. — Heft — тетрадь (нем.)	kään. — käännos — перевод (фин.)
hrsg. — herausgegeben — изданный, отре- дактировано (нем.)	koost. — koostamine — составление (эст.)
ibid. — ibidem — там же (лат.)	tõlk. — tõlkinud — перевод (эст.)
	vál. — válogatta — выборку сделал (венг.)

СОКРАЩЁННЫЕ НАЗВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

- БРЭ — Большая Российская энциклопедия / пред. Науч.-ред. совета Ю. С. Осипов ; отв. ред. С. Л. Кравец. М., 2004. Т. «Россия» ; 2005 — 2017. Т. 1 — 35.
- БСЭ — Большая Советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969 — 1978. Т. 1 — 30.
- ВЛ — «Вопросы литературы»
- КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М., 1962 — 1978. Т. 1 — 9.
- ЛГ — «Литературная газета»
- ЛР — «Литературная Россия»
- ЛЭ — Литературная энциклопедия / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. М., 1929 — 1939. Т. 1 — 11.
- ЛЭ. СЛТ — Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов / под ред. Н. Бродского [и др.]. М. ; Л., 1925. Т. 1 — 2.
- ЛЭС — Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987.
- ЛЭТП — Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003.
- ЛЯ — Литература и язык : Совр. иллюстриров. энц. / гл. ред. А. П. Горкин. М., 2006.
- ПМ — *Брыжинский А. И.* Писатели Мордовии : библиограф. ук. / А. И. Брыжинский, О. В. Пашутина, Е. И. Чернов. Саранск, 2001 ; Писатели Мордовии : библиограф. ук. / сост.: А. И. Брыжинский, Л. П. Бойнова, Е. И. Чернов. Саранск, 2015. Т. 1 — 2.
- СЛТ — Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., 1974.

Информация об авторах проекта «Литературная энциклопедия Мордовии».
Буквы «И», «К»

Information about the authors project «Literary Encyclopedia of Mordovia».
Part I, K

Алёшкин Андрей Васильевич — литературовед, кандидат филологических наук, доцент, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Aleshkin Andrey Vasilyevich — Literary Critic, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Бояркин Николай Иванович — доктор искусствоведения, профессор, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Boyarkin Nikolay Ivanovich — Doctor of Art History, Professor, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Бояркина Людмила Борисовна — кандидат искусствоведения, доцент, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Boyarkina Lyudmila Borisovna — Candidate of Art History, Associate Professor, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Глазкова Елена Вячеславовна — ведущий научный сотрудник — заведующий редакционно-издательской лабораторией отдела информационно-аналитического обеспечения исследований Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия, evg.5691@yandex.ru

Glazkova Elena Vyacheslavovna — Leading Researcher — Head of the Editing and Publishing Laboratory of the Division of Information and Analytical Research Support, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, evg.5691@yandex.ru

Гордина Светлана Викторовна — ответственный секретарь научного журнала «Интеграция образования», кандидат педагогических наук, г. Саранск, Россия, gordinaedu@gmail.com

Gordina Svetlana Viktorovna — Executive Editor of the Integration of Education Journal, Candidate of Sciences in Pedagogy, Saransk, Russia, gordinaedu@gmail.com

Десяткин Сергей Генрихович — литературовед, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Devyatkin Sergey Genrikhovich — Literary Critic, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Каторова Александра Михайловна — ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, доктор педагогических наук, профессор, г. Саранск, Россия, amkatorova@mail.ru

Katorova Aleksandra Mikhaylovna — Leading Researcher of the Division of Literature and Folklore, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Saransk, Russia, amkatorova@mail.ru

Малькина Мария Ивановна — кандидат филологических наук, литературовед, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Malkina Mariya Ivanovna — Candidate of Sciences in Philology, Literary Critic, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Пашутина Ольга Владимировна — библиотекарь-библиограф, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Pashutina Olga Vladimirovna — Librarian and Bibliographer, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Шеянова Ирина Ивановна — старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, кандидат филологических наук, доцент, г. Саранск, Россия, shejanova.irina@yandex.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Senior Researcher of the Division of Literature and Folklore, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Saransk, Russia, shejanova.irina@yandex.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила направления статей в научный журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»

Редакция научного журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки.

Для публикации принимаются оригинальные, не опубликованные ранее авторские статьи по следующим научным специальностям:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки),
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Публикация статей бесплатная.

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат». При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

I. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

II. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

III. Все статьи публикуются на русском языке.

IV. Объем текста статьи должен составлять до одного печатного листа (24 страницы), включая рисунки, таблицы и графики.

V. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Подписи выполняются 12 кеглем на русском и английском языках. Рисунки предоставляются отдельно в формате .jpeg.

Текст таблиц набирается 12 кеглем на русском и английском языках. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

VI. Структура статьи:

1) Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

Индекс УДК помещают в начале статьи на отдельной строке слева.

2) Заглавие статьи.

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Заглавие выполняют прописными буквами и размещают по центру страницы. В конце заглавия статьи точку не ставят.

3) Инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку).

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы) приводятся на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Если у статьи несколько авторов, сведения о месте работы (учебы) приводятся на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Если у авторов одно место работы (учебы), то эти сведения приводят один раз.

Информацию размещают по центру страницы.

4) Аннотация.

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Ее формируют по ГОСТ Р 7.0.7—2021.

В аннотации должны быть четко обозначены следующие составные части, выделенные следующими подзаголовками:

— Введение (Introduction): ставится научная проблема и цель статьи.

— Материалы и методы (Materials and Methods): представляются сведения об объекте и последовательности выполнения исследования.

— Результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion): приводятся конкретные авторские результаты исследования и их практическая значимость.

— Заключение (Conclusion): указываются перспективы исследования.

Рекомендуемый объем аннотации — 200 — 250 слов.

Перед аннотацией приводят слово «Аннотация» («Abstract»).

5) Ключевые слова.

Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Ключевые слова отделяют друг от друга запятыми. После ключевых слов точку не ставят. Их приводят, предваряя словами «Ключевые слова:» («Keywords:»).

6) Финансирование.

Приводятся сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья. Сведения приводят, предваряя словом «Финансирование:» («Funding:»).

7) Благодарности.

Автор выражает признательность организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи. Сведения приводят, предваряя словом «Благодарности:» («Acknowledgments:»).

8) Информация о конфликте интересов.

В статье следует указать на реальный или потенциальный конфликт интересов.

Если конфликта интересов нет, то следует написать: «Конфликт интересов: автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов» («Conflict of interests: The author (authors) declare (declares) no conflict of interests»).

Данные п. 2 — 8 представляются в переводе на английский язык и размещаются после русского варианта.

VII. Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) Введение.

В этом разделе осуществляется постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. При его написании автор прежде всего должен заявить общую тему исследования, обозначить проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме того, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) Обзор литературы.

В обзоре характеризуются основные современные исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; указываются нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы.

В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование и т. д.).

4) Результаты исследования и их обсуждение.

В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого — доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективности. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Необходимо обосновать, почему для анализа были выбраны именно эти данные. Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и другие оформляются на русском и английском языках.

5) Заключение.

Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде приводятся главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить попытки прогноза развития рассмотренных вопросов.

Все разделы требуется выделять соответствующими подзаголовками.

VIII. Оформление источников и ссылок.

1. В списке источников рекомендуется указывать не менее 10 позиций — только рецензируемые источники (монографии, статьи из научных журналов, диссертации, авторефераты, материалы конференций, тезисы докладов), используемые в тексте статьи. Если цитируемая статья имеет DOI или EDN, необходимо указывать это после описания цитируемой статьи.

Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100—2018.

В журнале принят следующий стиль цитирования: отсылка в тексте в квадратных скобках, полное библиографическое описание источника в списке литературы в алфавитном порядке. При цитировании или воспроизведении статистического материала необходимо в квадратных скобках после источника указать через запятую номер конкретной страницы, например: [1, с. 15].

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки.

Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языке («REFERENCES»).

IX. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID; ResearcherID, Scopus ID, РИНЦ Author ID (при наличии); электронный адрес автора.

Приводится на русском и английском языках с предшествующими словами «*Информация об авторе (авторах)*» («*Information about the author (authors)*»).

X. Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, разработка концепции, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

Приводится на русском и английском языках с предшествующими словами «*Вклад авторов:*» («*Contribution of the authors:*»).

XI. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

XII. Статьи, не соответствующие п. IV — X, не рассматриваются.

XIII. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование. Срок действия рецензии — 1 год. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой) или о ее отклонении.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

XIV. При подаче статьи в редакцию автором оформляются лицензионный договор и согласие о размещении личных данных.

*Полную версию правил (с примерами) см. на сайте:
<http://vestnikniign.ru>*

В Е С Т Н И К

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Том 15, № 2. 2023

Редакторы: *Е. В. Глазкова, Т. И. Кильдюшкина, Т. В. Шугаева*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *Д. О. Андреевой*

Подписано в печать 16.06.2023 г. Дата выхода в свет 30.06.2023 г.

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ № 83.

Цена свободная

Адрес редакции:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.

e-mail: periodika.niign@e-mordovia.ru

Адрес издателя:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.

e-mail: inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Адрес типографии:

ООО «Типография „Рузаевский печатник“».

431444 Республика Мордовия, г. Рузаевка, ул. Трынова, д. 67а.

e-mail: rutupograf@ya.ru